

Книга четвёртая Catukka-Nipata

301. ДЖАТАКА О МАЛОЙ КАЛИНГЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 301 Culla-Kalinga-Jataka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

«*Распахните ворота...*» — так отвечал Учитель — он жил в ту пору в роще Джетавана — четырём отшельницам, пришедшим приобщиться к святой жизни.

Рассказывают, что некогда царский род личчхавов, насчитывавший семь тысяч, семь сот и ещё семь душ, правил в Весали. И пошли между ними споры и несогласия. А в Весали тогда явился один джайнский монах, искущённый в знании пяти сотен священных книг, и был он с почётом принят правителем. А ещё пришла в Весали столь же многознающая джайнская монахиня, и решили старейшины рода личчхавов устроить меж ними состязание в учёности, и, когда оба джайна показали себя умеющими спорить и доказывать своё, старейшинам пришло на ум: «А ведь эта пара, когда б переженить их, произвела бы на свет премудрое потомство!» — и, на том порешив, устроили свадьбу. Прошло сколько-то времени, и от тех супругов родились на свет четыре дочери и сын. Дочерям дали имена: Сачча, Лола, Ававадака и Патачара, а мальчика, брата их, назвали Саччакой. Ко времени, когда достигли они отрочества, каждый из детей знал уже тысячу книг: пять сотен, выученных от матери, и пять сотен — от отца. Дочерям своим отец с матерью наказывали так: «За того мирянина, который вас переговорит и докажет вашу неправоту, выходите замуж, а того святого человека, который превзойдёт вас в учёности, слушайте и почитайте!»

Шло время, и вот отец с матерью умерли. По их кончине Саччака остался жить в Весали и посвятил себя изучению обычаев личчхавов. Сёстры же его, взяв с собой ветку яблони, ушли в скитания. Скитаясь из города в город и ведя споры, добрались они наконец до Саваттхи. Близ городских ворот странницы воткнули в землю яблоневую ветку и сказали юношам, которые там оказались: «Если есть среди горожан мирянин или святой человек, способный поспорить с нами в учёности,

пусть придёт сюда и втопчет эту ветку в пыль!» И, молвив так, они отпустились за подаением. Между тем благой Сарипутта с утра подметал монастырский двор и чистил утварь, носил воду и ходил за немощными, а потом тоже пошёл за подаением в Саваттхи. Услыхав от юношей о словах странниц и увидев яблоневою ветку, он втоптал её в пыль и молвил: «Девы, что воткнули здесь ветку, пусть придут после трапезы ко мне в Джетавану, в верхние покои монастыря!» С тем он отправился в город, а затем, воротившись в Джетавану и совершив трапезу, расположился в покоех над верхними воротами. Странницы же, собрав подаение, пришедши на прежнее место и увидели, что ветка их втоптана в пыль. На все расспросы юноши отвечали, что сделал это Сарипутта и что, если они желают вступить с ним в спор, пусть идут к нему в монастырь, в надвратные покои. Странницы отправились через весь город в монастырь, по пути обрастая любопытными, и, наконец, сопровождаемые целой толпой, прибыли, куда было сказано.

Сарипутта без труда ответил на все их премудрые вопросы и спросил, что ещё им ведомо. «Больше ничего, господин!» — отвечали те. «Тогда, — молвил Сарипутта, — я стану вас спрашивать!» И когда уже на первое, спрошенное им, они не нашли ответа, он разъяснил им суть дела. И странницы признали: «Мы побеждены тобою, ты превзошёл нас в состязании!» — «Что же теперь вы станете делать?» — спросил Сарипутта. «Родители наши, — отвечали странницы, — наказывали нам: «За того мирянина, который переговорит вас, выходите замуж, а того святого человека, который превзойдёт вас в учёности, слушайтесь и почитайте!» А потому мы просим твоего дозволения стать монахинями и зажить святой жизнью!» Услыхав те речи, Сарипутта с радостью дозволил им поселиться в монастыре и разместил в особых покоех для монахинь, называемых Уппалаванна. Вскорости все четыре бывшие странницы достигли арахатства.

И вот раз монахини, сойдясь в зале собраний, говорили о том, как Сарипутта принял в лоно дхаммы четырёх джайнских скиталиц и как его стараниями они вскоре обрели арахатство. Вошедший Учитель услышал их слова и молвил на то: «Не только ныне, бхиккху, но и прежде Сарипутта принимал под свою защиту тех женщин: в этом рождении он препроводил их в лоно дхаммы, а в прежние времена лишь его усердием сделались они царскими супругами!» И уступая просьбам бхиккху, Учитель поведал им о прошлом.

«Во времена стародавние царь Калинга правил калингским царством, сидя в своей столице, Дантапуре, а правивший страной Ассака царь Ассака стоял со двором в своей Потали-столице. У царя Калинги было хорошо обученное войско, и сам он прослыл могучим воином, сильным, как слон. Но не находил царь для себя достойных противников и не с кем было ему сразиться. Тогда в жажде битвы созвал он своих советников и сказал им: «Я стремлюсь в бой, но нет никого, кто сразился б со мною!» И советники молвили в ответ: «Есть лишь одно средство, государь. У тебя четыре дочери-красавицы. Вели им надеть лучшие наряды и украшения, посади в повозку, и пусть они, охраняемые стражниками, странствуют по деревням, городам и столицам: и как только какой-нибудь царь, прельстившись их красотой, вознамерится забрать твоих дочерей к себе, в женскую половину дворца, мы тотчас объявим ему войну!»

Царь послушался их совета, но в какие бы царства ни являлись царские дочери, государи, сдерживаемые страхом, не решались пригласить их в город, но, преподнеся дары, отводили красавицам место для ночлега за городскими стенами. Так царские дочери исколесили вдоль и поперёк всю Джамбудипу, покуда не попали в город Потали, столицу царства Ассаки. Но и Ассака не разрешил отворять для царских дочерей городские ворота, а только отдался подношениями. Был же у Ассаки один премудрый советник по имени Нандисена, искусный в делах государства. И подумал тогда Нандисена: «Говорят, эти царские дочери напрасно исколесили всю Джамбудипу, — проехав страну из конца в конец, они так и не сыскали никого, кто сразился бы за обладание ими. Если это правда, тогда Джамбудипа — пустое имя, и ничего более! Я сам вступлю в бой с царём Калингой!» И, принявши такое решение, он отправился к городским стражам и, велев им распахнуть ворота перед царскими дочерьми, спел такую гатху:

Распахните ворота, пусть входят свободно девицы —
Царский лев Нандисена спасёт своей мощью столицу.

Ворота открыли, и Нандисена, проводив девушек во дворец царя Ассаки, сказал тому: «Не бойся, о царь! Если суждено быть битве — я о том позабочусь, ты же прими красавиц и сделай их своими старшими жёнами!» Вслед за тем Нандисена совершил над девушками обряд окропления и провозгласил их царицами, а стражников отпустил и повелел

возвращаться к царю Калинге и передать ему, что дочерей его возвысили до царского трона. Те пустились в обратный путь и рассказали обо всем Калинге. Царь, грозно прорывав: «Видно, он не знает всей силы моего могущества!», тотчас приказал войску выступить в поход. Нандисена же, проведав о его приближении, отправил царю такое послание: «Пусть царь Калинга не преступает пределов ни своего царства, ни нашего: битве же быть на порубежье обоих царств!» И, получив такое послание, Калинга с войском стал на границе своего царства, а царь Ассака у пределов своей державы.

Бодхисатта же в ту пору был отшельником и жил в хижине, что стояла как раз на порубежье двух царств. И вот царь Калинга подумал: «Эти святые люди знают многое. Меж тем кому из нас ведомо, кто победит, а кто потерпит поражение?! Спрошу-ка я у этого отшельника!» И он, переменяя платье, чтобы не быть узнанным, отправился к бодхисаттве. Явившись к отшельнику, царь почтительно приветствовал его и, сев в сторонке, спросил: «Почтенный, цари Калинга и Ассака, каждый с огромным войском, стоят у пределов своих царств друг против друга, готовые ринуться в битву. Ведомо ли тебе, кто из них победит, а кто потерпит поражение?» — «Вседостойнейший, — отвечал ему отшельник, — один из них несомненно победит, другой же потерпит поражение. Более этого я ничего не могу тебе сказать. Но царь небесный Сакка скоро будет здесь, и, если ты согласишься прийти ко мне ещё раз завтра утром, я передам тебе его ответ». И вот, когда вскоре явился туда Сакка, чтобы выказать почтение бодхисаттве, отшельник спросил его, кто победит в предстоящем сражении, и получил такой ответ: «Почтенный! Судя по таким-то приметам и знакам, победит Калинга, Ассака же потерпит поражение!» Когда наутро Калинга снова пришёл к отшельнику, тот передал ему слова Сакки. И, возликовав: «Так, значит, мне предвещают победу!», царь не спросил даже, какие то будут знаки, и в радости и волнении отправился восвояси.

Весть о предсказании вскоре разнеслась повсюду. Дошла она и до царя Ассаки, и тот призвал к себе Нандисену: «Возвещают, будто победит Калинга, а нам придётся вкусить горечь поражения! Что делать, скажи, Нандисена?!» — «Кто может знать грядущее?!» — отвечал Нандисена и тем успокоил царя. Сам же направился к отшельнику, почтительно приветствовал бодхисаттву и, с достоинством усевшись в сторонке, спросил: «Скажи, почтенный, кто победит в бою, а кто потерпит поражение?» — «Победит Калинга, — отвечал отшельник, — Ассака же будет

разбит!» — «Открой же, почтенный, — продолжал Нандисена, — каким знаком будет отмечен победитель, а каким — побеждённый?» — «Вседостойнейший, — молвил отшельник, — бог-хранитель победителя явится в облике белого, без единого пятнышка, быка, а бог-защитник другого царя примет обличье быка тёмного, словно ночь. И боги-покровители обоих царей сами вступят в схватку друг с другом, и один из них одержит верх, а другой будет повержен».

Услыхав про то, Нандисена поднялся с места и воротился к себе. Созвав войско царя Ассаки — всю тысячу славных воинов, — он повёл их за собой на гору, что была неподалёку, и там спросил их: «Готовы ли вы отдать жизнь за нашего царя Ассаку?» — «Да, господин, готовы!» — отвечали те. «Тогда бросайтесь в пропасть, что под вами!» — повелел Нандисена. И войны все, как один, подступили к краю обрыва, чтобы низвергнуться вниз. Но Нандисена остановил их. «Стойте! Довольно! — вскричал он. — Выкажите же себя и на поле брани преданными слугами нашего царя и достойно сражайтесь за него!» И они дали ему в том клятву.

Когда настал наконец час сражения, Калинга, воодушевлённый мыслью о том, что ему и войску его предвещана победа, сказал себе: «Мы выиграем сражение!» И все войны его мыслили так же. Уверенные в том, надевали они свои доспехи, строились, развёртывались и выступали в положенном порядке, но, когда настал момент истины и должно было проявить наивысшее напряжение сил, они не сумели свершить надлежащего усилия!

Оба царя на лошадях съехались, намереваясь вступить в открытый поединок. Божества же хранители предводительствовали ими, и тот, что охранял Калингу, был в облике белого быка, а оборонявший другого царя был быком чёрным. И вот быки тоже встали один против другого и всячески стали устрашать друг друга, выказывая готовность к поединку. Но видеть тех быков могли только одни цари, и более никто. И спросил тогда Нандисена Ассаку, зримы ли ему боги-охранители. «Да!» — отвечал Ассака. «В каком же обличье?» — допытывался Нандисена. «Бог-защитник Калинги предстаёт мне в обличье белого быка, а наш охранитель принял облик быка чёрного, и выглядит он не столь воинственно!» — сказал Ассака. «Не страшись же, государь! — воскликнул тогда Нандисена. — Нам суждено победить, Калинге же потерпеть поражение! Спешься, государь, сойди со своего синдского скакуна наилучшей выучки, крепко зажми в левой руке копьё и что есть силы ударь

им белого быка в бок! Затем же, сопровождаемый всей тысячей наших отборных воинов, храбро устремись вперёд и, нанося яростные удары, свали на землю бога-защитника Калинги, а мы ещё тысячью ударами прикончим его, и рухнет божество, охраняющее Калингу, и царь Калинга потерпит поражение, а мы восторжествуем!» — «Да будет так!» — ответил на то царь Ассака и по знаку Нандисены метнул свое копье, и все, бывшие рядом с ним, устремили на белого быка тысячу копий. И низвергнут был тогда бог-охранитель Калинги и испустил дух!

Царь же Калинга, терпя поражение, побежал с поля боя, и при виде того вся тысяча соратников Ассаки громко и радостно возопила: «Бежит Калинга!» А царь Калинга, объятый страхом, убегая с поля брани, пропел такую гатху, полную упрёков отшельнику:

Верх одержит Калинга, царь Ассака ныне падёт», —

Так сказал ты, почтенный, а честный вовек не солжёт.

Так упрекал отшельника бежавший с поля боя Калинга. И столь стремителен был его бег назад в Дантапуру, что он ни разу не осмелился оглянуться назад!

Когда же, по прошествии нескольких дней, Сакка вновь наведася к отшельнику, святой отец пропел ему такой стих:

Боги не лгут — изрекают лишь правду они,
Сакка, ты ныне солгал, почему, объясни!

И Сакка отвечал отшельнику такими стихами:

Что же, брахман! Не завидуют боги герою,
Смелость и стойкость сильнее пророчеств порою,
Ассака ныне держался как истый герой,
Вот потому он, должно быть, и выиграл бой.

Между тем после бегства Калинги царь Ассака воротился со славою в свою столицу, Нандисена же направил послание Калинге, требуя с него приданое за дочерей. «А если не дашь, — пригрозил он, — я знаю, как поступить с тобою!» И, получив это послание, Калинга так испугался, что не стал перечить и отправил востребованное в страну Ассака. И с того дня оба царя жили в мире и согласии».

Окончив своё наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку и так связал при этом перерождения: «Дочерьми царя Калинги в ту пору были эти самые девы-странницы, Нандисеной был Сарипутта, отшельником же — я сам».

302. ДЖАТАКА О БЛАГОРОДНОМ РЫЦАРЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 302 Mahaassaroha-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Если ты преподносишь дары...» Эту историю о старце Ананде Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Обстоятельства, послужившие причиной, были приведены ранее. «И в прежние времена, — сказал Учитель, — мудрые действовали по принципу: одно доброе дело заслуживает другого». И он поведал историю былых времён.

* * *

Давным-давно, когда Бодхисаттва был царём Бенареса, он правил справедливо и беспристрастно, раздавал подаяние и соблюдал нравственный закон.

Однажды, желая усмирить беспорядки на своих границах, он выступил туда с большим войском, но потерпел поражение. Сев на коня, он бежал, и достиг одной приграничной деревни. Здесь проживали тридцать его подданных. В то утро они собрались очень рано в центре деревни, чтобы обсудить свои дела. И в этот миг царь на своём облачённом в кольчугу коне и в великолепном снаряжении въехал в деревенские ворота. Люди в ужасе спрашивали друг друга: «Что это может быть?» — и прятались по своим домам. Только один человек не убежал, а остался на площади поприветствовать правителя. Правитель обратился к незнакомцу, сказав, что царь, как он слышал, прибыл на границу, и спросил, является он сторонником царя или мятежником. «Я за царя, господин, — ответил тот и добавил: — Пойдём со мной». И он повёл царя к себе домой и там усадил на своё собственное место, обратившись к жене: «Дорогая, омой ноги нашего друга». Когда она это сделала, он предложил гостю лучшую еду, какую только мог, и пригостил для него постель, приглашая немного отдохнуть. Царь прилёг.

Хозяин снял с коня доспехи, распряг его, напоил водой, накормил травой и натёр маслом. Так царь провёл в гостях у этого человека три или четыре дня. Когда же он собрался уезжать, хозяин вновь выполнил все необходимые действия и для царя, и для его коня. Поев, царь сказал на прощание: «Меня зовут Великий Всадник. Мой дом находится в центре города. Если ты прибудешь туда по какому-нибудь делу, встань у ворот справа и спроси привратника, где живёт Великий Всадник. Возьми его с собой и приходи ко мне». Сказав так, он уехал.

Тем временем войско, лишённое руководства, оставалось в стане за городом, но, увидев правителя, вышло ему навстречу и сопровождало домой. Войдя в город, царь остановился у ворот и, приказав толпе удалиться, подозвал привратника. «Друг мой, – обратился к нему царь, – один человек, живущий в приграничной деревне, придёт сюда, желая увидеть меня, и спросит, где находится дом Великого Всадника. Возьми его за руку и приведи ко мне, и тогда ты получишь тысячу монет».

Но этот человек так и не пришёл. Тогда царь увеличил налог на деревню, где тот жил. Но, несмотря на это, он всё равно не пришёл. Царь увеличил налог во второй и третий раз, и всё равно он не пришёл. Тогда жители деревни собрались вместе и сказали тому человеку: «Господин, с тех пор как этот всадник гостил у тебя, мы стали так обременены налогом, что не можем поднять головы. Сходи, повидайся с Великим Всадником и попроси его уменьшить это бремя». «Хорошо, я пойду, – ответил он, – но я не могу идти с пустыми руками. У моего друга есть два сына; так что приготовьте украшения и одежды для них, и для его жены, и для самого моего друга». «Хорошо», – ответили они и приготовили все подарки.

Он взял эти подарки, а также пирог, который испекла его жена. Придя в город и став у ворот справа, он спросил привратника, где может быть дом Великого Всадника. «Пойдём со мной, и я покажу тебе», – и, взяв его за руку, отправился к царским воротам. «Пришёл привратник и привёл с собой человека, который живёт в приграничной деревне», – доложили царю. Услышав это, царь встал со своего места и сказал: «Пусть войдёт мой друг и все, кто пришёл с ним». Затем он приблизился к нему, обнял и, спросив о здоровье жены и детей, взял его за руку, взошёл на возвышение и усадил на царский трон под белым балдахином. Он призвал свою старшую жену и сказал: «Омой ноги моего друга!». Царь окропил водой из золотой чаши, а царица омыла ему ноги и помазала их ароматным маслом. Тогда царь спросил: «Есть ли у тебя какая-нибудь

еда?» «Да, господин», — ответил тот и достал из сумки пирог. Царь с великими почестями положил пирог на золотое блюдо и обратился к своим подданным: «Ешьте то, что принёс мой друг». Он дал немного царице и своим министрам, и сам тоже съел кусок пирога. Затем гость достал другие подарки. И царь, чтобы показать, что он принял их, снял свои шёлковые одеяния и облачился в одежды, которые принёс гость. После этого правитель накормил его пищей, достойной царя, и приказал одному из своих советников: «Проследи, чтобы его бороду подстригли подобно моей, и дай ему искупаться в душистой воде. Затем оденьте его в шёлковую мантию стоимостью в сто тысяч монет, украсьте его по-царски и приведите сюда». Всё это было сделано. И царь под барабанный бой собрал всех своих советников и, перебросив нитку из чистой киновари через белый балдахин, отдал гостю половину своего царства. С того дня они ели, пили и жили вместе и стали неразлучными друзьями. Царь послал за женой и детьми этого человека и построил для них дом в городе. И они правили царством в совершенной гармонии.

Но придворные, видя это, разгневались и сказали царскому сыну: «О принц, царь отдал половину своего царства какому-то деревенскому жителю. Он ест и пьёт, и живёт с ним, и приказывает нам приветствовать его детей. Какую услугу он оказал царю, мы не знаем. Что у царя на уме? Нам стыдно. Не мог бы ты поговорить с ним?». Принц с готовностью согласился, передал каждое их слово царю и сказал: «О великий царь, не поступай так».

«Сын мой, — ответил царь, — знаешь ли ты, где я жил после того, как потерпел поражение в битве?» [1]*

«Не знаю, господин», — ответил тот.

«Я жил, — сказал царь, — в доме этого человека, а когда поправил своё здоровье, вернулся и снова стал править. Как же мне не воздавать почести моему благодетелю?» И Бодхисаттва продолжил: «Сын мой, всякий, кто одаривает недостойного, а достойному ничего не даёт, тот человек не находит никого, кто мог бы помочь ему, когда он попадает в беду».

И он в подтверждение произнёс такую гатху:

Если ты преподносишь дары глупцу или негодяю,
Не жди от них помощи, когда придёт беда;

* В квадратных скобках — ссылки на комментарии к английскому переводу с пали, которые приведены после текста джатаки (прим. перев.).

Но милость, проявленная к доброму человеку,
Обернётся твоим спасением в сложной ситуации.
Благодеяния, оказанные недостойному, тратятся впустую,
Но самое малое твоё служение добродетельному
обернётся пользой для тебя.

Благородный поступок, даже единственный,
Делает человека достойным трона;
Как дерево с изобильными плодами прорастает
из крошечного семени,
Так великая слава проистекает из добродетельного поступка.

Услышав это, ни советники, ни молодой принц не нашлись, что ответить.

* * *

Учитель, закончив свою речь, так связал перерождения: «В то время Ананда жил в приграничной деревне, а я сам был царём Бенареса».

Комментарии

1 Сравните № 157, т. II.

303. ДЖАТАКА О ЦАРЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 303 Ekaraja-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«О владыка, пребывавший...» Эту историю о придворном царя Косалы Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Обстоятельства, послужившие причиной этой истории, уже были описаны в «Джатаке о лучших» [1]. В этот раз Учитель сказал: «Ты не единственный, кто извлёк добро из зла; в прежние дни мудрые также извлекали добро из зла». И он поведал историю былых времён.

* * *

* * *

Однажды один из советников бенаресского царя совершил недостойный поступок в царском гареме. Царь, увидев своими глазами его пре-

ступление, изгнал его из царства. О том, как он поступил на службу к царю Косалы по имени Даббасена, рассказывается в «Джатаке о муже добродетельном» [2].

Но в настоящем рассказе Даббасена приказал схватить царя Бенареса, когда тот сидел на возвышении среди своих советников, и привязать его веревкой к дверному косяку, подвесив вниз головой. Царь, испытывая чувство милосердия к мятежному принцу, погрузился в состояние мистической медитации и, разорвав путы, сел, скрестив ноги, в воздухе. Мятежный принц, охваченный жгучей болью в теле, катался по земле с криками: «Я горю, я горю!». Когда же он спросил о причине этого, его придворные ответили: «Это потому, что царь, которого ты подвесил вниз головой к косяку двери, столь невинный и святой человек». Тогда он веелел: «Идите скорее и освободите его». Его слуги пошли и нашли царя, сидящего со скрещёнными ногами в воздухе. Они вернулись и рассказали об этом Даббасене. Тогда он бросился к царю и, поклонившись ему, попросил прощения и произнес первую гатху:

О владыка, пребывавший прежде в царстве своём,
Наслаждаясь блаженством, какое немногие из смертных знали,
Как же так получается, что посреди адских мук
Ты всё ещё так спокоен и так любезен со мной?

Услышав это, Бодхисаттва произнёс остальные гатхи:

Я об одном лишь искренне молил Небеса —
Чтобы никогда больше не быть изгнанным
из рядов отшельников.

Но теперь, когда мне дарована такая слава,
О, почему мой образ должен быть искажён?
Итог достигнут, моя задача выполнена,
Принц, бывший моим врагом, больше не враг.
Но теперь, когда я получил славу, к которой так стремился,
О, почему мой образ должен быть искажён?
Когда радость превращается в печаль, а благо — в несчастье,
Терпеливые души могут извлечь наслаждение
даже из своей боли,

Но жалкие смертные, достигшие покоя Нирваны,
Не ведают такого различия чувств.

Услышав это, Даббасена попросил прощения у Бодхисаттвы и сказал: «Правь своим народом, и я изгоню мятежников из твоего окружения». И, наказав этого нечестивого советника, он пошёл своей дорогой. А Бодхисаттва передал царство своим министрам, и, приняв отшельнический образ жизни Риши, достиг перерождения в мире Брахмы.

* * *

Закончив эту речь, Учитель так связал перерождения: «В то время Ананда был Даббасеной, а я сам был царём Бенареса».

Комментарии

1. № 282, т. II.
2. № 51, т. I.

304. ДЖАТАКА О ДАДДАРЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 304 Daddara-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«О Даддара, кто...» Эту историю о некоем вспыльчивом монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Это обстоятельство уже упоминалось ранее. В этот раз, когда в Зале Истины возник спор о вспыльчивой натуре этого человека, Учитель подошёл к нему, и когда в ответ на его вопрос монахи рассказали ему о предмете их беседы, он послал за этим человеком и спросил: «Правда ли, брат, что говорят, будто ты вспыльчив?» «Да, господин, это так», — ответил он. Тогда Учитель сказал: «Не только теперь, братья, но и в древности этот человек был очень вспыльчив, и из-за его необузданного нрава в прежние дни мудрые, хотя и продолжали вести совершенно невинную жизнь принцев Нагов, должны были жить три года на грязной навозной куче». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, наги Даддара жили у подножия горы Даддара в области Гималаев, а Бодхисаттва воплотился как Махададдара, сын Сурададдары, царя этой страны,

с младшим братом по имени Куллададдара. Последний был вспыльчив и жесток, он постоянно оскорблял и бил девушек-нагов. Царь нагов, услышав о его жестокости, приказал изгнать его из мира нагов. Но Махададдара уговорил отца простить его и спас брата от изгнания. Во второй раз царь разгневался на младшего сына, и снова он был вынужден простить его. Но в третий раз царь сказал: «Ты помешал мне изгнать этого никчёмного человека; теперь вы оба покинете мир нагов и проживёте три года в Бенаресе на навозной куче».

Итак, братья были изгнаны из страны нагов и отправились жить в Бенарес. И когда деревенские мальчишки увидели, что они ищут себе пропитание в канаве, окружавшей навозную кучу, они стали бить их, бросать в них комья земли, палки и прочее и кричать: «Это кто у нас тут – водяные ящерицы с большими головами и хвостами, подобными иглам?» – и другие оскорбительные слова. Но Куллададдара, по причине своей свирепой и вспыльчивой натуры, будучи не в состоянии мириться с таким неуважением, сказал: «Брат, эти мальчишки насмеются над нами. Они не знают, что мы – ядовитые змеи. Я не могу вынести их пренебрежения. Я уничтожу их своим дыханием». И затем, обращаясь к брату, он произнёс первую гатху:

О Даддара, кто мог бы вынести такое оскорбление?
«Хо! Палка-поедатель лягушек в грязи!» – кричат они.
Подумать только: эти жалкие слабые создания
Осмелились бросить вызов змее с ядовитыми клыками!

Услышав эти слова, Махададдара произнес остальные гатхи:

У изгнанника в чужом краю
Должны быть обильные припасы,
Ибо его звания и достоинства никому не известны.

Только глупец в подобной ситуации показывает свою гордость.
Тот, кто в своём доме может быть «сияющим светом»,
Вне дома должен терпеть тех, кто стоит ниже.

Так они прожили там три года, после чего отец вернул их домой. И с того дня утихла их гордость.

* * *

Закончив свой рассказ, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате вспыльчивый монах достиг Плода Третьего Пути) и отождествил перерождения: «В то время вспыльчивый монах был Куллададдарой, а я сам был Махададдарой».

Комментарии

1 Сравните стихотворение Лорда Хоутона «Удовольствие и страдание»:

Взгляните на факира, когда он раскачивается на своих оковах,
Взгляните на тощего отшельника, который голодает в диком лесу;
Вы думаете, они находят удовольствие в аскезе,
И надежда — единственное блаженство, которое заглушает боль?
Нет! Дух их достигает таких сфер,
Описать которые не в силах наши слова!
Тщетны различия, постигаемые нашими чувствами;
Ибо у страдания есть свои Небеса, а у наслаждения — свой Ад!

305. ДЖАТАКА ОБ ИСПЫТАНИИ НА БЛАГОПРАВИЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 305 Silavimamsana-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольпинской

«Поистине, нет греха...» Эту историю об осуждении порока Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Обстоятельства будут приведены в «Джатаке о воде» [2], в одиннадцатой книге. Ниже приводится краткое изложение.

Пятьсот монахов, живущих в Джетаване, в конце средней ночной стражи* вступили в спор о чувственных удовольствиях. Учитель на протяжении всех шести периодов дня и ночи пристально наблюдал за ними, подобно тому как одноглазый человек тщательно бережёт свой глаз, отец — своего единственного сына, или як — свой хвост. Ночью в своём сверхъестественном видении, касающемся Джетаваны, он видел этих монахов разбойниками, нашедшими путь во дворец какого-то великого

* Около двух часов ночи (прим. перев.).

правителя. И, открыв свою благоуханную келью, он призвал Ананду и велел ему собрать монахов в доме с полом, вымощенным золотой мозаикой, и приготовить для него место у дверей благоуханной кельи. Ананда сделал так, как ему было велено. Тогда Учитель, усевшись на приготовленное для него место, обратился ко всем собравшимся: «Братья, мудрые в прежние дни считали, что несправедные поступки нельзя удерживать в секрете, и поэтому воздерживались от них». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в семье браминов. Достигнув совершеннолетия, он отправился постигать науки к известному в этом городе преподавателю, у которого обучались пятьсот учеников. У учителя была взрослая дочь. И он решил: «Я проверю добродетель этих юношей и выдам её замуж за того, кто окажется самым добродетельным из них».

Однажды он так обратился к своим ученикам: «Друзья мои, у меня есть взрослая дочь, и я собираюсь выдать её замуж, но у меня должны быть подходящие одеяния и украшения для нее. Украдите их так, чтобы ваши друзья этого не заметили, и принесите мне. Я приму всё, что останется незамеченным; но если кто-нибудь увидит то, что вы принесёте, я откажусь принять это». «Прекрасно!» – согласились они, и после этого дня украли одежды и украшения без ведома своих друзей и принесли ему. Учитель складывал всё, что приносил каждый ученик, в отдельное место. Но Бодхисаттва ничего не украл.

Тогда учитель сказал: «Лишь ты, мой друг, ничего мне не приносишь». «Верно, господин», – ответил тот. «Отчего же, мой друг?» – спросил учитель. «Вы ничего не принимаете, – ответил Бодхисаттва, – если только это не делается тайно. Но я считаю, что несправедный поступок нельзя удержать в секрете».

И чтобы проиллюстрировать эту истину, он произнёс эти две гатхи:

Поистине, нет греха, который в этом мире может скрыть ложь.
То, что глупец считает секретом, лесные духи ясно видят.

Скрыть ничего нельзя, как не может существовать пустота для меня.
Ведь даже если никого нет в поле зрения, пока там есть я,
это место не может быть пустым.

Учитель, довольный его словами, сказал: «Друг, в моём доме нет недостатка в богатстве. Но я хотел бы выдать свою дочь замуж за добродетельного человека, поэтому поступил так, чтобы испытать этих юношей. Лишь ты один достоин моей дочери». Затем, нарядив свою дочь в роскошные одежды, он выдал её замуж за Бодхисаттву. А остальным ученикам он велел: «Возьмите всё, что вы принесли мне, и верните на место».

* * *

Тогда Учитель сказал: «Так случилось, братья, что нечестивые ученики потерпели неудачу, добиваясь этой женщины, в то время как этот мудрый юноша благодаря своему добродетельному поведению получил её в жёны». И в своей Совершенной Мудрости он произнёс ещё две гатхи:

Господа Байстрюк, Коротышка, Простак и Весельчак
С Храбрецом и Доходягой [3] свернули с пути ради жены.

Но наш брамин, с юности соблюдающий закон,
Получил невесту своим рвением в следовании Истине.

* * *

Учитель, закончив это важное наставление, провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате эти пятьсот монахов достигли святости) и так связал перерождения: «В то время учителем был Шарипутта, а я сам был мудрым юношей».

Комментарии

1 См. R. Morris, *Folklore Journal*, III. 244.

2 № 459. Том. IV.

3 Комментатор объясняет, что это были имена шести ведущих учеников из тех, кто поддался искушению.

306. ДЖАТАКА О СУДЖАТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 306 Sujata-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Что это за фрукты в форме яйца...» Эту историю о царице Маллике Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Рассказывают, что однажды при дворе произошла ссора между ней и царём [1]. Царь был так взбешён, что даже не обратил внимания на её присутствие. Маллика задумалась: «Учитель, мне кажется, не знает, как зол на меня царь». Но Учитель узнал об этом и решил помирить их. Поэтому рано утром он надел своё монашеское одеяние и, взяв чашу и накидку, вошёл в Саваттхи со своими пятьюстами монахами и приблизился к воротам дворца. Царь взял у него чашу, ввёл в дом и, усадив на подготовленное для него место, вылил воду жертвоприношения на руки братьев с Буддой во главе и принёс им рис и лепёшки. Но Учитель прикрыл свою чашу рукой и спросил: «Господин, где царица?».

«Какое тебе дело до неё, Преподобный? — ответил он. — Почести, которые ей оказаны, вскружили ей голову, она опьянена ими».

«Государь, — сказал Учитель, — после того как вы сами оказали этой женщине такую честь, с вашей стороны было бы несправедливо теперь избегать её и не мириться с оскорблением, которое она нанесла вам».

Царь внял словам Учителя и послал за царицей.

И она подчинилась Учителю. «Вам следовало бы, — сказал он, — жить вместе в мире», — и, восхваляя радости жизни в согласии и гармонии, он пошёл своей дорогой. И с этого дня царь с царицей счастливо жили вместе.

Братья в Зале Истины принялись обсуждать, как Учитель одним словом примирил царя и царицу. Войдя, Учитель спросил, что обсуждают монахи, и, получив ответ, сказал: «Не только сейчас, братья, но и раньше я примирял их одним словом наставления». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был его министром, а также его светским и духовным наставником. И вот однажды царь стоял у открытого окна и смотрел на двор дворца. В это время дочь торговца фруктами, прекрасная девушка в расцвете

своей юности, стояла с корзинкой унаби* на голове и кричала: «Унаби, спелые унаби, кто купит мои унаби?» — не отваживаясь войти на царский двор [2].

Услышав её голос, царь тут же влюбился в неё и, узнав, что она не замужем, послал за ней и возвысил её до главной царицы, и воздал ей большие почести. Она стала самой любимой и дорогой для царя. И вот однажды он сидел и ел унаби с золотого блюда. Царица Суджата, увидев, что царь ест унаби, спросила его: «Господин, что ты там ешь?» И она произнесла первую гатху:

Что это за фрукты в форме яйца, господин,
Такие красивые, красного оттенка,
На золотом блюде, стоящем перед тобой?
Умоляю, скажи, где они растут!

Царь разгневался и воскликнул: «О дочь зеленщика, торговца спелыми плодами, разве ты не узнаешь унаби — обычный фрукт для твоей семьи?» И он произнёс две гатхи:

С непокрытой головой, бедно одетая,
Моя царица, ты когда-то не чувствовала стыда,
Наполняя свой подол плодами унаби.
А теперь ты спрашиваешь их название!
Тебя снедает гордыня, моя царица,
И радость жизни померкла для тебя.
Убирайся прочь! Иди снова собирать свои унаби.
Ты больше не жена мне!

Тогда Бодхисаттва подумал: «Никто, кроме меня, не сможет примирить эту пару. Я усмирю гнев царя и не позволю ему выставить Суджату за дверь». И он произнёс третью гатху:

Это всё грехи женщины, господин,
Возведённой в высокое положение:
Прости её и перестань гневаться, о царь,
Ибо именно ты её возвысил.

* Унаби (жожоба, зизифус, китайский финик) — растение с вкусными и полезными плодами яйцевидной формы, которые используются в пищу, а также в медицинских целях (прим. перев.).

После этих его слов царь простил обиду, нанесённую ему царицей, и вернул ей прежнее положение. И с тех пор они жили вместе дружно.

* * *

Учитель, закончив наставление, так отождествил перерождения: «В то время царь Косалы был царём Бенареса, Маллика был Суджатой, а я сам был министром».

Комментарии

1 Пасенади, король Кинсалы.

2 В значении *rājaṅgaṇe na gacchati*. Согласно тексту Фаусбёлля (Fausbøll) *rājaṅgaṇena*, это должно быть «Она прошла через двор».

307. ДЖАТАКА О ДЕРЕВЕ ПАЛАСА

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 307 Palasa-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольпинской

«Зачем, брамин...» Учитель, лёжа на смертном одре, рассказал эту историю о старце Ананде.

Достопочтенный человек, зная, что Учитель сегодня вечером умрёт, сказал себе: «Я всё ещё подчиняюсь дисциплине и должен выполнять свои обязанности, а мой Учитель, несомненно, умрёт, и тогда моё двадцатипятилетнее служение ему окажется напрасным». И вот, охваченный горем, он прислонился к обезьяньей голове, служившей засовом в кладовой сада, и разрыдался.

Учитель, не видя Ананды, спросил монахов, где он. Услышав, в чём дело, он послал за ним и обратился к нему так: «Ананда, ты накопил множество заслуг. Продолжай с усердием, и скоро ты освободишься от человеческих страстей. Не печалься о себе. Почему же твоё служение мне теперь оказалось напрасным, если твои прежние заслуги в дни твоей греховности не остались без награды?» И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в виде духа иудиного дерева*. В то время все жители Бена-

* Паласа, иудино дерево (багрянник, церцис) – растение с красными цветами (прим. перев.).

реса поклонялись этим божествам и постоянно совершали подношения им. И вот некий бедный брамин подумал: «Я тоже буду поклоняться какому-нибудь из этих божеств». Он нашёл большое иудино дерево, растущее на возвышенности, освободил его корни от травы, подмёл вокруг и посыпал гравием. Затем он преподнёс духу дерева благоухающий венок из пяти гирлянд, зажёл лампаду, совершил подношение из цветов и воскурил благовония. Почтительно поклонившись духу, он сказал: «Мир тебе», — и пошёл своей дорогой. На следующий день он пришёл довольно рано и поинтересовался, всё ли хорошо. И вот однажды духу дерева подумалось: «Этот брамин очень внимателен ко мне. Я проверю его и выясню, почему он так поклоняется мне, и исполню его желание». Поэтому, когда брамин пришёл и стал подметать у корней дерева, дух встал рядом с ним, переодетый старым брамином, и произнёс первую гатху:

Зачем, брамин, ты, благословенный разумом,
Обратился к этому тупому бесчувственному дереву?
Тщетна твоя молитва, напрасны твои добрые приветствия,
От этого неразумного дерева ты не получишь никакого ответа.

Услышав это, брамин ответил второй гатхой:

Давно на этом месте стоит отличное дерево,
Достойное быть жилищем для древесного духа.
С глубочайшим трепетом и почтением я отношусь к этим существам,
Мне кажется, они охраняют здесь какое-то священное сокровище.

Духу дерева очень понравились слова брамина, и он сказал: «О брамин, я родился божеством этого дерева. Не бойся. Я подарю тебе это сокровище». И чтобы успокоить его великим проявлением божественной силы, он остановился в воздухе у входа в свою небесную обитель и произнёс ещё две гатхи:

О брамин, мною замечено твоё действие, совершённое в любви;
Благочестивый поступок никогда не бывает бесплодным.
Взгляни! Там, где фиговое дерево отбрасывает свою широкую тень,
Надлежащие жертвы и прежние дары были оплачены.
Под этой смоквой сокрыт клад,
Выкопай золото — пусть оно будет тебе наградой.

Кроме того, дух добавил: «О брамин, если бы тебе пришлось выкопать сокровище и унести его с собой, это утомило бы тебя. Поэтому иди своей дорогой, а я перенесу его в твой дом и положу в таком-то месте. И тогда наслаждайся им всю свою жизнь, раздавай подаяние и соблюдай нравственный закон». И после этого увещевания древесный дух, проявив божественную силу, перенёс сокровище в дом брамина.

* * *

На этом Учитель завершил своё наставление и связал перерождения: «В то время Ананда был брамином, а я — древесным духом».

Комментарии

1 См. R. Morris, *Folklore Journal*, III. 355.

308. ДЖАТАКА О БЫСТРОЙ ПТИЦЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 308 Javasakuna-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольпинской

«Всю доброту, которая...» Эта история о неблагодарности Девадатты была рассказана Учителем, когда он жил в Джетаване. Он закончил её словами: «Не только теперь, но и в прежние дни Девадатта проявил неблагодарность». И с этими словами он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился дятлом в одной местности в Гималаях. И вот однажды у льва, пожиравшего свою добычу, в горле застряла кость. Горло распухло и сильно болело, так что он даже не мог есть. Тогда этот дятел, сидевший на ветке, где добывал себе пропитание, увидел льва и спросил его: «Друг, что с тобой случилось?». Тот объяснил птице, в чём дело, и дятел сказал: «Я бы вынул кость из твоего горла, друг, но не смею сунуть голову тебе в пасть, потому что боюсь, что ты меня съешь».

«Не бойся, друг, я тебя не съем. Только спаси мне жизнь!»

«Хорошо», — сказал дятел и велел льву лечь на бок. Но всё же он подумал: «Кто знает, что взбредёт в голову этому парню?». И он вставил

палку между его верхней и нижней челюстью, чтобы лев не смог сомкнуть их, а затем, сунув голову в пасть, ударил клювом по концу кости. Кость выпала. Дятел вынул голову из пасти льва, ударом клюва выбил палку и, вспорхнув, сел на ветку.

Лев вскоре оправился от своей болезни. Однажды он пожирал убитого им дикого буйвола. Дятел подумал: «Сейчас я его испытаю». И, взгромоздившись на сук над львиной головой, он начал с ним разговор, произнеся первую гатху:

Всю доброту, которая во мне есть,
Тебе, мой господин, я однажды показал.
В свою очередь и мне, смиренно умоляю,
Окажи совсем небольшую услугу.

Услышав это, лев произнёс вторую гатху:

Доверить свою голову львиным челюстям,
Существу, чьи зубы и когти красны от крови!
Ты отважился на это и до сих пор жив -
Это достаточный знак моей доброй воли.

Услышав ответ, дятел произнёс ещё две гатхи:

От низкой неблагодарности не надейся получить
Должное воздаяние за оказанную услугу.
От горькой мысли и гневного слова воздержись,
Но избегай иметь дело с негодяем.

И с этими словами дятел улетел.

* * *

Учитель, закончив это наставление, отождествил перерождения: «В то время Девадатта был львом, а я сам был дятлом».

Комментарии

1 Сравните «Тибетские сказки», XXVII, стр. 311, «Неблагодарный Лев»; Эзоп, «Волк и журавль»; *Jātakamālā*, № 34, «Дятел».

309. ДЖАТАКА О МЕРТВЕЦЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 309 Chavaka-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Вот святой учитель...» Эту историю о братстве шести монахов Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Об этом подробно рассказывается в Винае [1]. Вот её краткое изложение.

Учитель послал за шестью монахами и спросил, правда ли, что они учат закону с низкого места [2], в то время как их ученики сидят на более высоком месте. Они признались, что это так, и Учитель, упрекая этих братьев за то, что они не уважают его закон, сказал, что в прежние дни мудрым тоже приходилось упрекать людей в том, что их учение будет еретическим, пока они преподают его, сидя на низком месте. И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился как сын женщины-парии*, а когда вырос, стал главой семьи. И вот как-то его жена, будучи беременной, очень захотела плодов манго и сказала своему мужу: «Мой господин, я хотела бы съесть манго».

«Моя дорогая, — ответил он, — в это время года нет манго. Я принесу тебе другие кислые фрукты».

«Мой господин, — настаивала она, — если я съем манго, я буду жить. Иначе я умру».

Бодхисаттва безумно любил свою жену, поэтому стал размышлять, где же взять манго. В то время в саду царя Бенареса было манговое дерево, на котором круглый год росли плоды. И он подумал: «Я принесу оттуда спелое манго, чтобы утолить её желание». Придя ночью в сад, он взобрался на дерево и стал переступать с ветки на ветку в поисках плодов. И пока он был занят этим, уже начало светать. Он подумал: «Если я сейчас спущусь, чтобы уйти, меня увидят и схватят, как вора. Подожду, пока стемнеет». Поэтому он забрался в развилку ветвей и остался там.

В это время царь Бенареса обучался священным текстам у своего духовника. Войдя в сад, он сел на высокую скамью у подножия мангового

* Пáрия, пáрии (от тамильского «парайян») — неприкасаемые, одна из низших каст (прим. перев.).

дерева и, усадив своего учителя на более низкую скамью, слушал урок. Бодхисаттва, сидевший над ними, подумал: «Как порочен этот царь! Он изучает священные тексты, сидя на высоком месте. Брамин также нечестив, если сидит и учит его с более низкого места. Я тоже порочен, потому что попал во власть женщины и, считая свою жизнь ничтожной, краду плод манго». Затем, взявшись за свисающий сук, он спустился с дерева, встал перед этими двумя людьми и сказал: «О великий царь, я заблудший человек, и ты – большой глупец, а этот брамин подобен мертвецу». И когда царь спросил его, что он имеет в виду, говоря так, он произнёс первую гатху:

Вот святой учитель и царственный ученик!
Греховное деяние я видел:
Оба одинаково от благодати отпали,
Оба одинаково преступили закон [3].

Услышав это, брамин произнёс вторую гатху:

Моя пища – чистый рис с холмов,
С нежным мясным привкусом.
Почему грешник должен исполнять
Правила приёма пищи, предназначенные для святых?

Услышав это, Бодхисаттва произнёс ещё две гатхи:

Брамин, пройди всю землю вдоль и поперёк.
Взгляни! Страждущие находят общий жребий.
Здесь твоя загубленная жизнь, омрачённая грехом,
Стоит меньше, чем осколки разбитого горшка.
Остерегайся тщеславия и жажды власти:
Подобные пороки ведут в миры страдания.

Тогда царь, довольный его толкованием закона, спросил его, из какой он касты. «Я пария, мой господин», – ответил он. «Друг, – ответил царь, – если бы ты принадлежал к высшей касте, я бы сделал тебя единственным правителем. Впрочем, отныне я буду царём днём, а ты – ночью». И с этими словами он возложил ему на шею гирлянду из цветов, которой был украшен сам, и поставил его во главе города. Отсюда и происходит обы-

чай правителю города носить на шее гирлянду из красных цветов. А царь с того дня, внемля этим увещеваниям, почитал своего учителя и учился у него священным текстам, сидя на более низком месте.

* * *

Учитель, закончив своё наставление, так связал перерождения: «В то время Ананда был царём, а я сам был парией».

Комментарии

1 См. *Vinaya* Ольденберга, IV. 203 (*Suttavibhāṅga*, *Sekhiya*, 68, 69).

2 См. *Maṇi* II, 198 относительно правила, что ученик должен сидеть на месте более низком, чем его гуру.

3 Комментатор в своём объяснении добавляет следующий стих:

Истинная вера изначально царила на земле,
Ложное учение родилось позже.

310. ДЖАТАКА О ЗАХА

(*Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 310 Sayha-Jātaka*)

Перевод И. Ольгинской

«*Ни земной трон...*» Эту историю о монахе-отступнике, который, отправляясь за подаянием в Саваттхи, увидел красивую женщину и с тех пор стал сомневаться и разочаровался в учении, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Итак, братья привели его к Благословенному. Благословенный спросил: «Правда ли, брат, что, как я слышал, ты сомневаешься?» Он признался, что это так. Учитель, узнав причину его недовольства, произнёс: «Отчего, брат, ты тоскуешь по миру, приняв учение, которое ведёт к спасению? В прежние дни мудрые, когда им предлагали должность придворного жреца, отвергали её и становились отшельниками». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был зачат в утробе жены брамина – придворного жреца царя, и родился в тот же день, что и царский сын. И когда царь спросил своих

министров, родился ли кто-нибудь в тот же день, что и его сын, они ответили: «Да, господин, это сын вашего придворного жреца». Тогда царь велел принести ребёнка и отдать на попечение нянек, чтобы они тщательно ухаживали за ним и молодым принцем. И у них обоих были одинаковые украшения, одежда и посуда. А когда они выросли, они вместе отправились в Таккасилу и, достигнув мастерства во всех науках, вернулись домой.

Царь сделал своего сына наместником и оказал ему большие почести. С тех пор Бодхисаттва ел, пил и жил с принцем, и между ними установилась крепкая дружба. Вскоре после смерти отца юный принц взойшёл на престол и наслаждался благоденствием. Бодхисаттва подумал: «Мой друг теперь правит царством; когда выпадет подходящий случай, он, конечно, даст мне должность своего придворного жреца. Но зачем мне жизнь домохозяина? Я стану отшельником и предамся уединению».

Итак, он поклонился своим родителям и, испросив у них позволения принять духовный сан, отказался от своего мирского состояния и в полном одиночестве отправился в Гималаи. Там, выбрав красивое место, он построил себе жилище и, ведя жизнь отшельника, развил в себе все способности и достоинства и наслаждался мистическими озарениями.

Через некоторое время царь вспомнил о нём и поинтересовался: «Что случилось с моим другом? Его нигде не видно». Его министры рассказали, что он стал отшельником и обитает, как они слышали, в какой-то прекрасной роще. Царь спросил, где он живёт, и велел советнику по имени Заха: «Пойди и приведи моего друга. Я сделаю его своим духовником». Заха охотно согласился. Выйдя из Бенареса, через некоторое время он достиг приграничной деревни и поселился там. С несколькими лесничими он отправился туда, где жил Бодхисаттва, и нашёл его сидящим подобно золотой статуе у дверей хижины. Поприветствовав его обычным образом, Заха сел на почтительном расстоянии и обратился к нему: «Ваше преподобие, царь желает вашего возвращения, он хочет возвысить вас, сделав своим семейным священником». Бодхисаттва ответил: «Если бы я получил не только пост духовника, но также Каши и Косалу, и все царства Индии, и величие всемирной империи, я бы отказался идти. Мудрые не берут на себя вновь грехи, от которых когда-то отказались, так же как они не стали бы глотать мокроту, которую когда-то исторгли». Сказав так, он произнёс такие гатхи [1]:

Ни земной трон не подтолкнёт меня
к бесславному искушению,
Ни даже царство морское, надёжно скрытое в глубине.
Будь проклята жажда богатства и славы,
Что обрекает несчастного в «страдающих мирах»
на слёзы и горести.
Лучше скитаться бездомным бродягой от двери до двери,
С чашей в руке выпрашивая подаяние,
Чем, как царь, быть жертвой греховных желаний,
Тиранить подданных и досаждать беднякам.

Так Бодхисаттва, хотя Заха снова и снова настаивал на своём, отверг его предложение. И Заха, будучи не в силах уговорить отшельника, поклонился ему и вернулся к царю, передав слова отказа.

* * *

Закончив рассказ, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате чего отступивший монах достиг Плода Первого Пути, и многие другие тоже были обращены) и так связал перерождения: «В то время Ананда был царём, Шарипутта – Заха, а я сам был придворным жрецом».

Комментарии

1 Эти строфы снова встречаются в джатаке 433.

311. ДЖАТАКА О ДЕРЕВЕ НИМ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 311 Pucimanda-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Разбойник, встань!..» Эту историю о почтенном Моггалане Учитель рассказал, когда жил в бамбуковой роще.

Когда этот старец жил около Раджагахи в лесной хижине, некий разбойник, ворвавшись в дом в пригородной деревне, бежал с полными руками добычи. Увидев келью старца и думая, что там он будет в безо-

пасности, он лёг у входа в его хижину. Старец заметил его и, догадавшись о роде его занятий, сказал себе: «Не подобает мне иметь дело с разбойником». Поэтому, выйдя из своей хижины, он велел незваному гостю убираться.

Разбойник поспешно бросился бежать. Люди с факелами в руках, которые гнались за ним, обнаружили следы его присутствия и сказали: «Именно этим путём пришёл грабитель. Вот здесь он стоял. Там он сел. А вот таким путём он бежал. Но самого его нигде не видно!». Они носились туда-сюда, но в конце концов вынуждены были вернуться, так и не найдя его. На следующий день рано утром старец отправился за подаянием в Раджагаху, а вернувшись, пошёл в бамбуковую рощу и рассказал Учителю о случившемся. «Ты не единственный, Моггала-на, — произнёс Учитель, — чьи подозрения оправдались. В прежние дни мудрые тоже бывали в подобной ситуации». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в виде духа дерева ним* в кладбищенской роще возле этого города. И вот однажды в роще появился грабитель, совершивший кражу в одной из отдалённых деревушек. Там стояли два старых дерева — дерево ним и дерево бо**. Разбойник положил украденные вещи у подножия дерева ним и сам улёгся там.

В те времена пойманных преступников подвергали пыткам, насаживая на кол из дерева ним. Дух дерева ним подумал: «Если люди придут и схватят этого разбойника, они срубят ветку, сделают из неё кол и насадят на него вора. В этом случае дерево будет уничтожено. Так что я прогоню этого парня прочь». И он обратился к грабителю, произнеся первую гатху:

Разбойник, встань! Почему ты спишь?
Сейчас не время для сна!

* Ним (ниим, азадирахта индийская) — вечнозелёное дерево высотой 12-18 м с раскидистой кроной. Благодаря своим уникальным целебным свойствам широко используется в восточной медицине (прим. перев.).

** Дерево бо (Бодхи) — баньян, или священный фикус. Считается национальным деревом Индии, так как именно под сенью его кроны Будда достиг просветления. Дерево выглядит как целая роща или небольшой лес (прим. перев.).

Люди правителя ищут тебя,
Чтобы покарать за твоё преступление.

Кроме того, он добавил следующие слова: «Убирайся, пока тебя не схватили люди царя!» Так он отпугнул грабителя. И не успел тот убежать, как божество дерева бо произнесло вторую гатху:

Даже если этот наглый грабитель
Будет пойман с поличным —
Тебе, о ним-дерево, лесной дух, что с того?

Услышав это, божество дерева нимб произнесло третью гатху:

О бо-дерево, конечно, ты не знаешь,
в чём загадка моего опасения.
Я не хочу, чтобы люди царя нашли здесь этого злодея.
Чтобы покарать негодяя, посадив его на кол,
Они, я знаю, с моего священного дерева срубили бы ветку.

И пока два лесных божества беседовали таким образом, люди из деревни, где была совершена кража, преследовали разбойника с факелами в руках. Увидев место, где он лежал, они сказали: «Глянь-ка! Разбойник только что поднялся и убежал с этого места. Мы пока не поймали его, но если найдём, то вернёмся и либо проткнём его у подножия этого дерева ним, либо повесим на одной из его веток». Пометавшись туда-сюда и не найдя разбойника, они удалились. Услышав сказанное ими, дух дерева бо произнёс четвертую гатху:

Остерегайтесь опасности, пока она ещё не видна;
Подозревайте, пока не поздно.
Мудрые, находясь в настоящем, смотрят в будущее.

* * *

Закончив рассказ, Учитель так связал перерождения: «В то время Шарипутта был духом дерева бо, а я сам был духом дерева ним».

312. ДЖАТАКА О КАШЬЯПЕ И УПРЯМСТВЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 312 Kassapa-mandiya-Jātaka)

Перевод Н. Ольгинской

«Есть ступный юноша...» Эту историю о престарелом монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Молодой вельможа в Саваттхи, как гласит предание, почувствовав пагубные последствия греховных желаний, получил посвящение от руки учителя. Благодаря ревностному исполнению обрядов, с помощью которых можно вызвать молитвенный экстаз, он вскоре достиг Просветления. После смерти матери он посвятил отца и младшего брата в духовный сан, и они поселились в Джетаване.

В начале сезона дождей, услышав о духовной практике в деревне, где можно было легко раздобыть необходимые одежды [1], они все трое вошли в жильё Вассы и, когда всё закончилось, вернулись прямо в Джетавану. Юный брат, когда они уже были недалеко от Джетаваны, велел послушнику потихоньку вести старика, а сам поспешил вперёд, чтобы приготовить их келью. Старый монах медленно пошёл дальше. Послушник несколько раз, скажем так, боднул его головой и с силой потащил за собой, крича: «Ну же, учитель!» Старец сказал: «Ты тянешь меня против моей воли», — и, вернувшись обратно, начал всё сначала. Пока они так пререкались, солнце село, и сделалось темно. Младший брат тем временем подмёл хижину, поставил воду на огонь и, не дождавшись спутников, взял факел и пошёл им навстречу. Когда они приблизились, он спросил о причине такого опоздания. Старик объяснил, в чём дело. Брат дал им отдохнуть и медленно повёл их дальше. В тот день он не нашёл времени выразить своё почтение Будде. Поэтому он пришёл поклониться Будде только на следующий день. После того как брат выразил почтение и занял своё место, Учитель спросил: «Когда вы прибыли?» — «Вчера, господин». «Вы прибыли вчера, но засвидетельствовали мне своё почтение только сегодня?» — «Да, господин», — ответил он и объяснил причину. Учитель упрекнул старца: «Не только сейчас он так себя ведёт. В прежние дни он делал то же самое. Теперь он раздражает вас. Раньше он раздражал мудрых». И по просьбе брата он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в семье браминов в городе страны Каши. Когда он вырос, его мать умерла. После должного исполнения погребальных обрядов, по прошествии шести недель он раздал подаяние из всех денег, которые были в доме, и, взяв с собой отца и младшего брата, надел на себя одежду из коры и стал вести жизнь отшельника в Гималаях. Он поселился в красивой роще, поддерживая своё существование тем, что собирал колосья в полях и питался кореньями и дикими плодами.

Во время сезона дождей в Гималаях, когда ливни льют, не прекращаясь, невозможно выкопать какую-либо луковицу или корень, добыть дикие плоды, и листья начинают опадать. Тогда отшельники большей частью спускаются с гор и поселяются в местах обитания людей. Бодхисаттва со своим отцом и младшим братом тоже провели так сезон дождей. Но как только в Гималаях снова всё начало цвести и приносить плоды, он со своими двумя спутниками отправился в их уединённое жилище. На закате, когда они были уже недалеко от их хижины, он оставил их, сказав: «Вы можете идти медленно, а я пойду вперёд и приведу жилище в порядок».

Но молодой отшельник, медленно идущий рядом с отцом, всё время бодал его головой в поясницу. Старик сказал: «Мне не нравится, как ты ведёшь меня домой». Поэтому он повернул назад и начал всё сначала. Пока они так ссорились, наступила темнота. Бодхисаттва вымел свою хижину из листьев и приготовил немного воды, затем взял факел и вернулся к своим спутникам. Разыскав их, он спросил, почему они так долго шли. Юный отшельник рассказал, что сделал его отец. Но Бодхисаттва спокойно привёл их домой, сложил и убрал все буддийские принадлежности, затем приготовил для отца воду, омыл и умастил ему ноги и вымыл спину. После этого он поставил перед отцом сковороду с углями и, когда тот оправился от усталости, сел рядом и сказал: «Отец, юноши подобны глиняным сосудам: они разбиваются в одно мгновение, а если они однажды разбиты, их уже невозможно починить снова. Старики должны терпеливо сносить их, когда они ведут себя оскорбительно». И в назидание своему отцу Кашьяпе он произнёс эти гатхи:

Если глупый юноша словом или делом обидит,
Удел мудрости — показать долготерпение.

Ссоры хороших людей заканчиваются быстро; глупцы же
Разбегаются, как разваливается на куски необожжённая глина.

Люди мудрые учатся на собственных ошибках;
Дружбу не могут разрушить испытания.
Таково бремя брата, которое тяжело нести,
И распри соседей умело усмирять.

Так Бодхисаттва увещевал своего отца. И с этого времени тот стал проявлять сдержанность.

* * *

Закончив наставление, Учитель так связал перерождения: «В то время старый монах был отцом-отшельником, послушник был юным отшельником, а я сам был сыном, который увещевал своего отца».

Комментарии

1 Сравните *Mahāvagga*, III. 14.

313. ДЖАТАКА О БОДХИСАТТВЕ-ВЕЛИКОМУЧЕНИКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 313 Khandivadi-Jataka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«На того, кто велел отрубить...» Эту историю о гневливом монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Инцидент, давший начало этой истории, уже описан ранее. Учитель спросил этого монаха: «Почему, приняв учение Будды, который не ведаёт, что такое гнев, ты даёшь волю этому чувству? Мудрые в прежние дни, даже когда испытывали страдания от тысячи ударов, и им отрезали руки, ноги, уши и нос, не выказывали гнева». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена в Бенаресе правил царь Каши по имени Калабу. В то время Бодхисаттва появился на свет в семье браминов, чьи сокро-

вища оценивались в восемьдесят крор. Мальчика называли Кундакакумара. Когда он достиг совершеннолетия, он выучился всем наукам в Таккасиле и впоследствии стал главой семьи.

После смерти родителей, глядя на свои сокровища, он подумал: «Мои родные, накопившие это богатство, ушли, не забрав его с собой. Теперь мне предстоит владеть им, и когда придёт мой срок, тоже уйти». Он раздал сокровища тем, кто этого заслуживал, а сам отправился в Гималаи и сделался отшельником. Он прожил там долгое время, питаясь дикими плодами. Однажды, спустившись с гор в населённые места за солью и уксусом, он постепенно добрался до Бенареса, где поселился в царском парке. На следующий день он отправился в город за подаением и подошёл к дому военачальника. Военачальнику понравился отшельник. Он пригласил его в дом и хорошо накормил, после чего уговорил Кундакакумару поселиться в царском парке.

И вот как-то раз царь Калабу, разгорячённый хмельным напитком, явился в парк с большой свитой, окружённый музыкантами и танцовщицами. Он улёгся на царском каменном троне, как на ложе; его голова покоилась на коленях его любимой наложницы. Искусные танцовщицы, певицы и музыкантши развлекали его, словно сам Шакка, Владыка небес, спустился в парк со своей свитой. Убаюканный музыкой и пением, царь уснул. Тогда девушки сказали: «Тот, ради кого мы так стараемся, уснул. Зачем же нам петь и играть?» Они бросили свои вины и другие музыкальные инструменты и разбрелись по саду, любуясь цветами и плодами на ветвях деревьев и развлекаясь.

В этот момент Бодхисаттва, подобный могучему слону в расцвете своей силы, сидел у корней цветущего дерева сал, наслаждаясь блаженством уединения. Бродя по парку, девушки увидели его и сказали: «Вон там, под деревом, отшельник! Давайте, пока царь спит, посидим рядом и послушаем его». Они подошли, поклонились ему и, усевшись в круг, попросили: «Расскажи что-нибудь полезное для нас». И Бодхисаттва поставил их в дхарме.

Тем временем царская наложница шевельнулась и разбудила царя. Проснувшись и не видя остальных девушек, он спросил: «Куда подевались эти негодницы?» «Государь, они сидят под деревом и слушают какого-то отшельника», — ответила она. Царь в ярости схватил свой меч и бросился туда со словами: «Ну, я сейчас преподам урок этому фальшивому святому!»

Девушки увидели разъярённого царя, и те из них, кто более других пользовались его благосклонностью, поспешили к нему, забрали меч

и успокоили его. Он подошёл, встал рядом с Бодхисаттвой и спросил: «Какое учение ты проповедуешь, монах?» — «Учение о терпении, государь», — ответил тот. «Что это такое — терпение?» — спросил царь. «Не гневаться, когда люди дурно обходятся с тобой, бьют и оскорбляют». «Что ж, сейчас посмотрим, насколько велико твоё терпение», — сказал царь и призвал своего палача. Тот взял топор и колючую плетё, надел жёлтую мантию и красную гирлянду, явился к царю, поклонился и спросил: «Что угодно тебе, государь?» «Схвати этого проходимца, выдающего себя за отшельника, брось на землю и отхлещи плетью спереди, сзади и с обеих сторон. Он должен получить две тысячи ударов». Это было исполнено.

Кожа Бодхисаттвы была рассечена до мышц, и кровь текла из ран. Царь снова спросил: «Какое учение ты проповедуешь, монах?» — «Учение о терпении, государь», — ответил он. — Ты думаешь, что моё терпение на поверхности, под кожей. Нет его там, оно глубоко, в моём сердце, где тебе не разглядеть его, государь».

Палач снова спросил: «Что тебе угодно, государь?» — «Отруби обе руки этому лживому отшельнику!» Палач взял свой топор и, положив кисти Бодхисаттвы на колоду, отрубил их. «Отруби ему ноги!» — велел царь, и палач отрубил обе ступни. Кровь текла из обрубков, словно алый сок из треснувшего кувшина. Царь снова спросил, какое учение он проповедует. «Учение о терпении, государь. Ты воображаешь, что моё терпение живёт в моих руках и ногах. Но его там нет; оно скрыто глубоко внутри». Тогда царь велел отрезать ему нос и уши. Палач так и сделал. Теперь все его тело было покрыто кровью. И снова царь спросил о его учении. Палач исполнил приказание. Всё тело отшельника уже было залито кровью, но он сказал: «Не думай, что моё терпение находится у меня в носу или в ушах. Моё терпение скрыто глубоко в моём сердце». Царь сказал: «Ну и валяйся здесь, лживый монах, вместе со своим терпением!». Он пнул Бодхисаттву ногой в грудь и удалился.

Когда он ушёл, военачальник отёр кровь с тела Бодхисаттвы, перевязал [2] его раны, а затем, осторожно усадив его на циновку, поклонился и, сев рядом, сказал: «Если, Преподобный, ты гневаешься на того, кто поступил так с тобой, гневайся только лишь на царя, ни на кого другого». И, прося об этом, он произнёс первую гатху:

На того, кто велел отрубить тебе нос, уши, ноги и руки,
Пусть обрушится гнев твой; но пощади, молю, эту землю.

Бодхисаттва, услышав это, произнёс вторую гатху:

Пусть в здравии живёт тот царь, который

Так жестоко искалечил моё тело!

Чистая душа не гневается, даже видя такие поступки, как этот.

И как раз в тот момент, когда царь выходил из сада и скрылся из поля зрения Бодхисаттвы, земля толщиной в двести сорок тысяч лиг раскололась надвое, словно туго натянутая ткань, и пламя, исходящее из ада Авичи, охватило царя, окутав его словно царским одеянием из алой шерсти. Прямо у ворот сада он был поглощён адской бездной. Бодхисаттва умер в тот же день. Слуги царя и жители города пришли с благоговениями и цветами и совершили погребальный обряд над его телом. Некоторые говорили, что Бодхисаттва вернулся в Гималаи, но это неправда.

Говорят, в прежние дни жил святой,

Проявивший невиданное мужество.

Неправедно он был замучен

Царём Каши до смерти.

Но воздаяние его настигло,

Правитель заплатил сполна.

Обречённый пребывать в аду,

Он будет долго сожалеть о том дне.

Эти две строфы были вдохновлены Совершенной Мудростью.

* * *

Учитель, закончив наставление, открыл Благородные Истины (в результате гневливый монах достиг Плода Второго Пути, а многие другие достигли Плода Первого Пути) и связал перерождения: «В то время Девадатта был Калабу, царём Каши, Шарипутта был военачальником, а я сам был Отшельником, Проповедующим Терпение».

Комментарии

1 См. Джатакамала, № 28: «История Кшантивадина».

2 *Mahāvagga*, VI. 14. 5.

314. ДЖАТАКА О ЖЕЛЕЗНОМ КОТЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 314 Lohakumbhi-Jātaka) [1]

Перевод Н. Ольгинской

«Подобавшей доли богатства...» Эту историю о царе Косалы Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Царь Косалы тех дней, говорят, однажды ночью слышал крик, издаваемый четырьмя обитателями ада. — слоги *ду, са, на, со*, по одному от каждого из четырёх. В предыдущем воплощении, согласно преданию, они были князьями в Саваттхи и совершили прелюбодеяние. После того как они дурно поступили с жёнами своих соседей, несмотря на то, что их тщательно охраняли, и потворствовали своим любовным влечениям, их порочная жизнь была прервана колесом смерти близ Саваттхи. Они снова возродились в Четырёх Железных Котлах. После мучений в течение шестидесяти тысяч лет они поднялись наверх и, увидев край котла, подумали про себя: «Когда же мы избавимся от этого страдания?». А потом все четверо громко вскрикнули один за другим. Царь был до смерти напуган этими криками и сидел в ожидании рассвета, не в силах пошевелиться.

На рассвете пришли брамины справиться о его здоровье. Царь ответил: «Как же, господа мои, я могу быть здоров, если слышал сегодня четыре таких ужасных крика!» Брамины замахали руками [2]. «В чём дело, господа мои?» — спросил царь. Брамины стали уверять его, что эти звуки возвещают огромную беду. «Есть ли средство, чтобы предотвратить это, или нет?» — поинтересовался царь. «Возможно, вы думаете, что нет, — ответили брамины, — но мы хорошо обучены в этих вопросах, ваше величество». «Каким же образом, — спросил царь, — возможно предотвратить это несчастье?» «Государь, — отвечали они, — в нашей власти есть одно прекрасное средство: принеся четырёхкратную жертву [3] из каждого вида живых существ, мы предотвратим любое несчастье». «Тогда поторопитесь, — сказал правитель, — и возьмите всех живых существ по четверо — людей, быков, лошадей, слонов, вплоть до перепелов и других птиц, — и этим четырёхкратным жертвоприношением восстановите мой душевный покой». Брамины согласились. Взяв всё, что им было нужно, они вырыли жертвенную яму и привязали свои многочисленные жертвы к кольям. Очень взволнованные мыслями о лакомствах, которые они будут есть, и о богатстве, которое они получают, они ходили взад и вперёд, говоря: «Господин, я должен получить то-то и то-то».

Царица Маллика, увидев всё это, спросила царя, почему брамины ходят вокруг такие радостные и улыбаются. «Моя госпожа, какая тебе разница? Ты опьянена своим величием и не знаешь, какое несчастье меня постигло». «Какое же, мой господин?» — спросила она. «Я слышал столь ужасные звуки, моя царица! А когда я спросил браминов, что они возвещают, они ответили, что опасность угрожает моему царству, моей собственности или моей жизни, но, принеся четырёхкратную жертву, они восстановят мой душевный покой. И вот теперь, повинуясь моему приказу, они вырыли жертвенную яму и готовятся принести любые жертвы, какие потребуются». Царица спросила: «Советовался ли ты, мой господин, с главным брамином в мире Дэв относительно происхождения этих криков?» — «Кто же, госпожа, главный брамин в мире Дэв?» — «Великий Готама, — ответила она, — Верховный Будда». — «Госпожа, — сказал царь, — я не советовался с Верховным Буддой». «Тогда пойдёшь, — ответила она, — и посоветуйся с ним».

Царь прислушался к словам царицы и после утренней трапезы, сев на свою парадную колесницу, отправился в Джетавану. Поклонившись Учителю, он обратился к нему так: «Ваше Преподобие, ночью я услышал четыре крика и посоветовался об этом с браминами. Они взялись восстановить мой душевный покой путём четырёхкратного жертвоприношения всякого рода живых существ, и теперь заняты приготовлением жертвенной ямы. Что же возвещают мне эти крики?»

«Ничего особенного, — ответил Учитель. — Некие существа в аду вследствие мучений, которые они испытывают, громко кричали. Эти крики, — добавил он, — были услышаны не только вами. Правители древности слышали то же самое. И они тоже, посоветовавшись со своими браминами, решили умертвить живые существа для жертвы. Но, услышав, что сказали мудрые, они отказались это сделать. Мудрые объяснили им природу этих криков и приказали отпустить назначенных в жертву, и таким образом восстановили их душевный покой». И по просьбе царя он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов в одной деревне в Каши. По достижении зрелости он, отказавшись от чувственных удовольствий и став отшельником, развил сверхъестественные способности мистической медитации и, наслаждаясь радостями созерцания, поселился в красивой роще в Гималаях.

Царь Бенареса в это время был страшно встревожен, услышав четыре звука, произнесённые четырьмя обитателями ада. И когда брамины точно так же сказали ему, что одна из трёх опасностей должна постигнуть его, он согласился на их предложение положить этому конец посредством четырёхкратного жертвоприношения. Придворный жрец при помощи браминов устроил жертвенную яму, и большая толпа жертв была приведена и привязана к столбам. Тогда Бодхисаттва, руководимый чувством милосердия, взглянув на мир своим божественным оком, увидел, что происходит, и сказал: «Я должен немедленно пойти и позаботиться о благополучии всех этих созданий». И, взлетев в воздух благодаря своей волшебной силе, он приземлился в саду царя Бенареса и сел на царскую каменную плиту, подобный золотой статуе. Главный ученик придворного жреца подошёл к своему учителю и спросил: «Разве не написано, учитель, в наших Ведах, что нет счастья для того, кто отнимает жизнь у любого существа?» Жрец ответил: «Ты должен принести сюда царское имущество, и у нас будет чем полакомиться! Только держи себя в руках». И с этими словами он прогнал своего ученика.

Но юноша подумал: «Я не буду участвовать в этом деле». Он отправился в царский сад и отыскал Бодхисаттву. Поклонившись ему, он сел на почтительном расстоянии. Бодхисаттва спросил его, правит ли царь своим царством праведно. «Да, ваше преподобие, — ответил юноша. — Но ночью он слышал четыре крика и спросил браминов об этом. Они заверили его, что вернут ему душевный покой, принеся четырёхкратную жертву. И теперь царь, желая вернуть своё благополучие, готовит жертвоприношение. Были приведены животные в огромном количестве и привязаны к жертвенным кольям. Разве не подобает таким святым людям, как вы, объяснить причину этих звуков и спасти этих несчастных существ из лап смерти?» «О юноша, — ответил Бодхисаттва, — царь не знает меня, и я не знаю царя. Но я знаю источник этих криков, и если бы царь пришёл и спросил меня о причине, я разрешил бы его сомнения». «В таком случае, — сказал юноша, — задержитесь здесь на минутку, ваше преподобие, и я приведу царя».

Бодхисаттва согласился, и юноша пошёл и рассказал обо всем царю, и привёл его с собой. Царь поклонился Бодхисаттве и, сев рядом, спросил его, правда ли, что он знает происхождение пугающих звуков. «Да, ваше величество, — сказал Бодхисаттва. — Эти люди в прошлом были виновны в недостойных поступках с тщательно охраняемыми жёнами своих соседей близ Бенареса, и поэтому были заново рожде-

ны в Четырёх Железных Котлах. Тридцать тысяч лет они испытывали мучения в густой едкой жидкости, нагретой до кипения. Они то погружались, пока не ударялись о дно котла, то поднимались наверх, как пузырь пены [4], пока наконец не нашли края котла. Глядя через край, все четверо хотели произнести четыре полные строфы, но не смогли этого сделать. И, выговорив по одному слогу, они снова погрузились в железные котлы. Тот из них, который утонул после произнесения слога «*di*», хотел сказать следующее:

Подобающей доли богатства мы не отдали;
Неправедную жизнь мы вели.
Мы не нашли верного спасения в наслаждениях,
Которые теперь исчезли.

И когда он не смог выговорить это, Бодхисаттва его собственного знания повторил полную гатху. То же самое произошло и с остальными. Тот, кто произнёс только слог «*sa*», хотел пропеть следующую гатху:

Печальна участь тех, кто подвергается страданиям!
Ах! Когда же наступит освобождение?
Бесчисленные зоны лет продолжаются адские муки.

Тот, кто произнёс слог «*na*», хотел сказать:

Нет, не бесконечны страдания,
На которые мы обречены судьбой;
Беды, которые мы причинили земле,
Должны быть нами искуплены.

И тот, кто произнёс слог «*so*», стремился сказать следующее:

Скоро я выйду отсюда,
Достигну человеческого рождения
И, щедро одарённый добродетелью,
Поднимусь до многих достойных деяний.

Бодхисаттва, пропев эти гатхи одну за другой, сказал: «Государь, когда обитатель ада хотел произнести полную строфу, из-за огромности

своего греха он не смог этого сделать. И когда он ощутил результат своего несправедливого поступка, он громко закричал. Но не бойтесь; никакая опасность не грозит вам, если вы услышите этот крик». Так он успокоил правителя. И царь объявил, ударив в свой золотой барабан, что множество жертв должны быть освобождены, а жертвенная яма разрушена. Бодхисаттва же, избавив множество живых существ от страшной участи, пробыл там несколько дней, а затем, вернувшись в свою обитель, не прерывая свой мистический экстаз, возродился в мире Брахмы.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, объяснил перерождения: «Шарипутта в то время был молодым жрецом, сам же я был отшельником».

Комментарии

1 Сравните притчи Буддхагхоши, № 15: «История четырёх сыновей Тутхе». Царь Пасенадикосала в этой истории размышлял о грехе Давида против Урии Хеттеянина и был отвлечён ужасным видением, описанным в этой джатаке. См. также *Turnour's Mahāwanso*, I. IV. 18. Царь во сне видит свою душу, которую бросают в ад *Lohakumbhī*.

2 Возможно, чтобы отвлечь дурное предзнаменование.

3 См. *Colebrooke's Essays*, I. 348.

4 См. *Milindapañha*, 357.

315. ДЖАТАКА О МЯСЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 315 Mamsa-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольпинской

«Для того, кто просит...» Учитель, когда он жил в Джетаване, поведал о том, как старец Шарипутта раздобыл лакомства для больных монахов, проходивших лечение. История гласит, что в то время в Джетаване некоторые из братьев, приняв масло в качестве слабительного, пожелали потом немного изысканной пищи. Те, кто помогали им во время болезни, отправились в Саваттхи за лакомствами. Они ходили просить подаяние на улицу, где жили повара, но им пришлось вернуться ни с чем. В тот же

день немного позже старец пошёл в город за подаянием и, встретив этих братьев, спросил, почему они так скоро вернулись. Они рассказали ему, что произошло. «Пойдёмте со мной», — сказал старец и повёл их на ту же улицу. И люди там дали ему полную чашу изысканной пищи. Эту пищу принесли больным монахам, и те поели. И вот однажды в Зале Истины разгорелся спор о том, что, когда некоторые слуги возвращались из города, не получив лакомства для своих больных хозяев, старец брал их с собой просить подаяние в поварские кварталы, после чего отправлял домой с обильным угощением. Учитель подошёл и спросил, о чём они так оживлённо ведут разговор. Когда ему объяснили, в чём дело, он сказал: «Не только теперь, братья, Шарипутта один получил пищу. И прежде мудрые, которые имели мягкий голос и умели говорить приятно, получали то же самое». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился сыном богатого торговца. И вот однажды некий охотник добыл оленя и, погрузив мясо на телегу, отправился в город с намерением продать его. В это время четверо сыновей богатых купцов, живших в Бенаресе, вышли из города и, встретившись на перекрёстке дорог, сели поговорить друг с другом обо всём, что видели или слышали. Один из юношей, увидев телегу, полную мяса, предложил пойти и взять у охотника кусок оленины. Получив согласие остальных, он подошёл к охотнику и сказал: «Привет, Сирра! Дай мне кусок мяса». Охотник ответил: «Человек, который просит другого о милости, должен говорить мягким голосом. Ты получишь кусок мяса, соответствующий твоей манере говорить». Затем он произнёс первую гатху:

Для того, кто просит об одолжении, мой друг,
Твоя речь слишком груба.
Такая речь заслуживает грубой пищи, поэтому я
Дам тебе лишь кожу и кости.

Тогда один из его товарищей спросил его, в каких выражениях он просил кусок мяса. «Я сказал: «Привет, Сирра!»» — ответил он. «Я тоже, — сказал тогда другой, — буду просить его». Он подошёл к охотнику и просил: «О старший брат, дай мне кусок оленины!» Охотник ответил: «Ты получишь то, что заслужил своими словами», — и произнёс вторую гатху:

Имя брата подразумевает прочную связь,
Соединяющую тех, кто приходится родней друг другу.
Твои добрые слова подсказывают, какой подарок
Я должен преподнести тебе как моему брату.

Сказав так, он дал ему кусок оленины. Тогда третий юноша спросил, с какими словами последний просил мяса. «Я обращался к нему как к брату», — ответил второй. «Тогда я тоже попрошу его, — сказал третий. Он подошёл к охотнику и воскликнул: «Дорогой отец, дай мне кусок оленины!» Охотник ответил: «Ты получишь кусок, соответствующий словам, которые ты сказал», — и произнёс третью гатху:

Как любящее сердце родителя откликается
На слова «дорогой отец»,
Так и я откликаюсь на твоё полное любви обращение
И отдаю тебе оленьё сердце.

И с этими словами он дал ему самый вкусный кусок мяса, сердце и всё остальное. Тогда четвёртый юноша спросил третьего, с какими словами он просил оленину. «О, я называл его «дорогой отец»», — ответил тот. «Тогда я тоже попрошу кусочек», — вызвался четвёртый, подошёл к охотнику и попросил: «Друг мой, дай мне кусочек мяса». Ответил охотник: «По словам, которые ты сказал, ты получишь». И он произнёс четвёртую гатху:

Мир без друзей, осмелюсь думать я,
Несомненно, превратился бы в пустыню.
Понятие «друг» подразумевается всё, что дорого,
Поэтому я отдаю тебе всего оленя.

И ещё он добавил: «Пойдём, друг, я доставлю всю эту телегу мяса в твой дом». Сын торговца велел отвезти телегу к своему дому, а сам пошёл и разгрузил мясо. Он принял охотника с большим гостеприимством и уважением и, послав за его женой и сыном, отговорил его от жестокого занятия и поселил в своём имении. И они стали неразлучными друзьями, и всю свою долгую жизнь дружно прожили вместе.

* * *

Закончив рассказ, Учитель так объяснил перерождения: «В то время Шарипутта был охотником, а я сам был сыном торговца, которому отдали всю оленину».

Комментарии

1 См. R. Morris, *Folklore Journal*, III. 242.

316. ДЖАТАКА О ПЕРЕВОПЛОЩЕНИИ КРОЛИКОМ (Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 316 Sasa-Jataka)

Переводчик неизвестен

Эту историю Пробудившийся рассказал в монастыре Джета в связи с пожертвованием предметов первой необходимости монахам и монахиням.

Некий землевладелец, живущий в Саватхи, приготовил пожертвования предметов первой необходимости монашеской общине во главе с Буддой. Около ворот своего дома он соорудил специальное место для собраний, пригласил монашескую общину Мужчин, Овладевающих Обширными Знаниями и Стремящихся к Искоренению Мирских Желаний (бхикху) во главе с Буддой, посадил их на заранее приготовленные лучшие места и жертвовал им восхитительные блюда и самые изысканные лакомства.

Богач приглашал их в течение семи дней, говоря: «Непременно приходите завтра опять». Таким образом, на седьмой день он пожертвовал все предметы первой необходимости монашеской общине во главе с Буддой.

А после трапезы Будда выразил свою благодарность: «Приверженный верующий, ты можешь исполниться радости и чувства удовлетворенности, ибо жертвование — традиция древних мудрецов. Мудрецы древности жертвовали отшельникам даже свою плоть, жертвуя своей жизнью», — говорил Пробудившийся, и по просьбе богача начал рассказывать об одной из своих прошлых жизней.

Давным-давно, когда страной Варанаси правил царь Брахмадатта, тот, кто наделён святостью, из матки крольчихи родился Бодхисаттва, тот, Кому Суждено Достичь Истинной Мудрости, и он стал жить в лесу.

Одним краем лес примыкал к подножию горы, с другой стороны протекала река, а с третьей стороны располагалось селение. У кролика было три друга — обезьяна, дикая собака и выдра. Они были умны и мудры, вместе проводили время и собирали корм каждый на своей территории, а вечером собирались в определённом месте, где он давал им предостережения и проповедовал закон: «Надо совершать жертвоприношения, соблюдать заповеди, вести практику Обетов и Заповедей». Выслушав это, они расходились по своим жилищам.

Однажды по прошествии некоторого времени Бодхисаттва, взглянув на небо, увидел полную луну и определил: «Завтра наступит день обетов и заповедей». Поэтому он сказал остальным: «Завтра наступает День Обетов и Заповедей. Давайте все вместе будем памятовать о заповедях и соблюдать день Обетов и Заповедей. Если вы будете основываться на заповедях и совершать жертвоприношения, то вас ждёт большое воздаяние. Если к вам заглянет отшельник, накормите его, преподнесите подобающую пищу».

«Хорошо», — согласились они и разошлись по домам.

На следующий день утром выдра вылезла наружу в поисках пищи и направилась к берегу реки Ганг. Как раз в это время некий рыбак поймал семь красных рыбок, нанизал их на тростниковый прут и спрятал в песке на берегу реки. Он двинулся вниз по реке, чтобы наловить ещё рыбы. Выдра учуяла рыбный запах и, разрыв песок, обнаружила семь красных рыбок. Она взяла их и три раза громко произнесла: «Принадлежит ли кому-нибудь эта рыба?» — но хозяин не появился. Она зажала во рту тростниковый прут с семью рыбками и отнесла их в своё укрытие в кустах, чтобы оставить их про запас. «Я съем их потом», — подумала она и легла спать, памятуя о заповедях.

Дикая собака тоже отправилась на поиски пищи, забрела в хижину сторожа и нашла два куска мяса на вертеле, крупную ящерицу и сосуд с йогуртом. «Принадлежит ли это кому-нибудь?» — прокричала она три раза, но никто не ответил. Тогда она повесила себе на шею сосуд с йогуртом, зажала в зубах вертел с мясом и ящерицу и отнесла их к себе домой в заросли. «Это я съем потом», — подумала она и легла спать, памятуя о заповедях.

Обезьяна отправилась в джунгли раздобыть какую-нибудь еду, там она нашла связку плодов манго и принесла их себе домой в заросли. «Я съем их потом», — подумала она и легла спать, памятуя о заповедях.

Бодхисаттва вышел в подходящий для поисков пищи час и подумал: «А не поесть ли мне травы?» Затем он лёг в своей норе в зарослях и подумал: «Если придёт отшельник, то я не смогу пожертвовать ему траву. Но у меня нет ни кунжутных семян, ни риса... Если придёт отшельник, я пожертвую ему в качестве пищи своё тело».

В этот момент из-за усердного соблюдения Бодхисаттвой заповедей драгоценные камни, украшающие трон Способного Бога, стали излучать тепло. Способный Бог глубоко обдумал это событие и осознал его причину. Он сказал сам себе: «Я испытаю этого царя кроликов».

Сначала он направился к выдре и предстал перед ней, приняв облик брахмана. Выдра спросила его:

– Священник, по какому делу вы пришли?

– Моя мудрая выдра, если бы я смог раздобыть немного пищи, я бы хотел соблюсти день поста и исполнить свои монашеские обязанности.

– Пожалуйста. Я с радостью пожертвую вам еду, – сказала выдра и произнесла первый стих:

Я вытащила из воды на сушу семь моих красных рыбок.

Господин монах, они принадлежат мне.

Пожалуйста, возьмите их и живите в лесу.

– Пожалуйста, подождите до завтра. К тому времени я решу, – сказал монах и направился к дикой собаке.

– Священник, с какой целью вы сюда пришли? – спросила собака, и монах ответил ей то же самое, что и выдре.

– Пожалуйста, возьмите, я вам пожертвую, – сказала собака и произнесла второй стих:

Еду полевого сторожа, приготовленную на ночь,

я унесла с собой:

Мясо на вертеле, крупную ящерицу и сосуд с йогуртом.

Господин монах, это принадлежит мне.

Вы можете взять это и жить в лесу.

– Пожалуйста, подождите до завтра. К тому времени я решу, – сказал монах и направился к обезьяне.

– Зачем вы ко мне пришли? – спросила она, и монах ответил так же, как и прежде.

– Пожалуйста, я вам пожертвую, – сказала обезьяна и произнесла третий стих:

Доставляющие удовольствие спелые плоды манго,
Студёная вода и прохлада в тени.
Господин монах, это принадлежит мне.
Пожалуйста, возьмите это и живите в лесу.

– Пожалуйста, подождите до завтра. К тому времени я решу.

Затем монах направился к жилищу мудрого кролика.

– По какому делу вы пришли? – спросил он, и монах ответил так же, как и прежде.

Услышав это, Бодхисаттва обрадовался:

– Хорошо, что вы пришли в мой дом за едой. Я пожертвую вам пищу, которую я прежде никогда не жертвовал. Однако я думаю, что вы не совершаете убийств, так как соблюдаете заповеди. Поэтому наберите, пожалуйста, дров, распалите огонь и дайте мне знать. Я принесу себя в жертву, прыгнув на горящие угли. После того как моё тело хорошенько прожарится, пожалуйста, съешьте мяса и выполните свои монашеские обязанности, – сказал он и произнёс четвёртый стих:

У кролика нет кунжутных семян,
Фасоли и риса тоже нет.
Отведайте мяса, приготовленного на этом огне,
И живите в лесу.

Услышав это, Способный Бог с помощью своих сверхъестественных сил создал огромную гору углей и известил Бодхисаттву. Кролик выпрыгнул из своего соломенного домика и подошёл к костру.

– Если в моём меху есть какие-либо живые существа, то они погибнут, – сказав это, он трижды потряс своим телом и прыгнул на горящие угли, собираясь пожертвовать своё тело. Наполненный радостью, он прыгнул на гору горящих углей, как королевский лебедь на лугу среди множества красных цветов лотоса.

Однако этот огонь не мог опалить даже пух Бодхисаттвы. Он словно находился в комнате изо льда. Он сказал Способному Богу:

– Господин монах, разведённый вами огонь столь холоден, что он даже не может опалить поры на моей коже. По какой такой причине, господин монах?

— О, мудрый кролик, я не монах. Я Способный Бог. Я пришёл сюда, чтобы испытать тебя.

Способный Бог, даже если каждая душа в мире должна была бы испытать меня пожертвованием, она не смогла бы найти ни тени сомнения относительно пожертвования, — громко сказал Бодхисаттва.

Мудрый кролик, пусть о твоей заслуге знают на протяжении всей калмы, — произнёс Способный Бог, сжал гору, извлекая её сущность, и с её помощью на круглой луне изобразил знак кролика. Способный Бог позвал Бодхисаттву и уложил его спать на мягкую траву в густом лесу, а сам вернулся на свой трон на Небесах.

Четверо мудрых животных жили в дружбе и согласии, соблюдали заповеди, вели практику Обетов и Заповедей. И умерли в соответствии со своей кармой.

После того как Пробудившийся прочитал эту лекцию, он прояснил много негн и приложил их к рассказу о перевоплощении. После того как Пробудившийся прояснил истину, богач, жертвовавший предметы первой необходимости для монахов, достиг ступени Плода Вхождения в Поток Истины.

«В то время выдрой был Ананда, дикой собакой был Моггалана, обезьяной — Сарипутта, а мудрым кроликом был я».

317. ДЖАТАКА ОБ ОПЛАКИВАНИИ УМЕРШИХ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 317 Matarodana-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Плачь о живых...» Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал эту историю о некоем землевладельце, который жил в Саваттхи.

Говорят, что после смерти брата он был так подавлен горем, что не ел, не умывался и не умащивал себя маслом, но, едва занимался день, в глубокой скорби шел на кладбище плакать. Учитель, рано утром бросив взгляд на мир и увидев в этом человеке способность к достижению Плода Первого Пути, подумал: «Нет никого, кроме меня, кто мог бы, рассказав ему о том, что случилось давным-давно, успокоить его горе и привести к осуществлению Первого Пути. Я должен стать его прибежи-

щем». Поэтому на следующий день, вернувшись после сбора подаяния, он взял младшего священнослужителя и пошел к нему домой. Узнав о прибытии Учителя, землевладелец приказал приготовить место и пригласил его войти, а сам, поклонившись, сел рядом. В ответ на вопрос Учителя, чем он опечален, он сказал, что скорбит с тех пор, как умер его брат. Учитель сказал: «Все существующие формы непостоянны, и то, что должно быть разрушено, разрушается. Не стоит тревожиться из-за этого. В прежние дни мудрые, зная это, не горевали, когда умирали их близкие». И по его просьбе Учитель поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в семье богатого купца, чьё состояние оценивалось в восемьдесят крор*. Когда он достиг совершеннолетия, его родители умерли. После их смерти брат Бодхисаттвы управлял семейным поместьем, и Бодхисаттва был зависим от него. Вскоре смертельная болезнь унесла брата. Его родственники, друзья и товарищи собрались вместе и, воздев руки, плакали и причитали, и никто не мог совладать со своими чувствами. Но Бодхисаттва не причитал и не плакал. Люди говорили: «Гляньте-ка: его брат умер, а он даже не сделал скорбное лицо. Он очень жестокосердный малый. Кажется, он желал смерти брата, надеясь получить его часть наследства». Так они обвиняли Бодхисаттву. Его родственники тоже упрекали его, говоря: «Твой брат мёртв, но ты не пролил ни слезинки». Услышав эти слова, он ответил: «В своем слепом безумии, не зная Восьми Мирских Обусловленностей, вы причитаете и рыдаете: «Увы! Мой брат мёртв!». Но ведь и мне, и вам тоже придётся умереть. Почему же вы не плачете при мысли о собственной смерти? Всё существующее преходяще, и, следовательно, ни одно соединение не может оставаться в своём естественном состоянии. Хотя вы, слепые безумцы, в своём невежестве, не зная Восьми Мирских Обусловленностей, рыдаете и причитаете, почему я должен рыдать?» И с этими словами он произнёс такие гатхи:

Плачь о живых, а не о мёртвых!

Все существа, которые принимают смертную форму, —

Четвероногий зверь, птица и змея с капюшоном,

Как и люди, и ангелы, — проходят один и тот же путь.

* Крор — в индийской системе счисления десять миллионов (прим. перев.).

Бессильный справиться с судьбой, радуйся смерти
Средь тоскливого круговращения блаженства и боли.
Почему, проливая праздные слёзы, человек должен роптать,
Погружаясь в страдание и вздыхая о брате?

Предаваясь лжи и излишествам, люди быстро старятся —
Необразованные глупцы и даже доблестные герои.
Мудрость, в невежестве своём привязанная к мирскому,
Сама становится глупостью.

Так Бодхисаттва наставил этих людей в истине и избавил их от страданий.

* * *

Учитель, закончив своё изложение, открыл Истины (в результате чего землевладелец достиг Плода Первого Пути) и определил перерождения: «В то время мудрецом, который своим религиозным наставлением избавил людей от страданий, был я сам».

318. ДЖАТАКА О ЦВЕТАХ КАНАВЕРЫ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 318 Kanavera-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Это было радостное время...» Это история, рассказанная Учителем в Джетаване, о монахе, которого искушали мысли об оставленной им жене. (Обстоятельства, которые привели к этой истории, будут изложены в «Джатаке о чувствах» [1].) Учитель, обращаясь к этому монаху, сказал: «Однажды из-за неё тебе отрубили голову». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в деревне Каши в семье одного домохозяина под звездой разбойников. Когда он вырос и возмужал, он стал зарабатывать себе на жизнь грабежом, и слава о нём разнеслась по всему свету как о храбром и сильном, как слон, человеке. И никто не мог его изловить. Однажды он

ворвался в дом богатого кушца и похитил много сокровищ. Жители города пришли к царю и сказали: «Государь, могущественный разбойник грабит город; арестуй его!» Царь приказал правителю города схватить грабителя. Ночью тот расставил отряды людей в разных местах и, схватив вора с поличным, доложил об этом царю. Царь приказал отрубить ему голову. Правитель города крепко связал разбойнику руки за спиной и, надев на шею гирлянду из красных цветов канаверы и посыпав голову кирпичной пылью, велел бить его кнутах на каждой площади, а затем под громкий бой барабанов повёл к месту казни. Весь город был сильно взволнован. Люди говорили: «Наконец-то этот ненасытный вор, который грабит наш город, схвачен!».

В то время в Бенаресе жила куртизанка по имени Шама, чьи услуги стоили тысячу монет. Она была фавориткой царя и имела в услужении пятьсот рабынь. И вот, стоя у открытого окна на верхнем этаже дворца, она увидела, как ведут этого разбойника. Он был миловиден и благороден на вид и возвышался над всеми людьми, чрезвычайно славный и богоподобный внешне. Надо сказать, что он был весьма обходителен и хорош собою; подобно молодому богу, он выделялся на фоне всех людей. И когда она увидела, как его ведут мимо, она сразу же влюбилась в него. «Как бы мне сделать этого человека моим мужем?.. Вот как!» – подумала она про себя и послала через одну из своих служанок тысячу монет правителю города. «Скажи ему, – велела она, – что этот разбойник – брат Шамы, и у него нет другого убежища, кроме как у Шамы. Попроси его принять деньги и отпустить пленника». Служанка сделала, как ей было велено. Но правитель ответил: «Это известный разбойник, я не могу отпустить его после того, что он натворил. Но если бы мне удалось найти кого-нибудь другого на замену, я мог бы посадить грабителя в крытую повозку и отправить его к вам». Рабыня пришла и доложила об этом своей госпоже.

В то время один богатый молодой торговец, влюблённый в Шаму, каждый день дарил ей тысячу монет. На закате её возлюбленный, как обычно, пришёл к ней домой с деньгами. Шама взяла деньги, положила их себе на колени и заплакала. Когда торговец спросил, в чём причина её горя, она ответила: «Господин, этот разбойник – мой брат, хотя он никогда не приходил ко мне, потому что люди говорят, что я занимаюсь низким ремеслом. Когда я послала сообщение правителю, он сказал, что отпустит пленника на свободу, если получит тысячу монет. Но теперь я не могу найти никого, кто мог бы пойти и отнести эти деньги».

Юноша, влюблённый в неё, согласился: «Я пойду». «Тогда ступай, — сказала она, — и возьми с собой деньги, которые ты мне принёс». Он взял деньги и отправился в дом правителя. Правитель спрятал молодого торговца в укромном месте и велел отвезти разбойника в закрытой повозке к Шама. Потом он подумал: «Этот грабитель хорошо известен всем. Сначала должно стать совсем темно. А потом, когда все люди уйдут спать, я прикажу казнить этого человека». И вот, под каким-то предлогом отложив казнь на некоторое время, пока люди не удалились в свои дома отдыхать, он послал молодого торговца с большим эскортом к месту казни, отсёк ему голову мечом, пронзил тело и вернулся в город.

С тех пор Шама ничего не принимала из рук других мужчин, но проводила всё своё время, развлекаясь только с этим разбойником. И ему пришла в голову мысль: «Если эта женщина влюбится в кого-нибудь другого, она прикажет убить и меня, а сама будет наслаждаться с ним. Она очень вероломна по отношению к своим друзьям. Я не должен больше оставаться здесь, но должен как можно скорее бежать». Решив так, он подумал: «Я не уйду с пустыми руками, а возьму некоторые её украшения». И вот однажды он сказал Шама: «Дорогая, мы всё время сидим дома, как ручные какаду в клетке. Давай как-нибудь отправимся развлечься в сад». Она охотно согласилась и приготовила всякую еду, твёрдую и мягкую, и надела все свои украшения. Они поехали в сад в закрытой повозке. Развлекаясь с ней, он подумал: «Теперь, должно быть, самое время сбежать». Поэтому, изображая неистовую страсть, он повёл её в заросли кустов канаверы и, притворившись, что обнимает её, сжимал до тех пор, пока она не потеряла сознание. Затем, бросив её на землю, он снял все украшения, завернул их в её верхнюю одежду, взвалил узелок на плечо и, перепрыгнув через садовую ограду, убежал.

Придя в себя, Шама поднялась и спросила своих слуг, что случилось с её молодым господином. «Мы не знаем, госпожа». «Должно быть, он подумал, что я умерла, — сказала она, — испугался и убежал». Расстроенная этой мыслью, она вернулась в свой дом и сказала: «Только когда я снова увижу моего дорогого господина, я смогу отдыхать на роскошном ложе», — и легла на землю. И с того дня она не надевала красивых одежд, не ела больше одного раза в день, не пользовалась благовониями, венками и тому подобным. Решив во что бы то ни стало найти и вернуть своего возлюбленного, она позвала неких лицедеёв и дала им тысячу монет, велев отыскать разбойника. На их вопрос: «Что мы должны сделать для этого, госпожа?» — она сказала: «Пусть не останется такого места, где бы

вы не побывали. Обойдите все деревни, города и селения и, собрав вокруг себя народ, первым делом спойте эту песню». И она научила лицедеёв первой гатхе. «И если мой муж будет среди тех людей, — сказала она, — когда вы споете эту песню, он заговорит с вами. Тогда скажите ему, что я жду его, и приведите ко мне. А если он откажется, дайте мне знать».

И, дав деньги на дорогу, она отпустила их. Они вышли из Бенареса и, собирая людей в разных местах, наконец прибыли в приграничную деревню, где в то время жил сбежавший разбойник. Собрав вокруг себя толпу, лицедеи запели первую гатху:

Это было радостное время весны,
Когда каждый куст и дерево покрыты яркими цветами.
С тех пор, пробудившись от обморока,
Шама живёт — и живёт лишь для тебя.

Разбойник, услышав это, приблизился к певцу и сказал: «Ты говоришь, что Шама жива, но я этому не верю», — и, обращаясь к нему, произнёс вторую гатху:

Могут ли свирепые ветры сотрясать горы?
Могут ли они заставить земную твердь содрогнуться?
Но увидеть ожившего мертвеца —
Ради этого чуда стоило бы отправиться далеко!

Лицедей, услышав эти слова, произнёс третью гатху:

Нет, Шама точно не умерла,
И никого не зовёт своим господином.
Она отказалась от всех приёмов пищи, кроме одного.
Она любит тебя и только тебя.

Разбойник, услышав это, сказал: «Жива она или мертва, она мне не нужна», — и с этими словами произнёс четвёртую гатху:

Фантазии Шамы всегда блуждают
От твёрдой веры до легкомысленного увлечения:
Она и меня точно так же предаст.
Разве я не должен был бежать?

Лицедееи вернулись и рассказали Шаме, как он с ними поступил. И она, полная разочарования, вновь вернулась к своему прежнему образу жизни.

* * *

Учитель, закончив наставление, открыл Четыре Благородные Истины (в результате чего брат-мирянин достиг Плода Первого Пути) и так связал перерождения: «В то время этот брат был сыном богатого торговца, жена, которую он оставил, была Шамой, а я был разбойником».

Комментарии

1 No 423.

319. ДЖАТАКА О КУРОПАТКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 319 Tittira-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Счастливую жизнь...» Эту историю о старце Рахуле Учитель рассказал, когда жил в монастыре Бадарика близ Косамби. Предваряющая история уже была полностью изложена в «Джатаке о хитром олене» [1]. И вот, когда монахи в Зале Истины восхваляли достопочтенного Рахулу и говорили о нём как о любящем наставления, скрупулёзном и терпеливом к упрёкам, Учитель подошёл и, уловив предмет их беседы, сказал: «Не только теперь, но и прежде Рахула обладал всеми этими добродетелями». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов. Когда он вырос, он прошёл обучение в Таккасиле и, оставив мир, посвятил себя отшельнической жизни в Гималаях и развил все способности и достоинства. Там, наслаждаясь экзотической медитацией, он жил в красивой роще. Однажды он отправился в приграничную деревню за солью и уксусом. Люди, увидев его, обратились к вере и построили ему хижину из листьев в лесу, снабдив его всем, что требуется отшельнику.

В это время в деревне один птицелов поймал куропатку, чтобы использовать в качестве приманки. Посадив в клетку, он обучал её и заботливо ухаживал за ней. Потом он отнёс её в лес, чтобы она своим криком заманила в ловушку приблизившихся к ней других куропаток. Тогда куропатка подумала: «Из-за меня многие мои сородичи нашли свою гибель. Это дурной поступок с моей стороны». Поэтому она замолчала. Когда хозяин обнаружил, что птица затихла, он ударил её по голове бамбуковой палкой. Куропатка стала кричать от боли. Так птицелов зарабатывал на жизнь тем, что заманивал в ловушку других куропаток. И тут куропатка задумалась: «Хорошо, допустим, они умрут. С моей стороны нет никакого злого умысла. Влияют ли на меня дурные последствия моих действий? Когда я молчу, они не приходят, но когда я кричу, они бегут на мой голос. И всех их этот парень ловит и предаёт смерти. Есть ли здесь какой-нибудь грех с моей стороны или нет?» И, терзаясь единственной мыслью: «Кто же, воистину, разрешит мои сомнения?» — куропатка стала думать о поисках такого мудреца.

Однажды птицелов поймал в силки много куропаток и, наполнив ими свою корзину, зашёл в обитель Бодхисаттвы, чтобы попросить глоток воды. Поставив клетку рядом с Бодхисаттвой, он выпил немного воды, лёг на песок и уснул. Куропатка, заметив, что птицелов спит, подумала: «Я спрошу этого отшельника о моих сомнениях — возможно, он сможет разрешить их». И, сидя в своей клетке, она произнесла первую гатху в форме вопроса:

Счастливую жизнь я веду весь день,
Пища обильная есть у меня и питьё...
И всё же положение моё незавидно.
Каким будет мое будущее состояние?

Бодхисаттва в ответ произнёс вторую гатху:

Если в твоём сердце нет зла,
Если подлость не движет тобой,
Если ты играешь пассивную роль, —
Грех не пристанет к тебе.

Куропатка, услышав это, произнесла третью гатху:

Смотри! Вот мои сородичи!
На мой крик они сбегались гурьбой.
Буду ли я виновна в их смерти?
Пожалуйста, разреши мои сомнения.

Услышав это, Бодхисаттва произнёс четвертую гатху:

Если в сердце нет греха,
Поступок будет невинным.
Тот, кто играет пассивную роль,
От всякой вины считается освобождённым.

Так Великосущный утешил куропатку, и птица освободилась от угрызений совести. Затем проснувшийся птицелов попрощался с Бодхисаттвой, взял свою клетку и удалился.

* * *

Учитель, закончив свою речь, отождествил перерождения: «В то время Рахула был куропаткой, а я сам был отшельником».

Комментарии

1 № 16, том I.

320. ДЖАТАКА О ЛЕГКО ПРИОБРЕТЁННОМ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 320 Succaja-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Он мог бы дать...» Эта история об одном землевладельце была рассказана Учителем, когда он жил в Джетаване. Рассказывают, что этот человек отправился с женой в деревню, чтобы собрать долги. Забрав повозку в качестве компенсации за то, что ему причиталось, он сдал её на хранение одной семье, намереваясь забрать её позже. По дороге в Саваттхи они увидели гору. Жена спросила: «Если бы вдруг эта гора стала полностью золотой, ты бы отдал мне часть её?» «Кто ты такая? — ответил он. — Я не дал бы тебе ни кусочка». «Увы! — воскликнула она. —

Какой он жестокосердный человек! Из целой горы чистого золота он не дал бы мне и крохотной частицы». Она была очень рассержена.

Придя в Джетавану, они захотели пить и зашли в монастырь. Учитель заметил в них возможность к просветлению. Он сидел в своей благоухающей келье, ожидая их прихода, и испускал шестицветные лучи Буддовости. Утолив жажду, они подошли к Учителю и, почтительно поклонившись ему, сели. После обычных приветственных любезностей он спросил их, где они были. «Мы ходили, Преподобный, взыскивать долги». «Сестра-мирянка, — сказал он, — надеюсь, твой муж заботится о тебе и готов сделать тебе благо». «Преподобный, — ответила женщина, — я очень привязана к нему, но он не любит меня. Сегодня, увидев гору, я спросил его: «Если бы это было чистое золото, ты дал бы мне немного?» И он ответил: «Кто ты такая? Я бы не дал тебе и мельчайшей частицы», — так жестокосерден он». «Сестра-мирянка, — сказал Учитель, — это он так говорит. Но всякий раз, когда он вспоминает о твоих добродетелях, он готов дать тебе господство над всем». «Расскажи нам об этом, Преподобный», — попросили они. И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был его советником, служа ему, как необходимо. Однажды царский сын, который был наместником, пришёл засвидетельствовать царю своё почтение. Царь подумал про себя: «Этот парень может причинить мне зло, если ему представится такая возможность». Поэтому он сказал сыну: «Пока я жив, ты не можешь оставаться в этом городе. Живи где-нибудь в другом месте, а после моей смерти станешь править царством». Он согласился на эти условия и, попрощавшись с отцом, отправился из Бенареса вместе со своей старшей женой. Придя в приграничную деревню, он построил себе хижину из листьев в лесу и остался там, питаясь дикими кореньями и плодами. Вскоре царь умер. Молодой наместник, наблюдая за звёздами, узнал о смерти своего отца. Когда они с женой возвращались в Бенарес, то увидели гору. Его жена спросила: «Если бы, господин, вон та гора превратилась в чистое золото, ты дал бы мне немного?» «Кто ты такая? — воскликнул он. — Я не дам тебе и крупинки». Она подумала: «Из любви к нему я пошла в этот лес, не имея и мысли покинуть его, а он говорит со мной так. Он очень жесток, и если он станет царём, что хорошего он мне сделает?» И у неё заболело сердце.

Прибыв в Бенарес, он воссел на трон и возвысил её до звания верховной царицы. Он лишь возвёл её в такой высокий ранг, но не оказывал ей никакого почтения и вообще не замечал её. Бодхисаттва подумал: «Эта царица была помощницей царя, несмотря на все невзгоды, и жила с ним в глуши. Но он, не считаясь с этим, развлекается с другими женщинами. Я сделаю так, что она получит господство над всеми». И с этой мыслью он пошёл однажды и, поклонившись ей, сказал: «Госпожа, я не получаю от тебя даже горсточку риса. Почему ты так жестокосердна и почему так пренебрегаешь мной?» «Друг мой, — ответила она, — если бы я сама что-нибудь получила, я бы отдала это тебе, но если я ничего не получаю, то что я могу отдать? Что, скажи на милость, может дать мне царь? По дороге сюда, когда я его спросила: «Если бы вон та гора была из чистого золота, ты бы мне дал что-нибудь?» — он ответил: «Кто ты такая? Я бы тебе ничего не дал»». «Не могла бы ты повторить всё это перед царём?» — спросил советник. «Почему бы и нет, друг», — ответила она. «Тогда я в присутствии царя задам вопрос, — сказал он, — а ты должна повторить всё это». «Договорились, друг», — согласилась она. Итак, Бодхисаттва, после того как засвидетельствовал своё почтение царю, спросил царицу: «Разве я не должен получать что-нибудь из твоих рук, госпожа?» «Господин, — ответила она, — когда я что-нибудь получу, я вам что-нибудь дам. Но скажи на милость, что царь может дать мне теперь? Когда мы вышли из леса и увидели гору, я спросила его: «Если бы вон та гора была из чистого золота, ты бы дал мне немного?» «Кто ты такая? — спросил он. — Я тебе ничего не дам». Этими словами он отказал мне в том, что было легко дать». Чтобы проиллюстрировать сказанное, она произнесла первую гатху:

Он мог бы дать совсем немного,
Не потеряв при этом ничего.
Я дарую золотые горы;
Он на всё, что я прошу, отвечает: «Нет».

Услышав это, царь произнёс вторую гатху:

Когда ты можешь — скажи: «Да, я сделаю это».
Когда не можешь — не обещай ничего.
Невыполненные обещания — это ложь;
Лжецов все мудрецы презирают.

Услышав это, царица, подняв сложенные в почтительном приветствии руки, произнесла третью гатху:

Утвердившись в праведности,
тебя, о государь, мы смиренно благословляем.
Судьба может разрушить всё;
Но истина по-прежнему твоя единственная отрада.

Бодхисаттва, услышав, как царица восхваляет царя, перечислил её добродетели и повторил четвёртую гатху:

Воистину, это несравненная жена,
Разделяющая счастье и горе жизни
В любых превратностях судьбы,
Достойная супруга правителя!

Воспев хвалу царице, Бодхисаттва добавил: «Эта госпожа, ваше величество, во время ваших невзгод жила с вами в лесу и разделяла ваши печали. Вы должны оказать ей почести». При этих словах царь вспомнил о добродетелях царицы и сказал: «Мудрый господин, твои слова напомнили мне о добродетелях царицы», — и он отдал всю власть в её руки. Более того, он даровал Бодхисаттве великое могущество. «Потому что именно ты, — сказал он, — напомнил мне о добродетелях царицы».

* * *

Учитель, закончив наставление, открыл Четыре Благородные Истины (по завершении Истин муж и жена достигли Плода Первого Пути) и так отождествил перерождения: «В то время этот землевладелец был правителем Бенареса, эта сестра-мирянка была царицей, а я сам был мудрым советником».

321. ДЖАТАКА О РАЗРУШИТЕЛЕ ХИЖИНЫ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 321 Kutidusaka-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Обезьяна, чьи ноги...» Эту историю о молодом ученике, который сжёг хижину из листьев старца Махакашьяпы, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Инцидент, который привёл к этой истории, произошёл в Раджагахе. В то время, говорят, старец жил в келье в лесу близ Раджагахи. Два юных послушника прислуживали ему. Один из них был услужлив и почтителен к старцу, другой вёл себя плохо. Что бы ни делал его товарищ, он поворачивал всё так, как если бы это делал он сам. Например, когда первый юноша приготовил воду для полоскания рта, он пошёл к старцу и, поприветствовав его, сказал: «Господин, вода готова. Пожалуйста прополоскать рот». И когда товарищ его вставал и подметал келью, как только появлялся старец, он переставлял вещами туда-сюда и делал вид, будто всю келью вымел сам.

Послушный ученик подумал: «Этот дурно воспитанный парень притворяется, как будто сам делает всё, что делаю я. Я разоблачу его хитрое поведение». И вот, когда молодой пройдоха вернулся из деревни и заснул после еды, он нагрел воду для купания и спрятал её в дальней комнате, а затем налил небольшое количество воды в котёл. Другой парень, проснувшись, увидел поднимающийся пар и подумал: «Без сомнения, наш друг нагрел воду для купания». Поэтому, подойдя к старцу, он сказал: «Господин, вода готова. Пожалуйста в купальню». Старец пошёл с ним мыться и, не найдя воды в купальне, спросил, где она. Юноша поспешно подошёл и опустил ковш в пустой котел. Ковш ударился о дно и издал дребезжащий звук. (С тех пор юноша получил прозвище «Дребезжащий Ковш».) В этот момент другой парень принёс воду из дальней комнаты и сказал: «Господин, пожалуйста искупаться». Старец искупался и, зная теперь о проступке Дребезжащего Ковша, когда тот пришел вечером к нему, упрекнул его и сказал: «Когда тот, кто дал монашеский обет, сделал что-то сам, только тогда он имеет право сказать: «Я сделал это». Отныне не веди себя так».

Юноша рассердился на старца и на другой день отказался идти с ним в город просить подаяние. Но другой парень сопровождал старца. А Дребезжащий Ковш отправился навестить семью слуг старца. Когда

они спросили, где старец, он ответил, что тот болен и остался дома. Они спросили, что ему нужно. «Дайте мне то-то и то-то», — ответил юноша. Получив то, что просил, он съел его в укромном месте и вернулся в жилище старца. На следующий день старец посетил эту семью. Его спросили: «Вам нездоровится? Вчера, говорят, вы остались дома. Мы послали вам немного еды вместе с таким-то парнем. Ваше преподобие получили её?» Старец промолчал и, покончив с трапезой, вернулся в свою обитель.

Вечером, когда пришёл послушник, старец обратился к нему так: «Ты ходил просить подаяние в такую-то семью и в такую-то деревню. И ты сказал: «Старец должен есть то-то и то-то». А потом, говорят, ты сам всё это съел. Такое попрошайничество в высшей степени неприлично. Смотри, чтобы такое больше не повторилось».

Юноша затаил обиду на старца. «Вчера он из-за ничтожного повода затеял со мной ссору, — подумал он. — И теперь, возмущённый тем, что я съел горсть риса в доме его слуг, он снова бранит меня. Что ж, я найду верный способ справиться с ним». На следующий день, когда старец отправился в город за подаянием, он взял молоток, разбил всю посуду, поджёг хижину из листьев и пустился наутёк. Ещё при жизни он сделался голодным духом в мире людей и постепенно зачах, а когда умер, возродился в Великом аду Авичи. И слава о его злодеяниях распространилась среди людей.

И вот однажды несколько монахов пришли из Раджагахи в Саваттхи. Оставив свои чаши и накидки в общей комнате, они поклонились Учителю и сели. Учитель любезно поинтересовался, откуда они пришли. «Из Раджагахи, господин». «Какой учитель там проповедует?» «Великий Кашьяпа, господин». «В порядке ли Кашьяпа, братья?» — спросил он. «Да, ваше преподобие, Кашьяпа здоров. Но один молодой монах так рассердился из-за порицаний старца, что поджёг его хижину из листьев и убежал». Услыхав это, Учитель сказал: «Братья, одиночество для Кашьяпы лучше, чем общение с таким глупцом». И с этими словами он пропел гатху из Дхаммапады:

Странствовать с грубой толпой откажись,
И общения с глупцами избегай;
В товарищи выбирай равного себе,
Или же в одиночестве свой путь совершай.

Вновь обратившись к монахам, он добавил: «Не только теперь, братья, этот юноша разрушил хижину и разгневался на того, кто упрекнул его. В прежние времена он тоже гневался». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в виде молодой птицы сингила*. Когда он вырос, то поселился в Гималаях, построив себе удобное гнездо, защищённое от дождя. И вот однажды в сезон дождей, когда ливень лил, не прекращаясь, некая обезьяна сидела неподалёку от Бодхисаттвы, стуча зубами от сильного холода. Бодхисаттва, видя её бедственное положение, заговорил с ней и произнёс первую гатху:

Обезьяна, чьи ноги, руки и лицо
Так похожи на человеческие,
Почему ты не построишь себе жилище,
Чтобы укрыться от непогоды?

Обезьяна, услышав это, ответила второй гатхой:

Хоть ногами, руками и лицом, о птица,
Я и похожа на человека,
Но разумом — главным благом, дарованным ему, —
Я не наделена.

Бодхисаттва, услышав это, произнёс ещё два двустишия:

Тот, чей ум непостоянен и изменчив,
Ни в чём не сможет найти счастья.
Обезьяна, старайся в добродетели преуспеть,
И, чтобы защититься от непогоды, сложи хижину из листьев.

Обезьяна подумала: «Это существо, живя в месте, защищённом от дождя, издевается надо мной. Я не позволю ему спокойно отдыхать в тёплом гнезде». Она бросилась на Бодхисаттву, пытаясь схватить его. Но Бодхисаттва вспорхнул и улетел прочь. А обезьяна, разрушив его гнездо, убежала.

* Сингила (Singila) — разновидность рогатой птицы (прим. перев.).

Учитель, закончив рассказ, так связал перерождения: «В то время юноша, который поджёт хижину, был обезьяной, а я сам был птицей синицей».

322. ДЖАТАКА О ПУГАЮЩЕМ ЗВУКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 322 Daddabha-Jataka)

Перевод Б. А. Захарьина

Со слов «Пугающее "бух"...» Учитель — он жил тогда в роще Джеты — начал рассказ об иноверцах.

Говорят, что иноверцы селились во всех местах вблизи рощи Джеты: устраивали себе лежа на охапках колючих веток, подвизались в пяти видах подвига и шли всеми путями неправедных самоистязаний.

И вот как-то несколько монахов, собрав в Шравастии подаяние, возвращались в рощу Джеты и увидели на пути своём подвизающихся в неправедных подвигах. Пришли в обитель, узрели Учителя и спросили:

— Есть ли, почтенный, хоть толика благости в обетах, кои столь рьяно блюдут те, что идут путём чужой веры, и есть ли в них смысл?

— Нет, братия, — отвечив Учитель, — Нет в их обетах ни благости, ни смысла. Их деяния в неприкрытом виде — всё равно что лепёшка навоза на тропинке, или звук «бух!», так устроивший зайца!

— Мы не знаем, почтенный, что это за страшный звук, расскажи! — попросили монахи.

И, вняв их просьбе, Учитель поведал о прошлом.

В стародавние времена, когда правил в Варанаси царь Брахмадатта, Бодхисаттва обрёл земное воплощение в лоне львицы. Появился на свет, а когда повзрослел — поселился в лесу. В ту пору была на берегу бескрайнего моря роща, где росли пальмы и дикие яблони. В норе под одной из таких яблонь, в тени молодой пальмы жил заяц. Однажды, вволю нагулявшись и досыта наевшись, вернулся тот заяц к себе, разлёгся под пальмой и предался думам. «А что, если, — размышлял заяц, — земля вдруг разверзнется, куда же денусь я?!» Не успел он так подумать, как с яблони сорвался спелый плод и с шумом свалился на пальму. «Так и есть, разверзлась земная твердь!» — решил заяц, заслышав шум, подско-чил и помчался прочь без оглядки.

Другой заяц увидал, как он мчится, не помня себя от страха, и закричал вслед:

– Что стряслось, куда бежишь ты, чем так напуган?!

– Не спрашивай, друг! – отвечал первый заяц.

Второй не отставал, восклицая: «Что же стряслось? Что случилось?»

Первый остановился на миг и, не оглядываясь, крикнул:

– Здесь разверзлась земля!

Услышав это, второй заяц тоже кинулся бежать. Его увидал третий заяц, того – ещё один. По пути приставали к ним всё новые зайцы, и так набралось мчавшихся зайцев целых сто тысяч.

«Что стряслось?» – видя их, вопрошали олень, кабан, антилопа, буйвол, лесной бык, носорог, тигр, лев, слон. И, слыша в ответ: «Здесь разверзлась земля!» – мчались следом. Так мало-помалу собралась великая сила зверья, и растянулись они чуть ли не на йоджану!

Увидал бегущих зверей Бодхисаттва, вскричал: «Что стряслось?!» – и, в ответ услышав: «Здесь разверзлась земля!» – подумал: «Ещё никогда не случалось такого, чтобы разверзлась земля! Должно быть, слух обманул их, и они бегут, обуянные страхом. Надо мне, не мешкая, действовать, иначе все они погибнут! Спасу же их жизни!»

И, будучи в ту пору львом, Бодхисаттва помчался впереди всех к подножию горы, остановился и трижды громко взревел. Устрашённые львиным рыком звери, сгрудившись, замерли на месте. Пройдя меж ними, лев спросил, в чём причина их бегства.

– Земля разверзается! – отвечали ему.

– А кто видел, как она разверзается? – спросил лев.

– Слоны про то знают! – отвечали ему.

Спросил Бодхисаттва слонов, те ответили: «Мы не знаем, львы знают!»

Львы же сказали: «Мы не знаем, тигры знают!»

Тигры сказали: «Мы не знаем, носороги знают!»

Носороги сказали: «Лесные быки знают!»

Быки же сказали: «Буйволы знают!»

Буйволы сказали: «Антилопы!»

Антилопы сказали: «Кабаны!»

Кабаны сказали: «Олени!»

Олени сказали: «Мы не знаем, зайцы знают!»

Зайцы же при расспросах указали на того первого зайца, говоря: «Это он сказал: «Здесь земля разверзлась!»».

И спросил тогда лев того зайца:

— Это правда, любезный, что разверзлась земля?

— Да, господин, — отвечал заяц, — я сам это видел.

— А где же ты был, когда видел? — спросил лев.

— Господин, — отвечал заяц, — есть вблизи моря роща, растут в той роще пальмы и яблони. И вот, лёжа в тени молодой пальмы возле своей норы, у самых корней лесной яблони, я отдался мыслям о том, куда денусь, если земля вдруг разверзнется. И не успел так подумать, как услышал грохот и кинулся прочь!

Лев подметил: «Не иначе как спелое яблоко с шумом свалилось на пальму, а заяц, услышав это «бух!», решил, что разверзлась земля, подскочил и помчался прочь! Расспрошу-ка его хорошенько!»

И, сграбастав зайца, лев обратился к великому сонмищу зверья с такими словами: «Сейчас я отправлюсь на то самое место, которое указал заяц, узнаю доподлинно, правда ли, что разверзлась земля, и вернусь, а вы ждите меня здесь!» Молвил так Бодхисаттва, забросил зайца на спину и помчался могучими прыжками, как и положено льву, к пальмовой роще.

Там он спустил зайца со спины и велел ему указать место, где, как он видел, разверзлась земля.

— Не дерзну, господин! — молвил заяц.

— Ступай, не бойся! — приказал лев.

Заяц же, не в силах одолеть страх и подойти к яблоне, стал в отдалении и, воскликнув: «Вот, господин, то самое место, где раздался устрашающий звук "бух!"» — пропел такой стих:

Пугающее «бух!» вот здесь,
Где я лежал, вдруг раздалось.
И я не знаю, господин,
Что это был за страшный звук!

Услышав речи зайца, лев приблизился к норе у корней яблони и обозрел место, где лежал заяц в тени пальмы, когда спелое яблоко с шумом свалилось в листву. Уверившись всецело, что земля не разверзлась, Бодхисаттва вновь посадил зайца на спину и, как положено льву, быстро воротился к ожидавшим его зверям. Поведав им обо всём, он успокоил зверей, говоря: «Не бойтесь!» — и с тем отпустил их на все четыре стороны.

Не успокой зверей Бодхисаттва, они кинулись бы в море и там погибли. Только благодаря Бодхисаттве звери остались в живых.
А Учитель заключил так:

Плода паденьем утрашён,
Пустился заяц наутёк,
А зайца речи услышав,
Помчалось в страхе всё зверьё!

Не выяснив, чем вызван шум,
Чужим словам доверилось
И в безрассудстве глупости
Чужим путём низринулось.

Духовной силою крепки,
В покое мудром благостны,
Отринув страсти, стойкие
Чужим путём не следуют!

Закончив своё наставление в дхарме, Учитель истолковал рассказ, так связав перерождения: «Львом тогда был я сам».

323. ДЖАТАКА О БРАХМАДАТТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 323 Brahmadata-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Таково свойство...» Эта история о правилах, которые должны соблюдаться монахами, была рассказана Учителем, когда он жил в святилище Аггалава рядом с Алави [1].

Вступление уже было изложено в «Джатаке о драгоценном горле» [2], но на этот раз Учитель спросил: «Правда ли, братья, что вы живёте здесь, настойчиво выпрашивая подаяние?» И когда они ответили: «Да», он с упрёком сказал: «В прежние дни мудрые, когда царь предложил им сделать выбор, не осмелились произнести ни слова в

присутствия народа, но говорили с ним наедине, хотя и жаждали попросить пару башмаков. Они поступали так из опасения совершить насилие над их чувствительной и деликатной натурой». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена в царстве Кампиллака, когда царь Панчала правил в Северной Панчале, Бодхисаттва родился в семье браминов в торговом городе. Когда он вырос, он выучился в Таккасиле. Впоследствии, став отшельником и поселившись в Гималаях, он долгое время жил тем, что мог собрать, питаясь дикими плодами и кореньями. Однажды, странствуя по селениям с целью раздобыть соль и уксус, он пришёл в город на севере Панчалы и поселился в царском саду. На следующий день, отправившись в город за подаянием, он оказался у царских ворот. Царю так понравились его манеры и поведение, что он посадил отшельника на помост и накормил едой, достойной правителя, а затем торжественно пообещал предоставить в своём саду место для ночлега.

Отшельник поселился в царском саду, а в конце сезона дождей, желая вернуться в Гималаи, он подумал: «Если я отправлюсь в это путешествие, я должен купить пару башмаков с одной подошвой [3] и зонтик из листьев. Попрошу-ка я их у царя». Как-то раз, встретив в саду царя, он поздоровался с ним и решил попросить обувь и зонтик. Но его вторая мысль была: «Человек, который просит другого, говоря: «Дай мне то-то и то-то», склонен проливать слёзы. И другой человек тоже, когда отказывает, говоря: «У меня этого нет», в свою очередь тоже плачет». И чтобы люди не видели, как плачет он сам или царь, отшельник решил: «Мы оба будем незаметно плакать в каком-нибудь потаённом месте». Поэтому он сказал: «Великий царь, я хочу поговорить с тобой наедине». Царские слуги, услышав это, удалились. Бодхисаттва подумал: «Если царь откажет в моей просьбе, нашей дружбе придёт конец. Поэтому я не стану просить его ни о чём». Так и не осмелившись заговорить на эту тему, он сказал: «Ступай, великий царь, я сам позабочусь обо всём».

На следующий день, когда царь пришёл в сад и стал разговаривать, как и прежде, о том и о сём, отшельник опять не смог сформулировать свою просьбу. Так прошло двенадцать лет.

В конце концов царь подумал: «Этот святой отшельник сказал: "Я хочу поговорить с глазу на глаз", — а когда придворные ушли, у него не хватило смелости заговорить. И пока он желал этого, прошло две-

надцать лет. Я подозреваю, что после столь долгой монашеской жизни он сожалеет о мире. Он жаждет наслаждений и власти. Но, будучи не в состоянии произнести слово «царство», он молчит. Сегодня я предложу ему всё, что он пожелает, начиная с моего царства». Он вышел в сад и, усевшись, поприветствовал отшельника. Бодхисаттва попросил разрешения поговорить с ним наедине, и когда придворные удалились, он опять не смог произнести ни слова. Царь сказал: «В течение двенадцати лет ты просил меня поговорить наедине, а когда у тебя была такая возможность, не мог вымолвить ни слова. Я предлагаю тебе всё, начиная с моего царства. Не бойся, проси всё, что тебе угодно».

«Великий царь, — сказал отшельник, — так ты дашь мне то, что я хочу?»

«Да, преподобный, я всё сделаю».

«Великий царь, чтобы отправиться в путь, мне нужна пара башмаков с одной подошвой и зонтик из листьев».

«Неужели ты не мог в течение двенадцати лет просить о таком пустяке?»

«Это правда, великий царь».

«Почему же ты так поступал?»

«Великий царь, человек, который говорит: «Дай мне то-то и то-то», проливает слёзы, а тот, кто отказывает и говорит: «У меня этого нет», в свою очередь тоже плачет. Если бы ты отказал мне в моей просьбе, я не хотел бы, чтобы люди видели, как мы оба льём слёзы. Вот почему я попросил о беседе наедине». Затем он произнёс три гатхи:

Таково свойство просьбы, о царь, —
Приносить богатый дар или отказ.

Просящий, о владыка Панчалы, плачет в свой слабости,
И тот, кто отказывает, тоже проливает слёзы.

Чтобы люди не видели наших слёз,
Свою мольбу я шепчу тебе тайно.

Царь, тронутый таким знаком уважения со стороны Бодхисаттвы, поднёс ему дары и пропел четвёртую гатху:

Брамин, я предлагаю тебе тысячу коров,
Стадо рыжих коров во главе с вожакom.

Услышав теперь твои великодушные слова,
Я в свою очередь взволнован благородным поступком.

Но Бодхисаттва ответил: «Я не желаю материальных удовольствий, господин. Дай мне только то, о чём прошу». Он взял пару башмаков с одной подошвой и зонтик из листьев и призвал царя старательно следовать нравственным предписаниям и соблюдать постные дни. И хотя царь умолял его остаться, он отправился в Гималаи, где развил все свои способности и достоинства и достиг перерождения в мире Брахмы.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, так связал перерождения: «В то время Ананда был царём, а я сам был отшельником».

Комментарии

1 См. *Suttavibhaṅga*, VI, 1.

2 № 253, том II.

3 См. *Mahāvagga*, т. 1. 28. Башмаки с более чем одной подошвой не должны были носить монахи, за исключением тех случаев, когда они были сброшены другими.

324. ДЖАТАКА О МОНАХЕ, ОБЛАЧЁННОМ В КОЖУ (Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 324 Cammasataka-Jataka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

Словами «Ведь благостно обличие...» Учитель — он жил тогда в роще Джеты — начал свой рассказ о странствующем подвижнике, облачённом в кожу.

Говорят, у того подвижника всё было из кожи: и верхнее, и исподнее. И вот как-то вышел он за ворота святой обители и принялся бродить по Шравастии, собирая подаяние, когда вдруг наткнулся на площадку, где проходили бараньи бои. Завидев монаха, один из баранов стал пятиться, готовясь его боднуть. Монах же, думая: «Это он мне выказывает почтение!» — не посторонился, и баран, разбежавшись, изо всех сил ударил его рогом в бедро и сбил с ног.

О том, как баран «почтил» монаха, стало известно в монашеской среде. И, сойдясь в обители дхармы, монахи принялись толковать о том, как погиб подвижник, одетый в кожу, когда вообразил, что ему выказывают почтение. Учитель же, войдя к ним, спросил: «Ради какой такой беседы вы собрались здесь, братия?» И, услышав их ответ, молвил: «Не только ныне, братия, но и прежде влёкся он к гибели, полагая, что ему выказывают почтение!» И, говоря так, Учитель поведал о прошлом.

«В давние времена, когда в Варанаси правил царь Брахмадатта, бодхисаттва обрёл земное рождение в семье торговца и занимался торговлей. И однажды некий одетый в кожу подвижник, собирая подаяние в Варанаси, очутился у места, где происходили бараньи бои. Заметив попятившегося барана, подвижник решил, что тот выказывает ему почтение, и, вместо того чтобы отойти в сторону, приветственно сложил у груди руки и, думая: «Среди всех подобных ему самцов этот баран – единственный, кто ведает о моих достоинствах!» – спел, оставаясь на своём месте, такую гатху:

Ведь благостно обличие сего четвероногого!
Любезен и учтив баран, великий в круторогости!
Он, достославный, чтит меня,
В познание мантр искусного!

И на это восседавший в лавке умудрённый торговец, желая образумить подвижника, спел в ответ такой стих:

Четвероногого обличьем не пленяйся,
О брахман, не выказывай доверья:
Жестокий нанести удар желая,
Баран тот пятится, готовясь к нападению!

И не успел премудрый торговец умолкнуть, как баран, разбежавшись, что было сил ударил подвижника рогом в бедро. Стеная от боли, тот рухнул на землю. Учитель же, объясняя случившееся, спел такую гатху:

Разбиты бедренная кость, и чаша для даров,
И всё добро, что брахман в мире чтит!

Он вопиет: «Спасите! Помогите!
Здесь гибнет брахмачарин достолавный!»

Подвижник же пропел:

Глупцом-бараном всякий будет сбит,
Кто, мне подобно, недостойного почитит!

И, стеная, он расстался с жизнью».

Наставив в истине, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «Облачённый в кожу тогда был тот же, что и ныне, премудрым же торговцем был я сам».

325. ДЖАТАКА О ЯЩЕРИЦЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 325 Godha-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольпинской

«Тот, кто играет...» Эта история о некоем монахе-мошеннике была рассказана Учителем, когда он жил в Джетаване. Вступительный рассказ уже был дан полностью. Но на этот раз монахи привели его к Учителю и разоблачили, сказав: «Святейший, этот брат – обманщик». Учитель сказал: «Не только теперь, но и прежде он был мошенником». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в виде молодой ящерицы, а когда вырос и окреп, стал жить в лесу. И некий нечестивый отшельник построил хижину из листьев и поселился рядом с ним. Бодхисаттва, бродя вокруг в поисках пищи, увидел эту хижину и подумал про себя: «Эта хижина, должно быть, принадлежит какому-то святому подвижнику». Он подошёл, поклонился отшельнику и вернулся к себе.

И вот однажды этот лжеподвижник съел какую-то вкусную пищу, приготовленную в доме одного из своих слуг, и спросил, что это за

мясо. Услышав, что это было мясо ящерицы, он, будучи полностью зависим от своей любви к лакомствам, подумал: «Я убью ящерицу, которая постоянно приходит к моей хижине, приготовлю её по своему вкусу и съем».

Он взял немного топлёного масла, сыра, приправ и тому подобного, а также захватил дубинку, спрятав её под своей жёлтой одеждой. Вернувшись к себе, он уселся совершенно неподвижно у двери хижины, ожидая прихода Бодхисаттвы, и сидел так тихо, как только возможно.

Увидел этого порочного человека, Бодхисаттва догадался: «Этот негодяй, должно быть, ел плоть моих сородичей. Я проверю это». Он встал с подветренной стороны и, почуяв запах, понял, что тот ел мясо ящерицы. Тогда, не приближаясь к отшельнику, он повернулся и пошёл прочь. Отшельник, увидев, что он удаляется, бросил в него свою дубинку. Дубинка пролетела мимо, только едва коснулась кончика хвоста. Отшельник сказал: «Я упустил тебя». Бодхисаттва ответил: «Да, ты упустил меня, но ты не упустишь четырёх состояний страдания». Он убежал и укрылся в муравейнике, который находился в конце крытой галереи, и, высунув голову в какое-то отверстие, обратился к отшельнику такими двумя гатхами:

Тот, кто играет роль отшельника,
Должен проявлять самообладание.
Ты запустил в меня своей дубинкой;
Должно быть, ты фальшивый отшельник.

Спутанные волосы и одеяние из кожи
Служат для того, чтобы скрыть тайный порок.
Глупец! Ты с виду чист,
Но внутри у тебя грязь.

Услышав это, отшельник ответил третьей гатхой:

Прошу тебя, ящерица, скорее вернись,
У меня нет недостатка в масле и соли,
А также в перце; я бы добавил
К отварному рису ещё и цедру.

Бодхисаттва, услышав это, произнёс четвёртую гатху:

Среди муравьиного роя
Я надёжно укрыт.
Это пустая болтовня о масле и соли,
А перец я терпеть не могу.

Кроме того, он угрожал ему, говоря: «Фи! Фальшивый отшельник, если ты будешь и дальше находиться здесь, я прикажу людям, живущим поблизости, схватить тебя, как вора, и предать смерти. Так что поторопись убраться!» И лжеотшельник покинул это место.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, так связал перерождения: «В то время монах-мошенник был ложным отшельником, а я сам был ящерицей».

Комментарии

1 Сравните № 277, том II.

326. ДЖАТАКА О ЦВЕТКЕ КАККАРУ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 326 Kakkaru-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Тот, кто от несправедливых поступков...» Эта история о Девадатте была рассказана Учителем во время пребывания в Джетаване. После того, как Девадатта вызвал раскол в собрании, когда он уходил со своими главными учениками, горячая струя крови хлынула из его рта. Монахи обсуждали этот вопрос в Зале Истины и говорили, что Девадатта, изрекая ложь, создал раскол, а затем заболел и перенёс сильное кровотечение. Учитель вошёл и спросил, что обсуждают монахи, сидя в собрании, и, получив ответ, сказал: «Не только теперь, братья, но и прежде этот человек был лжецом, и не только теперь, но и прежде он страдал от боли в наказание за ложь». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился неким богом на небесах Тридцати Трёх. В это время в Бенаресе был большой праздник. Толпа нагов, птиц Гаруд и земных божеств пришла посмотреть на праздник. И четыре божественных существа с небес Тридцати Трёх, украшенные гирляндами из небесных цветов каккару, тоже пришли посмотреть на праздник. Город на двенадцать лиг* вокруг был наполнен благоуханием этих цветов. Люди ходили вокруг, гадая, кто носит такие гирлянды. Боги сказали: «Они наблюдают за нами», — и, взлетев с царского двора, с помощью сверхъестественной силы они застыли в воздухе. Собралась толпа, и царь со своими подданными вышел и спросил, из какого мира богов они прибыли.

«Мы прибыли с небес Тридцати Трёх».

«Зачем вы пришли?»

«Чтобы посмотреть на праздник».

«Что это за цветы?»

«Их зовут небесными цветами каккару».

«Господа, — сказали люди, — в мире богов вы можете носить и другие цветы. Отдайте их нам».

Боги ответили: «Эти священные цветы подходят для тех, кто обладает великим могуществом; для низменных, неразумных, неверующих и грешных существ, обитающих в мире людей, они не годятся. Но для тех из людей, кто наделен такими-то и такими-то добродетелями, они подойдут». И с этими словами главное из этих божественных существ пропело первую гатху:

Тот, кто от неправедных поступков воздерживается
И сдерживает свой язык от лживых слов,
И достигает головокружительных высот благочестия,
На это цветок может претендовать.

Услышав это, царский жрец подумал: «Я не обладаю ни одним из этих качеств, но я могу солгать, чтобы заполучить эти цветы, и таким образом люди будут приписывать мне эти добродетели». И он сказал: «Я обладаю этими качествами». Ему принесли венок из цветов, и он надел его, а затем обратился с мольбой ко второму божеству, которое ответило второй гатхой:

* Лига — единица измерения расстояния, равная 4,828032 км (прим. перев.).

То, кто честно богатства добивается,
А сокровищ, нажитых обманом, избегает,
Кто чужается грубых удовольствий,
Заслуживает этого небесного цветка.

Брамин сказал: «Я наделён этими добродетелями», — и велел ещё принести ему цветы и возложить на него, а затем попросил третьего бога, который произнёс третью гатху:

Тот, кто идёт к намеченной цели, не сворачивая,
Оберегаемый неизменной верой,
Кто презирает изысканные яства,
Может по праву претендовать на этот небесный цветок.

Брамин сказал: «Я наделён этими добродетелями», — и снова велел принести ему цветы, и надел их, а затем попросил четвёртого бога, который произнёс четвёртую гатху:

Тот, кто никогда не нападает на добрых людей
Ни в их присутствии, ни за их спиной,
И всё, что говорит, исполняет на деле,
Может претендовать на этот цветок по праву.

Брамин сказал: «Я наделён этими добродетелями», — и велел принести ему цветы и возложить их. Итак, эти божественные существа дали четыре венка из цветов царскому жрецу и вернулись в свой мир.

Как только они ушли, брамина охватила сильная боль в голове, как будто её кололи острым шипом или раздавливали железным инструментом. Обезумев от боли, он стал кататься по земле и громко кричать. Когда люди спросили, что с ним, он ответил: «Я приписал себе добродетели, которых у меня нет, и говорил неправду, чтобы получить эти небесные цветы: снимите их с моей головы!» Они хотели снять их, но не могли, потому что цветы были как будто скреплены железной лентой. Его подняли и отвели домой. И в течение семи дней он лежал и громко кричал от боли. Царь обратился к своим советникам и сказал: «Этот нечестивый брамин умрёт. Что нам делать?» «Господин, — ответили они, — давайте снова устроим праздник, и боги вернутся».

И царь устроил праздник. Боги вновь пришли и наполнили весь город благоуханием цветов, и заняли своё место там же, на царском дворе. Люди собрались и, приведя этого нечестивого брамина, положили его перед богами на живот. Он взмолился, говоря: «Господа, пощадите мою жизнь!» Они ответили: «Эти цветы не предназначены для порочного и злого человека. В глубине души ты хотел обмануть нас. Ты получил воздаяние за свои лживые слова».

Обличив его таким образом в присутствии народа, они сняли с его головы венки из цветов и, произнеся напутственную речь для народа, возвратились в свой мир.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, так связал перерождения: «В то время Девадатта был брамином, Кашьяпа был одним из божественных существ, Моггаллана – другим, Шарипутта – третьим, а я сам был главным божеством».

327. ДЖАТАКА О КАКАТИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 327 Kakatī-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольпинской

«Аромат благовоний...» Эту историю о некоем монахе, сожалевшем о том, что выполнил поручение, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. В этот раз Учитель спросил монаха, правда ли, что он сожалеет, и, когда тот ответил: «Да, Святейший», – он спросил его о причине. Монах ответил: «По причине греховной страсти». Учитель сказал: «Женщину невозможно уберечь. Нет никакой возможности удержать ее. В древности мудрые поместили женщину посреди океана во дворце у озера Симбали [2], но не смогли сохранить ее честь». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился как сын царя и его супруги-царицы. Когда он вырос, он стал править после смерти отца. Его главной царицей была Какати, прекрасная, как апсара. Прежняя версия легенды изложена в полном объёме в «Джатаке о Кунале» [3]. Далее следует краткое изложение.

В это время явился некий царь Гаруда, переодетый человеком, и играл в кости с царём Бенареса. Влюбившись в главную царицу Какати, он увёз её с собой в жилище Гарудов и жил с ней счастливо. Царь, скучая по ней, велел своему музыканту по имени Натакувера отправиться на её поиски. Музыкант обнаружил царя Гарудов, лежащего на ложе из травы эрака у одного озера, и как раз в тот момент, когда Гаруда соби-
рался покинуть это место, он спрятался среди оперения [4] царя птиц и таким образом был перенесён в жилище Гарудов. Там он наслаждался благосклонностью госпожи и, снова усевшись на крыло птицы, вернулся домой. Когда пришло время Гаруде играть с царём в кости, музыкант взял свою лютню и, подойдя к играющим, встал перед царём и в форме песни пропел первую гатху:

Аромат благовоний мне напоминает
Дыхание любви прекрасной Какати.
В её далёкое жилище
Летят мои сокровенные помыслы.

Услышав это, Гаруда ответил второй гатхой:

Бросив вызов морю и ручью Кебук,
Ты достиг моего жилища на острове?
Через семь океанов перелетев,
В Симбальскую рощу пробрался?

Услышав это, Натакувера пропел третью гатху:

Благодаря тебе через все пространства
Я перенёсся в Симбальскую рощу,
Перелетев через моря и реки,
Благодаря тебе я нашёл свою любовь.

Тогда царь Гаруда ответил четвёртой гатхой:

Совершив глупую ошибку,
Какой же я был болван!
Любовников держа разлучёнными,
Сам же я и служил посредником.

И Гаруда вернул царицу бенаресскому царю и больше не приходил к ним.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, провозгласил Истины (в результате чего сожалевавший монах достиг Плода Первого Пути) и так связал перерождения: «В то время сожалевавший брат был Натакуверой, а я был царём».

Комментарии

1 Сравните № 360 *ниже*.

2 На горе Меру: вокруг неё живут Гаруды.

3 № 536.

4 Сравните *Tibetan Tales*, XII. p. 231, *Susroni*.

328. ДЖАТАКА О ТЩЕТНОСТИ ПЕЧАЛИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 328 Ananusociya-Jataka)

Перевод Ю. Алихановой выполнен по изданию: «*The Jataka*», ed. by V. Fausboll, vols 1-7, London, 1877-1897

«Она уже среди мёртвых...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване, рассказал об одном мирянине. У этого мирянина умерла жена. Говорят, после её смерти он не ел, не умывался и забросил все свои дела. Охваченный печалью, он приходил на то место, где был её погребальный костёр, и там причитал по ней. А вокруг его головы, словно как свет над светильником, поднималось сияние — знак вступления его на Первый Путь [1].

Учитель, оглядев на рассвете мир и увидев этого человека, подумал: «Кто, кроме меня, отвратит от него печаль и дарует ему силу вступить на Первый Путь. Я буду ему спасением». В послеобеденное время, обойдя округу и собрав подаяния, Учитель взял с собой бхикшу, который обычно его сопровождал, и отправился к дому мирянина.

Услыхав, что к нему идёт Учитель, мирянин вышел ему навстречу и, выказав все должные знаки почтения, усадил на подобающее место.

А когда мирянин, поклонившись Учителю, сел возле него, Учитель спросил:

— Отчего ты всё время молчишь, мирянин?

— Почтенный, — отвечал тот, — у меня умерла жена, и я с печалью думаю о ней.

— Закон разрушения разрушает, — сказал Учитель. — Раз она погибла, не следует о ней думать. Мудрые люди говорили о смерти жены: «Закон разрушения разрушил», — и больше о ней не думали.

И он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисаттва возродился в семье брахмана. Достигнув зрелого возраста, он изучил в Таксиле [2] все искусства. А когда вернулся домой, родители ему объявили:

— Мы найдём тебе жену.

— Семейная жизнь — не мой удел, — отвечал бодхисаттва, — после вашей смерти я уйду в отшельники.

Но родители стали уговаривать его жениться. Тогда он сделал золотую статую и сказал:

— Если вы найдёте мне девушку такую же, как эта статуя, я возьму её в жёны.

Родители приказали своим людям: «Поставьте эту статую на крытую повозку и обыщите всю Джамбудвину. Как только увидите дочь брахмана, похожую на статую, то девушку возьмите, а золотую статую взамен оставьте».

В это время одно благочестивое существо покинуло мир Брахмы и в стране Каши [3] в деревне, расположенной недалеко от города, возродилось в образе шестнадцатилетней девушки, дочери брахмана, у которого было состояние в восемьдесят коти [4]. Звали её Саммиллабхасини. Эта девушка была необычайно красива и стройна, словно небесная апсара, и наделена всеми благоприятными признаками. К тому же она отличалась редким благочестием, и мысли её были далеки от греховных желаний.

Разъезжая по стране с золотой статуей, посланные люди заехали в эту деревню. Увидав статую, деревенские жители стали спрашивать:

— Почему вы возите здесь дочь такого-то брахмана?

Услышав это, посланные явились в дом брахмана и стали сватать Саммиллабхасини. Но она сказала родителям:

— После вашей смерти я стану отшельницей, семейная жизнь — не мой удел.

– Что ты говоришь, дочка! – сказали родители, взяли золотую статую и отправили Саммиллабхасини с большой свитой.

Против их воли, и бодхисаттвы и Саммиллабхасини, была устроена свадьба. Но даже находясь в одной комнате, лёжа на одной постели, они не смотрели друг на друга с греховными желаниями. Словно два бхикшу или два брахмана, жили они вместе.

Чрез некоторое время родители бодхисаттвы умерли. Тогда, совершив погребальные обряды, он сказал Саммиллабхасини:

– Милая, у меня есть восемьдесят коти, и у тебя столько же. Возьми себе все эти деньги и займись хозяйством, а я уйду в отшельники.

– Почтенный, – отвечала Саммиллабхасини, – если ты уйдёшь в отшельники, я тоже стану отшельницей. Не могу я тебя покинуть.

– Пусть будет так, – сказал бодхисаттва. Они раздали всё имущество, оставили, как сор, своё благополучие и ушли в Гималаи. Там они сделались отшельниками и стали жить, питаясь кореньями и плодами.

Однажды, спустившись с Гималаев за солью и уксусом, пришли они в Варанаси и поселились в царском саду. Когда они жили там, хрупкая отшельница съела разной непосоленной пищи и заболела кровавым поносом. А оттого, что у них не было лекарств, она совсем ослабела.

Направляясь в соседнюю деревню за подаяниями, бодхисаттва довёл Саммиллабхасини до городских ворот и оставил её в одном доме на лавке. Когда он ушёл, Саммиллабхасини умерла. Люди обступили тело красивой отшельницы и стали плакать и причитать.

Собрав милостыню, бодхисаттва вернулся в этот дом и, узнав, что отшельница умерла, сказал:

– Закон разрушения разрушает, таковы все смертные существа.

И он сел на лавку рядом с лежащей отшельницей, поел и омыл себе рот. Люди обступили его и стали спрашивать:

– Скажи, милый, кто тебе эта отшельница?

– Когда я был мирянином, – отвечал бодхисаттва, – она была мне женой.

– Милый, мы и то не можем сдержать себя, плачем и причитаем, почему же ты не плачешь?

– Пока она была жива, – сказал бодхисаттва, – она для меня что-то значила, а теперь, принятая в другой мир, она для меня ничто. Ведь она перешла в другое рождение, о ком же я буду горевать?

И, объясняя людям дхарму, бодхисаттва произнёс четыре гатхи:

Она уже среди мёртвых,
Но какое до них мне дело,
Поэтому я не печалюсь
О милой Саммиллабхасини.

Зачем о ней горевать,
Ведь её уж нет в этом мире.
О своей печалься душе,
С каждым часом всё ближе смерть.

Стоишь ты, или сидишь,
Или по миру странствуешь,
Не успеешь глазом моргнуть,
Смерти пора пришла.

В исполнении долга жизнь,
В пресечение сомнений жизнь.
Всё живое надо жалеть,
О погибшем напрасна скорбь.

Так Великое Существо четырьмя гатхами показало закон непостоянства. Люди совершили погребальные обряды над юной отшельницей. А бодхисаттва, отправившись в Гималаи, прошёл все ступени на пути к Высшему Существо и был удостоен мира Брахмы.

Приведя этот рассказ для разъяснения дхармы и показав Благородные Истины, Учитель отождествил перерождения (после этого мирянин обрёл плод Первого Пути):

– Тогда мать Рахулы была Саммиллабхасини, а отшельником был я.

Примечания

1 Первый Путь – первый шаг на пути к конечному освобождению (нирване).

2 Таксил – город в северо-западной Индии, центр науки и искусств.

3 Каши – древнее царство со столицей Варанаси.

4 Коти – десять миллионов.

329. ДЖАТАКА О КАЛАБАХУ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 329 Kalabahu-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Когда-то мы наслаждались...» Эту историю о потере Девадаттой достижений и почестей Учитель рассказал, когда он жил в бамбуковой роще. Когда Девадатта безрассудно затаил злобу на Будду и подкупил отряд лучников, чтобы убить его, его преступный замысел стал известен благодаря тому, что был выпущен слон Налагири. Тогда он был лишён должности и содержания, и царь перестал обращать на него внимание. Лишившись источника доходов и почестей, он стал жить на то, что просил в благородных семействах. Монахи затеяли спор в Зале Истины о том, как этот Девадатта задумал получить почёт и уважение, но, получив, не смог удержать их. Учитель вошёл и спросил, что обсуждают собравшиеся монахи, и когда ему рассказали, он ответил: «Не только теперь, братья, но и раньше Девадатта был лишён достижений и почестей». И он поведал им историю былых времён.

* * *

Давным-давно, когда в Бенаресе правил Дханаинджая, Бодхисаттва воплотился попугаем по имени Радха. Это была взрослая птица с идеально сформированными конечностями. А его младшего брата звали Поттхапада. Однажды птицелов поймал этих двух птиц и принёс их в подарок царю Бенареса. Царь посадил их в золотую клетку, позаботился о них и дал им мёд и сушёную пшеницу на золотом блюде, чтобы есть, и сахарную воду, чтобы пить. Им уделяли большое внимание, и они получали много почестей. Но затем некий лесник принёс в подарок царю большую чёрную обезьяну по имени Калабаху, и оттого, что она появилась позже попугаев, она получила ещё больше внимания, в то время как попугаям его стали уделять меньше. Бодхисаттва, обладая качествами Будды, не произнёс ни слова, но его младший брат, не желая мириться с таким положением дел, сказал: «Брат, раньше в этом царском доме люди давали нам вкусную пищу, но теперь мы ничего не получаем. Они оказывают все эти почести обезьяне Калабаху. Поскольку мы не получаем ничего от царя, что же нам делать? Давай вернёмся в лес и станем там жить». И, сказав так, он произнёс первую гатху:

Когда-то мы наслаждались едой в изобилии;
Теперь у этой обезьяны есть то, что раньше было нашим.
Пойдем, Радха, вернёмся в лес;
Такое жалкое существование чем можно оправдать?

Радха, услышав это, ответил второй гатхой:

Выигрыш и проигрыш, похвала и порицание,
Удовольствие, боль, бесчестье, слава —
Все эти состояния преходящи.
Так о чём, Поттхапада, ты сокрушаешься?

Услышав это, Поттхапада не смог избавиться от своей обиды на обезьяну и пропел третью гатху:

Радха, мудрейшая птица на свете,
уверен, что ты знаешь грядущее.
Это мерзкое создание кто-нибудь удалит
Из дворца в его прежнее жилище?

Радха, услышав это, пропел четвёртую гатху:

Его сморщенное лицо и шевелящиеся уши
Пугают царских детей.
Уже скоро Калабаху из-за чьей-то прихоти
Вынужден будет добывать пропитание далеко отсюда.

Через очень короткое время обезьяна, корча гримасы и проделывая другие подобные трюки перед молодыми принцами, напугала их. Они начали громко кричать от страха. Царь спросил, что случилось, и, узнав причину, велел прогнать обезьяну. Итак, Калабаху был изгнан, и попугаи вернулись к своему прежнему состоянию изобилия и почестей.

* * *

На этом Учитель закончил своё наставление и определил перерождения: «В то время Девадатта был Калабаху, Ананда был Поттхападой, а я сам был Радхой».

330. ДЖАТАКА О ДОБРОНРАВИИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 330 Sīlavīmāṃsa-Jataka)

Перевод И. Ольгинской

«Наравне с властью земной...» Эту историю о брамине, который испытывал свою добродетель, Учитель рассказал в Джетаване. Две подобные истории были приведены ранее [1]. В данном случае Бодхисаттва был придворным жрецом царя Бенареса.

* * *

Проверяя свою добродетель, он в течение трёх дней брал монету из царской казны. Когда же его обвинили в воровстве и привели к царю, он сказал:

Наравне с властью земной,
Добродетель необычайно притягательна.
Даже змее, принявшей добродетельный вид,
Никто не причинит вреда.

Прославив таким образом добродетель в первой гатхе, он получил согласие царя покинуть дворец и стать отшельником.

Проходя по улице, он увидел, как ястреб схватил кусок мяса в мясной лавке и взмыл в воздух. Другие птицы окружили его и принялись бить когтями и клювами. Не выдержав, он выронил кусок мяса. Другой ястреб подхватил его, но точно так же выронил под натиском своих сородичей. И так каждого, кто хватал мясо, остальные начинали преследовать, а того, кто отпускал добычу, оставляли в покое. Бодхисаттва, увидев это, подумал: «Наши желания подобны этим кускам мяса. Горе тем, кто цепляется за них; но те, кто отпускают их, пребывают в мире и покое». И он произнёс вторую гатху:

Когда у ястреба была добыча,
Другие птицы набросились на него;
Но стоило ему уронить мясо,
Как его оставили в покое.

Покинув город, отшельник пришёл в деревню и заночевал в доме одного человека. Он услышал, как служанка по имени Пингала назначила свидание мужчине: «Приходи в такой-то час». Она омыла ноги своему господину и его семье, и когда они легли спать, села на пороге, ожидая прихода своего возлюбленного. Так она просидела первую и среднюю стражу, повторяя про себя: «Вот сейчас он придёт». А на рассвете, потеряв надежду, она сказала: «Нет, он уже не придёт», — легла и уснула.

Бодхисаттва, видя всё это, подумал: «Эта женщина так долго сидела в надежде, что её возлюбленный придёт; но теперь, когда она отчаялась, поняв, что он не придёт, она спокойно уснула. Желание в этом грешном мире приносит страдания, а отказ от него приносит покой». И он произнёс третью гатху:

Исполненное желание приносит блаженство.
Чем отличается от этого отсутствие желаний?
Вот Пингала, перестав надеяться на встречу,
Наслаждается теперь спокойным сном [2].

На следующий день, покинув деревню, он вошёл в лес и, увидев сидящего на земле отшельника, погружённого в медитацию, подумал: «И в этом мире, и в следующем нет блаженства выше блаженства медитации!» И он произнёс четвёртую гатху:

В этом мире и в иных мирах
Блаженства нет превыше созерцания.
Святой, пребывающий в недеянии,
Не вредит ни себе, ни другим.

И он тоже поселился в лесу и стал отшельником. Погрузившись в медитацию, он развил высшее знание и достиг перерождения в мире Брахмы.

* * *

Учитель, закончив своё наставление, связал перерождения: «В то время я был придворным жрецом».

Комментарии

1 № 86, том I, и № 290, том II.

2 Сравните *Афоризмы Санкхьи*, IV, 11, *Махабхарата*, XII, 6447.

331. ДЖАТАКА О КОКАЛИКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 331 Kokālika-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Те, кто несвоевременной речью...» Эта история о Кокалике была рассказана Учителем в Джетаване. Вступительная часть изложена в полном объёме в «Джатаке о дурном языке» [1].

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был его советником, которым он очень дорожил. Царь был очень разговорчив. Бодхисаттва решил: «Я положу конец его болтливости», — и принялся искать подходящий пример. И вот однажды царь пришёл в свой сад и сел на царскую каменную плиту. Над его головой раскинуло ветви манговое дерево, и там чёрная кукушка отложила яйцо в воронье гнездо, а сама улетела. Самка вороны высиживала кукушкино яйцо. Вскоре из него вылупился кукушонок, и ворона, думая, что это её собственное дитя, заботилась о нём, принося еду в клюве. И вдруг ещё не оперившийся птенец преждевременно закричал кукушкой. Ворона подумала: «Этот птенец уже сейчас издаёт странные звуки. Что он будет делать, когда станет старше?» И она убила его, ударив клювом, и выбросила из гнезда. Кукушонок упал к ногам царя. Царь спросил Бодхисаттву: «Что это значит, мой друг?» Бодхисаттва подумал: «Я ищу пример, чтобы преподать царю урок, и вот я получил его». «Невоздержанного на язык человека, великий царь, который слишком много болтает не по делу, ждёт такая же судьба. Этот кукушонок, государь, будучи выкормлен вороной, ещё не оперившийся, издал крик преждевременно. Поэтому ворона поняла, что это не её отпрыск, убила его, ударив клювом, и выбросила из гнезда. Все, кто слишком много болтают не по делу, будь то люди или животные, терпят подобное несчастье». И с этими словами он пропел такие гатхи:

Те, кто несвоевременной речью сотрясают воздух,
Подобно этому кукушонку, встречают бесславный конец.
И смертельный яд, и остро заточенный меч губительны
Лишь вполовину по сравнению с не вовремя
произнесённым словом.

Мудрый сдержан в словах, взвешивая их
И проверяя самого себя многократно:
Прежде чем заговорить, он благоразумно примет совет,
Заманив своих врагов в ловушку, как Гаруда змею.

Царь, выслушав благочестивое наставление Бодхисаттвы, с тех пор стал более взвешенным в своих словах, и возрастающая слава Бодхисаттвы приносила ему всё больше и больше даров.

* * *

Учитель, закончив свою речь, связал перерождения: «Кокалика в те дни был кукушонком, а я сам был мудрым советником».

Комментарии

1 № 481. Сравните № 215, том II.

332. ДЖАТАКА О КОЛЕСНИЧНОМ КНУТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaaka. Catukka-Nipata. 332 Rathalatthi-Jātaaka)

Перевод И. Ольпинской

«Ранив другого...» Эта история о придворном жреце царя Косалы была рассказана Учителем, когда он жил в Джетаване. Брамин, как говорят, ехал в своей колеснице в деревню, находившуюся в его владении, столкнулся с караваном на узкой дороге и несколько раз вскрикнул: «Прочь с дороги!» Он так разозлился на повозку, не убиравшуюся с его пути, что швырнул свой кнут в возницу первой повозки. Кнут стукнулся о ярмо повозки и, отскочив, ударил его по лбу, отчего на голове вскочила шишка. Брамин вернулся и сообщил царю, что его ранили какие-то возницы. Возниц вызвали, и судьи, разбиравшие дело, пришли к выводу, что виноват только брамин. Однажды в Зале Истины монахи обсуждали эту историю. Учитель вошёл и спросил, что они обсуждают. Услышав ответ, он сказал: «Не только теперь, братья, но и раньше этот человек действовал точно так же». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был его верховным судьёй. Царский жрец отправился в деревню, которой владел, и поступил точно так же, как и в первой истории. Но в этой версии, когда царь услышал рассказ брамина, он вызвал возниц и сам рассудил дело и, не вдаваясь в подробности. «Вы избили моего жреца и набили ему шишку на лбу», — сказал он и велел отобрать у них всё их имущество. Но Бодхисаттва возразил ему: «Государь, даже не разобравшись в сути вопроса, ты приказываешь отобрать всё их имущество. Но случается так, что некоторые люди наносят себе раны, а потом заявляют, что они были ранены другими. Тому, кто облечён властью, негоже действовать таким образом, не рассматривая дело. Он не должен принимать решение, пока не услышит всё». Затем он прочитал эти стихи:

Ранив другого, он показывает свою собственную рану,
Будучи сам обидчиком, он жалуется на удары.
О мудрый царь, предвзятых суждений остерегайся,
Выслушай обе стороны, а потом уж верное решение выноси.
Досужий невежда вызывает у меня отвращение,
Фальшивого отшельника признают проходимцем.
Скверный правитель выносит решение неслыханное;
Гнев мудреца не может быть оправдан.
Правитель-воин выносит приговор справедливый,
О праведном судье слава живёт века.

Царь, услышав слова Бодхисаттвы, рассудил справедливо, и когда дело было должным образом рассмотрено, вина была возложена только на брамина.

* * *

Учитель, закончив свою речь, определил перерождения: «Брамин играл одну и ту же роль в обеих историях, а я сам был мудрым судьёй в те дни».

333. ДЖАТАКА О БОЛЬНОЙ ЯЩЕРИЦЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 333 Godha-Jātaka) [1]

Перевод Н. Олгинской

«Впервые ты...» Эту историю о некоем землевладельце Учитель рассказал в Джетаване. Вступительная история была полностью изложена ранее [2]. Но в этом случае, когда муж и жена возвращались домой после того, как взыскали долг, охотники дали им жареную ящерицу, предложив им обоим съесть её. Мужчина послал жену за водой и съел всю ящерицу, а когда она вернулась, сказал: «Моя дорогая, ящерица убежала». «Ну, господин, — сказала она, — что можно поделать с убежавшей жареной ящерицей?» Она выпила немного воды, а потом в Джетаване, когда они сидели в присутствии Учителя, он спросил её: «Сестра-мирянка, ласков ли этот человек, любит ли и заботится о тебе?» Она ответила: «Я люблю его и привязана к нему, но он не любит меня». Учитель сказал: «Хорошо, предположим, он действительно так ведёт себя с тобой. Не огорчайся. Когда он вспомнит о твоих добродетелях, он даст высшую власть только тебе». И по их просьбе он поведал им историю былых времён.

* * *

Эта старая история точно такая же, как приведённая выше, но в данном случае, когда муж и жена возвращались домой, охотники увидели, как они расстроены, дали им жареную ящерицу и попросили разделить её между собой. Женщина обвязала её лианой, как верёвкой, и пошла дальше, неся её в руке. Они вышли к озеру и, сойдя с большой дороги, сели у подножия дерева бо. Принц сказал: «Иди, моя дорогая, и принеси воды из озера в листе лотоса, тогда мы съедим это мясо». Она повесила ящерицу на сук и пошла за водой. Её спутник съел всю ящерицу и сидел, отвернув лицо, держа в руке кончик хвоста. Когда она вернулась с водой, он сказал: «Моя дорогая, ящерица спустилась с ветки и убежала к муравейнику. Я бросился за ней и схватил её за кончик хвоста. Ящерица разломилась пополам, оставив в моей руке ту часть, которую я схватил, и исчезла в дыре».

«Ну, господин, — ответила жена, — что мы можем поделать с убежавшей жареной ящерицей? Пойдём, пойдём отсюда».

И вот, напившись воды, они отправляются в Бенарес. Принц, взойдя на трон, дал ей титул главной царицы, но не оказал ей ни чести, ни уважения. Бодхисаттва, желая помочь ей, спросил в присутствии царя:

«Госпожа, отчего мы ничего не получаем из твоих рук? Почему ты пренебрегаешь нами?» «Дорогой господин, — сказала она, — я ничего не получаю от царя. Как же мне тогда сделать тебе подарок? Что царь может дать мне сейчас? Когда мы выходили из леса, он один съел жареную ящерицу». «Госпожа, — ответил он, — царь не стал бы так поступать. Не говори так о нём». Тогда царица сказала ему: «Господин, это не понятно тебе, но достаточно понятно царю и мне», — и произнесла первую гатху:

Впервые ты открылся мне,
Когда в лесной глуши, о царь,
Жареная ящерица порвала верёвку
И с ветки дерева бо убежала.
Хотя под одеянием из коры
Меч и кольчуга были видны.

Так говорила царица, сообщая о проступке царя среди его придворных. Бодхисаттва, услышав её, сказал: «Госпожа, с тех пор как твой муж перестал любить тебя, почему ты продолжаешь жить здесь, причиняя неудобство обоим?» И он пропел две гатхи:

Тому, кто чтит тебя, воздай должное
Сполна за хорошее отношение;
Но не проявляй никакой любезности
К тому, кто избегает тебя.

Оставь недостойного, который покинул тебя,
И не люби того, кто не имеет к тебе любви,
Как птица покидает бесплодное дерево
И ищет укрытие в какой-нибудь дальней роще.

Царь, пока Бодхисатта говорил, вспомнил о её добродетелях и сказал: «Моя дорогая, я так долго не замечал твоих добродетелей, но благодаря словам этого мудреца я увидел их. Прости, что обидел тебя. Всё моё царство я отдаю тебе одной». И тут он произнёс четвертую гатху:

Насколько это может быть в его силах,
Благодарность должен проявлять правитель.
Всё моё царство я отдаю тебе,
Дарами, кого пожелаешь, наделяй.

С этими словами царь даровал царице верховную власть и, подумав: «Этот человек напомнил мне о её добродетелях», — дал великую власть и мудрецу.

* * *

Учитель, закончив свою речь, провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате и муж, и жена достигли Плода Первого Пути) и связал перерождения: «Муж и жена из этой истории играли ту же роль в старой сказке. А я сам был мудрым советником».

Комментарии

1 Сравните № 223, том II.

2 См. № 320, том III.

334. ДЖАТАКА О ЦАРЕ, НУЖДАВШЕМСЯ В УВЕЩЕВАНИИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 334 Rajovada-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Бык через поток...» Эта история относительно наставления царя была рассказана Учителем в Джетаване. Вступительная история полностью будет изложена в «Джатаке о трёх птицах» [1]. Но в этой версии Учитель сказал: «Цари древности, государь, внимая словам мудрых, правили справедливо и достигли высших миров». И по просьбе царя он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов. Достигнув совершеннолетия, он обучился всем искусствам и, приняв жизнь отшельника, развил все способности и достоинства и поселился в красивой местности в Гималаях, питаясь дикими плодами и кореньями. В это время царь, желая узнать о своих пороках, стал расспрашивать, нет ли кого-нибудь, кто мог бы рассказать ему об этом. Не найдя никого, кто мог бы порицать его, ни во дворце, ни

вне его, ни в городе, ни за его пределами, он бродил по сельской местности, переодетый, думая: «Найдётся ли кто-то в деревне?» Но, не встретив там никого, кто мог бы увещевать его, и слыша, как люди говорят только о его заслугах, он подумал: «Найдётся ли кто-то в Гималаях?» Он отправился в лес и бродил там, пока не достиг обители Бодхисаттвы, где, дружелюбно поздоровавшись с отшельником, сел в стороне. В этот момент Бодхисаттва ел спелые плоды инжира, принесённые им из леса. Они были сочными и сладкими, как сахарная пудра. Он обратился к царю: «Господин, пожалуйста, съешь эту спелую смокву и выпей воды».

Царь так и сделал и спросил Бодхисаттву: «Почему, почтенный господин, этот спелый инжир так сладок?»

«Господин, — ответил тот, — нынче царь правит беспристрастно и справедливо. Вот почему плоды так сладки».

«Разве в царствование несправедливого правителя они утрачивают свою сладость?»

«Да, благородный господин, во времена неправедных царей масло, мёд, патока и тому подобное, а также дикие корни и плоды теряют свою сладость и вкус, и не только они, но и всё царство становится дурным и безвкусным; но когда правители справедливы, всё это становится сладким и ароматным, и всё царство восстанавливает свой цвет и вкус».

Царь сказал: «Должно быть, так и есть, Преподобный», — и, не раскрыв ему, что он царь, он попрощался с Бодхисаттвой и вернулся в Бенарес. Решив проверить слова отшельника, он стал править несправедливо, думая про себя: «Теперь я всё узнаю». Через некоторое время он вернулся к Бодхисаттве и, поклонившись, почтительно сел в стороне. Бодхисаттва, используя точно такие же слова, предложил ему спелую смокву, которая оказалась горькой на вкус. Царь выплюнул плод со словами: «Он горький, господин!».

Бодхисаттва сказал: «Благородный господин, царь, должно быть, несправедлив, ибо когда правители несправедливы, всё, начиная с диких плодов в лесу, теряет свою сладость и аромат». И он пропел такие гатхи:

Бык через поток извилистым путём пойдёт,
Стадо коров побредёт за ним следом;
Если вождь извилистыми путями последует —
К низменным целям он поведёт народ,
а всё царство ввергнет в век распущенности.

Но если бык прямой путь выбирает,
Стадо коров последует за ним.
Если вождь верен праведному пути,
Народ избежит беззакония,
и во всём царстве наступит священный мир.

Царь, выслушав изложение Истины Бодхисаттвой, открылся, что он царь, и сказал: «Святейший, раньше только благодаря мне смоквы были сначала сладкими, а потом горькими; а теперь я снова сделаю их сладкими». Затем он попрощался с Бодхисаттвой, вернулся домой и, правя праведно, вернул всё в первоначальное состояние.

* * *

Учитель, закончив своё наставление, связал перерождения: «В то время Ананда был царём, а я сам был отшельником».

Комментарии

1 № 521, том V.

335. ДЖАТАКА О ШАКАЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 335 Jambuka-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Шакал, берегись...» Эта история о попытке Девадатты подражать Будде была рассказана Учителем, когда он жил в бамбуковой роще. Инцидент, послуживший поводом для этой истории, был подробно описан ранее [1]. Вот его краткое изложение.

Когда Учитель спросил Шарипутту, что сделал Девадатта, увидев его, старец ответил: «Господин, подражая тебе, он вложил мне в руку опахало и лёг, а потом Кокалика ударил его коленом в грудь, и поэтому подражание тебе принесло ему несчастье». Учитель сказал: «Это уже случилось с Девадаттой и прежде», — и по просьбе старца поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился молодым львом и жил в пещере в Гималаях. Однажды, убив буйвола и съев его мясо, он напился воды и вернулся домой. Шакал увидел его и, не успев убежать, лёг на живот.

Лев спросил: «Что всё это значит, господин шакал?»

«Господин, — ответил тот, — я буду твоим слугой».

«Ну, тогда пойдём со мной», — ответил лев. Проводив его к месту, где он жил, он стал каждый день приносить ему мясо и кормить его. Шакал растолстел, питаясь львиной добычей, и однажды в нём вспыхнуло чувство гордости. Он приблизился ко льву и сказал: «Мой господин, я, должно быть, досаждаю тебе. Ты всё время приносишь мясо и кормишь меня. Сегодня ты оставайся здесь. Я пойду и добуду слона, а после того как наемся досыта, принесу тебе немного мяса». Лев ответил: «Дружище шакал, пусть эта идея не кажется тебе такой уж хорошей. Ты не приходишь из племени, которое питается мясом убитых им слонов. Я сам добуду слона и принесу тебе его мясо. Слон, как известно, имеет могучее телосложение. Не предпринимай того, что противоречит твоей природе, лучше прислушайся к моим словам». И тут он произнёс первую гатху:

Шакал, берегись! У него длинные клыки.

Представитель твоего тщедушного племени

Вряд ли осмелился бы столкнуться

С таким огромным и сильным зверем лицом к лицу.

Но Шакал, невзирая на предостережение Льва, вышел из пещеры и трижды издал крик. Взглянув на подножие горы, он увидел внизу чёрного слона. Намереваясь прыгнуть ему на голову, он вскочил и, перевернувшись в воздухе, упал к ногам слона. Слон, подняв переднюю ногу, поставил ее на голову шакала и разможил ему череп, после чего, трубя, удалился. Бодхисаттва с вершины обрыва увидел, как шакал встретил свою смерть, и сказал: «Из-за своей гордыни был убит этот шакал», — и произнёс три гатхи:

Шакал, однажды возомнив себя львом,

Бросил вызов слону, как равный противник.

И вот раздавленный, стеною, лежит на земле,

Сожалея о своём опрометчивом поступке.

Кто бросает вызов человеку непревзойдённой славы,
Упуская из виду его силу и мощь,
Разделяет печальную участь, постигшую шакала.

Тот же, кто соизмеряет свои силы,
Кто сдержан в словах и верен своему предназначению,
Тот живёт и торжествует над врагами своими.

Так Бодхисаттва в этих стихах провозгласил обязанности, которые надлежит исполнять в этом мире.

* * *

Учитель, закончив свой урок, связал перерождения: «В то время Девадатта был шакалом, а я сам был львом».

Комментарии

1 См. № 204, том II.

336. ДЖАТАКА О ВЕЛИКОМ ЧАТТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 336 Brahachatta-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

««Трава», — постоянно...» Эта история о некоем разбойнике была рассказана Учителем в Джетаване. Инцидент, который предваряет эту историю, уже был изложен ранее.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был его министром, светским и духовным советником. Царь Бенареса выступил против царя Косалы с большим войском и, придя к Саватхи, после битвы вошёл в город и взял царя в плен. У царя Косалы был сын по имени принц Чатта. Он скрылся, переодевшись, и отправился в Таккасилу, где изучил три Веды и восемнадцать свободных искусств. Затем он покинул Таккасилу и, занимаясь практическим применением

изученного, прибыл в одну приграничную деревню. В лесу около неё в хижинах из листьев жили пятьсот отшельников. Принц, желая обучиться у них чему-нибудь, тоже стал отшельником и таким образом приобрёл все знания, которыми они могли поделиться. Постепенно он стал лидером этой группы.

Однажды он обратился к святым подвижникам с вопросом: «Господа, почему бы вам не пойти в столицу?»

«Господин, — ответили они, — в столице, говорят, живут мудрецы. Они задают человеку вопросы, призывают его ответить благодарением и повторить форму благословения, а несведущего порицают. И поэтому мы боимся туда идти».

«Не бойтесь, — сказал он, — я всё устрою для вас».

«Тогда мы пойдём», — сказали они. И они, взяв с собой всё необходимое, отправились в Бенарес. В то время царь Бенареса, получив в своё владение всё царство Косала, назначил своих верных помощников наместниками, а сам, собрав все имеющиеся там сокровища, вернулся в Бенарес. Наполнив добычей железные горшки, он закопал их в царском саду.

Святые мужи, прибыв в Бенарес, провели ночь в этом саду, а на следующий день отправились в город за подаянием и подошли к дверям дворца. Царь был так очарован их манерами, что подозвал их, усадил на возвышение, угостил рисом и лепёшками и, пока они ели, задавал им разные вопросы. Чатта завоевал сердце правителя, отвечая на все его вопросы, а в конце трапезы предложил различные формы благодарения. Царь был доволен ещё больше и взял с них обещание остаться в своём саду.

Чатте было известно заклинание, позволяющее обнаружить зарытые сокровища. Как-то раз он подумал: «Куда этот приятель мог положить деньги, принадлежавшие моему отцу?» Поэтому, произнеся заклинание и оглядевшись, он обнаружил, что они зарыты в саду. Решив, что на эти деньги он вернёт себе своё царство, он обратился к отшельникам и сказал: «Господа, я сын царя Косалы. Когда наше царство было захвачено правителем Бенареса, я бежал, переодевшись, и так спас свою жизнь. Но теперь у меня есть сокровища, которые принадлежали моей семье. С ними я верну своё царство. А что вы будете делать?»

«Мы тоже пойдём с тобой», — ответили они.

«Я согласен», — сказал он и велел сделать несколько больших кожаных мешков, а ночью выкопал горшки с сокровищами и, сложив деньги

в мешки, велел наполнить горшки травой. Затем он приказал пятистам отшельникам и другим людям взять деньги и бежал с ними в Саваттхи. Там он захватил всех царских восначальников и, вернув себе своё царство, восстановил стены, сторожевые башни и другие сооружения и, сделав таким образом город неприступным против нападения любого враждебного правителя, поселился там. Царю Бенареса доложили, что отшельники бежали, захватив сокровища. Он пошёл в сад и, открыв горшки, обнаружил в них только траву. Из-за утраты сокровища он погрузился в глубокую печаль. Вернувшись во дворец, он бродил, бормоча: «Трава, трава...» — и никто не мог успокоить его горе. Бодхисаттва подумал: «С царём приключилось большое несчастье. Он бродит взад и вперёд, что-то бормоча. Кроме меня, никто не в силах ему помочь. Я избавлю его от неприятностей». И вот однажды, сидя с ним, когда царь снова начал бормотать о траве, он произнёс первую гатху:

«Трава», — постоянно причитаешь ты.
Кто отнял у тебя траву?
Зачем тебе она так нужна?
Почему ты повторяешь это слово?

Царь, услышав это, ответил второй гатхой:

Великий Чатта, святой подвижник,
Подменил золото травой.
Он один виноват в моём несчастье.
Как он мог так поступить?

Бодхисаттва, услышав это, произнёс третью гатху:

Проницательные люди своим правилом должны сделать:
«Отдавай немного и бери по зёрнышку».
То, что он взял, было его собственностью,
То, что он оставил, было лишь травой.

Услышав это, царь произнёс четвёртую гатху:

Добродетель не следует таким правилам,
Эти нравоучения годятся лишь для глупцов.

Эти правоучения весьма сомнительны,
Так же, как тщетна учёность.

Хотя царь и обвинял Чатту, но всё же благодаря словам Бодхисаттвы он освободился от своей печали и дальше правил своим царством праведно.

* * *

На этом Учитель закончил своё наставление и связал перерождения: «В то время монах-плут был великим Чаттой, а я сам был мудрым министром».

337. ДЖАТАКА О МЕСТЕ ДЛЯ СИДЕНИЯ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 337 Pitha-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Увы! Мы не предложили тебе...» Эту историю о некоем монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Говорят, что этот монах пришёл из деревни в Джетавану и, убрав свою чашу и накидку, поклонился Учителю и спросил молодых послушников: «Господа, кто заботится о странниках, которые приходят в Саваттхи?» «Казначей Анатхапиндика, — ответили они, — и прекрасная праведная сестра-мирянка Вишакха заботятся о монахах, они для нас вместо отца и матери». «Очень хорошо», — сказал он и на следующий день ни свет ни заря, когда ни один из монахов ещё не вошёл в дом, явился к двери Анатхапиндики. Из-за того, что он пришёл в неурочный час, за ним некому было ухаживать. Ничего там не найдя, он направился к двери дома Вишакхи. Но и там по причине слишком раннего часа он ничего не получил. Побродив туда-сюда, он вернулся, но, обнаружив, что рисовая каша закончилась, ушёл прочь. Он снова бродил туда-сюда, а по возвращении, обнаружив, что рис съеден, вернулся в монастырь и сказал: «Здесьние братья говорят об этих двух семьях как о преданных и полных благочестия, но на самом деле они неверующие безбожники». И так он продолжал оскорблять этих людей. И вот однажды монахи затеяли в Зале Истины дискуссию о том, что некий брат из деревни пришёл к дверям неких домов слишком рано и,

не получив подаяния, принялся поносить эти семьи. Пришёл Учитель и спросил, какую тему обсуждают братья. Узнав, о чём, он позвал того монаха и спросил его, правда ли это. Когда монах сказал: «Да, Преподобный, это правда», — Учитель произнёс: «Почему ты сердишься, брат? В древности, до того, как Будда появился в мире, отшельники, даже когда они не получали подаяния в каком-то доме, не проявляли гнева». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов, и когда он достиг совершеннолетия, он изучил все искусства в Таккасиле, а затем отринул всё мирское и стал отшельником. После долгого пребывания в Гималаях он отправился в Бенарес за солью и уксусом и, поселившись в саду, на следующий день пошёл в город за подаянием. В то время в Бенаресе жил один торговец, который был верующим. Бодхисаттва спросил, где здесь верующее семейство, и, услышав о семье торговца, подошёл к двери его дома. В этот момент торговец отправился засвидетельствовать своё почтение царю, и его не было дома, а его люди не увидели Бодхисаттву. Поэтому он повернулся и пошёл прочь.

Но тут торговец, возвращавшийся из дворца, увидел его и, поклонившись, взял чашу для подаяния и повёл его в свой дом. Там он предложил ему сесть, омыл и умастил его ноги, а также угостил рисом, лепешками и другой пищей. Во время трапезы он спрашивал гостя то об одном, то о другом, и после того как тот закончил есть, он поклонился ему и, почтительно сев рядом, сказал: «Преподобный, странники, приходившие к нашим дверям, будь то нищие, святые отшельники или брамины, никогда прежде не уходили, не получив знаков почтения и уважения. Но сегодня из-за того, что тебя не видели мои слуги, ты ушёл, не получив ни предложения сесть, ни воды для питья, ни омовения ног, ни риса и похлёбки. Это моя вина. Ты должны простить меня за это». И с этими словами он произнёс первую гатху:

Увы! Мы не предложили тебе места,
Не дали ни воды, ни что-нибудь поесть:
Теперь мы сознаёмся в нашем прегрешении
И просим смиренно прощения, Святой Отец.

Бодхисаттва, услышав это, произнёс вторую гатху:

Тебе незачем оправдываться, я не гневаюсь.
Лишь одна мысль занимает мой ум:
«Обычай здесь и впрямь
Немного странные».

Услышав это, торговец ответил ещё двумя гатхами:

На протяжении долгих веков
Обычай нашей семьи таков:
Принять странника, усадить его,
Дать всё, что ему необходимо,
Принести воду для омовения его ног.
И к каждому гостю мы относимся
Как к дорогому родственнику.

И Бодхисаттва, пробыв там несколько дней и наставив торговца из Бенареса в дхарме, вернулся обратно в Гималаи, где развил все свои способности и достоинства.

* * *

Учитель, закончив свой урок, открыл Истины (в результате чего монах достиг Плода Первого Пути) и так связал перерождения: «В то время Ананда был торговцем из Бенареса, а я – отшельником».

338. ДЖАТАКА О ШЕЛУХЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 338 Thusa-Jataka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

«Ведомо крысам, где шелуха...» – такими словами Учитель – он жил тогда в Бамбуковой роще – начал рассказ о царевиче Аджаташатру.

Ибо, как говорят, после зачатия царевича у матери его, дочери царя Кошалы, возникло – что часто бывает у беременных – неодолимое желание напиться крови из правого колена мужа её, царя Бимбисары.

Об этом она поведала своим прислужницам. Царь же, прознав про это, призвал звездочётов и спросил: «Говорят, царицу одолела странная прихоть. Что сие означает?» Звездочёты отвечали: «Государь, означает сие, что сын, получивший земное воплощение в лоне царицы, убьёт тебя и захватит царство». Отвечал на то царь: «Если сын мой убьёт меня и захватит царство, что в том плохого?!» Он рассёк ножом своё правое колено и, наполнив кровью золотую чашу, подал царице.

Царица же задумалась. «Если сын, зачатый в моём лоне, должен убить отца своего, — размышляла она, — так на что он мне?!» И с тем она принялась мять и греть живот свой, чтобы выкинуть. Услыхав про то, царь призвал её к себе и сказал: «Ходят слухи, милая, что сын мой меня убьёт и захватит царство, но ведь я всё равно состарюсь и умру. Дай же мне узреть лицо сына и не совершай ничего такого, что ему повредит!» Но царица не послушалась, стала ходить в дворцовый сад и там мять свой живот, так что царю, когда он проведал про то, пришлось запретить ей туда выходить.

И вот плод в лоне царицы созрел, и она родила сына. И раз царевич был ещё до рождения врагом отца своего, то и нарекли его в положенный день именем Аджаташатру — Враг До Рождения. И царевич рос, окружённый друзьями и челядью.

Однажды Учитель, сопровождаемый пятью сотнями монахов, явился к царю во дворец и уселся в покоях. Царь же, велев сперва ублажить всех монахов во главе с Буддой разными яствами и напитками, почтительно приветствовал Учителя и сел поодаль, дабы внимать слову дхармы. В это время в покои ввели пышно разряженного царевича. И царь, выказывая великую любовь к своему чаду, привлёк его к себе, посадил на колени и, с отеческой нежностью лаская сына, перестал внимать слову дхармы. Учитель, заметив его небрежение, сказал тогда: «Великий государь! В прежние времена цари, когда не доверяли своему сыну, велели запира́ть его и наказывали слугам: «После смерти моей выпустите его и возведите на царство!»» И, расспрашиваемый царём, Учитель поведал историю о прошлом.

«В стародавние времена, когда на троне в Варанаси восседал царь Брахмадатта, Бодхисаттва был всем известным наставником в Такша-шиле и обучал разным наукам, ремёслам и искусствам многих царевичей и юных сыновей брахманов. И сын царя Варанаси, когда минуло ему шестнадцать лет, явился к наставнику. Изучив веды и все искус-

ства и достигши во всём совершенства, царевич попросил у наставника дозволения воротиться домой. Наставник же, оглядев юношу и распознав знаки на его теле, подумал: «Всё предвещает ему гибель от руки собственного сына. Устраню же опасность силою своего могущества!» И, помыслив так, он связал узлы четырёх гатх и обучил им царевича, наказав так: «Дорогой мой! Когда сядешь на царство, первую гатху пропой во время трапезы, принявшись за рис в день шестнадцатилетия твоего сына. Вторую spoёшь во время приёма в большой зале собраний. Третью — когда взойдёшь на лестницу, поднимаясь в верхние покои. Четвёртую же spoёшь у порога спальни!»

«Да будет так!» — соглашаясь, молвил царевич и, почтительно приветствовав наставника, отбыл к себе. Вскоре он стал при отце-государе первым советником, а со смертью родителя взошёл на царство. И вот, когда сыну его исполнилось шестнадцать, царь вышел поразвлечься в дворцовом саду. И, узрев всё могущество и величие царя, юный царевич замыслил убить отца и захватить царство, о чём и поведал своим приближённым. «Верно, государь! — отвечали те. — Что толку обрести владычество в старости?! Надо придумать, как извести царя и взойти на царство!» «Подсыплю-ка ему яда в пищу и покончу с ним так!» — решил царевич.

И вот, прихватив яд, сел он вместе с отцом за вечернюю трапезу. Царь же, когда были расставлены блюда, прежде чем приступить к трапезе, спел первую гатху:

Ведомо крысам, где шелуха,
И ведомо им, где риса зерно.
Разгребя шелуху и отринув её,
Риса зерном напитались они!

Услыхав это, царевич подумал: «Отцу всё ведомо!» — и не дерзнул всыпать яд в чашу с рисом. Простившись почтительно с родителем, он пошёл к приближённым и обо всём им поведал. «Отец всё знает, — молвил он, — как же его прикончить?!» С того дня заговорщики стали тайно сходиться в царском саду и, развалясь на траве в густых зарослях, наставляли царевича: «Есть ещё способ: вооружись саблей и смешайся с толпой советников, а когда царь пожалует в залу собраний, улучи подходящий момент и порази его саблей! Вот какой способ!»

Царевич внял их совету и, когда настало время приёма, вошёл в большую залу собраний. Там стал он расхаживать, выжидая удобного случая поразить царя саблей. Царь же в это самое время спел вторую гатху:

И заговорщики в траве,
И тайный ропот злых людей —
Всё знаю, ведомо мне всё,
И кто мой враг, известно мне!

Услыхав то, царевич подумал: «Отец прознал о заговоре!» — и побежал к своим приближённым обо всём рассказать. Те выждали несколько дней и, встретившись с царевичем, сказали: «Ты заблуждаешься, царевич. Не знает царь о твоей к нему враждебности. Только ложным путём ты мог прийти к этой мысли! Убей же царя!»

И вот царевич снова вооружился саблей и укрылся неподалёку от верхней ступени лестницы, что вела во внутренние покои. Царь же, поднявшись по лестнице, остановился на верхней ступеньке и пропел третью гатху:

Отец-макака, говорят,
Новорождённому сынку
Мошонку выкусил тотчас,
Природе следуя своей!

Услыхав то, царевич решил: «Отец, говоря такое, повелевает страже схватить меня!» В страхе он кинулся к своим сообщникам и рассказал, будто отец угрожал ему. Через две недели те вновь подступились к царевичу, говоря: «О царевич! Ты заблуждаешься: знай царь обо всём, не стал бы он ждать так долго! То, что ты рассказал нам, лишь плод ложных умозаключений! Убей же царя!»

И вот царевич взял свою саблю, поднялся в верхние покои, вошёл в царскую опочивальню и залез под кровать, думая: «Как только царь войдёт, сразу его!» Царь же сразу после вечерней трапезы собрался почивать, отослал свиту и прямо на пороге опочивальни спел четвёртую гатху:

В горчичных зарослях козёл
Кружит, не ведая пути,
Но из укрытья своего
Его, слепого, вижу я!

Услыхав то, подумал царевич: «Отец всё знает и наверняка предаст меня казни!» Трепеща от страха, он вылез из-под кровати, бросил саблю

к ногам родителя и пал ниц, причитая: «Прости меня, государь!» Царь стал пенять сыну: «Ты думал, никто не узнает умыслов твоих!» И он повелел заковать сына в цепи, бросить в темницу и выставить стражу. Сам же царь погрузился в размышления о добродетелях бодхисаттвы. По прошествии какого-то времени царь кончил своё земное существование. Лишь после предания его тела огню приближённые вывели царевича из темницы и поставили на царство».

Учитель завершил своё поучение, говоря: «Так вот, махараджа, и в минувшие времена бывало, что цари вполне справедливо не доверяли своим сыновьям!» И Учитель разъяснил причину случившегося, но царь не внял его словам. Учитель же растолковал рассказ, так связав перерождения: «Все́м известным в ту пору наставником в Такшашиле был я сам».

339. ДЖАТАКА О БАВЕРУ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 339 Baveru-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Прежде чем хохлатый павлин...» Эту историю о неких отступниках, потерявших свои прежние достижения и достоинства, Учитель рассказал в Джетаване. Ибо отступники, которые до рождения Будды получали славу и почести, потеряли их при его рождении, сделавшись подобными светлячкам на восходе солнца. Их судьбу обсуждали в Зале Истины. Когда Учитель вошёл и спросил, какую тему обсуждают монахи, получив ответ, он сказал: «Братья, не только теперь, но и прежде, до появления одарённых добродетелью, те, которые были без добродетели, достигли высших способностей и достоинств, но когда появились одарённые добродетелью, те, которые были лишены её, потеряли свои способности и достоинства». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился молодым павлином. Он вырос необыкновенно красивой птицей и жил в лесу. В это время в царство Баверу прибыли торговцы, привезшие с собой на корабле чужеземную ворону. Говорят, что в то время в Баверу не было птиц. Местные жители, которые время от вре-

мении приходили и видели эту птицу, сидящую на верхушке мачты, говорили: «Обратите внимание на цвет кожи этой птицы. Посмотрите на её крючковатый клюв и глаза, похожие на самоцветы!». Так, восхваляя ворону, они сказали торговцам: «Господа, отдайте нам эту птицу. Она нужна нам, а вы сможете получить другую в своей стране».

«Что ж, берите, — ответили торговцы, — но она стоит дорого».

«Отдайте нам птицу за одну монету», — сказали они.

«За такую цену мы её не продадим», — ответили купцы.

Постепенно увеличивая цену, люди в конце концов предложили за ворону сто монет.

«Эта птица очень ценна для нас, — отвечали торговцы. — Но да будет дружба между нами и вами».

И они продали ворону за сто монет.

Местные жители взяли её, посадили в золотую клетку и кормили разными видами рыбы, мяса и диких фруктов. В месте, где не было других птиц, ворона, наделённая десятью пороками, достигла высших почестей и восхваления. В следующий раз, когда эти купцы прибыли в царство Баверу, они привезли с собой царственного павлина, которого научили кричать по щелчку пальцев и танцевать по хлопку в ладоши. Когда собралась толпа, птица вышла на носовую часть судна и, хлопая крыльями, издавала приятные звуки и танцевала.

Люди, видевшие это, были в восторге и начали просить: «Этот царь птиц очень красив и хорошо обучен. Отдайте его нам».

Торговцы ответили: «Сначала мы привезли ворону. Вы упросили нас отдать её вам. Теперь мы привезли этого прекрасного павлина, и вы просите о том же. Получается, в вашей стране нельзя даже упомянуть имя какой-либо птицы».

«Согласитесь и в этот раз, господа, — настаивали люди, — отдайте нам эту птицу, а себе заведите другую в своей стране».

Купцы значительно подняли предложенную цену, и наконец люди купили павлина за тысячу монет. Они посадили его в клетку, украшенную семью драгоценными камнями, и кормили его рыбой, мясом и дикими плодами, а также мёдом, жареной пшеницей, сахарной водой и тому подобным. Так царственный павлин получил высшие почести и славу. С тех пор как он появился, вороне перестали оказывать внимание и почести. Никто не хотел даже смотреть на неё. Ворона, не получавшая уже пищи ни твёрдой, ни мягкой, с криком «Кар, кар!» улетела и уселась на навозную кучу.

Учитель, устанавливая связь между двумя историями, в своей совершенной мудрости повторил эти гатхи:

Прежде чем хохлатый павлин появился,
Ворону почитали, поднося в дар фрукты и мясо;
Но когда сладкоголосый павлин явился в Баверу,
Ворона тут же лишилась даров и почестей.

Так и человек, одариваемый почестями,
До Будды демонстрировал свет Истины;
Но когда сладкоголосый Будда провозгласил Истину,
Отступники тут же лишились всех даров и почестей.

Произнеся эти четыре гатхи, он таким образом отождествил перерождения: «В то время джайн Натхапутта был вороной, а я сам был царственным павлином».

340. ДЖАТАКА О ВИСАЙХЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 340 Visayha-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Прежде, Висайха...» Эта история об Анатхапиндике была рассказана Учителем в Джетаване. Инцидент, послуживший поводом для этой истории, уже подробно описан в «Джатаке о пылающих углях» [2]. По этому случаю Учитель, обращаясь к Анатхапиндике, сказал: «В древности мудрые, мой брат-мирянин, раздавали подаяние, отвергая совет Шакки, царя небес, когда он стоял в воздухе и пытался помешать им, говоря: «Не раздавайте подаяние»». И по его просьбе Учитель поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был богатым торговцем по имени Висайха, чьё состояние оценивалось в восемьдесят крор. Будучи наделен пятью добродетелями, он был щедр и любил раздавать дары. Он велел построить у четырёх городских ворот, в самом центре города и у дверей своего собственного дома павильоны для

сбора подаяния. В этих шести местах он начал раздавать милостыню, и каждый день шестьсот тысяч человек приходили за подаянием, при этом нища самого Бодхисаттвы и нищих была совершенно одинаковой.

Он взбудоражил народ всей Индии своими дарами, так что даже обитель Шакки была потрясена необычайной силой его милосердия, и жёлтый мраморный трон царя небес стал нагреваться. Шакка воскликнул: «Интересно, кто мог заставить меня сойти с моего небесного трона?!» Оглядевшись, он увидел торговца и подумал про себя: «Ах, так это Висайха раздаёт подаяние и, разбрасывая направо и налево свои дары, будоражит всю Индию! Если так пойдёт и дальше, он свергнет меня и сам станет Шаккой. Я уничтожу его богатство и сделаю его бедняком, и тогда он больше не сможет раздавать милостыню». Поэтому Шакка заставил исчезнуть масло, мёд, патоку и тому подобное, даже все запасы зерна торговца, а также его рабов и слуг. Получатели милостыни, лишённые его даров, пришли и сказали: «Господин, подаяние исчезло. Мы ничего не находим в тех местах, которые ты создал, чтобы одаривать нас». «Берите деньги, — сказал он. — Раздача даров не должна прекратиться!» И, позвав жену, он велел ей продолжать благотворительность. Она обыскала весь дом и, не найдя ни единой монеты, сказала: «Господин, кроме одежды, которую мы носим, я ничего не вижу. Весь наш дом пуст». Открыв семь сокровищниц с драгоценностями, они ничего не нашли. Кроме торговца и его жены, больше никого не было видно — ни рабов, ни слуг. Бодхисаттва снова обратился к своей жене и сказал: «Моя дорогая, мы не можем прекратить нашу благотворительность. Давай проверим весь дом, наверняка найдём что-нибудь».

В эту минуту какой-то косильщик бросил свой серп, шест и верёвку для связывания травы в дверях и убежал. Жена торговца нашла их, принесла и отдала мужу со словами: «Господин мой, это всё, что я обнаружила». Бодхисаттва сказал: «Моя дорогая, мне никогда не приходилось заниматься этим раньше, но сегодня я буду косить траву и продавать её, и таким образом раздавать подобающее подаяние». Поэтому, опасаясь, что ему придётся прервать свою благотворительность, он взял серп, шест и верёвку и, выйдя из города, отправился в место, где было много травы. Скосив её и связав в два пучка, он сказал: «Один пучок принадлежит нам, а с другого я буду раздавать подаяние». Привязав траву к шесту, он пошёл и продал её у городских ворот и, получив две мелкие монеты, отдал половину денег нищим. А так как нищих было много и они постоянно кричали: «Дай и нам!», — он отдал и другую половину денег. В тот день им с женой пришлось поститься. Так прошло шесть

дней. На седьмой день, когда Висайха собирал траву, будучи от природы не слишком крепким, да ещё и проведя неделю без пищи, он почувствовал себя плохо на палящем солнце. Всё поплыло у него перед глазами, он потерял сознание и упал, разбрасывая траву. Шакка был рядом, наблюдая за происходящим. В это мгновение он предстал перед торговцем и, стоя в воздухе, произнёс первую гатху:

Прежде, Висайха, ты раздавал подаяние,
И из-за этого лишился богатства.
Впредь будь сдержан, умей отказывать,
И радостью наполнятся твои дни.

Бодхисаттва, услышав его слова, спросил: «Кто ты?» «Я Шакка», — ответил тот. Бодхисаттва сказал: «Сам Шакка, раздавая подаяние и принимая на себя моральные обязательства, соблюдая пост и выполняя семь обетов, достиг своего положения. Теперь же ты запрещаешь мне то, что привело тебя к твоему величию. Воистину, ты поступаешь недостойно». С этими словами он пропел три гатхи:

Говорят, это недостойно — поступком позорным
Запятнать благородное имя.
О тысячеглазый, защити нас,
Избавь нас от этого несчастья.

Да не растратится наше богатство бездумно
На наше удовольствие или возвеличивание,
Но, как и прежде, пусть возрастает
По твоему благословению.

Где проехала одна колесница,
Пройдёт и другая. Пока у нас есть
Средства для жизни, будем раздавать дары,
Ведь наихудшее, что может быть, — это скупость.

Шакка, не в силах помешать ему, спросил, почему он раздаёт подаяние. «Я не стремлюсь, — ответил Бодхисаттва, — стать Шаккой или Брахманом, но я стремлюсь к постижению Истины, поэтому я отдаю». Шакка, услышав эти слова, довольно похлопал его по спине. В это мгновение Бодхисаттва наслаждался такой милостью, всё его тело было наполнено радостью. Сво-

ей сверхъестественной силой Шакка вернул ему всё его богатство. «О торговец, — сказал Шакка, — отныне ты каждый день будешь раздавать дары, отдавая двенадцать сотен тысяч частей». И, наполнив его дом несметными сокровищами, Шакка простился с ним и вернулся в своё жилище.

* * *

Учитель, закончив своё объяснение, так отождествил перерождения: «В то время мать Рахулы была женой торговца, а я сам был Висайхой».

Комментарии

1 См. *Джатакамала*, № 5, «История Авишахьи».

2 № 40, том I.

341. ДЖАТАКА О КАНДАРИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 341 Kandari-Jātaka)

Эта история будет полностью изложена в «Джатаке о Кунале» [1].

Комментарии

1 № 523, том V.

342. ДЖАТАКА ОБ ОБЕЗЬЯНЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 342 Vanara-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольпинской

«Я из воды...» Эту историю о том, как Девадатта пытался убить Будду, Учитель рассказал, когда жил в бамбуковой роще. Инцидент, который привёл к этой истории, уже был подробно описан ранее.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва получил воплощение в виде молодой обезьяны в Гималаях. Когда он вырос, то поселился на берегу Ганга. И вот некая крокодилиха, живущая

в Ганге, возжелала съесть сердце Бодхисаттвы и рассказала об этом своему мужу. Он подумал: «Я убью Бодхисаттву, утащив его в воду, выну его сердце и отдам моей жене». И он предложил Бодхисаттве: «Пойдём, друг мой, поедим диких фруктов на одном острове».

«Как же я туда попаду?» — спросил тот.

«Я посажу тебя на спину и отвезу туда», — ответил крокодил.

Не подозревая о намерениях крокодила, Бодхисаттва забрался к нему на спину. Крокодил, проплыв немного, начал нырять. Тогда обезьяна спросила: «Зачем, любезный, ты погружаешь меня в воду?»

«Я убью тебя, — сказал крокодил, — и отдам твоё сердце моей жене».

«Глупец, — рассмеялась обезьяна, — неужели ты думаешь, что моё сердце у меня внутри?»

«Тогда где же оно?»

«Разве не видишь — оно висит вон на той смоковнице!»

«Вижу, — сказал крокодил. — Но отдашь ли ты его мне?»

«Да, конечно», — ответила обезьяна.

Тогда крокодил — он оказался довольно глупым — поплыл к подножию смоковницы, росшей на берегу. Бодхисаттва, спрыгнув с его спины, взобрался на фиговое дерево и оттуда пропел такие гатхи:

Я из воды, рыба, на сушу выбрался
Разве для того, чтобы оказаться в твоей власти?
От фруктов и розовых яблок меня тошнит,
И лучше есть смоквы, чем вон те манго.
Тот, кто не может подняться, пользуясь случаем,
К ногам врага поверженный лежит, страдая.
Но тот, кому ведомы превратности судьбы,
Никогда не боится козней врага.

Так в этих четырёх строфах Бодхисаттва поведал, как преуспеть в мирских делах, и тотчас же скрылся в чаще деревьев.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, связал перерождения: «В то время Девадатта был крокодилом, а я сам был обезьяной».

Комментарии

1 См. № 208, том II.

343. ДЖАТАКА О ЦАПЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 343 Kuntani-Jātaka)

Перевод Н. Ольгинской

«Долго я считала...» Эта история о цапле, которая жила в доме царя Косалы, была рассказана Учителем в Джетаване. Говорят, она носила послания для царя, и у неё было двое птенцов. Как-то раз царь послал эту птицу с письмом к другому правителю. Когда она улетела, мальчики из царской семьи так сильно сжали птенцов в руках, что те умерли. Цапля-мать вернулась и, обнаружив своих детей мёртвыми, спросила, кто убил их. А в то время во дворце держали дикого свирепого тигра, закованного в крепкие цепи. Мальчики пошли посмотреть на тигра, и цапля отправилась с ними, решив: «Как они поступили с моими детёнышами, так и я поступлю с этими мальчишками!» И она схватила их и бросила к лапам тигра. Тигр с рычанием набросился на них и убил. Птица сказала: «Теперь исполнилось желание моего сердца», — и, взмыв в воздух, направилась прямо к Гималаям. Услышав о случившемся, монахи начали спор в Зале Истины: «Говорят, цапля в царском дворце бросила на съедение тигру мальчиков, которые убили её детенышей, а потом сбежала». Учитель пришёл и спросил, что они обсуждают, а узнав ответ, сказал: «Не только теперь, братья, но и раньше она предавала смерти тех, кто убивал её детей». И он поведал им историю былых времён.

* * *

Когда-то в давние времена Бодхисаттва правил в Бенаресе мудро и справедливо. Некая цапля в его доме носила ему послания. И так далее, как в предыдущей истории. Но особый момент здесь заключается в том, что в этом случае птица, позволив тигру убить мальчиков, подумала: «Я больше не могу здесь оставаться. Я уйду, но, хоть я и собираюсь покинуть это место, я не сделаю этого, не рассказав обо всём царю. Но как только я расскажу ему, я уйду». И вот она подошла к царю, поклонилась ему и, стоя немного поодаль, сказала: «Господин, по твоему недосмотру мальчики убили моих детей, и под влиянием страсти я в отместку погубила их. Теперь я больше не могу здесь жить». И она пропела первую гатху:

Долго я считала этот дом своим,
Где честно несла службу.
Но теперь из-за твоей небрежности
Я вынуждена покинуть его.

Услышав это, царь произнёс вторую гатху:

Если кто-то отомстит обидчику,
Нанеся ему равный урон,
Тогда его гнев должен утихнуть;
Так что, добрая цапля, оставайся.

Птица ответила на это третей гатхой:

Обиженный не может никогда
С обидчиком, как прежде, быть в согласии:
Ничто, о царь, не может удержать меня.
С этого дня меня здесь нет.

Услышав это, царь произнёс четвёртую гатху:

Если вести себя мудро, а не глупо,
С обиженным обидчик может
Жить в мире и согласии.
Так что, добрая цапля, пожалуйста, останься.

Птица ответила: «Всё складывается так, что я не могу остаться, мой господин», — и, распрощавшись с царём, она поднялась в воздух и направилась к Гималаям.

* * *

Учитель, закончив своё наставление, так связал перерождения: «Цапля в прежней истории была цаплей в этой, а царём Бенареса был я».

344. ДЖАТАКА О ВОРОВСТВЕ МАНГО

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 344 Ambacora-Jātaka)

Перевод Н. Ольгинской

«Той, что съела твои манго...» Эту историю о старце, который сторожил манговый сад, Учитель рассказал в Джетаване. Говорят, когда этот человек состарился, он стал отшельником и построил себе хижину из листьев в манговом саду на окраине Джетаваны, и не только сам постоянно ел спелые плоды манго, которые падали с деревьев, но и передавал их своим родственникам. Как-то раз, когда он отправился за подаяннем, какие-то воры сорвали его манго, съели несколько плодов, а остальные унесли. В это же время четыре дочери богатого торговца, прогуливаясь после купания в реке Ачиравати, забрели в манговый сад. Когда старик вернулся и обнаружил пропажу, он обвинил их в том, что они съели его манго.

«Господин, — сказали девушки, — мы только что пришли; мы не ели твои манго».

«Тогда поклянитесь», — сказал он.

«Хорошо, господин», — ответили они и поклялись. Старик отпустил их, но, заставив поклясться, он навлёк на них позор.

Монахи, услышав о его поступке, затеяли в Зале Истины дискуссию о том, как один старик потребовал клятву от дочерей торговца, которые вошли в манговый сад, где он сам жил, и таким образом опозорил их. Когда Учитель вошел, он поинтересовался предметом их обсуждения. Они рассказали, и он ответил: «Не только теперь, братья, но и раньше этот старик, когда он сторожил манго, заставил дочерей богатого торговца принести клятву и, опозорив их таким образом, отпустил». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился Шаккой. В то время один мошенник-аскет построил шалаш из листьев в манговом саду на берегу реки близ Бенареса и, сторожа манго, ел спелые плоды, которые падали с деревьев, а также давал их своим родственникам, и жил там, зарабатывая себе на жизнь различными ложными практиками.

В это время Шакка, царь небес, думал: «Кто, интересно, в этом мире людей поддерживает своих родителей, воздаёт почести престарелым членам своей семьи, подает милостыню, следует нравственному закону и соблюдает пост? Есть ли те, кто, приняв святую жизнь, постоянно посвящает себя обязанностям, подобающим святому, и кто вновь совершает проступки?» И, изучая мир, он увидел этого порочного отшельника, сторожащего свои манго, и сказал: «Этот фальшивый отшельник, отказавшись от своих обязанностей, от практик, посредством которых можно погрузиться в религиозный экстаз и тому подобное, постоянно сторожит манговый сад. Напугаю-ка я его хорошенько». Для этого, когда тот пошёл в деревню за подаянием, Шакка своей сверхъестественной силой сбил плоды манго и сделал вид, что сад был разграблен ворами. В этот момент четыре дочери торговца из Бенареса вошли в сад, и лжеотшельник, увидев девушек, остановил их и сказал: «Вы съели мои манго».

Они ответили: «Господин, мы только что пришли. Мы их не ели».

«Тогда поклянитесь», — сказал он.

«Но в таком случае мы можем идти?» — спросили они.

«Конечно, можете».

«Хорошо, господин», — ответили они, и старшая из них поклялась, произнеся первую гатху:

Той, что съела твои манго,
Пусть будет владеть какой-то простолудин,
Закрашивающий свои седые волосы
И завивающий локоны щипцами.

Отшельник велел ей отойти в сторону и заставил вторую дочь торговца принести клятву. Она пропела вторую гатху:

Пусть девица, ограбившая твой сад,
Напрасно вздыхает о муже,
Хотя её юность прошла,
И ей скоро уж тридцать.

И после того как она дала клятву и отошла в сторону, третья девушка произнесла третью гатху:

Та, что твои спелые манго съела, пусть
Утомительный путь проделает в одиночестве,
А придя на место встречи слишком поздно,
Станет сокрушаться, обнаружив,
что её возлюбленный ушёл.

Когда она дала клятву и отошла в сторону, четвёртая девушка произнесла четвёртую гатху:

Та, что сад твой разорила, пусть
В ярких одеждах, с венком на голове,
Орошённая сандаловым маслом,
Всё ищет своё нетронутое ложе.

Отшельник сказал: «Это серьёзная клятва, которую ты дала; другие, должно быть, ели манго. Ну, а теперь уходите». И с этими словами он отослал их прочь. Тогда Шакка явился в ужасном обличье и прогнал лжеотшельника с того места.

* * *

Учитель, закончив наставление, связал перерождения: «В то время ложным отшельником был старец, который сторожил манго. Четыре дочери торговца играли тогда ту же роль, что и теперь. А Шакка был самим собой».

345. ДЖАТАКА О ЧЕРЕПАХЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 345 Gajakumbha-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Если пламя пронесётся...» Эту историю о ленивом монахе Учитель рассказал в Джетаване. Говорили, что этот монах был благородного происхождения и жил в Саваттхи. Но после того как он дал сердечное согласие на ученичество и принял духовный сан, он сделался ленивым. Что касается провозглашения учения, наставлений, просветлённого благочестия и круга монашеских обязанностей, он не полно-

стью погрузился в них, будучи охвачен своими пороками, и его всегда можно было найти в общественных местах отдыха. Другие монахи обсуждали его нерадивость в Зале Истины, говоря: «Такой человек, братья, приняв наставления в таком превосходном вероучении, которое ведёт к спасению, постоянно нерадив и ленив и охвачен пороками». Учитель вошёл и спросил, что они обсуждают, и когда получил ответ, произнёс: «Не только теперь, братья, но и прежде он был ленив». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был его главным советником. Царь Бенареса был вялого нрава, и Бодхисаттва ходил вокруг, обдумывая какие-нибудь средства, чтобы хоть немного встряхнуть его. И вот однажды царь отправился в свой сад в сопровождении советника и, бродя там, заметил медлительную черепаху. Говорят, что эти вялые существа, хотя и находятся в движении целый день, продвигаются всего лишь на несколько ангул*.

Увидев черепаху, царь спросил: «Друг, как называется это создание?»

Бодхисаттва ответил: «Это существо называется черепаха, великий царь, и оно настолько медлительно, что, хотя и находится в движении весь день, продвигается всего лишь на несколько ангул». И, обращаясь к нему, он сказал: «Эй! Госпожа черепаха, у тебя такой неспешный ход! А если бы в лесу случился пожар, что бы ты сделала?» И он произнёс первую гатху:

Если пламя пронесётся по роще,
Оставляя за собой почерневшую тропу,
Как, госпожа Медлительность, еле ползущая,
Ты смогла бы найти безопасный путь?

Черепаха, услышав это, произнесла вторую гатху:

Здесь предостаточно разных укрытий,
Щель есть в каждом дереве.
Я найду себе убежище,
Или со мной будет покончено.

* Ангула — древнеиндийская мера длины, равная 1,9 см.

Тот, кто спешит, когда следует отдохнуть,
И медлит, когда лучше поторопиться,
Разрушает тонкую ткань своего благополучия,
Подобно тому как увядший лист
бывает раздавлен каблуком.

Но тот, кто не медлит и не торопится,
А всё делает своевременно,
исполняет свое предназначение,
Как Луна движется по своей орбите.

Царь, услышав слова Бодхисаттвы, с тех пор уже не был так медлителен.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, связал перерождения: «В то время нерадивый брат был черепахой, а я сам был мудрым советником».

346. ДЖАТАКА О КЕШАВЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 346 Kesava-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Ты до недавних пор...» Эту историю о празднике дружбы Учитель рассказал, когда жил в Джетаване.

В доме Анатхапиндики, говорят, постоянно кормили пятьсот монахов. Дом всё время был подобен месту отдыха для собрания братии, сияя отблесками их жёлтых одежд и овеваемый благоуханием праведности. И вот однажды царь, совершая торжественное шествие по городу, увидел собрание монахов в доме казначея и подумал: «Я тоже назначу постоянную милостыню собранию праведников». Он отправился в монастырь и, поклонившись Учителю, учредил пожизненное подаяние для пятисот монахов. С тех пор в доме царя постоянно раздавали подаяние, даже отборную пищу из риса, пахнущую дождём. Но никто не подавал её своими руками, со знаками любви и почитания. Пищу разда-

вали царские слуги, и монахи не заботились о том, чтобы сесть и съесть её. Взяв различные изысканные блюда, они шли каждый в дом своих служителей и, отдав им пищу, сами ели всё, что было поставлено перед ними, будь то грубое или изысканное.

И вот однажды царю принесли много диких плодов. Он велел отдать их братьям.

Слуги пошли в трапезную, вернулись и сказали: «Там нет ни одного монаха».

«Что, разве ещё не время?» — спросил царь.

«Да, время, — ответили они, — но монахи берут пищу в вашем доме, а затем идут в обители своих преданных служителей и отдают им пищу, а сами едят всё, что им подают, будь то грубое или изысканное».

Царь сказал: «Наша еда изысканна. Почему они воздерживаются от нашей пищи и едят какую-то другую?» И, решил спросить об этом Учителя, он отправился в монастырь.

Учитель объяснил: «Лучшая пища — та, которая подаётся с любовью. Из-за того, что они не получают подаяние с любовью и дружескими чувствами, монахи берут пищу и едят её в каком-нибудь своём месте с более приветливым окружением. Нет вкуса, государь, равного вкусу любви. То, что подаётся без любви, хотя и состоит из четырёх сладких вещей, не идёт ни в какое сравнение с диким рисом, поданным с любовью. В древности мудрые, когда заболели, хотя царь со своими пятью семействами лекарей давал им лекарства, если болезнь не была таким образом уменьшена, возвращались к своим близким друзьям. И там, питаясь отваром из дикого риса и проса без соли или даже листьями без соли, только обрызганными водой, исцелялись от своей болезни. И с этими словами по просьбе царя он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов в царстве Каши. Его называли юным Каппой. Достигнув совершеннолетия, он овладел всеми искусствами в Таккасиле, а затем принял святую жизнь. В это время отшельник по имени Кешава, сопровождаемый пятью сотнями других отшельников, стал их учителем и поселился в Гималаях. Бодхисаттва пришёл к нему и, став старшим из пятисот учеников, тоже поселился там и проявил дружеские чувства и привязанность к Кешаве. И они очень сблизились друг с другом.

Вскоре Кешава в сопровождении этих отшельников отправился в Бенарес за солью и уксусом и поселился в царском саду. На следующий день он отправился в город и подошёл к дверям дворца. Увидев группу святых подвижников, царь пригласил их войти и накормил их в собственном доме. Взяв с них, как водится, обещание, он поселил их в своём саду. Когда сезон дождей закончился, Кешава стал прощаться с царём. Царь сказал: «Святейший, ты уже старик. Оставайся жить здесь, а молодых отшельников отправь в Гималаи». Он согласился и отправил их с главным своим учеником в Гималаи, а сам остался в одиночестве. Каппа отправился в Гималаи и жил там вместе с отшельниками. Кешава был недоволен тем, что оказался лишён общества Каппы. В своём желании видеть его он не мог спать, и в результате этого лишился способности должным образом переваривать пищу. Открылось кровотечение, за которым последовали сильные боли. Царь со своими пятью семействами врачей присматривал за отшельником, но недуг его не проходил.

Отшельник спросил царя: «Ты, государь, хочешь, чтобы я умер или выздоровел?»

«Хочу, чтобы ты пришёл в себя», — ответил тот.

«Тогда отправь меня в Гималаи», — попросил Кешава.

Царь согласился, призвал министра по имени Нарада и велел ему взять нескольких лесничих и отвезти святого подвижника в Гималаи. Нарада отвёз его туда и вернулся домой. И вот при одном взгляде на Каппу заболевание Кешавы прекратилось, и его печаль утихла. Каппа дал ему отвар из проса и дикого риса вместе с листьями, сбрызнутыми водой, без соли и специй, и в тот же миг дизентерия была исцелена. Царь снова послал Нараду сказать: «Пойди и выясни, как себя чувствует отшельник Кешава». Он отправился в Гималаи и, найдя Кешаву выздоровевшим, спросил: «Преподобный, царь Бенареса, лечивший тебя со своими пятью семействами врачей, не мог исцелить твою болезнь. Как Каппа вылечил тебя?» И он произнёс первую гатху:

Ты до недавних пор рядом с владыкой людей жил,
С царём, готовым исполнить любое желание твоего сердца.
В чём привлекательность отшельнической кельи Каппы,
Что благословенный Кешава решил сюда удалиться?

Кешава, услышав это, произнёс вторую гатху:

Всё здесь привлекательно: даже деревья
О Нарада, мне кажутся самыми прекрасными.
И слова Каппы, которые никогда не перестанут радовать меня,
Благодарным эхом звучат в моём сердце.

После этих слов он сказал: «Каппа, чтобы сделать мне приятное, дал мне выпить отвар из проса и дикого риса вместе с листьями, сбрызнутыми водой, без соли и специй, и этим был мой телесный недуг побеждён, и я исцелился».

Нарада, услышав это, произнёс третью гатху:

Ты, евший отборнейший рис,
Приготовленный с изысканным ароматом мяса,
Как можешь наслаждаться ты такой простой пищей,
Деля с отшельниками просо и дикий рис?

Услышав это, Кешава произнёс четвертую гатху:

Пища может быть грубой или изысканной,
Её может быть очень мало или предостаточно,
Но если трапеза благословлена любовью,
Она лучше самых изысканных яств, известных на сей день.

Нарада, услышав эти слова, вернулся к царю и передал ему ответ Кешавы.

* * *

Учитель, закончив своё наставление, отождествил перерождения: «В то время царём был Ананда, Нарадой был Шарипутта, Кешавой был Бакабрахма [1], Каппой же был я».

Комментарии

1 См. № 405.

347. ДЖАТАКА О ЖЕЛЕЗНОМ КУЗНЕЧНОМ МОЛОТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 347 Ayakuta-Jātaka) [1]

Перевод Н. Ольгинской

«Почему в воздухе...» Эту историю об обязанности делать добро людям Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Инцидент, который привёл к этой истории, будет изложен в «Джатаке о большом чёрном псе» [2].

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился сыном его главной царицы. Достигнув совершеннолетия, он обучился всем искусствам и после смерти своего отца взойшёл на престол и царствовал праведно.

В то время люди поклонялись богам и приносили им жертвы, убивая множество коз, баранов и прочих животных. Бодхисаттва провозгласил под бой барабанов, что отныне ни одно живое существо не должно быть предано смерти. Яккхи сильно разгневались на Бодхисаттву, лишившись своих подношений. Собравшись вместе в Гималаях, они послали одного дикого Яккху убить Бодхисаттву. Он взял огромную пылающую булаву из железа, величиной с дом, и, думая нанести смертельный удар, сразу же после средней стражи подошёл и встал у изголовья постели Бодхисаттвы. В это мгновение трон Шакки стал подавать признаки жара. Поразмыслив, бог обнаружил причину и, сжав в руке свою молнию, пошёл по воздуху и остановился над Яккхой. Бодхисаттва, увидев Яккху, подумал: «Зачем он стоит здесь? Чтобы защитить меня? Или он задумал убить меня?» И, заговорив с ним, он произнёс первую гатху:

Почему в воздухе ты стоишь, о Яккха,
С огромной железной булавой в руке?
Ты должен охранять меня от всякого злого умысла,
Или тебя послали погубить меня?

Бодхисаттва видел только Яккху, Шакка оставался невидимым. Яккха из страха перед Шаккой не осмеливается ударить Бодхисаттву. Услышав слова Бодхисаттвы, Яккха сказал: «Великий царь, я здесь не для того, чтобы охранять тебя; я пришёл сюда, чтобы ударить тебя этой пылающей железной булавой, но из страха перед Шаккой я не осмеливаюсь сделать это». И чтобы пояснить смысл своих слов, он произнёс вторую гатху:

Вот я здесь, посланник Ракшасов.
Я явился, чтобы погубить тебя,
Но огненная стрела, которой я владею,
Бессильна против головы, которую защищает сам Индра.

Услышав это, Бодхисаттва произнёс ещё две гатхи:

Если Индра, владыка Суджи, царствующий на небесах,
Великий царь богов, меня защищать соизволил,
Пусть демоны с ужасающим воем раскалывают небо,
Ни один из них не способен вселить в меня ужас.
Пусть болотные духи бормочут, что хотят,
Им не по зубам столь суровая схватка.

Так Шакка обратил Яккху в бегство. И, увещевая Великосущного, он сказал: «Великий царь, не бойся. Отныне я буду защищать тебя. Не бойся ничего». И с этими словами он вернулся в свою обитель.

* * *

На этом Учитель закончил свой рассказ и связал перерождения: «В то время Ануруддха был Шаккой, а я сам был царём Бенареса».

Комментарии

1 См. R. Morris, *Folk-Lore Journal*, III. 336.

2 № 469, том IV.

348. ДЖАТАКА О МІЦІ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 348 Aranna-Jātaka)

Перевод Н. Ольгинской

«*Это сомнение, отец мой...*» Эту историю о том, как некая девица пыталась соблазнить юношу, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Инцидент, который привёл к этому рассказу, будет изложен в «Джа-таке о Нараде» [1].

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов. Когда он вырос и обучился всем искусствам в Таккасиле, его жена умерла, и он принял святую жизнь и отправился со своим сыном в Гималаи. Однажды, оставив сына в хижине, он пошёл собирать разные плоды. В то время разбойники напали на приграничную деревню и увели пленников, но некая девица сумела бежать. Она обнаружила в лесу хижину отшельников и принялась обольщать добродетельного юношу. Она уговаривала его уйти вместе с ней.

«Пусть сначала вернётся мой отец, — сказал он, — и после того, как я увижусь с ним, я пойду с тобой».

«Хорошо, когда увидишься с ним, приходи ко мне», — сказала она. И, выйдя из хижины, она села посреди дороги. Молодой отшельник, когда пришёл его отец, произнёс первую гатху:

Это сомнение, отец мой, разреши за меня, молю!
Если в какую-нибудь деревню из этого леса я забреду
И встречу там людей иных нравов и поведения,
Мудро ли будет принять их дружбу?

Тогда отец, чтобы предостеречь его, произнёс три гатхи:

Того, кто может завоевать твое доверие и любовь,
Внимать твоим словам и вести терпеливо беседу,
Ни мыслями, ни словами, ни делами не обидит, —
Прими его в своё сердце и держись его дружбы.
Но людей непостоянных, как обезьяна,
Чей разум неустойчив, старайся избегать,
Даже если одиночество будет твоим уделом.

Услышав это, молодой отшельник сказал: «Дорогой отец, как я найду человека, обладающего этими добродетелями? Я никуда не пойду. Только с тобой я буду жить». И он не пошёл за девушкой. Впоследствии отец обучил его подготовительным обрядам к мистической медитации. Оба они пребывали в религиозном экстазе и достигли перерождения в мире Брахмы.

* * *

Учитель, закончив своё наставление, так связал перерождения: «В то время юноша и девушка были теми же, что и в более поздней истории. Отшельником был я сам».

Комментарии

1 № 477, том IV.

349. ДЖАТАКА О РАЗРЫВЕ ДРУЖЕСКИХ УЗ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 349 Sandhibheda-Jataka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

Словами «Ведь не было ссор из-за самок у них...» Учитель — он жил тогда в роще Джеты — начал наставление о клевете.

Ибо дошло однажды до Учителя, что шестеро монахов собирают сплетни и возводят напраслину на других. И, призвав тех монахов, Учитель спросил:

— Правду ли говорят, братия, что вы собираете и распространяете слухи про тех, кто ввязывался в распри, ссоры и перебранки, и что из-за вас возникают новые распри, коих вовсе не должно быть, и что, возникнув, они множатся и ширятся?

— Да, это правда, досточтимый, — отвечали на то монахи.

И Учитель тогда выбранил их, говоря: «Поклёпы и сплетни, братия, всё равно что удары острого меча, ибо способны мгновенно разорвать даже самые прочные дружеские узы! Кто им внимлет, теряет друзей, как это случилось со львом и быком».

И, молвив так, Учитель поведал историю о прошлом.

В стародавние времена, когда в Варанаси правил царь Брахмадатта, бодхисаттва обрёл своё земное существование, воплотившись в сына царя.

Одолев все вершины премудрости в Такшашиле, царевич после кончины отца своего взойшёл на престол и правил в соответствии с дхармой.

Был в ту пору пастух, который пас коров на лесных пастбищах, и вот как-то раз, возвращаясь с пастбища, он ненароком оставил в чаще стельную корову. Корова же та вошла в доверие к одной львице, и, сдружившись, стали они ходить всюду вместе. В положенный срок корова разрешилась телком, львица принесла львёнка, и оба отпрыска — оттого, что матери их водили дружбу, — тоже сделались большими друзьями и стали неразлучны.

Увидел их как-то собиратель диких лесных трав и плодов. Подивившись их дружбе, собиратель вернулся в Варанаси и со своими лесными дарами направился ко двору. Царь принял дары и спросил:

— Видел ли ты, почтенный, в лесу что-нибудь необычное?

Собиратель ответил:

— Государь! Ничего необычного мне не вспоминается. Разве что приметил я, как вместе в полном доверии друг ко другу бродили по лесу лев с быком!

— Ежели третий появится с ними, не избежать несчастья! — молвил царь. — Увидишь третьего — тотчас же меня извести!

— Да будет так, государь! — отвечал собиратель.

Тем временем, пока собиратель был в Варанаси, пристал ко льву и быку один шакал. Собиратель же, когда воротился в лес, увидел его и, решив: «Пойду-ка расскажу царю, что явился к ним третий», — отправился в город.

Шакал же помыслил: «Всё я ел, всё отведал, не пробовал только левятины да бычатины. Поссорю-ка я льва с быком и наемся досыта их плоти!» И, нашептывая одному: «Он говорил о тебе то!», а другому: «Он говорил о тебе это!», шакал ухитрился разъединить друзей и, поссорив льва и быка, привёл их обоих к гибели.

Собиратель же, явившись к царю, молвил:

— Государь, к тем двоим прилепился третий.

— Кто таков? — спросил царь.

— Шакал, государь, — отвечал собиратель.

— Наверняка, — сказал царь, — он поссорит их и приведёт к гибели. Мы найдём их уже мёртвыми!

И говоря так, взойшёл царь на колесницу и, следуя путём, который указал ему собиратель, достиг места — затем только, чтобы найти льва да быка испустившими дух в стычке друг с другом. Шакал же, ликуя, лакомился то левятиной, то бычатиной. Я узрев тех двоих, распроставшихся с жизнью, царь, нисходя с колесницы, пропел колесничему такие стихи:

Ведь не было ссор из-за самок у них
И пищу делили они, колесничий!
Но дружеских уз разрушение искусно
Задумано было и сделано чисто!

Как меч остриём входит в тело легко,
Легко клевета узы дружбы порвёт.
В итоге – смотри! – тварь презренная жрёт
И льва, и быка, что друзьями росли!

На смертном одре упокоится всяк,
Кто, этим подобно, поверив хуле,
С доверием станет внимать клевете,
Разрушивши дружбы священный союз!

Вкусит тот блаженство, подобно мужам,
Взнесённым на небо, кто, дружбу храня,
Не внемлет наветам, не верит хуле –
Лишь тот, колесничий, счастливо живёт!

После этого царь, велев прихватить с собою львиную шкуру с гривой, клыки и когти, воротился в город.

И, завершая своё наставление в дхарме, Учитель истолковал рассказ, так связав перерождения: «Царём в ту пору был я сам».

350. ДЖАТАКА О ВОПРОСЕ БОЖЕСТВА

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Catukka-Nipata. 350 Devatapanha-Jātaka)

Эта история изложена в Ummagga Jātaka*.

* Джатака № 546 («Джатака о подземном ходе»), приведена в Maha-Nipata (Книга 22) (прим. перев.).

Книга пятая Pañca-Nipata

351. ДЖАТАКА О ДРАГОЦЕННОЙ СЕРЬГЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 351 Maṇikuṇḍala-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Лишённый всех радостей жизни...» Эту историю о советнике, который был виновен в недостойном поведении в гареме царя Косалы, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Инцидент, давший начало этой истории, был полностью описан ранее [1].

И здесь тоже Бодхисаттва стал царём в Бенаресе. Нечестивый советник призвал царя Косалы и заставил его захватить царство Каши и бросить Бодхисаттву в темницу. Царь Бенареса погрузился в экстатическую медитацию и сел, скрестив ноги, в воздухе. Лютый жар наполнил тело царя-захватчика, он приблизился к правителю Бенареса и произнёс первую гатху:

Лишённый всех радостей жизни,
Серьги драгоценной с камнями, лошади и колесницы,
Разлучённый с ребёнком и любящей женой...
Но кажется, ничто не омрачает твоё удовольствие.

Услышав это, Бодхисаттва пропел такие стихи:

Удовольствия не длятся долго,
Они быстро нас покидают.
Так зачем же печалиться,
Если и радость скоро превратится в печаль?
Луна рождается, а потом убывает,
Свеча горит недолго, тает и гаснет,
Солнце, всем дарящее тепло,
Спешит закатиться за горизонт.
Перемены — закон этого мира,
Я это понимаю, и несчастье не причиняет мне боли.

Так Великосущный разъяснил истину царю-узурпатору и, подвергнув его испытанию, произнёс эти гатхи [2]:

Досужий невежда вызывает у меня отвращение,
Фальшивого отшельника признают проходимцем.
Скверный правитель выносит решение неслыханное,
Гнев мудреца не может быть оправдан.
Правитель-воин выносит приговор справедливый,
О праведном судье слава живёт века.

И царь Косалы, получив таким образом прощение Бодхисаттвы и вернув ему его царство, удалился в свою страну.

* * *

Учитель, закончив свою речь, так связал перерождения: «В то время Ананда был царём Косалы, а я сам был царём Бенареса».

Комментарии

1 См. № 282, Том II, и № 303 *выше*.

2 Эти гатхи встречаются также в № 332 *выше*.

352. ДЖАТАКА О СУДЖАТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 352 Sujata-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Зачем ты спешишь принести...» Эту историю о землевладельце, потерявшем своего отца, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. После смерти отца, говорят, он ходил и плакал, совершенно не в силах справиться со своим горем. Учитель увидел в этом человеке способность достичь Плода Спасения, и когда он ходил в Саваттхи за подаянием в сопровождении служителя, он пришёл в его дом. Сев на приготовленное для него место, он поклонился хозяину, который тоже сидел, и спросил: «Брат-мирянин, ты скорбишь?» Тот ответил: «Да, Преподобный». «Друг, мудрые в прежние дни прислушивались к словам разума, и когда они потеряли отца, они не горевали». И по просьбе хозяина он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в доме землевладельца. Мальчика называли Суджатой. Когда он вырос, его дед умер. Отец его со дня смерти старика преисполнился скорби и, взяв его кости с места кремации, соорудил в своем саду земляной холмик и, положив туда останки, всякий раз, когда посещал это место, украшал его цветами и усердно оплакивал. Он не совершал омовений, не помазывался и не принимал пищи. Все свои дела он забросил. Бодхисаттва, наблюдая это, подумал: «С тех пор как умер мой дед, отец ходит, охваченный горем. И никто, я уверен, кроме меня, не в силах его утешить. Я найду способ избавить его от печали».

Тут как раз он увидел мёртвого вола, лежащего за городом. Он принёс травы и воды и положил перед ним, приговаривая: «Ешь и пей, ешь и пей». Все, кто проходил мимо, видя это, говорили: «Друг Суджата, ты сошёл с ума? Зачем ты предлагаешь траву и воду мёртвому быку?» Но он не ответил ни слова.

Тогда люди пошли к его отцу и сказали: «Твой сын сошёл с ума. Он даёт траву и воду мёртвому быку». Услышав это, землевладелец перестал горевать об отце и стал горевать о сыне. Он поспешно пошёл и воскликнул: «Мой дорогой Суджата, ты в здравом уме?! Зачем ты предлагаешь траву и воду туше быка?» И тут он произнёс две гатхи:

Зачем ты спешишь принести свежескошенную траву,
И кричишь бездыханному животному: «Встань и ешь?»
Никакая пища не может воскресить мёртвого быка,
Твои слова пусты и порождены безумием.

Затем Бодхисаттва произнёс две гатхи:

Мне кажется, это животное может снова ожить:
И голова, и хвост, и четыре ноги сохранились.
А мой дед утратил голову и конечности;
Ни один глупец не плачет над его могилой, кроме тебя.

Услышав это, отец Бодхисаттвы подумал: «Мой сын мудр. Он знает правильные вещи, которые должны быть сделаны как для этого мира, так и для будущего. Он совершил это, чтобы утешить меня». И он сказал: «Мой дорогой мудрый сын Суджата, я знаю, что всё сущее не-

постоянно. Отныне я не буду горевать. Каждый сын должен быть подобным тебе, чтобы избавить отца от горя». И, воспевая хвалу своему сыну, он сказал:

Как питаемое топлёным маслом пламя, пылающее безудержно,
Гасится водой, так и он утолил мою печаль.
Стрела скорби ранила моё сердце и причиняла боль,
Он исцелил эту рану и вернул меня к жизни.
Заноза извлечена; исполненный счастья и покоя,
Я перестал горевать и слушаю своего мальчика.
Поэтому милостью будет отучить души смертных от их тоски,
Как мудрый Суджата принёс своему отцу облегчение.

* * *

Учитель, закончив свою речь, провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате чего землевладелец достиг Плода Первого Пути) и связал перерождения: «В то время я сам был Суджатой».

353. ДЖАТАКА О СПЛЕТЁННЫХ ВЕТКАХ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 353 Dhonasakha-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Хоть ты теперь...» Эту историю о юном принце Бодхи Учитель рассказал в роще Бхешакала близ Сумсумарагири (Крокодиловой горы) в провинции Бхагга. Этот принц был сыном Удены и в то время жил в Сумсумарагири. Однажды он призвал очень искусного строителя и велел ему построить дворец под названием Коканада, причём так, чтобы он не был не похож на дворец любого другого правителя. Но после он подумал: «Этот мастер может построить такой же дворец для какого-нибудь другого царя». И принц приказал ослепить строителя. Это обстоятельство стало известно в собрании монахов. Они принялись обсуждать произошедшее в Зале Истины, говоря: «Господа, молодой принц Бодхи выколол глаза такому-то мастеру. Вне всякого сомнения, он жестокий, беспощадный и грубый человек». Учитель вошёл и спросил, что обсуждают монахи, собравшись вместе. Услышав ответ, он сказал: «Не только

теперь, но и прежде такова была его природа, и в древности подобным же образом он выколол глаза тысяче воинов и, убив их, принёс их плоть в жертву». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был всемирно известным учителем в Таккасиле, и юноши из каст воинов и брахманов приезжали со всей Индии, чтобы обучаться у него искусствам. Сын царя Бенареса, принц Брахмадатта, тоже учился у него трём Ведам. Он был по натуре свиреп, жесток и беспощаден. Бодхисаттва, благодаря своему дару предвидения зная его характер, сказал: «Мой друг, ты свиреп, жесток и беспощаден, но воистину могущество, которое достигается насилием, недолговечно: когда от человека уходит его могущество, он подобен кораблю, потерпевшему крушение в море. Он не достигает надёжного убежища. Итак, не будь же таким!». И в наставление он произнёс две гатхи:

Хоть ты теперь миром и изобилием благословен,
Такая счастливая судьба может оказаться недолгой.
Если богатство твоё сгинет, не страдай,
Как моряк в шторм, потерпевший кораблекрушение.
Каждый получит то, что заслужил,
И пожнёт то, что посеял, —
Хорошую траву или ядовитый сорняк.

Принц попрощался со своим учителем и вернулся в Бенарес, и после того, как он продемонстрировал свои знания и умения отцу, он был утверждён наместником, а после смерти отца унаследовал царство. Его придворный жрец по имени Пингия был бессердечным и жестоким человеком. Будучи весьма властолюбивым, он подумал: «Что, если я заставлю царя захватить всех правителей Индии? Тогда он станет единственным монархом, а я — единственным жрецом». Он завёл с царём разговор на эту тему, и тот прислушаться к его словам.

И выступил царь с большим войском, и осадил город одного правителя, и взял его в плен. С помощью аналогичных действий он обрёл власть над всей Индии. Объединив войска тысячи правителей, он отправился завоёвывать Таккасилу. Бодхисаттва укрепил стены города

и сделал его неприступным для врагов. Царь Бенареса встал лагерем рядом с городом, у подножия большого баньяна на берегу Ганга. Сам он расположился на ложе под балдахином. Сражаясь на равнинах Индии, он взял в плен тысячу царей; но, потерпев неудачу при попытке напасть на Таккасилу, он спросил своего жреца: «Учитель, хотя мы и пришли сюда с огромным войском, мы не можем взять Таккасилу. Что нам теперь делать?»

«Великий царь, — ответил жрец, — выколи глаза тысяче правителей, а потом, вспоров им животы, давай возьмём их плоть и пять сладких веществ и принесём жертву божеству-хранителю этого баньяна. Нужно вырыть ров вокруг дерева и наполнить его кровью на глубину в пять ангул. И тогда мы сможем победить».

Царь с готовностью согласился. Спрятав могучих борцов за занавесом, он призвал каждого царя отдельно, и когда силачи сжали их в своих объятиях до бесчувственного состояния, он выколол им глаза, а после того как они умерли, он взял их плоть и кровь, а трупы велел бросить в Ганг. Затем он совершил жертвоприношение, как описано выше, ударил в барабан и вышел на битву. Но тут вдруг один Яккха сошёл со своей сторожесвой башни и вырвал правый глаз царя. Его охватила сильная боль, и, обезумев от мучений, он пошёл и лег, вытянувшись во весь рост, на ложе, приготовленном для него у подножия баньяна. В этот момент стервятник схватил заострённую кость и взгромоздился на верхушку дерева как раз над этим местом. Поедая мясо, он уронил кость, она упала и, подобно железному шипу, пронзила левый глаз царя. Тогда он вспомнил слова Бодхисаттвы и сказал: «Наш Учитель, когда он сказал: «Смертные получают результаты, соответствующие их деяниям, как плод соответствует семени», — полагаю, видел всё это перед своим мысленным взором». И, стеная, он обратился к Пингии двумя гатхами:

Ах! Теперь наконец я признаю правду!
 Учитель наставлял меня в моей беспечной юности:
 «Не греши, — воскликнул он, — иначе ты совершишь злодеяние,
 За которое однажды будешь наказан!»
 Под сенью ветвей этого дерева,
 Как подобает, я сандаловым маслом совершил возлияние.
 Здесь я убил тысячу царей, и вот —
 Муки, которые они испытывали тогда, теперь испытываю я.

Сокрушаясь так, он вспомнил о своей супруге-царице и произнёс гатху:

О Уббари, моя царица со смуглой кожей,
Гибкая, как побег прекрасного дерева моринга!
Твои руки, орошённые сандаловым маслом...
Как мне жить, если я не вижу тебя?
Смерть была бы легче, чем эта мука!

Так, бормоча эти слова, он умер и переродился в аду. Жрец, столь жаждущий власти, не смог спасти его, как не смог он спасти и самого себя. И как только он умер, всё его войско разбежалось.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, так связал перерождения: «В то время молодой принц Бодхи был царём-захватчиком, Девадатта был Пингней, а я сам был известным во всех землях учителем».

354. ДЖАТАКА О ЗМЕИНОМ УКУСЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 354 Uruga-Jataka)

Перевод И. Ольгинской

«Когда проходит...» Эту историю о землевладельце, у которого умер сын, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Вступительная история точно такая же, как о человеке, потерявшем и жену, и отца. И здесь тоже Учитель пришёл в дом этого человека, и когда тот, поклонившись, усадил его, спросил: «Верно ли, любезный, что ты тоскуешь?» – «Да, Преподобный, с тех пор как умер мой сын, я тоскую о нём», – ответил тот. «Воистину, то, что подлежит распаду, распадается, и то, что должно разрушиться, будет разрушено [1]. И это происходит не только с одним тобой, и не только в этой деревне, но и в бесчисленных мирах, и во всех трёх формах существования нет никого, кто был бы бессмертным, и нет ни одной вещи, способной пребывать в неизменном состоянии. Всё существующее подвержено смерти, и всё соединённое подвержено распаду. И в прежние дни мудрые, потеряв сына, говорили: «То, что подлежит разрушению, разрушается», – и не горевали». И по просьбе этого человека он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов в деревне у ворот Бенареса. Он занимался возделыванием земли и тем содержал семью. У него было двое детей — сын и дочь. Когда сын вырос, отец женил его на девушке равного происхождения. Таким образом, вместе с рабыней их было шесть человек: Бодхисаттва, его жена, сын, дочь, невестка и служанка. Они жили счастливо и дружно. Бодхисаттва так наставлял своё семейство: «Раздавайте подаяние, какое можете, соблюдайте святые дни, следуйте дхарме. Не забывайте о смерти. Помните, что для нас смерть неизбежна, а жизнь неопределённа; всё существующее преходяще и подвержено распаду. Поэтому будьте внимательны и собраны везде и всегда, днём и ночью». Они охотно принимали его увещевания и помнили о смерти.

И вот однажды Бодхисаттва отправился со своим сыном пахать поле. Сын собрал мусор и поджёг его. Неподалёку от того места в муравейнике жила змея. Дым от костра стал резать ей глаза. Змея пришла в ярость. «Это всё из-за того парня!» — решила она и, бросившись на него, впиалась всеми четырьмя ядовитыми зубами. Юноша упал замертво. Бодхисаттва, увидев, что сын упал, оставил своих волов и подошёл к нему. Обнаружив, что он мёртв, он поднял его и уложил под деревом, укрыв плащом. Он не плакал и не причитал, а только сказал: «То, что подвержено разрушению, разрушено, и то, что подвержено смерти, мертво. Все составные вещи преходящи и подвержены гибели».

И, сознавая преходящую природу всех вещей, он продолжил пахать. Увидев соседа, проходившего мимо поля, он спросил: «Дружище, ты идёшь домой?» — «Да», — ответил тот. «Тогда, пожалуйста, зайди к нам домой и скажи хозяйке: «Сегодня не приноси еду на двоих, а только на одного. И не посылай служанку, как раньше, но наденьте чистые одежды и приходите все четверо, и возьмите благовония и цветы»».

«Хорошо», — сказал сосед и, придя к жене брамина, передал ей эти слова.

«Кто поручил передать это послание?»

«Брамин, твой муж, госпожа», — ответил он.

Она поняла, что её сын мёртв, но даже не содрогнулась. Полностью владея собой, она призвала всех членов семьи. Они оделись в белые одежды, собрали поесть, взяли благовония и цветы и пошли на поле. Никто из них не проронил ни слезинки и не причитал. Бодхисаттва там же, под деревом, где лежал его умерший сын, поел. После этого они все

вместе сложили погребальный костёр, положили на него тело, совершили подношение благовониями и цветами, а затем подожгли его. Но никто не проронил ни единой слезинки. Все помнили о неизбежности смерти.

Сила их добродетели была такова, что трон Шакки, царя богов, начал нагреваться. «Интересно, – промолвил Шакка, – кто это хочет свергнуть меня с трона?» Поразмыслив, он обнаружил, что жар был вызван силой добродетели, исходящей от этих людей. Шакка был весьма доволен этим и сказал: «Я должен пойти к ним и издать громкий крик ликования, подобный рыку льва. А после этого я наполню их жилище сокровищами!» И, поспешив туда, он встал у погребального костра и спросил: «Что вы делаете?»

«Мы сжигаем тело умершего, господин».

«Нет, вы не сжигаете умершего! – воскликнул Шакка. – Мне кажется, вы жарите мясо какого-то животного».

«Нет, господин, – ответили они. – Мы действительно сжигаем покойника».

«Наверное, это был какой-то враг?»

«Нет, не враг. Это был мой собственный сын», – ответил Бодхисаттва.

«Тогда, по всей видимости, он не был тебе дорог».

«Он был очень дорог мне, господин».

«Тогда почему ты не плачешь?»

Бодхисаттва, объясняя причину, почему он не плачет, произнёс первую гатху:

Когда проходит радость жизни,
Человек покидает свою смертную оболочку,
Подобно тому как змея
Сбрасывает старую кожу.
Плач друзей и родных
Мёртвый пепел не воскресит.
Зачем же плакать и убиваться?
Слезам ход вещей не изменить.

Выслушав ответ Бодхисаттвы, Шакка обратился к жене брамина: «Кем покойный приходился тебе, госпожа?»

«Я десять месяцев носила его в своём чреве, кормила грудью и учила ходить и говорить. Я родила и вырастила его, господин».

«Допустим, госпожа, мужчине трудно показывать слёзы. Но у матери сердце мягкое. Почему же ты не плачешь?»

Чтобы объяснить, почему она не плачет, она произнесла две гатхи:

Незванным пришёл он к нам,
Ушёл от нас, не спросившись.
Всё приходит и уходит.
Разве это причина для горя?
Плач друзей и родных
Мёртвый пепел не воскресит.
Зачем же плакать и убиваться?
Слезами ход вещей не изменить.

Выслушав ответ жены брамина, Шакка спросил сестру: «Любезная, кем был для тебя покойник?»

«Он был мне братом, господин».

«Сёстры, как правило, любят своих братьев. Почему ты не плачешь?»

И она, объясняя причину, произнесла две гатхи:

Какая будет мне польза,
Если я стану причитать и плакать?
Своих родных и близких этим
Я сделаю ещё несчастнее.
Плач друзей и родных
Мёртвый пепел не воскресит.
Зачем же плакать и убиваться?
Слезами ход вещей не изменить.

Шакка, выслушав слова сестры, спросил жену: «А тебе, любезная, кем он был?»

«Он был моим мужем, господин».

«Когда муж умирает, вдова остаётся одинокой и беззащитной. Почему же ты не плачешь?»

И она, чтобы объяснить причину, произнесла две гатхи:

Плач о мёртвых подобен плачу ребёнка,
Который не может достать луну с неба.
Напрасны слёзы смертных,
Проливаемые о тех, кого они любили.
Плач друзей и родных
Мёртвый пепел не воскресит.

Зачем же плакать и убиваться?
Слезами ход вещей не изменить.

Шакка, выслушав ответ жены, спросил служанку: «Женщина, кем он был тебе?»

«Он был моим хозяином, господин».

«Должно быть, он издевался над тобой, бил и притеснял. Ты втайне радуешься его смерти и потому не плачешь».

«Не говори так, господин, это неправда. Мой молодой хозяин был полон долготерпения, любви и участия ко мне, он был для меня как приёмный сын».

«Тогда почему ты не плачешь?»

И она, чтобы объяснить, почему не плачет, произнесла две гатхи:

Разбитый глиняный горшок,
Увы, не склеишь вновь.
Столь же напрасный труд —
Оплакивать ушедших.
Плач друзей и родных
Мёртвый пепел не воскресит.
Зачем же плакать и убиваться?
Слезами ход вещей не изменить.

Шакка, выслушав все их речи, остался очень доволен их благочестием и сказал: «Вы проявляете осмотрительность и помните о смерти. Отныне вы не должны тяжким трудом зарабатывать себе пропитание. Я — Шакка, царь небес. Я наполню ваш дом сокровищами семи видов. Вы же продолжайте раздавать подаяние, следуйте дхарме, соблюдайте святые дни и будьте собраны всегда и везде, помните о смерти». И, увещав их так, он наполнил их дом несметным богатством, а сам вернулся в свою обитель на небесах.

* * *

Учитель, закончив наставление в дхарме, провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате землевладелец достиг Плода Первого Пути) и связал перерождения: «В то время Кхуджуттара была служанкой, Уппалавана — дочерью, Рахула — сыном, Кхема — матерью, а я сам был брамином».

Комментарии

1 Сравните историю Эпиктета, приведённую Бэконом в «Приумножении наук», I, 8. Однажды философ увидел женщину, оплакивающую разбитый кувшин, а на следующий день увидел другую женщину, оплакивающую своего умершего сына, после чего он сказал: «*Heri vidi fragilem frangi, hodie vidi mortalem mori*»*.

355. ДЖАТАКА О ГХАТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 355 Ghata-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«В то время как другие плачут...» Эту историю о министре царя Косалы Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Вводная история идентична уже приведённой. Но в этом случае царь, оказав большие почести министру, который хорошо исполнял свои обязанности, потом послушался неких недоброжелателей и приказал схватить его и бросить в тюрьму. Находясь там, он вступил на Первый Путь. Царь, узнав о его добродетели, отпустил его. Министр взял ароматную гирлянду и, подойдя к Учителю, поприветствовал его и сел в стороне. Учитель спросил, не случилось ли с ним какого-нибудь несчастья. «Да, Преподобный, — ответил он. — Но через зло ко мне пришло добро». «Воистину, — сказал Учитель, — не только ты, но и прежде мудрые извлекали добро из зла». И по его просьбе он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва пришёл в этот мир как сын его царицы-супруги. Его называли принцем Гхатой. Впоследствии он получил знания в Таккасиле и праведно правил своим царством.

И вот однажды некий министр совершил недостойный поступок в царском гареме. Царь, увидев собственными глазами это преступление, изгнал его из своих владений. В то время в Саваттхи правил царь по имени Вака. Министр поступил к нему на службу и точно так же, как в предыдущей истории [1], подговорил его захватить Бенарес. Овла-

* «Вчера я видел бывшее разбитым, сегодня видел смертное умершим» (лат.) — прим. перев.

дев царством, он заковал Бодхисаттву в цепи и бросил его в темницу. Бодхисаттва вошёл в экстатическую медитацию и сел, скрестив ноги, в воздухе. Жгучий жар поднялся в теле Ваки. Он пришёл и увидел лицо Бодхисаттвы, сияющее красотой, как распустившийся лотос, как золотое зеркало, и в форме вопроса произнёс первую гатху:

В то время как другие плачут и причитают,
И слёзы текут по их щекам,
Почему Гхата с улыбающимся лицом
Ни разу ещё не пожаловался?

Бодхисаттва, чтобы объяснить, почему он не сокрушается, продекламировал следующие гатхи:

Сожаления не в силах изменить прошлое,
И не несут благословения для будущего состояния.
Почему я, Вака, должен жаловаться на свои несчастья?
Скорбь не поможет нам примириться.

Тот, кто охвачен сожалением, чахнет,
Его пища становится безвкусной и неприятной,
Пронзённый, как стрелой, печалью,
Он становится посмешищем для своих врагов.

Где бы я ни находился — на суше или на море,
В деревне или в лесном уединении,
Никакое сожаление никогда не приблизится ко мне.
Обращённая душа ничего не боится.

Но тому, кто лишён завершённости в самом себе,
Кого сжигает огонь похоти,
Целого мира с его презренным богатством
Такому человеку покажется мало.

Выслушав эти четыре гатхи, Вака попросил прощения у Бодхисаттвы, вернул ему царство и вернулся в свои владения. Бодхисаттва же передал царство своим министрам и, удалившись в Гималаи, стал отшельником. Не прерывая своей экстатической медитации, он достиг перерождения в мире Брахмы.

* * *

Учитель, закончив наставление, связал перерождения: «В то время Ананда был царём Вакой, а я сам был царём Гхатой».

Комментарии

1 Сравните № 303 выше.

356. ДЖАТАКА О КАРАНДИИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 356 Karandiya-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Почему посреди леса...» Эту историю о Полководце Дхармы (Шарипутте) Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Говорят, что этот старец, когда к нему приходили нечистые люди, такие как охотники, рыбаки и им подобные, наставлял их, а также всех, кто там присутствовал, в Дхарме, говоря: «Следуйте Дхарме». Из уважения к старцу они не могли ослушаться его и принимали наставления, но не могли следовать им и продолжали заниматься каждый своим делом. Старец решил посоветоваться со своими братьями-монахами и сказал им: «Господа, эти люди принимают закон от меня, но не соблюдают его». Они ответили: «Святейший, ты проповедуешь им против их воли, и так как они не смеют ослушаться тебя, они принимают его. Впредь не наставляй в Дхарме таких, как они». Старца задела эти слова. Услышав об этом инциденте, монахи начали дискуссию в Зале Истины о том, как старец Шарипутта наставлял в Дхарме всех, кто попадался ему на глаза. Учитель вошёл и спросил, какую тему обсуждают монахи, собравшись вместе, и, услышав ответ, сказал: «Не только теперь, братья, но и раньше он проповедовал закон всем людям, которых мог случайно увидеть, хотя они и не просили об этом». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился и вырос в семье браминов и стал главным учеником всемирно известного учителя в Таккасиле. В то время этот учитель проповедовал нравственный закон всем, кого он мог видеть, рыбакам и им подобным,

даже если они этого не хотели, неоднократно призывая их принять истину. Но хотя они и получили наставление, они не следовали ему. Учитель сказал об этом своим ученикам. Его ученики ответили: «Святейший, ты проповедуешь им против их воли, и поэтому они нарушают закон. Отныне проповедуй только тем, кто желает тебя слушать, а не тем, кто не желает». Учитель преисполненный сожаления, но, несмотря на это, он всё же наставлял о Дхарме всех, кого ему случалось видеть.

Как-то раз из одной деревни пришли люди и пригласили учителя отвезти лепёшек, которые предназначали браминам. Он призвал своего ученика по имени Карандия и сказал: «Мой дорогой сын, я не пойду. Пойди туда, взяв с собой этих пятисот учеников, возьми лепёшки и принести мне мою часть». Ученик пошёл туда, а когда возвращался, увидел у дороги пещеру, и его поразила мысль: «Наш учитель проповедует закон, не спрашивая, всем, кого он видит. Отныне я заставляю его проповедовать только тем, кто желает его слушать». И пока другие ученики отдыхали, он встал и, взяв огромный камень, бросил его в пещеру, и повторял это действие снова и снова. Тогда ученики спросили: «Господин, что ты делаешь?» Карандия не произнёс ни слова. Они поспешили к учителю и рассказали ему о случившемся. Учитель начал беседу с Карандией, пропев первую гатху:

Почему посреди леса,
Схватив огромный камень,
Ты с силой бросил его в пещеру,
Пытаясь её заполнить?

Услышав его слова, Карандия, чтобы пробудить своего учителя, произнёс вторую гатху:

Я хотел сделать эту опоясанную морем землю
Гладкой, как ладонь человеческой руки,
Для этого сровнять холмы и горы
И камнями каждую расщелину заполнить.

Услышав это, брамин произнёс третью гатху:

Ни один из смертных
Не обладает силой выровнять землю.

Вряд ли Карандия может справиться
Даже с одной пещерой.

Услышав это, ученик произнёс четвёртую гатху:

Если смертный не может
Выровнять землю,
То отступники вполне могут отказаться,
Брахман, принять твои взгляды.

Услышав это, учитель дал соответствующий ответ. Ибо теперь он понял, что другие люди могут отличаться от него, и, решив, что больше он не будет так поступать, он произнёс пятую гатху:

Друг Карандия, я понял:
Для моего блага ты увещаешь.
Земля никогда не может быть выровнена,
И все люди не могут мыслить одинаково.

Так учитель воспевал хвалу своему ученику. А тот, дав такое наставление своему учителю, отвёл его домой.

* * *

Учитель, закончив наставление, так связал перерождения: «В то время Шарипутта был брамином, а я сам был учеником Карандией».

357. ДЖАТАКА О ПЕРЕПЁЛКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 357 Latukika-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Слон шестидесяти лет...» Эту историю о Девадатте Учитель рассказал, когда жил в бамбуковой роще. Однажды монахи затеяли дискуссию в Зале Истины, говоря: «Господа, Девадатта свиреп, жесток и беспощаден. У него нет ни капли жалости к смертным». Войдя, Учитель

спросил, какую тему избрали монахи для обсуждения, и когда услышал ответ, произнёс: «Братья, не только теперь, но и прежде он был безжалостен». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в виде молодого слона. Когда он вырос и превратился в красивого могучего зверя, он возглавил стадо в восемьдесят тысяч слонов и поселился в Гималаях. В это время перепёлка отложила яйца на слоновьем пастбище. Когда пришло время, птенцы разбили скорлупу и выбрались наружу. Но перья у них ещё не выросли, и они не могли летать. Великосущный со своими восьмьюдесятью тысячами слонов, бродившими вокруг в поисках пищи, приблизился к этому месту. Увидев их, перепёлка подумала: «Этот слон может растоптать моих детёнышей! Я буду молить его о покровительстве и защите моего выводка». Она подняла два крыла и, стоя перед ним, пропела первую гатху:

Слон шестидесяти лет,
Лесной владыка среди равных тебе!
Я всего лишь жалкая птичка,
А ты — вожак стада.
Своими крыльями я выражаю почтение
И молю: пощади моих малышей!

Великосущный ответил: «О перепёлка, не беспокойся. Я буду защищать твоё потомство». И, стоя над молодыми птицами, в то время как восемьдесят тысяч слонов проходили мимо, он так обратился к перепёлке: «За нами идёт одинокий бродячий слон. Он не станет слушать меня. Когда он придёт, тебе надо будет и его просить, чтобы обеспечить безопасность твоих птенцов». И с этими словами он удалился. Перепёлка вышла навстречу другому слону, и, подняв оба крыла в почтительном приветствии, произнесла вторую гатху:

Скитающегося по холмам и долинам,
Хранящего своё одиночество,
Тебя, о лесной царь, я приветствую,
И крыльями моё почтение воздаю!
Я всего лишь ничтожная перепёлка.
Пощади моих слабых птенцов, не убивай их.

Услышав её слова, слон произнёс третью гатху:

Я убью твоих детёнышей, перепёлка!
Какой мне толк от твоего жалкого почтения?
Моя левая нога может легко раздавить
Много тысяч таких птенцов!

Сказав так, он наступил на птенцов и раздавил их, а затем, застыв над ними, смыл их потоком воды и громко затрубил. Перепёлка села на ветку дерева и сказала: «Давай, ступай прочь, трубя. Очень скоро ты увидишь, что я сделаю. Ты не понимаешь, в чём разница между силой тела и силой ума. Ну что ж! Я преподам тебе этот урок». И, угрожая ему таким образом, она повторила четвёртую гатху:

Злоупотребляя властью, ты ещё не выигрываешь;
Власть часто бывает проклятием для глупца.
Зверь, который убил моих детёнышей,
Я ещё принесу тебе несчастье.

Сказав так, она полетела к ворону и рассказала обо всём. Ворон, который был весьма польщён, спросил: «Что я могу для тебя сделать?» «Ничего другого, господин, мне не остаётся, кроме как ожидать, что ты ударишь клювом и выключешь глаза этому бродячему слону». Ворон охотно согласился. Затем перепёлка оказала некую услугу синей мухе, и когда муха спросила: «Что я могу сделать для тебя?» — птица ответила: «Когда ворон выключает глаза этому бродячему слону, я хочу, чтобы ты запустила в раны червей». Муха согласилась. Затем перепёлка сделала доброе дело для лягушки, и когда лягушка спросила, чем она может отблагодарить, попросила: «Когда этот бродячий слон, ослепнув, будет искать воду для питья, ты пойдёшь и заквакай на вершине горы, а когда он взберётся на вершину, спустись и снова заквакай на дне пропасти. Вот что ты можешь сделать для меня». Услышав просьбу перепёлки, лягушка с готовностью согласилась. И вот однажды ворон клювом выклевал слону оба глаза, и муха отложила в них свои яйца. Слон, кусаемый личинками, обезумел от боли и, страдая от жажды, бродил в поисках воды. В этот момент лягушка, сидя на вершине горы, принялась квакать. Слон подумал: «Там должна быть вода», — и взобрался на гору. Лягушка спустилась вниз и, сидя на дне, снова квакнула. Слон подумал: «Там будет

вода», — двинулся вперёд, прямо к пропасти, и, скатившись вниз, упал к подножию горы и разбился. Когда перепёлка узнала, что слон мёртв, она сказала: «Я видела спину моего врага!» В приподнятом настроении она пробежала по его туше и улетела по своим делам.

* * *

Учитель сказал: «Братья, не следует наживать себе врагов. Эти четыре существа, объединившись вместе, привели этого слона к гибели, каким бы сильным он ни был.

Перепёлка с вороном, синей мухой и лягушкой
Когда-то решили вопрос о смертельной вражде.
Они привели слона к безвременной кончине.
Поэтому следует избегать всякой ссоры».

Произнеся эту гатху, вдохновлённую совершенной мудростью, он так связал перерождения: «В то время Девадатта был бродячим слоном, а я сам был вожаком слоновьего стада».

Комментарии

1 Относительно этой истории см. *Введение в Панчатантру* Бенфи.

358. МАЛАЯ ДЖАТАКА О ЗАЩИТНИКЕ УЧЕНИЯ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 358 Culla-Dhammapala-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Бедная царица Махапатаны...» Эту историю о походе Девадатты с целью убить Бодхисаттву Учитель рассказал, когда жил в бамбуковой роще. Во всех других перерождениях Девадатте не удавалось возбудить в Бодхисаттве ни капли страха, но в этой истории, когда Бодхисаттве было всего семь месяцев, ему отрубили руки, ноги и голову, а на теле мечом вырезали гирлянду. В Daddara-Jātaka [1] он убил его, свернувшись, испёк его плоть в печи и съел её. В «Джатаке о Бодхисаттве-

великомученике» [2] он велел высечь его двумя тысячами ударов хлыста, приказал отрезать ему руки, ноги, уши и нос, а затем схватил его за волосы на голове и потащил за собой. А когда он растянулся во всю длину на спине, он ударил его ногой в живот и убежал, и в тот же день Бодхисаттва умер. Однако и в Cullanandaka-Jātaka, и в Vevaṭṭiyakapī-Jātaka [3] он просто предал его смерти. Так Девадатта в течение многих воплощений убивал его и продолжал делать это даже после того, как тот стал Буддой. Однажды монахи затеяли дискуссию в Зале Истины, говоря: «Господа, Девадатта постоянно строит заговоры, чтобы уничтожить Будд. Намереваясь убить Верховного Будду, он подкупил лучников, чтобы те застрелили его, сбросил на него камень и выпустил на него слона Налагири». Когда Учитель вошёл и спросил, какую тему обсуждают монахи, услышав ответ, он сказал: «Братья, не только теперь, но и раньше он пытался убить меня; но теперь он не может возбудить во мне ни капли страха. Хотя раньше, когда я был принцем Дхаммапалой, он убил меня, несмотря на то, что я был его собственным сыном, вырезав на моём теле мечом гирлянду». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Махапаттапа правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился сыном его царицы-супруги Чанды, и они называли его Дхаммапала. Когда ему исполнилось семь месяцев, мать купала его в душистой воде, богато одевала и играла с ним. Царь пришёл в её покои. Когда он вошёл, она играла с мальчиком, исполненная материнской любви, и не поднялась навстречу царю. Он подумал: «Даже сейчас эта женщина преисполнена гордости за своего сына и не ценит меня ни капельки. А когда мальчик вырастет, она решит: «У меня есть тот, кого я люблю», — и не будет обращать на меня никакого внимания. Я прикажу немедленно казнить его». Вернувшись к себе и усевшись на трон, он призвал палача со всеми его орудиями. Человек, облачённый в желтую мантию и алый венчик, положив топор на плечо и держа в руках колоду и чашу, явился к царю, поприветствовал его и сказал: «Что тебе угодно, господин?»

«Ступай в покои царицы и приведи сюда Дхаммапалу», — велел царь. Царица знала, что царь покинул её разгневанный, и сидела, прижав Бодхисаттву к своей груди и плача. Палач подошёл, ударил её в спину и, выхватив мальчика из её рук, отнёс его к царю и сказал: «Теперь ты доволен, господин?» Царь велел принести доску, поставить перед ним и положить на неё ребёнка. Палач так и сделал. Но царица

Чанда подошла и, плача, встала рядом с сыном. «Чего ты хочешь, государь?» — снова спросил палач. «Отрежь Дхаммапале руки», — велел царь. Царица Чанда взмолилась: «Великий царь, мой мальчик всего лишь ребёнок, ему семь месяцев. Он ничего не знает. На нём нет вины. Если и есть какая-то вина, то только моя. Поэтому прикажи отрубить мне руки». И чтобы пояснить смысл своих слов, она произнесла первую гатху:

Бедная царица Махапатапы,
Я одна виновата.
Прикажи освободить Дхаммапалу, господин,
И отсеки руки мне, несчастной.

Царь взглянул на палача. «Что вам угодно, господин?» — вновь спросил тот. «Немедленно отруби ему руки!» — приказал царь. Палач тут же взял острый топор и отрубил мальчику обе руки, словно это были молодые побеги бамбука. Мальчик, когда ему отрубили руки, не плакал и не жаловался, но, движимый терпением и милосердием, смиренно перенёс это. А царица Чанда положила его отрубленные кисти себе на колени и, обогрётая кровью, принялась причитать. Палач снова спросил: «Чего ещё ты хочешь, государь?» «Отруби ему ноги!» — велел царь. Услышав это, Чанда произнесла вторую гатху:

Бедная царица Махапатапы,
Я одна виновата.
Прикажи освободить Дхаммапалу, господин,
И отсеки ноги мне, несчастной.

Но царь подал знак палачу, и тот отрубил мальчику обе ноги. Царица Чанда положила его ступни себе на колени, запачкав их кровью, заплакала и сказала: «Мой господин Махапатапа, его ноги и руки отрезаны. Мать обязана содержать своих детей. Я буду работать за плату и содержать сына. Отдай его мне!». Палач спросил: «Государь, исполнено ли твоё желание? Моя работа окончена?» «Ещё нет», — ответил царь. «Чего же ещё ты желаешь?» «Отруби ему голову», — приказал царь. Чанда повторил третью гатху:

Бедная царица Махапатапы,
Я одна виновата.

Прикажи освободить Дхаммапалу, господин,
И отсеки голову мне, несчастной.

И с этими словами она предложила отрубить голову ей. Палач снова спросил: «Что угодно тебе, государь?» «Отруби ему голову!» – приказал царь. Тогда палач отрубил мальчику голову и спросил: «Исполнилось ли желание царя?» «Ещё нет», – ответил царь. «Что же ещё я должен сделать, господин?» «Вырежи остриём меча, – сказал царь, – на его теле гирлянду». Палач подбросил тело мальчика в воздух и, поймав его остриём меча, вырезал на его теле гирлянду и разбросал обрывки кожи по помосту. Чанда положила тело Бодхисаттвы к себе на колени и, сидя на возвышении и причитая, произнесла такие гатхи:

Никто из советников не сказал царю:
«Не убивай наследника, который из чресл твоих вышел!».
Ни один любящий родственник не взмолился:
«Не убивай мальчика, которому ты дал жизнь!».

Кроме того, произнеся эти две гатхи, царица Чанда, прижав обе руки к сердцу, произнесла третью гатху:

Ты, Дхаммапала, был по праву рождения
Владыкой земли.
Твои руки, когда-то омытые маслом сандалового дерева,
Лежат, пропитанные кровью.
Мое прерывистое дыхание – увы! –
Душат слёзы и рыдания.

Пока она так причитала, сердце её разбилось, как ломается бамбук, когда горит роща, и она упала замертво на месте. Царь тоже, не в силах оставаться на троне, упал на помост. В земле разверзлась бездна, которая тотчас же поглотила его. Твёрдая земля, несмотря на то, что была много более двухсот тысяч лиг в толщину, не выдержав его злодеяний, раскололась, открыв пропасть. Пламя поднялось из ада Авичи и, охватив царя, окутало, словно царским шерстяным одеянием, и погрузило его в Авичи. Его служители совершили погребальные обряды для Чанды и Бодхисаттвы.

Учитель, закончив это наставление, связал перерождения: «В то время Девадатта был царём, Махападжапати была Чандой, а я сам был принцем Дхаммапалой».

Комментарии

1 Это не встречается ни в одной из двух Daddara-Jātaka, № 172, том II, и № 304 выше.

2 № 313 выше.

3 Эти две джатаки, по-видимому, не были идентифицированы.

359. ДЖАТАКА О ЗОЛОТОМ ОЛЕНЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 359 Suvannaṃiga-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«О Златоногий...» Эту историю о девушке благородного происхождения из Саваттхи Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Говорят, она родилась в семье слуги двух главных учеников в Саваттхи и была преданной верующей, нежно привязанной к Будде, закону и учению, щедро творящей добрые дела, разумной, раздающей подаяние и делающей подобные благочестивые вещи. Молодой человек из другой семьи в Саваттхи такого же ранга, но отступнических взглядов, выбрал её в жены. Тогда её родители сказали: «Наша дочь — верующая, преданная Трём Сокровищам, раздающая подаяние и участвующая в других добрых делах, а вы придерживаетесь отступнических взглядов. А так как ты не позволишь ей подавать милостыню, или слушать Истину, или посещать монастырь, или следовать нравственному закону, или соблюдать святые дни, как ей угодно, то мы не отдадим её тебе в жены. Выбери себе девушку из семьи отступников, подобных тебе». Когда предложение этой семьи было отвергнуто, они сказали: «Пусть ваша дочь, когда она придёт в наш дом, делает всё, что ей заблагорассудится. Мы не станем ей мешать. Только даруй нам эту милость». «Тогда берите её», — ответили родители девушки.

Они устроили бракосочетание в благоприятное время года и отвели её в дом мужа. Она оказалась верной в исполнении своих обязанностей, преданной женой и оказывала должное почтение свёкру и свекрови. Однажды она сказала своему мужу: «Я хочу, мой господин, раздать подаяние нашим монахам-духовникам». «Хорошо, моя дорогая, дай им всё, что пожелаешь». И она пригласила этих монахов и, устроив хороший приём, накормила их лучшей пищей. И, сев отдельно от них, сказала: «Святые господа, это семья отступников и неверных. Они не знают ценности Трёх Сокровищ. Что ж, до тех пор пока эта семья не поймёт ценности Трёх Сокровищ, вы будете получать пищу здесь». Монахи согласились и постоянно ели там. Она снова обратилась к мужу: «Господин, монахи постоянно приходят сюда. Не хочешь ли встретиться с ними?» Услышав это, он сказал: «Хорошо, я встречусь с ними». На следующий день она дала ему знать, когда монахи закончили трапезу. Он подошёл и почтительно сел в стороне, приветливо беседуя с ними. Тогда Полководец Дхармы наставил его в Дхарме. Он был так очарован изложением учения и поведением монахов, что с этого дня приготовил старцам циновки для сидения, налил им воды и во время трапезы слушал изложение вероучения. Мало-помалу отступнические взгляды сошли на нет.

И вот однажды старец, излагая Дхарму, объявил Истину мужу и его жене, и когда проповедь закончилась, они оба утвердились в Плоде Первого Пути. С тех пор все они, от его родителей до наёмных слуг, отказались от своих еретических взглядов и стали преданными Будде, его закону и учению. Как-то раз молодая женщина сказала своему мужу: «Господин, семейная жизнь не привлекает меня. Я хочу отринуть всё мирское». «Хорошо, моя дорогая, — ответил он, — я тоже стану отшельником». И он торжественно проводил её в женскую общину, где её приняли послушницей, а сам тоже пошёл к учителю и попросил рукоположения. Учитель принял его сначала послушником, а потом посвятил в духовный сан. Они оба — и муж, и жена — получили просветление и вскоре достигли святости.

Однажды монахи затеяли дискуссию в Зале Истины, говоря: «Господа, одна женщина по причине своей веры и веры своего мужа стала послушницей. И оба они, отринув мирское и обретя ясное духовное видение, достигли святости». Учитель, войдя, спросил, какую тему обсуждают собравшиеся монахи, и, услышав ответ, сказал: «Братья, не только теперь она освободила своего мужа от уз страсти. Прежде она тоже освобождала даже мудрых в от уз смерти». Он умолк, но, уступая требованиям монахов, поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в виде молодого оленя и вырос прекрасным и грациозным созданием золотистого цвета. Его передние и задние ноги были словно покрыты лаком. Рога его были похожи на серебряный венок, глаза — на круглые драгоценные камни, а рот — на клубок алой шерсти. Лань, которая была его парой, тоже была очень красива, и они жили счастливо и гармонично вместе. Восемь мириад пятнистых оленей следовали в свите Бодхисаттвы. Пока они жили там, один охотник поставил силок на оленьих пастбищах. И вот однажды Бодхисаттва, ведя своё стадо, запутался ногой в силке и, думая разорвать петлю, дернул её и порезал кожу на ноге. Он снова дернул её и повредил плоть, а в третий раз повредил сухожилие. И петля проникла до самой кости. Не в силах разорвать силки, олень испытал такой смертельный страх, что издал несколько криков. Услышав эти крики, стадо оленей в панике разбежалось. Но когда лань бежала среди оленей, она огляделась и, не увидев Бодхисаттву, подумала: «Эта паника, должно быть, имеет какое-то отношение к моему господину». Она поспешила к нему, плача и причитая, и сказала: «Мой господин, ты очень силен. Почему ты не можешь выбраться из ловушки? Прояви свою силу и разорви её!» И, заставив его совершить над собой усилие, она произнесла первую гатху:

О Златоногий, не жалей сил,
Чтобы освободиться из ловушки охотника.
Как могу я радоваться, лишившись тебя,
И свободно бродить среди лесов?

Бодхисаттва, услышав это, ответил второй гатхой:

Я не жалею сил, но всё напрасно —
Я не могу освободиться.
Чем больше я пытаюсь вырваться,
Тем сильнее впивается петля в мою плоть.

Тогда лань сказала: «Мой господин, не бойся. Я буду умолять охотника отпустить тебя и предложу ему свою жизнь взамен твоей». И, утешая таким образом Великосущного, она продолжала обнимать окровавленного Бодхисаттву. Охотник уже приближался с мечом и копьем

в руках, подобный уничтожающему пламени. Увидев его, лань сказала: «Мой господин, охотник идёт. Своей собственной силой я спасу тебя. Не бойся». И, утешив таким образом оленя, она пошла навстречу охотнику и, остановившись на почтительном расстоянии, поклонилась ему и сказала: «Мой господин, мой муж золотистого цвета наделён всеми добродетелями, он — царь восьми мириадов оленей». И, воспевая таким образом хвалу Бодхисаттве, она умоляла о собственной смерти, лишь бы вожак стада остался невредим, и произнесла третью гатху:

Пусть на земле расстелется покрывало из листьев,
Где мы можем упасть, о охотник.
И, вынимая из ножен свой меч,
Убей меня, а потом и моего господина.

Охотник, услышав это, был очень удивлён и произнёс: «Даже люди не отдают свои жизни за своего правителя, тем более звери. Что это может означать? Это существо говорит сладким голосом на человеческом языке. В этот день я дарую жизнь ей и её супругу». И, очарованный ланью, охотник произнёс четвёртую гатху:

Зверь, говорящий человеческим голосом,
Никогда прежде не встречался мне.
Успокойся, мой кроткий олень, и прекрати
Бояться, о Златоногий.

Лань, видя, что Бодхисаттве стало лучше, очень обрадовалась и, поблагодарив охотника, пропела пятую гатху:

Как я рада видеть вновь
Этого могучего зверя на воле!
И теперь, охотник, даровавший свободу,
радуюсь со всеми своими родными и друзьями.

А Бодхисаттва подумал: «Этот охотник даровал жизнь мне и этой лани, и восьми мириадам оленей. Он был моим прибежищем, и я должен стать прибежищем для него». И, будучи существом в высшей степени добродетельным, он решил: «Нужно достойно отблагодарить своего благодетеля». И он дал охотнику волшебный камень, который

нашёл на пастбище, и сказал: «Друг, отныне не забирай жизнь ни у кого, но с помощью этого камня заведи дом, содержи жену и детей, раздавай подаяние и делай другие добрые дела». И, увещевав его так, олень исчез в лесу.

* * *

На этом Учитель закончил своё повествование и связал перерождения: «В то время Чанна был охотником, эта послушница была оленихой, а я сам был царственным оленем».

Комментарии

1 Сравните *Тибетские сказки*, XLI: *Газель и охотник*.

360. ДЖАТАКА О СУССОНДИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 360 Sussondi-Jataka)

Перевод Ю. Алихановой выполнен по изданию: „The Jataka”, ed. by V. Fausboll, vols 1-7, London, 1877-1897

«Там и запах цветов тимиры [1]...» Эту историю Учитель, находясь в Джетаване [2], рассказал об одном удручённом бхикшу. «Правда ли, что ты тоскуешь?» — спросил Учитель. «Правда», — отвечал тот. «По ком же ты тоскуешь?» — «Я увидел одну нарядную женщину». — «За женщинами уследить невозможно, — сказал Учитель, — даже привратники в царстве нагов берегли и не смогли уберечь женщину». И по просьбе бхикшу он рассказал историю о прошлом.

Некогда правил в городе Варанаси царь по имени Тамба. Его главная жена Суссонди была необычайно красива.

В то время Бодхисаттва возродился в образе нага и жил царстве нагов в Серумадипе [3]. Тогда Нагадипа [4] называлась Серумадипой.

Однажды он явился в Варанаси и стал играть в кости с молодым царём Тамбой. Увидав его, приближённые сказали царице: «Какой-то красивый юноша играет в кости с нашим царём». Суссонди захотела на него посмотреть. Нарядившись, она явилась со своей свитой в игральную комнату и стала его разглядывать. Тот тоже посмотрел на царицу, и оба они сразу полюбили друг друга.

Тогда силою волшебства царь нагов поднял в городе ураган. Люди из царской свиты, боясь, что разрушится дворец, разбежались. А наг своими чарами сделал тьму, подхватил царицу и по воздуху перенес её в свой дворец в Нагадипе. Как исчезла и куда делась Суссонди, никто не знал.

А царь нагов наслаждается с ней в своём дворце и снова летает к царю Тамбе играть с ним в кости.

У царя был музыкант по имени Сагга. Не зная, куда исчезла Суссонди, царь призвал к себе этого музыканта и сказал: «Иди, обойди сушу и море, разыщи царицу».

Музыкант взял денег на дорогу и, начав поиски с той деревни, что находилась за городскими воротами, дошёл до города Бхарукаччхи [5]. В это время тамошние купцы снаряжали корабль в Суваннабхуми [6]. Сагга подошёл к ним и стал просить: «Я музыкант. Я заплачу вам и ещё на вине [7] буду играть, возьмите меня с собой». — «Ну хорошо», — согласились купцы и взяли его на корабль. А когда отплыли от берега и корабль побежал по волнам, купцы позвали музыканта и сказали: «Сыграй нам что-нибудь». — «Я бы сыграл вам, — сказал Сагга, — но стоит мне заиграть, рыбы придут в волнение, и корабль ваш разобьётся». — «Если играет смертный человек, — сказали купцы, — рыбы спокойны, сыграй нам». — «Ну, тогда пеняйте на себя», — сказал Сагга, настроил вину и, не заглушая своего голоса музыкой, запел и заиграл.

Опьянённые звуками, рыбы задвигались, а одна макара [8] прыгнула на корабль и разбила его. Сагга схватился за доску и, лёжа на ней, по ветру доплыл до Нагадипы. Там он вышел на берег у самого дворца, возле дерева нигродха [9].

А царица Суссонди всякий раз, как царь нагов улетал играть в кости, выходила из дворца и бродила по острову. Встретив на берегу Сагга-музыканта, она узнала его. «Как ты попал сюда?» — удивилась царица. И музыкант всё ей рассказал. «Не бойся», — успокоила его царица и, обняв, привела во дворец. Там она усадила его, накормила царской пищей, велела омыть царской водой, одеть в царские одежды и украсить царскими благовониями и цветами. Потом она позвала его на царское ложе. Так она кормила его и с ним наслаждалась, пряча, когда возвращался царь нагов.

Спустя полтора месяца прибыли на этот остров купцы из Варанаси за водой и древесиной и высадились у дерева нигродха. На их корабле Сагга-музыкант вернулся в Варанаси и явился к царю, когда тот играл в кости. Взяв вину, Сагга заиграл на ней и произнёс первую гатху:

Там и запах цветов тимиры, там и шумящее море.
Далеко отсюда Суссонди, в сердце меня поразила царица.

Услыхав это, наг произнёс вторую гатху:

Как переплыл ты море, как попал на Серумадипу,
Как удалось тебе, Сагга, с моей повстречаться Суссонди?

Тогда Сагга произнёс три гатхи:

Когда с товаром купцы вышли в море из Бхарукаччи,
Разбила макара их корабль, один на доске я спасся.

Благовонная, ласково встретив, меня обняла царица,
Словно добрая мать своего обнимает ребёнка.

Потом она усладила меня питьём, одеждой и ложем.
Страстью блестели её глаза. Знай это, Тамба.

После рассказа музыканта нага охватило отчаяние. «Даже в царстве нагов, – подумал он, – я не смог её уберечь, зачем мне эта развратница». И, возвратив Суссонди царю, он исчез и с тех пор больше не появлялся. Учитель, приведя этот рассказ и показав Благородные истины, отождествил перерождения: «Тогда царём был Ананда, а царём нагов был я».

Примечания

- 1 Тимира – «тёмное», другое название дерева нигродха.
- 2 Джетавана – парк, подаренный купцом Анатхапиндикой буддийской общине. В этом парке были выстроены хижины для монахов, и Будда, согласно преданию, часто переживал в нём время дождей.
- 3 Серумадипа отождествляется исследователями с северо-западными районами Цейлона.
- 4 Нагадипа – «Остров нагов».
- 5 Бхарукачча – древний морской порт на полуострове Катхьявар (современный Брочх).
- 6 Суваннабхуми («Золотая земля») – так в древности называли побережье Малаккского полуострова.

7 Вина — древний струнный инструмент, вид лютни.

8 Макара — сказочное морское чудовище.

9 Нигродха (ньягродха) — дерево баньян.

361. ДЖАТАКА О КРАСОТЕ И ВЫСОКОМ РОСТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 361 Vannaroḥa-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Так ли Судатха...» Эту историю о двух главных учениках Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Однажды два главных старца решили провести сезон дождей в уединении. Поэтому они попрощались с Учителем и, оставив компанию монахов, вышли из Джетаваны, неся в руках свои чаши и накидки, и поселились в лесу недалеко от приграничной деревни. И некий человек, который прислуживал старцам и питался остатками их пищи, жил отдельно в том же самом месте. Увидев, как дружно и счастливо живут вместе эти старцы, он подумал: «Интересно, можно ли их рассорить?» Поэтому он приблизился к Шарипутте и сказал: «Может быть, преподобный, между тобой и почтенным главным старцем Моггалланой произошла какая-то ссора?» «Почему ты так думаешь?» — спросил старец. «Он всегда порицает тебя и говорит: «Что стоит Шарипутта по сравнению со мной в касте, происхождении и семье или в глубине постижения священных книг?» Старец улыбнулся и сказал: «Уходи!» На другой день он приблизился к главному старцу Моггаллане и сказал то же самое. Тот тоже улыбнулся и сказал: «Уходи!». Моггаллана подошёл к Шарипутте и спросил: «Говорил ли тебе что-нибудь этот парень, который питается нашими объедками?» «Да, друг мой, говорил то-то и то-то». «И мне он сказал ровно то же самое. Мы должны прогнать его». «Хорошо, друг, прогони его». Старец сказал прислужнику: «Ты не должен больше находиться здесь», — и, щёлкнув пальцами, прогнал его. Оба старца жили счастливо вместе и, вернувшись к Учителю, поклонились ему и сели. Учитель любезно заговорил с ними и спросил, хорошо ли прошло их уединение. Они ответили: «Один нищий хотел поссорить нас, но потерпел неудачу и убежал». Учитель сказал: «Воистину, Шарипутта, не только сейчас, но и раньше он думал поссорить вас, но, потерпев неудачу, убежал». И по их просьбе он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был божеством дерева в лесу. В то время там в горной пещере жили лев и тигр. Шакал прислуживал им и, питаясь их объедками, весьма растолстел. И вот однажды его посетила мысль: «Я никогда ещё не ел мяса льва или тигра. Я должен сравнить этих двух зверей, и когда в результате ссоры они поубивают друг друга, я съем их плоть». Он приблизился ко льву и сказал: «Есть ли какая-нибудь ссора, господин, между тобой и тигром?» «Почему ты так думаешь?» «Господин, – ответил он, – он всегда порицает тебя и говорит: «Когда меня не станет, этот лев никогда не достигнет и шестнадцатой доли ни моей красоты, ни моего роста и обхвата, ни моей природной силы и могущества». Но лев ответил ему: «Убирайся! Он никогда не станет так говорить обо мне». Тогда шакал точно так же подошёл к тигру и заговорил в том же духе. Выслушав его, тигр поспешил ко льву и спросил: «Друг, правда ли, что ты говорил обо мне то-то и то-то?» И он произнёс первую гатху:

Так ли Судатха [2] говорит обо мне?
«В изяществе форм и происхождении,
В умении и отваге на охоте
Субаху [2] уступает мне».

Услышав это, Судатха произнёс четыре оставшиеся гатхи:

Так ли Субаху говорит обо мне?
«В изяществе форм и происхождении,
В умении и отваге на охоте
Судатха уступает мне».
Если такие оскорбительные слова произнёс,
Ты больше не будешь моим другом.
Человек, уши которого открыты
Любым сплетням, которые он может услышать,
Вскоре затевает ссору с другом,
И любовь заканчивается лютой ненавистью.
Настоящий друг не подозревает без причины
И не высматривает тщательно недостатки.

В доверии к своему другу я спокоен,
Как дитя на груди у матери,
И никогда по чужому навету
Не стану сеять раздор.

Когда качества друга были изложены в этих четырёх гатхах, тигр сказал: «Это моя вина», — и попросил прощения у льва. И они продолжали счастливо жить вместе в одной пещере. А шакал убежал и поселился в другом месте.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, связал перерождения: «В то время шакалом был нищий, который питался объедками, львом был Шарипутта, тигром — Моггаллана, а божеством, которое обитало в том лесу и видело всё своими глазами, был я сам».

Комментарии

1 Сравните № 349 выше, *Тибетские сказки*, XXXIII: *Шакал-клеветник* и *Введение в Панчатантру* Бенфи.

2 Судатха (Sudāṭha, «сильнозубый») — лев, Субаху (Subāhu, «сильно-рукий») — тигр.

362. ДЖАТАКА ОВ ИСПЫТАНИИ ДОБРОДЕТЕЛИ
(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 362 Silavimamsa-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Добродетель и учёность...» Эту историю о брамине, который испытывал силу добродетели, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Говорят, что царь благодаря его репутации добродетельного человека относился к нему с особым почтением, превосходящим то, что воздавалось другим браминам. Брамин подумал: «Может быть, царь относится ко мне с особым почтением, потому что я наделён добродетелью или являюсь человеком, посвятившим себя приобретению знаний? Я просто сравню важность добродетели и учёности».

И вот однажды он взял монету из царской казны. Казначей — таково было его уважение к брамину — не сказал ни слова. Так произошло во второй раз, и казначей опять ничего не сказал. Но в третий раз он велел арестовать брамина как вора и привести к царю. И когда царь спросил, в чём его проступок, казначей обвинил его в краже царского имущества.

«Это правда, брамин?» — спросил царь.

«У меня нет привычки красть ваше имущество, государь, — ответил тот, — но у меня были сомнения насчёт относительной важности добродетели и учёности, и, проверяя, что из них важнее, я трижды взял монету, а затем меня взяли под стражу и привели к вам. Теперь, когда я знаю, что добродетель важнее учёности, я больше не хочу жить мирской жизнью. Я стану отшельником».

Получив разрешение на это, даже не оглянувшись на дверь своего дома, он пошёл прямо в Джетавану и попросил Учителя посвятить его. Учитель принял его послушником, а затем посвятил в духовный сан. Через короткое время он достиг духовного прозрения и Высшего Плода. Монахи в Зале Истины затеяли разговор о том, как некий брамин, доказав силу добродетели, принял посвящение и, получив духовное прозрение, достиг святости. Учитель вошёл и спросил монахов, какова тема их дискуссии, и, услышав ответ, произнёс: «Не только этот человек теперь, но и мудрые в древности также доказывали добродетель и, став отшельниками, достигли своего собственного спасения». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов. Достигнув совершеннолетия, он обучился всем искусствам в Таккасиле и по возвращении в Бенарес отправился к царю. Царь предложил ему должность придворного жреца, и так как он соблюдал пять нравственных заповедей, то царь относился к нему с почтением, как к добродетельному человеку. «Интересно, — думал он, — царь относится ко мне с почтением, потому что я добродетельный человек, или потому что я посвятил себя приобретению знаний?» И вся эта история в точности соответствует современному случаю, но тогда брамин сказал: «Теперь я знаю, насколько больше значение добродетели по сравнению с учёностью». И тогда он произнёс эти пять гатх:

Добродетель и учёность я был готов сравнить;
Отныне я не сомневаюсь, что добродетель – лучше.
Добродетель превосходит суетные выгоды формы и рождения,
Без добродетели обучение не имеет никакой ценности.
Правитель или крестьянин, если они во власти греха,
Ни в этом, ни в ином мире не избегнут страданий.
Люди высокого и низкого происхождения,
Если добродетельны здесь, то на небесах равны будут.
Ни происхождение, ни знания, ни дружба ничего не дают,
Лишь чистая добродетель приводит к будущему блаженству.

Так Великосущный воспевал добродетель. Получив согласие царя, в тот же день он отправился в Гималаи и, ведя жизнь отшельника, развил способности и достоинства и вознёсся в мир Брахмы.

* * *

На этом Учитель закончил свой рассказ и связал перерождения: «В то время я сам подвергал испытанию добродетель и принял святую жизнь отшельника».

Комментарии

1 Сравните № 86, том I, № 290, том II, № 305, № 330, том III, и L. Feer, *Journal Asiat.*, 1875.

363. ДЖАТАКА О СТЫДЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 363 Hiri-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Кто, бесчестно прикидываясь...» Эту историю о богатом торговце, друге Анатхапиндики, жившем в приграничной провинции, Учитель рассказал в Джетаване. И вводная история, и история минувших дней полностью изложены в заключительной джатаке в девятом разделе первой книги [1]. Но в этой версии, когда торговцу из Бенареса сказали, что последователи иноземного купца были лишены всего

имущества и, потеряв всё, чем владели, вынуждены были бежать, он ответил: «Из-за того, что они не сделали того, что должны были сделать для обратившихся к ним чужеземцев, они не нашли никого, кто был бы готов оказать им добрую услугу». И с этими словами он повторил следующие гатхи:

Кто, бесчестно прикидываясь смиренным,
Ненавидит тебя в сердце своём,
Бедный добродетелью и богатый пустословием, —
Того не стоит делать своим другом.
Будь же на деле верен каждому обещанию
И не обещай то, чего не можешь сделать;
Мудрецы на пустых хвастунов смотрят с отвращением.
Друг не подозревает без причины
И не высматривает тщательно недостатки.
Доверившийся другу спокоен,
Как дитя на груди у матери,
И никогда по чужому навету
Не станет сеять раздор ни словом, ни действием.
Кто предан узам человеческой дружбы,
Увеличивает благочестие и уважение;
Тот же, кто вкушает радости безмятежного спокойствия,
Пьет сладкие глотки Правды — только он ведает, как
Избежать оков порока и всех несчастий.

Так Великосущный, испытывая отвращение от соприкосновения с приспешниками порока, благодаря уединению довёл своё учение до высшего совершенства и указал людям путь к вечной нирване.

Учитель, закончив наставление, так связал перерождения: «В то время я сам был торговцем из Бенареса».

Комментарии

1 № 90, том I.

364. ДЖАТАКА О СВЕТЛЯЧКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 364 Khajjopanaka-Jātaka)

Этот рассказ о светлячке будет полностью изложен в Mahāummagga-Jātaka*.

365. ДЖАТАКА О ЗАКЛИНАТЕЛЕ ЗМЕЙ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 365 Ahigaṇḍika-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Смотри! Вот я лежу...» Эту историю о пожилом жреце Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Она уже была полностью изложена в «Джатаке о чувствительной мартышке» [1]. В этой версии также старик после посвящения деревенского парня оскорбляет и бьёт его. Юноша сбежал и вернулся к мирской жизни. Старик ещё раз принял его в послушники, но действовал так же, как и прежде. Юноша, после того как в третий раз вернулся в мир, когда его снова попросили вернуться, даже не взглянул старику в лицо. В Зале Истины монахи стали говорить о том, что некий старец не может жить ни с послушником, ни без него, а юноша, поняв, что у старика вздорный нрав, будучи впечатлительным человеком, даже не взглянул на него. Учитель, войдя, спросил, о чём идёт речь. Когда они рассказали ему, он сказал: «Не только теперь, братья, но и прежде этот юноша был чувствительным послушником, который, заметив недостатки старца, даже не взглянул на него». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье торговца зерном. Когда он вырос, то так же зарабатывал на жизнь продажей зерна.

И вот как-то раз некий заклинатель змей поймал обезьяну и научил её играть со змеёй. И когда в Бенаресе был объявлен праздник, он оставил обезьяну у торговца зерном и бродил семь дней, показы-

* № 546 (прим. перев.).

вая трюки со змеёй. Купец тем временем кормил обезьяну и твёрдой, и мягкой пищей. На седьмой день заклинатель напился на празднике, вернулся и трижды ударил обезьяну бамбуковой палкой, а затем, уведя её в сад, привязал и лёг спать. Обезьяна освободилась от цепи и, взобравшись на манговое дерево, принялась поедать плоды. Заклинатель змей, проснувшись, увидел обезьяну, сидящую на дереве, и подумал: «Я должен как-то приманить и поймать её». И, обращаясь к ней, он произнёс первую гатху:

Смотри! Вот я лежу, моя красавица,
Подобно игроку в кости.
Принеси несколько манго: я прекрасно знаю,
Что своей жизнью обязан твоей ловкости.

Обезьяна, услышав это, произнесла остальные гатхи:

Твои похвалы, друг, неуместны:
Красивая обезьяна так ещё и не найдена.
Разве не ты, напившись,
Морил меня голодом и избивал?
Когда, заклинатель змей, я вспоминаю
Ложе боли, на котором я возлежала,
Если даже ты сделаешь меня царицей,
Никаких даров от тебя не приму,
Помня твою жестокость.
Но с человеком, который способен
Предоставить пищу и кров,
Который является источником доброты и кротости,
Мудрому стоит создавать самые тесные связи.

И с этими словами обезьяна скрылась в толпе своих сородичей [2].

* * *

На этом Учитель закончил свой рассказ и связал перерождения: «В то время старик был заклинателем змей, послушник был обезьяной, а я сам был торговцем зерном».

Комментарии

1 См. № 249, том II.

2 В другом прочтении: «...затерялась в чаще деревьев».

366. ДЖАТАКА О ГУМБИИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 366 Gumbiya-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Яд, подобный мёду...» Эту историю о монахе, который сожалел о том, что стал послушником, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Учитель спросил его, правда ли, что он сожалеет об этом. «Это правда, Святейший», — ответил тот. «Что же послужило причиной?» — спросил Учитель. Когда монах ответил: «Это произошло из-за женских чар», — Учитель сказал: «Эти пять качеств вожеления подобны мёду, политому смертельным ядом и оставленному на дороге неким Гумбией». И по просьбе брата он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в доме торговца. Когда он вырос, как-то раз он отправился из Бенареса, загрузив пятьсот повозок товаром для продажи. Выехав на большую дорогу, он собрал всех людей из своего каравана у входа в лес и сказал: «На этой дороге встречаются листья, цветы, фрукты и тому подобное, которые отравлены. Будьте осторожны, не берите ничего, не спросив предварительно меня об этом: ибо демоны ставят на дороге корзины со свежим рисом и сладкими дикими плодами и посыпают их ядом. Не ешьте их, не спросив меня». И, произнеся это предостережение, он продолжил свой путь.

В то время некий Яккха по имени Гумбия разбросал листья в одном месте посреди леса и, оставив там несколько кусочков мёда, полил их смертельным ядом, а сам бродил по дороге, делая вид, что стучит по деревьям в поисках мёда. В своём неведении люди думали: «Этот мёд, должно быть, оставлен здесь в качестве поощрения», — но,

съев его, они умерли. И пришли демоны и пожрали их плоть. Некоторые люди из каравана Бодхисаттвы, будучи от природы прожорливыми, не могли сдержаться при виде этих лакомств и съели их. Но те, кто был мудр, сказали: «Мы посоветуемся с Бодхисаттвой, прежде чем есть», — и стояли, держа мёд в руках. Когда Бодхисаттва увидел их находку, он велел немедленно выбросить этот мёд. Но те, кто уже успел съесть его, умерли. Тем же, кто съел только половину, он дал рвотное средство, и после того как их вырвало, дал им четыре сладости, и таким образом своей сверхъестественной силой исцелил их. Бодхисаттва благополучно добрался до нужного места и, распродав весь товар, вернулся домой.

Яд, подобный мёду по виду, вкусу и запаху,
 Был оставлен Гумбией с целью убить;
 Все, кто съел это ядовитое лакомство,
 Из-за своей жадности погибли в лесу.

Но те, кто мудро от приманки воздержались,
Не подверглись мучениям и остались живы.
Похоть подобна ядовитой приманке для человека;
Вожделение часто приводит его к гибели.

Но тот, кто, несмотря на слабость,
 воздерживается от порока,
Спасается из пут страдания и бедствий.

Учитель, произнеся эти гатхи, вдохновлённые Совершенной Мудростью, провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате чего отступивший брат достиг Плода Первого Пути) и связал перерождения: «В то время я сам был тем торговцем».

Комментарии

¹ Сравните № 85, том I.

367. ДЖАТАКА О ДИКОВРАЗЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 367 Salya-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Тот, кто заставил друга...» Эту историю Учитель, живший тогда в бамбуковой роще, рассказал в связи с высказыванием, что Девадатта не мог даже внушить тревогу.

* * *

Когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в одном деревенском семействе. Однажды он играл с другими мальчиками у подножия баньяна у въезда в деревню. В то время нищий старый лекарь, не имевший практики, забрёл из деревни в это место и увидел змею, спящую в развилке дерева. Он подумал: «В деревне никто не болеет. Я обману этих мальчиков и заставлю змею укусить их, а потом получу кое-что за то, что вылечу их». И он обратился к Бодхисаттве: «Если бы ты увидел детёныша дикобраза, ты хотел бы взять его?» «Да, хотел бы», — ответил он. «Смотри, вот он, лежит в развилке этого дерева», — сказал старик.

Бодхисаттва, не зная, что это змея, взобрался на дерево и схватил её за шею, но когда он увидел, что это змея, он, не давая ей возможности повернуться к нему, поспешно отшвырнул её от себя. Она упала на шею старого лекаря и, обвившись вокруг него [1], вонзила зубы в его плоть. Старик упал замертво на месте, а змея уползла. Люди собрались вокруг, и Великосущный, наставляя окружившую его толпу, произнёс эти гатхи:

Тот, кто заставил друга своего схватить
Смертоносную змею под видом дикобраза,
Сам погиб от укуса змеи,
Как тот, кто зла ближнему своему пожелал.
Тот, кто рад ударить более слабого,
Человека, который никогда не ударит в ответ,
Падает низко, поражённый,
Как этот негодяй, получивший смертельный укус.

Если пыль бросать против ветра,
Она попадёт в лицо;
Замысливший дурное против того,
Кто свят и не подвержен пороку,
Получает ответ на свою глупую голову,
Подобно пыли, брошенной против ветра.

* * *

На этом Учитель завершил наставление и связал перерождения: «В то время нищим старым лекарем был Девадатта, а мудрым мальчиком был я».

Комментарии

1 В прочтении *karakarā nikhāditvā*, ср. санскр. *kaṭakaṭā*.

368. ДЖАТАКА О БАМБУКОВЫХ ОКОВАХ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 368 Tacasāra-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Попавшие в руки недоброжелателей...» Эту историю о Совершенномудром Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Сказав: «Не только теперь, братья, но и прежде Татхагата проявил себя мудрым и находчивым», — он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье деревенского домовладельца. Вся история происходит точно так же, как и в предыдущей джатаке. Но в этой версии, когда лекарь умер, жители деревни сказали: «Эти мальчишки стали причиной смерти этого человека. Давайте отведём их к царю!» Их связали верёвкой и повели в Бенарес. Бодхисаттва всю дорогу увещевал других мальчиков, говоря: «Не бойтесь. Даже когда вы предстанете перед царём, будьте бесстрашны и сохраняйте спокойствие ума. Царь сначала поговорит с нами, и после этого я буду знать, что делать». Они охотно согласились с его словами и действовали соответственно. Когда царь нашёл их спокойными и умиротворёнными, он сказал: «Эти несчастные были связаны и приве-

дены сюда как убийцы, и хотя они оказались в такой беде, они не боятся и даже счастливы. Я спрошу их, почему они не тревожатся».

И он произнёс первую гатху:

Попавшие в руки недоброжелателей,
Связанные бамбуковыми оковами,
Как можете вы скрывать свою тревогу
И безмятежно улыбаться?

Услышав это, Бодхисаттва произнёс остальные гатхи:

Ничего хорошего нет для человека
В стенаниях и печали;
Его враги радуются,
Видя его страдания.
Но враги печалятся,
Когда смело он идёт навстречу судьбе,
Не изменившись в лице, так как умеет
Различать природу вещей.
Посредством чар или заклинаний, щедрых даров
Или при помощи могущественных родственников,
Чтобы избежать вреда и победить,
Человек должен стремиться к выгодной позиции.
Но если он не достигнет успеха,
Ни с помощью других, ни в одиночку,
Он должен не горевать, а смириться;
Он сделал всё, что было в его силах.

Царь, выслушав изложение закона Бодхисаттвой, разобрался в этом деле и, обнаружив невиновность мальчиков, освободил их и оказал Велikosущному большую честь, сделав его своим мирским и духовным советником и своим приближённым министром. Он также оказал честь другим мальчикам и назначил их на различные должности.

* * *

Закончив рассказ, Учитель связал перерождения: «В то время Ананда был царём Бенареса, низшее духовенство было другими мальчиками, а я сам был мудрым мальчиком».

369. ДЖАТАКА О МИТТАВИНДЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 369 Mittavinda-Jātaka) [1]

Перевод Н. Ольгинской

«Какое же злодейство...» Эту историю о ненасытном монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Инцидент, приведший к этой истории, описан в «Джатаке о Лосаке»*.

* * *

Этот Миттавиндака, когда его бросили в море, проявил себя весьма алчным и, дойдя до крайности, попал в место мучений, населённое существами, обречёнными пребывать в аду. Он пробрался в ад Ушада, приняв его за город, и там ему на голову надели кольцо, острое, как бритва. Через какое-то время Бодхисаттва в образе божества отправился с миссией в Ушаду. Увидев его, Миттавиндака произнёс первую гатху в форме вопроса:

Какое же злодейство я совершил,
Чем вызвал проклятие небес,
Что мою бедную голову
Раздирает вращающееся кольцо?

Бодхисаттва, услышав это, произнёс вторую гатху:

Покинув обители радости и блаженства,
Украшенные *одни* жемчугом, а *другие* хрусталём,
Залы, полные золотого и серебряного сияния,
Почему оказался ты в столь бедственном положении?

Тогда Миттавиндака ответил третьей гатхой:

«Я обрету там наслаждений куда больше,
Чем в любом из этих жалких миров».
Эта мысль навлекла на меня проклятие
И привела меня в столь бедственное положение.

* №41 (прим. перев.).

Затем Бодхисаттва произнёс остальные гатхи:

С четырёх до восьми, потом до шестнадцати, и так далее
До тридцати двух ненасытная алчность растёт.
Так всё дальше и дальше алчность вела твою душу,
Пока не привела к этому кольцу на голове.
Так все, гонимые алчным желанием,
Не могут насытиться, требуют больше и больше:
Они идут по расширяющейся тропе желания
И, подобно тебе, несут это кольцо на своей голове.

И пока Миттавиндака вёл эти разговоры, кольцо упало и раздавило его, так что он больше не мог говорить. А божество вернулось прямо в свою небесную обитель.

* * *

Учитель, закончив свой рассказ, связал перерождения: «В то время ненасытный брат был Миттавиндакой, а я сам был божеством».

Комментарии

1 См. №№ 41, 82, 104, том I., и *Divyāvadāna*, стр. 603.

370. ДЖАТАКА О ДЕРЕВЕ ПАЛАСА

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 370 Palasa-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Гусь сказал иудиному дереву...» Эту историю об обличении порока Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Случай, который привёл к этой истории, будет изложен в Раññā-Jātaka*. Но в этот раз Учитель, обращаясь к монахам, сказал: «Братья, следует остерегаться порока. Хотя он и мал, как баньяновый росток, но может оказаться смертельным. Мудрые в прежние дни тоже с недоверием относились ко всему, что вызывало подозрение». И он поведал им историю былых времён.

* В английском издании комментариев отсутствует. Далее (стр. 313) по этому поводу в комментариях указано «*Not known*» («не известно»), то есть идентифицировать эту джатаку не удалось (прим. перев.).

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в виде золотого гусёнка, а когда он стал взрослым гусем, поселился в золотой пещере на горе Читтакута в Гималаях. Он привык ходить пастись на поле дикого риса, растущего на озере. У дороги, по которой он ходил на поле и возвращался, росло большое иудино дерево. И он всегда останавливался и отдыхал под ним. Так возникла дружба между гусем и божеством этого дерева. Как-то раз одна птица, съев спелый плод баньяна, села на иудино дерево и уронила свои экскременты в его развилку. Вскоре там вырос молодой баньян, достигавший в высоту четырёх ангул и весь покрытый красными побегами и зеленью. Царственный гусь, увидев это, обратился к божеству-хранителю дерева: «Мой добрый друг, любое дерево, на котором вырастает баньян, он угнетает своим ростом. Не позволяй ему расти, иначе он разрушит твоё жилище. Немедленно иди, вырви его с корнем и выброси. Надо с недоверием относиться к тому, что вызывает подозрение». И, беседуя таким образом с древесным божеством, гусь произнёс первую гатху:

Гусь сказал иудиному дереву:
«Остерегайся баньянового побега,
Который приютился в твоей развилке.
Ветка за веткой он разорвёт тебя на части».

Услышав это, божество дерева не обратило внимания на его слова и произнесло вторую гатху:

Что ж! Пусть он растёт. Я должен стать
Прибежищем баньяновому дереву
И заботиться о нём с родительской любовью.
Это будет подтверждением моей благости.

Затем гусь произнёс третью гатху:

Опрометчиво этот проклятый побег
Ты приютил на своей груди.
Прощай! Я ухожу,
Это растение – увы! – не нравится мне.

С этими словами царственный гусь расправил крылья и направился прямо к горе Читтакута. С тех пор он больше не возвращался. Выпуская

всё новые и новые побег, баньян быстро разросся. У этого дерева тоже был свой дух-хранитель. В процессе своего роста он разрушил иудино дерево и уничтожил обитель его божества. И тогда, размышляя над словами гуся, божество дерева подумало: «Царь гусей предвидел эту опасность в будущем и предупредил меня о ней, но я не прислушался к его словам». И, сокрушаясь, оно произнесло четвёртую гатху:

Призрак зловещий, высотой как гора Меру,
Довёл меня до бедственного положения;
Я не прислушался к словам друга,
И теперь охвачен ужасом.

Итак, иудино дерево было полностью разрушено выросшим баньяном и превратилось в обыкновенный пенёк, и его божество лишилось своего жилища.

Мудрые с отвращением взирают на паразита,
Подавляющего того, чьими соками он питается.
Мудрые видят опасность сорняка
И уничтожают его корень прежде, чем он даст семена.

Это была пятая гатха, вдохновлённая Совершенной Мудростью.

* * *

Учитель, закончив наставление, открыл Четыре Благородные Истины (в результате пятьсот монахов достигли святости) и связал перерождения: «В то время я сам был золотым гусем».

371. ДЖАТАКА О ЦАРЕ КОСАЛЫ ДИГИТИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 371 Dīghitikosala-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Ты в моей власти...» Эту историю о неких неуживчивых монахах из Косамби Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Когда они пришли в Джетавану, Учитель, чтобы примирить их, сказал: «Братья, вы мои законные сыновья в вере, рождённые словами моих уст. Дети не

должны попирать ногами совет отца, но вы не следуете моему наставлению. В древности мудрые, когда люди, убившие своих родителей и захватившие их царство, попали в их руки в лесу, не предали их смерти, хотя они были мятежниками, а сказали: «Мы не будем попирать совет, данный нам нашими родителями». И он поведал им историю былых времён. И инцидент, который привёл к истории, и сама история будут полностью изложены в «Джатаке о разрыве дружеских уз»*.

* * *

Тогда принц Дигхаву, найдя в лесу лежащего на боку царя Бенареса, схватил его за узел на макушке и сказал: «Теперь я разрежу на четырнадцать кусков негодяя, который убил моих отца и мать». И в тот самый момент, когда он уже занёс свой меч, он вспомнил совет, данный ему родителями, и подумал: «Даже если бы мне пришлось пожертвовать своей жизнью, я не стану попирать ногами их совет. Я удовлетворюсь тем, что напугаю его», — и он произнёс первую гатху:

Ты в моей власти, о царь,
Лежащий здесь ничком.
Какую уловку нужно тебе применить,
Чтобы избавиться от страха?

И царь произнёс вторую гатху:

В твоей власти, мой друг, я лежу.
Все беспомощны, когда распростёрты на земле.
И не знаю я никакого средства,
Которое принесло бы избавление.

Затем Бодхисаттва произнёс остальные гатхи:

Лишь добрые дела и слова, а не богатство, о царь,
В час смерти могут принести утешение.
«Этот оскорбил меня, тот нанёс мне удар,
Вон тот пришёл и ограбил меня когда-то давно» [2].
Все, кто испытывает подобные чувства,
Смягчать свой гнев не склонны.

* № 349. В английском тексте комментарий об этом отсутствует (прим. перев.).

«Он дурно со мной обращался когда-то,
Он притеснял меня и причинял мне страдания».
Те, кто отказывается лелеять такие мысли,
Избавляются от гнева и снова пребывают в единстве.
Не ненависть избавляет от ненависти, а только любовь:
Это непреходящий закон спокойствия и мира.

После этих слов Бодхисаттва сказал: «Я не причиню тебе зла, господин. Но ты убей меня», — и он вложил свой меч в руку царя. Царь тоже сказал: «И я не причиню тебе зла». И он дал клятву, и пошёл с ним в город, и представил его своим советникам со словами: «Это, господа, принц Дигхаву, сын царя Косалы. Он пощадил мою жизнь. Я не могу причинить ему никакого вреда». И, сказав так, он дал ему в жёны свою дочь и сделал его правителем царства, которое принадлежало его отцу. С тех пор оба царя правили счастливо и гармонично.

* * *

Так Учитель завершил наставление и связал перерождения: «Отец и мать тех дней теперь являются членами царской семьи, а принцем Дигхаву был я сам».

Комментарии

1 Сравните № 428 ниже, *Дхаммапада*, коммент., стр. 104, и *Mahāvagga*, X. 2.

2 *Дхаммапада*, ст. 3-5.

372. ДЖАТАКА О МОЛОДОМ ОЛЕНЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 372 Migapotaka-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Печалиться об умершем...» Эту историю о некоем старце Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Говорят, что он принял юношу в послушники, и что этот послушник, усердно служа ему, вскоре заболел и умер. Старик, охваченный горем из-за его смерти, громко причитал. Монахи, не сумев утешить его, начали дискуссию в Зале Истины, гово-

ря: «Некий старец впал в тоску из-за смерти своего послушника. Постоянные мысли об умершем не принесут ему ничего хорошего». Когда Учитель вошёл, он спросил монахов, что они обсуждают, и, получив ответ, сказал: «Не только теперь, но и прежде, когда этот юноша умер, старик впал в тоску». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в образе Шакки. В то время некий человек, живший в царстве Каши, пришёл в Гималаи и, приняв образ жизни отшельника, питался дикими плодами. Однажды он нашёл в лесу оленёнка, который остался без матери. Он забрал его домой, в свой скит, кормил и лелеял. Молодой олень вырос красивым и статным, и отшельник заботился о нём и обращался с ним, как с собственным ребёнком. Однажды олень объелся травой и умер от несварения желудка. Отшельник впал в тоску и причитал: «Мой ребёнок умер». Шакка, царь небес, осматривая мир, увидел этого отшельника и, думая привести его в чувства, подошёл, встал в воздухе и произнёс первую гатху:

Печалиться об умершем не пристало
Одинокому отшельнику, свободному от привязанностей.

Услышав это, отшельник произнёс вторую гатху:

Если человек подружился со зверем, о Шакка, он скорбит,
Потеряв товарища по играм, ибо находит в слезах облегчение.

Шакка пропел ещё две гатхи:

Ещё никто не помог мёртвым, оплакивая их.
Не плачь, о мудрец; слёзы бесполезны, сказано мудрыми.
Если бы слезами мы могли одолеть смерть,
Мы бы спасли всех наших самых дорогих людей.

Пока Шакка так говорил, отшельник, поняв, что плакать бесполезно, и воспевая хвалу Шакке, пропел три гатхи [1]:

Как питаемое топлёным маслом пламя, пылающее безудержно,
Гасится водой, так и он утолил мою печаль.

Стрела скорби ранила моё сердце и причиняла боль,
Он исцелил эту рану и вернул меня к жизни.
Заноза извлечена; исполненный счастья и покоя,
При словах Шакки я избавился от печали.

После такого увещевания отшельника Шакка удалился в свою обитель.

* * *

На этом Учитель закончил свой рассказ и связал перерождения: «В то время старик был отшельником, послушник – оленем, а я сам – Шаккой».

Комментарии

1 Эти гатхи можно найти в № 352 *выше* и в № 410 *ниже*.

373. ДЖАТАКА О МЫШИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 373 Mūsika-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Люди восклицают: куда она делась?..» Эту историю об Аджата-сатту Учитель рассказал, когда жил в бамбуковой роще. Инцидент, который привёл к этой истории, уже полностью описан в «Джатаке о шелухе» [1]. И здесь Учитель наблюдал, как царь одновременно играет со своим сыном и слушает наставление в Дхарме. Зная, что опасность для царя возникнет из-за его сына, он сказал: «Господин, древние правители с недоверием относились к тому, что вызывает подозрение, и держали своих наследников в заключении, говоря: «Пусть они правят после того, как наши тела будут сожжены на погребальном костре»». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов и стал широко известным учителем. Сын царя Бенареса, по имени принц Ява, усердно старавшийся обучиться у него всем наукам, собравшись нынче уехать, простился с ним. Учитель,

благодаря своей способности предвидения знавший, что опасность грозит правителю из-за его сына, обдумывал, как помочь ему избежать этой опасности, и принялся искать вокруг себя подходящий пример.

У него был конь, и вот как-то раз на его ноге появилась язва. Для того чтобы уделять должное внимание лечению, коня держали в конюшне. Рядом был колодец. И случилось, что мышь вылезала из своей норы и грызла больное место на ноге коня. Конь не мог остановить её, и однажды, не в силах терпеть боль, когда появилась мышь, он ударил её копытом и сбросил в колодец. Конюхи, не видя больше мыши, говорили: «Раньше мышь подгрызала больное место, но теперь её не видно. Что с ней случилось?» Бодхисаттва, видевший всё это, сказал: «Те, кто не знают, спрашивают: «Где мышь?» Я один знаю, что мышь была убита конём и сброшена в колодец». И, решив использовать этот случай в качестве иллюстрации, он сочинил первую гатху и дал её молодому принцу.

Оглядевшись в поисках другого примера, он увидел, что тот же самый конь, когда язва зажила, вышел на ячменное поле пастись, просунул голову в дыру в заборе и застрял. Взяв это в качестве иллюстрации, он сочинил вторую гатху и дал её принцу. А третью гатху он сочинил, пользуясь собственным остроумием, и тоже передал ему. «Мой друг, — сказал он, — когда ты станешь царём, сделай вот что. Когда пойдёшь вечером в купальню, пройди до передней части лестницы, повторяя первую гатху; когда ты войдёшь во дворец, в котором живёшь, пройди до подножия лестницы и пропой вторую гатху; а когда поднимешься оттуда на вершину лестницы, пропой третью гатху». И с этими словами он отпустил принца.

Молодой принц вернулся домой и сделался наместником, а после смерти отца взойшёл на трон. У него родился единственный сын, и когда ему исполнилось шестнадцать лет, юноша страстно возжелал стать царём. Задумав убить своего отца, он сказал слугам: «Мой отец ещё молод. Когда я приду взглянуть на его погребальный костёр, я буду измождённым стариком. Что толку мне тогда царствовать?» «Господин, — ответили они, — не может быть и речи о том, чтобы ты преступил черту и стал мятежником. Ты должен найти способ убить своего отца и захватить его царство». Он охотно согласился. Вечером он взял свой меч и встал в царском дворце возле купальни, готовый убить своего отца. В то самое время царь послал рабыню по имени Мусика, велел: «Иди и очисти ванну. Я искупаюсь». Она пошла туда и, пока мыла ванну, заметила принца. Опасаясь, что его планы могут быть раскрыты, он разрубил

её надвое своим мечом и бросил тело в резервуар для воды. Царь пришёл, чтобы искупаться. Все слуги в это время спрашивали друг у друга: «Мусика до сих пор не вернулась. Где она, куда она делась?» Царь подошёл к краю резервуара и пропел первую гатху:

Люди восклицают: куда она делась?

Мусика, куда ты запропала?

Это известно мне одному:

В колодце она лежит мёртвая.

Принц подумал: «Мой отец узнал, что я сделал». И, охваченный паникой, он убежал и рассказал обо всём своим слугам. По прошествии семи или восьми дней они снова обратились к нему с тем же разговором: «Господин, если бы царь знал обо всём, он не стал бы молчать. Его слова были всего лишь догадкой. Предай его смерти». Выбрав момент, он встал с мечом в руке у подножия лестницы, чтобы убить царя. Царь подошёл и пропел вторую гатху:

Словно навьюченный тяжёлой поклажей,

Ты всё вертишься на месте.

Ты, убивший Мусику [2],

Вряд ли сможешь есть ячмень [2].

Принц подумал: «Мой отец заметил меня!» – и в ужасе убежал. Но через две недели он опять решил: «Я убью царя ударом лопаты». Он взял инструмент в форме ложки с длинной ручкой и затаился, держа его в руках. Царь поднялся на верхнюю ступеньку лестницы и пропел третью гатху:

Ты всего лишь слабак и глупец!

Как ребенок свою игрушку,

Схватил этот длинный,

похожий на ложку инструмент.

Я уничтожу тебя, скверный мальчишка!

И тогда, не имея возможности убежать, принц пал к ногам царя и сказал: «Государь, пощади мою жизнь!» Царь, недолго думая, приказал заковать его в цепи и бросить в темницу. И, сидя на великолепном

царском троне под белым балдахином, он сказал: «Мой учитель, знаменитый брамин, предвидел эту опасность и дал мне эти три гатхи». И, будучи в высшей степени восхищён, с великой радостью он произнёс остальные строфы:

Я не свободен ни от небесной обители,
Ни от некоторых действий сыновнего почтения.
Но, когда мой сын хотел забрать у меня жизнь,
Силой стихов я был спасён от смерти.
Любого рода знание, которым ты владеешь,
И всё, что ты можешь увидеть,
Даже если это кажется бесполезным,
В определённый момент может тебе пригодиться.

Вскоре после смерти царя молодой принц взошёл на трон.

* * *

На этом Учитель завершил свой рассказ и связал перерождения: «В то время знаменитым учителем был я».

Комментарии

1 № 338 *выше*.

2 «Мусика» означает *мышь*, «Ява» — *ячмень*.

374. ДЖАТАКА О ЖЕНСКОЙ НЕВЕРНОСТИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 374 Culladhanuggaha-Jataka)

Перевод И. Ольгинской

«Ты уже на другом берегу...» Эту историю о том, как бывшая жена искушала монаха, Учитель рассказал в Джетаване. Когда этот монах признался, что сожалеет о принятом посвящении из-за жены, которую он оставил, Учитель сказал: «Не только теперь, брат, эта женщина приносит тебе беду. И прежде из-за неё тебе отрубили голову». И по просьбе монаха он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился Шаккой. В то время некий молодой брамин из Бенареса изучил все искусства в Таккасиле и достиг большого мастерства в стрельбе из лука. Его прозвали Искусный Юный Лучник. Его учитель подумал: «Этот юноша достиг мастерства, равного моему», — и отдал ему в жёны свою дочь. Вместе с молодой женой юноша отправился обратно в Бенарес. На полпути им попалось одно место, в котором бродил дикий слон, круша всё на своём пути. Ни один человек не отваживался войти в эти заросли.

Искусный Юный Лучник, несмотря на попытки людей остановить его, вместе со своей женой пошёл через этот лес. Когда они прошли уже довольно глубоко, перед ними появился слон, готовый напасть на них. Лучник выстрелил прямо ему в лоб. Стрела, пронзив голову насквозь, вышла из затылка, и слон упал замертво. Искусный Лучник, освободив этот лес от опасности, пошёл дальше.

В другом месте на дороге были пятьдесят разбойников, которые грабили всех прохожих. И опять, несмотря на все предостережения, Лучник пошёл по этой дороге. Через какое-то время он наткнулся на место, где разбойники жарили добытого ими оленя и ели мясо. Увидев путника с богато одетой женой, они повскакали с мест, чтобы напасть на них. Но их предводитель, который неплохо разбирался в людях, с одного взгляда понял, что перед ним не обычный человек, и приказал не трогать путника. Искусный Лучник велел жене пойти к разбойникам и попросить у них жареного мяса. Она подошла к ним и попросила: «Дайте вертел мяса для моего мужа». Предводитель шайки сказал: «Он благородный малый!» — и велел дать ей оленины. Но разбойники возмутились: «Что? Он будет есть наше жареное мясо?» И они дали ей кусок сырого мяса.

Лучник, который высоко ценил себя, разгневался на разбойников за то, что они предложили ему сырое мясо. Разбойники возмутились: «Что? Неужели он единственный здесь мужчина, а мы какие-то бабы?» — и стали угрожать ему. Тогда Лучник натянул лук и убил всех разбойников, кроме одного, выпустив сорок девять стрел. Чтобы уложить главаря шайки, стрелы не хватило. В его колчане было ровно пятьдесят стрел, но одну он уже потратил ранее на слона. Тогда он повалил главаря на землю, сел ему на грудь и велел жене принести меч, чтобы отрубить ему голову.

Но она уже успела воспылать страстью к предводителю разбойников и вложила рукоять меча в его руку, а ножны — в руку мужа. Разбойник, схватившись за рукоять, выхватил меч и отрубил Лучнику голову. Убив её мужа, он вместе с женщиной отправился прочь из этого места. Пока они шли, он спросил, кто она и откуда. «Я дочь известного учителя из Таккасилы», — ответила она.

«Как твой муж заполучил тебя в жёны?» — спросил разбойник.

«Мой отец был очень рад, что его ученик сравнялся с ним в искусстве стрельбы из лука, и отдал меня ему в жёны. Но я так полюбила тебя, что позволила тебе убить моего законного мужа».

«Эта женщина, не задумываясь, расправилась со своим законным мужем, — подумал главарь. — Как только она увидит другого мужчину, она поступит со мной точно так же. Лучше избавиться от неё!»

Пройдя ещё немного, он увидел, что дорогу преграждает широко разлившийся после паводка ручей. Он сказал: «Дорогая, здесь живёт свирепый крокодил. Как нам быть?»

«Мой господин, — ответила она, — возьми все мои украшения, сложи их в сари, завяжи в узел и перенеси их на другой берег, а потом вернёшься и переправишь меня».

«Отличный план!» — согласился разбойник. Собрав все её украшения, он спустился к ручью, поспешно перебрался на другой берег и пошёл прочь.

Увидев это, она воскликнула: «Господин, ты уходишь, как будто решил покинуть меня! Зачем ты так делаешь? Вернись и забери меня!» И, обращаясь к нему, она произнесла первую гатху:

Ты уже на другом берегу
Со всеми моими сокровищами.
Возвращайся же скорее
И переправь меня тоже!

Услышав её, разбойник с противоположного берега ответил ей второй гатхой [2]:

Фантазии твои всегда блуждают
От твёрдой веры до легкомысленного увлечения.
Ты и меня точно так же предашь.
Разве я не должен был бежать?

И он сказал: «Я пойду дальше, а ты оставайся там!» Она стала громко кричать, и он со всеми её украшениями убежал. Так неразумная женщина, поддавшись вожделению, навлекла на себя несчастье. Совершенно беспомощная, она села под куст акации и заплакала.

В этот момент Шакка, глядя на мир с небес, увидел, как она плачет, из-за своего вожделения лишившись и мужа, и любовника. Решив упрекнуть её и пристыдить, он спустился на берег ручья, взяв с собой Матали и Панчасикху [3], и сказал им: «Матали, ты обернись рыбой, а ты, Панчасикха, — хищной птицей, я же обернусь шакалом. Я возьму в зубы кусок мяса и появлюсь перед этой женщиной, а ты, Матали, в тот момент выпрыгни из воды и упали передо мной. А когда я выпущу из пасти кусок мяса, чтобы взять рыбу, ты, Панчасикха, должна схватить это мясо и взлететь вверх, а ты, Матали, должна ускакать обратно в воду».

Так они и поступили. Матали превратилась в рыбу, Панчасикха — в птицу, а Шакка — в шакала. И вот с куском мяса в зубах он подбежал к женщине. Тут же рыба выскочила из воды и упала перед шакалом. Шакал выронил мясо и бросился к рыбе. Рыба подпрыгнула и упала в воду, а птица быстро схватила мясо и улетела. Упустив и рыбу, и мясо, шакал сел, понуро глядя в сторону зарослей акации. Женщина, увидев это, сказала: «Из-за своей жадности он лишился и мяса, и рыбы!» И, словно разгадав смысл уловки, она от души рассмеялась.

Услышав её смех, шакал произнёс третью гатху:

Чей это смех слышен из кустов акации?
Здесь никто не поёт и не танцует.
Тебе впору плакать, красавица,
А ты хохочешь всюю!

Услышав его слова, она произнесла четвёртую гатху:

Глупый шакал, из-за своей жадности
Ты потерял и мясо, и рыбу.
Видишь ты теперь, бедняга,
До чего доводит жадность?

Тогда шакал пропел пятую гатху:

Ты чужие недостатки видишь,
А своих совсем не замечашь.
Потеряв любовника и мужа,
Видишь, до чего доводит жадность?

На это она ответила шестой гатхой:

Царь шакалов, правду говоришь ты!
Поспешу я прочь из этих мест.
Я найду себе другого мужа,
И хранить ему я верность буду.

Но Шакка, царь небес, не поверил словам этой порочной и нечестивой женщины и произнёс последнюю гатху:

Укрavший глиняный горшок
И бронзовый легко утащит.
Не устояла ты перед соблазном, —
В другой раз тоже устоять не сможешь.

Так Шакка пристыдил её и заставил раскаяться, а затем вернулся в свою обитель.

* * *

На этом Учитель закончил наставления и открыл Благородные Истины (в результате отступивший монах достиг Плода Первого Пути) и связал перерождения: «В то время монах-отступник был Искусным Лучником, жена, которую он оставил, была той женщиной, а я сам был Шаккой, царём небес».

Комментарии

1 См. Morris, *Folk-Lore Journal*, II. 371, и *Tibetan Tales*, XII, *Susroni*. Сравните также № 425 ниже.

2 Эти строки встречаются ранее в № 318, с которой можно сравнить эту историю.

3 Его колесничий и гандхарв*.

* Наделённые вечной юностью прекрасные человекоподобные создания, обычно мужского пола. Небесные воины, искусные музыканты и певцы (прим. перев.).

375. ДЖАТАКА О ГОЛУБЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Pañca-Nipata. 375 Kapota-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Я чувствую себя прекрасно...» Эту историю об алчном монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Она уже была полностью изложена в разных вариантах. В этом случае Учитель спросил монаха, был ли он алчным, и на его признание, что это правда, ответил: «Не только теперь, но и прежде, брат, ты был алчным, и алчность послужила причиной твоей смерти». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился голубем и жил в плетёной клетке на кухне богатого купца из Бенареса. И вот один ворон, страстно желавший отведать рыбы и мяса, подружился с этим голубем и поселился рядом. Однажды он, увидев много рыбы и мяса, решил: «Я съем это», — и громко застонал в своей клетке. И когда голубь предложил: «Пойдём, друг мой, поищем чего-нибудь поесть», — ворон отказался идти, ответив: «Я лежу с приступом несварения желудка». Когда голубь улетел, он подумал: «Мой беспокойный сосед улетел. Теперь я могу есть рыбу и мясо сколько душе угодно». И, подумав так, он пропел первую гатху:

Я чувствую себя прекрасно и легко,
Так как господин Голубь убрался.
Теперь я смогу насытиться,
Подкрепившись похлёбкой и мясом.

Дождавшись, когда повар, жаривший рыбу и мясо, вышел из кухни, вытирая с лица пот, ворон вылетел из плетёной клетки и бросился в чашу с пряностями. Чаша издала звон, повар поспешно вернулся и, схватив ворона, выдрал у него перья. Размолот влажный имбирь и белую горчицу, он растёр их гнилым фиником и обмазал всю птицу, а после натёр черепком, поцарапав кожу. Затем он привязал черепок ворону на шею, бросил его обратно в плетёную клетку и ушёл.

Когда голубь вернулся и увидел его, он спросил: «Что это за журавль лежит в корзине моего друга? Он вспыльчивый малый, вернётся и убьёт этого незнакомца». И, пошутив таким образом, он пропел вторую гатху:

«Дитя туч» [1] с хохлатым гребнем,
Зачем ты стащил гнездо моего бедного друга?
Знай же, господин Журавль:
У моего друга ворона взыскливый нрав!

Ворон, услышав это, произнёс третью гатху:

Что ж, ты смеёшься, видя моё
Плачевное состояние.
Повар оцциал и натёр меня
Гнилыми финками и пряностями.

Голубь, продолжая издеваться над ним, пропел четвёртую гатху:

Омыли и помазали на славу, я вижу,
Ты сыт по горло едой и питьём.
Драгоценное ожерелье на твоей шее.
Не в Бенаресе ли ты побывал, мой друг?

Ворон пропел пятую гатху:

Пусть мои недруги или злейшие враги
Попробуют бенаресского гостеприимства!
Мне выдернули все перья и в шутку
Привязали на шею черепок.

Голубь, услышав это, пропел последнюю гатху:

С такой натурой, ворон,
Избавиться от дурных привычек нелегко.
Птицы должны избегать пищи,
Которая нравится людям.

После этого случая голубь не остался там жить, а расправил крылья
и улетел прочь. А ворон тут же умер.

* * *

На этом Учитель закончил наставление, открыл Четыре Благородные Истины (в результате алчный брат достиг Плода Второго Пути) и связал перерождения: «В то время алчный брат был вороном, а я был голубем».

Комментарии

1 Сравните № 42, том I, № 274, том II.

2 Согласно поверьям, журавли рождаются при звуке грозовых туч.
См. *Meghadūta* 9.

Книга шестая Chakka-Nipata

376. ДЖАТАКА О ГЛУПОМ ПЕРЕВОЗЧИКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 376 Avariya-Jataka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

Словами: «*Не будь гневлив, о царь земли!..*» Учитель — он жил в ту пору в роще Джеты — начал свой рассказ о перевозчике.

Ибо был, говорят, перевозчик тот глуп и невежествен и не знал ничего о бесценных сокровищах — Будде, дхарме и сангхе, — не ведал о людских добродетелях, делал что на ум взбредёт, уповая лишь на жестокость и силу.

Как-то вечером пришёл к перевозу через реку Ачиравати некий монах из дальних краёв и, думая: «Я должен узреть Пробуждённого!» — сказал перевозчику: «Надобно мне переправиться на тот берег, мирянин, дай мне лодку!» — «Не время сейчас, почтенный, — отвечал перевозчик, — заночуй где-нибудь здесь!» — «Где мне здесь ночевать, мирянин? — возразил монах, — перевези-ка меня!» Перевозчик обозлился и, сказав: «Идёмте же, уважаемый!» — усадил почтенного тхеру в лодку, но нарочно повёз не прямо, а вниз по течению. Волны захлёстывали лодку, и одежда у монаха вымокла, а когда вышли на берег, уже стемнело. Поэтому, добравшись до монастыря, монах в тот день не сподобился лицезреть Пробуждённого. Только на следующее утро, когда представилась такая возможность, тхера пришёл к Учителю, почтительно его приветствовал и сел поодаль. Учитель встретил монаха дружески, спросил, когда он прибыл. «Вчера ещё», — отвечал тот. «Отчего же ты только нынче пришёл меня повидать?» — снова спросил Учитель. Тогда монах рассказал всё, как было. Выслушав его, Учитель молвил: «Да, брат, не только ныне ведь, но и прежде перевозчик тот отличался наглостью. Он всего раз вчера досадил тебе своей наглостью, а премудрому она давным-давно надоела!» Слыша то, монах принялся расспрашивать Учителя, и, уступая его просьбам, тот поведал такую историю о прошлом.

«В стародавние времена, когда в Варанаси правил царь Брахмадатта, бодхисаттва обрёл своё земное рождение в семье брахмана. Повзрослев, он отправился в Такшашилу, где постиг все науки, искусства и ремёсла, но после отринул мирскую суету и стал отшельником. Долгое время он жил в Гималаях, собирал дикие плоды, тем и питался, но, испытывая жажду в соли и уксусе, направился как-то в Варанаси. Заночевал в царском саду, а утром пошёл было в город за подаянием. Царь увидал, как он идёт по двору и, ощутив исходившую от бодхисаттвы благодать, велел с почтением ввести его во внутренние покои и накормить на славу. Потом, заручившись его согласием, приказал поселить отшельника в царском саду, каждый день приходил к нему и почтительно сам ему прислуживал. Бодхисаттва же наставлял государя: «О государь! Истинному владыке надлежит править царством своим с тщанием, согласно законам дхармы, исполняясь спокойного терпения, дружественного расположения и сострадания к подданным, и не ходить четырьмя путями неправедными!» И, вразумляя царя день за днём, пел ему отшельник такие стихи:

Не будь гневлив, о царь земли!
Не будь гневлив, вожак колесниц!
На гнев не отвечает гневом царь,
Почитаемый всеми царём земли!

В деревне, в чаще, в долине, в горах —
Всюду следуй слову сему:
Не будь гневлив, колесниц вожак!
Всюду совету внимай моему!

«И всякий день бодхисаттва пел так, наставляя царя. Царь же, радуясь всем сердцем, распорядился наградить Великосущного, отписав ему владение, приносящее сто тысяч дохода, но бодхисаттва дара не принял.

«Так и прожил в царском саду бодхисаттва целых двенадцать лет. А после стал думать: «Что-то засиделся я тут, пойду-ка теперь поброжу, собирая подаяние, по дальним краям и снова сюда ворочусь». Подумал он так, царю ни словом о том не обмолвился, только сторожу царского сада сказал: «Друг мой, мне здесь наскучило, пойду-ка я собирать подаяние в дальние земли, а потом ворочусь, ты же поведай царю обо всём!» Сказав так, бодхисаттва отправился в путь.

«Пришёл он к месту, где был перевоз через Ганг. У перевозчика там была дочь Аварья, потому самого его звали «отец Аварьи». Был тот перевозчик глуп, не ведал, что хорошо, а что плохо, не знал, что для него находка, а что — утрата. Сперва тех, кто требует перевоза, перевезёт через реку, а уж после спрашивает плату. Не хотят платить — вступает в перебранку; тычков да ругани много, а пользы никакой. Вот до чего глуп был перевозчик! И Учитель, достигший уже состояния Всепробуждённости, спел о нём такую гатху:

Отцом Аварьи все зовут
На Ганге перевозчика,
Сперва народ перевезёт,
Потом уж плату просит он,
В ответ — лишь брань, а счастья нет,
Удача не идёт к нему!

К этому перевозчику и обратился бодхисаттва: «Перевези меня, почтенный, на ту сторону!» — «А что дашь в уплату, святой человек?» — спросил перевозчик. «Я, почтенный, сообщу тебе нечто, что умножит и радость твою, и богатство, и дхарму твою!» И, слыша это, решил про себя перевозчик: «Уж что-то мне наверняка перепадёт!» Переправив монаха на другой берег, перевозчик потребовал: «Давай плату!» — «Сейчас, почтенный», — отвечал монах и спел такую гатху, приносящую радость удачи в делах:

Ещё на этом берегу
Уплаты требуй, не на том:
Ведь разное мыслят тот, кто здесь,
И кто туда перевезён!

Подумал тогда перевозчик: «Это, видно, его поучение мне, а сейчас он даст ещё что-нибудь!» Между тем бодхисаттва продолжал: «То, что ты слышал, друг мой, должно принести тебе радость удачи в делах, а теперь выслушай то, что умножит твое богатство и дхарму твою!» — и, говоря так, он спел в наставление перевозчику такую гатху:

В селе, в лесу, в долах, в горах —
Повсюду, перевозчик, ты

Совету следуй моему:
Не будь гневливым никогда!

Так пел бодхисаттва и, желая способствовать умножению богатства и дхармы перевозчика, наставлял его: «То, что ты услышал, увеличит и богатство, и дхарму твою!»

Неразумный же перевозчик ничего не понял в поучении том и спросил бодхисаттву: «И это всё, святой человек, что ты дал мне в уплату за перевоз?!» — «Ну да, почтенный!» — отвечал монах. «Нет, с этого мне толку никакого, дай ещё чего-нибудь!» — «Ничего больше, почтеннейший, у меня нет!» — «Зачем же тогда ты залез ко мне в лодку?!» — завопил перевозчик, набросился на отшельника, повалил его наземь и там же, на берегу Ганги, сев ему на грудь, принялся бить по губам.

Вот, монахи, — молвил Учитель, — наставляя царя, отшельник за своё поучение получил в награду богатое владение, наставляя же перевозчика, слепца неразумного, только и получил что по губам! Потому, братия, наставлять надобно лишь достойных, а недостойного — не надобно!» И, говоря так, Учитель — а он уже был всепробуждённым — спел, кстати, такую гатху:

Царь, поученье получив,
Село богатое дарит,
А перевозчик по губам
Наставника побить спешит!

Как раз, когда перевозчик колотил отшельника, на берег пришла жена перевозчика — еду ему принесла. Увидев, что творит перевозчик с отшельником, она запричитала: «Господин мой! Перестань бить отшельника, ведь он обласкан царской семьёй!» Перевозчик, услышав это, ещё больше разъярился: «Не отшельник он — пройдоха, а ты не даёшь мне проучить его хорошенько!» С этими словами перевозчик набросился на жену и одним ударом сбил её с ног. Блюдо с едой выпало у жены из рук и разбилось вдребезги, а сама она, будучи на сносях, выкинула прямо на землю. Люди, что были поблизости, их обступили и, крича: «Вор и убийца!» — схватили перевозчика, связали и поволокли на суд к царю. А царь, разобравшись во всём, по-царски его наказал».

И Учитель — он был уже всепробуждённым, — желая разъяснить слушателям смысл происшедшего, спел такую гатху:

Рассыпан рис, жена — в крови,
Дитя валяется в пыли,
Глупца безмозглого учить —
Рога оленю золотить!

Заканчивая это поучение, Учитель явил всем действие Четырёх Благородных Истин, и, постигнув их, монах обрёл первый плод от вступления в Поток. Учитель же, разъясняя рассказ и связывая перерождения, добавил: «Перевозчиком в ту пору был тот же перевозчик, что и ныне; царём — Ананда, отшельником же был я сам».

377. ДЖАТАКА О СЕТАКЕТУ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 377 Setaketu-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Друг, не сердись...» Учитель рассказал эту историю о лживом монахе, когда жил в Джетаване. Поводом для неё послужили события, описанные в «Джатаке об Уддалаке» [1].

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был известным учителем и учил священным текстам пятьсот учеников. Старший из них, по имени Сетакету, родился в семье браминов с севера и очень гордился своей кастой. Однажды он был за городом вместе с другими учениками и, вернувшись, увидел чандалу*. «Кто ты?» — спросил он. «Я — чандала». Он испугался, что ветер, овеявший тело чандалы, может затем коснуться его собственного тела, поэтому он закричал: «Будь ты проклят, чандала, предвещающий дурное! Иди с подветренной стороны!» — и быстро пошёл к наветренной стороне. Но чандала был проворнее и перебежал на наветренную сторону. Тогда Сетакету стал бранить и поносить его ещё больше: «Будь ты проклят, предвестник несчастья!» Чандала спросил: «Кто ты?» «Я — ученик брамина». «Отлично! Если это так, сможешь ответить на один вопрос?»

* Чандала (caṇḍāla) — одна из низших презираемых каст, а также представитель этой касты (прим. перев.).

«Да». «Если не сможешь, я помещу тебя между своих ног». Брамин, чувствовавший себя вполне уверенно, сказал: «Продолжай». Чандала, объяснив собравшимся, в чём дело, задал вопрос: «Юный брамин, что такое четверти?» «Четвертей четыре — восток и остальные стороны». Чандала сказал: «Я не спрашиваю, какого рода эти четверти, а ты, несведущий даже в этом, испытываешь отвращение к ветру, коснувшемуся моего тела», — поэтому он взял его за плечи и, заставив лечь, поместил между ног. Другие ученики рассказали об этом учителю. Он спросил: «Юный Сетакету, ты был помещён между ног чандалы?» «Да, Учитель, сын раба поместил меня между своих ног, сказав: «Он не знает даже четверти», — но теперь я буду знать, что с ним делать», — и он принялся со злостью ругать чандалу. Учитель стал увещевать его: «Юный Сетакету, не сердись на него, он мудр; он спрашивал о другом роде четверти, а не об этом: то, чего ты не видел, не слышал и не понимаешь, гораздо больше того, что ты видел, слышал и понимаешь». И он произнёс две гатхи в качестве увещевания:

Друг, не сердись, гнев не приносит пользы.
 Мудрость — больше, чем ты видел или слышал.
 Под «четвертью» *родителей* можно понимать,
 И *учитель* обозначается этим словом.
 Домохозяин, дающий пищу, одежду и питьё,
 Чьи двери открыты, тот тоже «четверть».
 И «четверть» в высшем смысле, я думаю, —
 То последнее состояние, в котором страдание
 будет блаженством [2].

Бодхисаттва объяснил четверти юному брамину, но тот, думая: «Меня поместили между ног чандалы», — покинул это место и, отправившись в Таккасилу, обучился всем наукам у знаменитого учителя. Придя в приграничную деревню, он встретил рядом с ней пятьсот отшельников и был возведён в духовный сан. Он изучил все их науки, тексты и обычаи, и они все вместе отправились в Бенарес. На следующий день они пошли к дворцу за подаянием. Царь, довольный манерами отшельников, дал им пищу во дворце и ночлег в своём саду. Посылая им еду, он сказал: «Я хотел бы выразить вам своё почтение сегодня вечером в саду». Сетакету пошёл в сад и, собрав отшельников, обратился к ним: «Господа, сегодня придёт царь. Нынче, один раз понравившись царю,

человек может жить счастливо все годы своей жизни; так что теперь одни из вас пусть совершают раскачивающуюся аскезу, другие пусть возлежат на ложе из колючек, некоторые выдерживают испытание пятью огнями, некоторые пусть практикуют умерщвление плоти, сидя на корточках, кто-то пусть будет погружён в медитацию, кто-то — повторяет тексты». Отдав эти распоряжения, он уселся у дверей хижины на сидение с подголовником, положил на расписную подставку книгу в яркой обложке и стал объяснять тексты, о которых его спрашивали четыре или пять умных учеников. В этот момент прибыл царь и, увидев, как они совершают эти фальшивые аскезы, пришёл в восторг. Он подошёл к Сетакету, приветствовал его и сел в стороне; затем, разговаривая со своим придворным жрецом, он произнёс третью гатху:

С нечищенными зубами, в одеяниях из козьих шкур
и спутанными волосами, неподвижные, бормочут святые слова.
Несомненно, они очень добродетельны;
Они знают Истину и достигли Освобождения.

Жрец услышал это и произнёс четвёртую гатху:

Учёный мудрец может совершать дурные поступки, о царь;
Учёный мудрец может потерпеть неудачу.
Тысяча Вед не может защитить от неудачи
Или спасти от злой участи.

Услышав это, царь лишил отшельников своей милости. Сетакету подумал: «Царь проникся симпатией к отшельникам, но этот жрец уничтожил её, словно отрубил топором. Я должен поговорить с ним». И, заводя с ним разговор, он произнёс пятую гатху:

«Учёный мудрец может совершать дурные поступки, о царь;
Учёный мудрец может потерпеть неудачу».
Ты говоришь, что Веды бесполезны,
Необходимо только самоограничение.

Жрец, услышав это, произнёс шестую гатху:

Нет, Веды вовсе не бесполезны,
Хотя истинное учение — воздержанность.

Изучение Вед возносит человека,
Но именно воздержанностью он достигает блаженства.

Так жрец опроверг учение Сетакету. Он сделал всех отшельников мирянами, дал им щиты и оружие и назначил их слугами царя в качестве высших военачальников; и отсюда, говорят, происходит род высших военачальников.

* * *

После наставления Учитель связал перерождения: «В то время Сетакету был монах-обманщик, чандалой был Шарипутта, а придворным жрецом был я».

Комментарии

1 № 487, том IV.

2 Эта часть рассказа построена на причудливых каламбурах с названиями четырёх четвертей.

3 См. *Hioüen-Thsang's Life*, стр. 257.

378. ДЖАТАКА О ДАРИМУКХЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 378 Darīmukha-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Чувственные удовольствия...» Эта история о великом отречении была рассказана Учителем, когда он жил в Джетаване. Инцидент, который привёл к описанным событиям, был приведён ранее.

* * *

Давным-давно в Раджагахе правил царь Магадха. Бодхисаттва родился у его главной царицы, и его называли принцем Брахмадаттой. В день его рождения у придворного жреца тоже родился сын: лицо у него было очень красивое, поэтому его называли Даримукха [1]. Оба росли при дворе царя, были близкими друзьями, а на шестнадцатом году жизни отправились в Таккасилу и обучились всем искусствам. Затем,

желая усвоить все практики и понять обычаи народа, они бродили по городам, деревням и всей земле. Так они добрались до Бенареса и, остановившись в храме, на следующий день отправились в город за подаением. Обитатели одного из домов сварили рисовую кашу для браминов и приготовили им места для сидения. Эти люди, увидев двух юношей, собирающих подаение, подумали, что пришли брамины, и, пригласив их войти, постелили белую ткань на сиденье Бодхисаттвы и красный ковер на сиденье Даримукхи. Даримукха заметил этот знак и понял, что его друг должен стать царём в Бенаресе и командовать армией. Они взяли рис с собой, а затем, благословив хозяев, отправились в царский сад. Бодхисаттва прилёг на царский каменный трон. Даримукха сел рядом, поглаживая его ноги.

Правитель Бенареса умер семь дней назад. Придворный жрец провёл погребальные обряды и совершал церемонию колесницы в течение семи дней, поскольку наследника престола не было. Эта церемония колесницы будет объяснена в «Джатаке о Махаджанаке»*. Колесница выехала из города и достигла ворот сада, сопровождаемая четырьмя отрядами воинов и музыкой сотен инструментов. Даримукха, услышав музыку, подумал: «Эту колесницу прислали за моим другом, сегодня он станет царём, а меня назначит военачальником. Но почему я должен быть мирянином? Я уйду и сделаюсь отшельником». И он, не сказав Бодхисаттве ни слова, отошёл в сторону и спрятался.

Жрец остановил колесницу у ворот сада и, войдя, увидел Бодхисаттву, возлежащего на царском троне. Заметив благоприятные знаки на его ногах, он подумал: «Он обладает добродетелями и достоин быть даже правителем четырёх континентов с двумя тысячами островов вокруг них. Но в чём заключается его отвага?» Он велел музыкантам играть громче. Бодхисаттва проснулся и, убрав с лица покрывало, увидел толпу; затем, снова прикрыв лицо, он полежал ещё немного, а когда колесница остановилась, поднялся и сел, скрестив ноги, на сиденье. Жрец, встав на колени, сказал: «Господин, тебе выпало быть царём». «Что же у вас, нет наследника?» «Нет, господин». «Хорошо», — согласился он, и они помазали его там же, в саду. И в своём величии он забыл о Даримукхе.

Он сел в колесницу и торжественно объехал город, окружённый толпой; затем, остановившись у ворот дворца, он расставил придворных по местам и поднялся на террасу. В это время Даримукха, видя, что сад опустел, подошёл и сел на царский трон в саду. Перед ним

* № 539 (прим. ред.).

упал увядший лист. В нём он увидел принципы распада и смерти, постиг три знака вещей и, вызвав ликование земли, вошёл в состояние *Паччекабудды**. В это мгновение его прежние черты стёрлись, чудесная чаша и накидка упали с неба и прилипли к его телу, он сразу же обрёл восемь необходимых качеств и совершенную осанку столетнего монаха. Чудесным образом он взлетел в воздух и направился в пещеру Нандамула [2] в Гималаях.

Бодхисаттва правил своим царством праведно, но величие славы ослепило его, и на сорок лет он забыл Даримукху. На сороковом году он вспомнил о нём и сказал: «У меня есть друг по имени Даримукха. Где он сейчас?» Царь жаждал увидеть его. С тех пор даже в гареме и на приёмах он повторял: «Где мой друг Даримукха? Я воздам большие почести человеку, который укажет мне место его обитания». Прошло ещё десять лет, в течение которых он время от времени вспоминал о Даримукхе.

Даримукха, хоть и стал теперь паччекабуддой, и пятьдесят лет спустя думал о своём друге и знал, что тот помнит его. «Он теперь стар и умножился сыновьями и дочерьми, — решил он, — я пойду и наставлю его в дхарме и посвящу его». Он чудесным образом прошёл по воздуху и, освещая сад, сел, как золотой истукан, на каменное сиденье. Садовник, увидев его, подошёл и спросил: «Господин, откуда ты?» «Из пещеры Нандамулака». «Кто ты?» «Друг, я Даримукха Паччека». «Господин, ты знаешь нашего царя?» «Да, он был моим другом, когда я был ещё мирянином». «Царь жаждет тебя видеть, я сообщу ему о твоём прибытии». «Пойди и сделай это». Садовник поспешил к царю и сказал, что Даримукха пришёл в сад и сидит на каменном троне. Царь ответил: «Итак, мой друг пришёл, я увижу его!» Он на колеснице с большой свитой отправился в сад и, поприветствовав паччекабудду, сел в стороне. Паччекабудда спросил: «Брахмадатта, правишь ли ты своим царством праведно, никогда не следуешь дурными путями и не угнетаешь людей из-за денег, а делаешь добрые дела из милосердия?» Услышав положительный ответ, он сказал: «Брахмадатта, ты уже стар, тебе пора отказаться от мирских удовольствий и принять посвящение». И он наставил царя в дхарме и пропел первую гатху:

Чувственные удовольствия суть трясина и топь;
Я называю их «трижды укоренившимся ужасом».
Туманом и прахом я провозгласил их, государь.
Отринь их все и получи посвящение.

* Не обучающая Буддовость (прим. перев.).

Услышав это, царь объяснил, что он связан желаниями, и пропел вторую гатху:

Увлечён, связан и глубоко запятнан я,
Брамни, удовольствиями. Может быть, это ужасно,
но я люблю жизнь и не могу отринуть их.
Добрые дела я совершаю постоянно.

Тогда Даримукха, хотя Бодхисаттва сказал: «Я не могу принять посвящение», — не отверг его и снова стал увещевать:

Тот, кто отвергает совет своего друга,
Который сострадает и хочет предотвратить его гибель,
Кто думает: «Этот мир лучше», — не находит конца,
Глупец, череде перерождений в утробе.
Это страшное место наказания он считает своим,
Полное всякой мерзости, где зло зовётся добром.
Алчный никогда своё вожеление не может отринуть,
Плоть заключает в тюрьму все порождения плоти.

Далее Даримукха Паччекабудда, показывая страдания, возникающие из-за зачатия и воплощения, чтобы показать дальнейшие страдания рождения, произнёс гатху и ещё половину:

Покрытыми кровью и отвратительной слизью
Все смертные существа рождаются,
И всё, с чем они сталкиваются далее на этой земле,
Приносит им боль и страдания.
Я говорю то, что видел, а не то, что слышал
От других: я помню прежние времена.

Сейчас Учитель в своей Совершенной Мудрости сказал: «Так Паччекабудда помог царю благими речами», — и пропел оставшуюся половину гатхи:

Даримукха ушам Сумедхи [3] раскрыл
Мудрость благозвучными стихами.

Паччекабудда, показывая страдания от желаний, чтобы пояснить свои слова, сказал: «О царь, примешь ты посвящение или нет, но в любом случае я поведал о тщетности желаний и благословениях посвящения. Постарайся понять». И затем, подобно золотому царственному гусю, он поднялся в воздух и, ступая по облакам, достиг пещеры Нандамулака. Великосущный сложил над головой руки в почтительном жесте, соединив ладони, и стоял в поклоне до тех пор, пока Даримуха не скрылся из виду. Затем он послал за своим старшим сыном и передал ему царство. Несмотря на то, что великое множество его подданных плакали и причитали из-за разлуки с ним, он, отринув желания, отправился в Гималаи. Там он построил хижину из листьев и стал отшельником; затем в скором времени он обрёл способности и достижения и в конце своей жизни вознёсся на небеса Брахмы.

* * *

Закончив наставление, Учитель открыл Четыре Благородные Истины (тогда многие достигли Первого Пути и прочих достоинств) и связал перерождения: «В то время царём был я».

Комментарии

1 «Устье пещеры»: по-видимому, «очень красивый» здесь как «очень широкий».

2 Это особая обитель паччекабудд.

3 Если Сумедха — имя собственное, то оно должно быть взято из другой истории; но оно может означать просто «мудрый».

379. ДЖАТАКА О ГОРЕ НЕРУ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 379 Neru-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Вороны и ворóны...» Учитель рассказал эту историю об одном монахе, когда жил в Джетаване. Предание гласит, что, восприняв от Учителя искусство медитации, он отправился в приграничную деревню. Там люди, которым понравились его манеры, накормили его, построили ему хижину в лесу, пригласили поселиться там, получив с него обещание, и оказывали ему большие почести. Но вскоре они оставили его ради тех,

кто учил постоянству вещей, потом оставили тех ради секты отрицающих бессмертие, а тех опять покинули ради секты нагих аскетов, ибо учителя всех этих сект приходили к ним по очереди. Поэтому он не был счастлив среди этих людей, не различавших доброе и дурное, и после дождей и павараны [1] вернулся к Учителю. По его просьбе он рассказал, где останавливался во время сезона дождей и что он не был счастлив среди людей, не отличавших доброе от дурного. Учитель сказал: «Мудрые в прежние дни, даже воплотившись зверями, не оставались ни дня среди тех, кто не различал доброе и дурное. Почему ты должен был поступить иначе?» И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился в виде золотого гуся. Вместе со своим младшим братом он жил на холме Читтакута и питался диким рисом в Гималаях. Однажды, возвращаясь в Читтакуту, они увидели золотую гору Неру и остановились на её вершине. Вокруг горы жили разные птицы и звери, которые находили пропитание на её склонах; с тех пор как они поселились здесь, их шкура и перья приобрели золотистый оттенок от её сияния. Брат Бодхисаттвы, увидев это и не зная причины такой их окраски, спросил, обращаясь к своему брату: «В чём же причина их золотистого сияния?» И он пропел две гатхи:

Вороны и вороны, и мы, лучшие из птиц,
Находясь на этой горе, все кажутся одинаковыми.
Жалкие шакалы соперничают с тиграми
И своими повелителями львами.
Каково же название этой горы?

Бодхисаттва, услышав это, пропел третью гатху:

Благороднейшая из гор, Неру она зовётся,
Все животные здесь приобретают прекрасный вид.

Младший, услышав это, пропел оставшиеся три гатхи:

Там, где добродетель не в чести, не следует оставаться;
Лучше сразу покинуть это место.

Глупые и умные, храбрые и трусливые –
Все почитаются одинаково.
Гора, не ведающая различий, –
Добродетельный не останется здесь!
Лучшего, посредственного и самого низкого
На Неру не различить.
Неру, не ведающая различий, мы тебя покидаем!

С этими словами они оба взлетели и направились к Читтакуте.

* * *

После этих наставлений Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в итоге этот монах утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время младшим гусем был Ананда, старшим – я».

Комментарии

1 Праздник в конце сезона дождей.

380. ДЖАТАКА О СОМНЕНИИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 380 Āsaṅka-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«В небесном саду...» Эту историю об искушении монаха его бывшей женой Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Повод для этих событий будет описан в «Джатаке о чувствах» [1]. Учитель обнаружил, что монах отпал от веры из-за мыслей о своей жене, поэтому он сказал: «Эта женщина причиняет тебе вред; и прежде ради неё ты пожертвовал армией из четырех подразделений и жил в Гималаях три года, испытывая большие страдания». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов в деревне той страны. Когда он вырос, он обучился ведам и всем искусствам в Таккасиле, стал отшельником и, развив способности и достоинства, жил в Гималаях, питаясь кореньями

и плодами. В то время существо совершенных достоинств спустилось с Небес Тридцати Трёх и было зачато как девушка внутри цветка лотоса на пруду; и когда другие лотосы состарились и увяли, тот цветок остался свежим и прекрасным. Отшельник, пришедший к пруду омыться, увидел это и подумал: «Другие лотосы увяли, а этот вырос таким большим и остался свежим. Почему так?» Он надел одежду для купания, подошёл к лотосу и, раскрыв его, увидел внутри совсем юную девушку. Испытывая к ней отеческие чувства, он взял её к себе в хижину и стал о ней заботиться. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, она стала необыкновенно хороша. Своей красотой она превосходила человека, но не достигала богов.

Как-то раз пришёл Шакка и стал ждать Бодхисаттву. Увидев девушку, он спросил, кто она. Отшельник рассказала, как нашёл её. Тогда Шакка спросил, что ей необходимо. «Жилище и запас одежды, украшений и пищи, о господин», — ответил отшельник. «Хорошо», — сказал Шакка и создал хрустальный дворец, сделал для неё постель, одежду и украшения, божественную пищу и питьё. Дворец опускался и стоял на земле, когда она хотела войти в него; когда она входила, он поднимался и оставался в воздухе. Так она жила во дворце и оказывала различные услуги Бодхисаттве.

Однажды лесничий увидел её и спросил: «Кем тебе приходится эта особа, господин?» «Это моя дочь». Тогда он отправился в Бенарес и сказал царю: «О царь, я видел в Гималаях дочь одного отшельника необыкновенной красоты». Когда царь услышал об этом, его охватило страстное желание увидеть девушку. В сопровождении лесничего отправился с армией из четырёх подразделений к месту, где она жила. Разбив лагерь, он взял лесничего и своих министров и вошёл в жилище отшельника. Он приветствовал Бодхисаттву и сказал: «Господин, женщины — пятно на святой жизни; я позабочусь о твоей дочери».

Следует сказать, что Бодхисаттва дал девушке имя Асанка, потому что нашёл её, когда пересёк пруд из-за своего сомнения («асанка»), ища ответ на вопрос, что внутри лотоса. Он не стал прямо говорить царю: «Бери её и уходи», — а сказал так: «Если ты угадаешь имя этой девушки, о великий царь, бери её и уходи». «Господин, если ты скажешь, я узнаю». «Не скажу. Но когда ты угадаешь его, бери её и уходи». Царь согласился и принялся размышлять вместе со своими советниками, какое у неё может быть имя. Он перебирал все имена, которые трудно угадать, и называл их Бодхисаттве, но Бодхисаттва отвечал «нет» и отказывал

ему. Так прошёл год. Львы и другие хищные звери утаскивали его слонов, лошадей и людей, змеи и мухи несли опасность, и многие умерли от холода. В конце концов царь сказал Бодхисаттве: «Зачем она мне?» — и собрался уходить.

В это время девушка Асанка стояла у открытого хрустального окна своего дворца. Царь, увидев её, сказал: «Я не могу отгадать твоё имя. Живи здесь, в Гималаях, мы уходим». «Великий царь, если ты уйдёшь, то никогда уже не найдёшь такой жены, как я, — ответила девушка. — На Небесах Тридцати Трёх, в саду Читталата, растёт лиана по имени Асавати: её плоды содержат божественный напиток, и тот, кто выпьет его один раз, остаётся опьянённым в течение четырёх месяцев и возлежит на божественном ложе. Она плодоносит раз в тысячу лет, и сыны богов, хотя и склонны к крепким напиткам, терпят свою жажду ради этого божественного напитка, говоря: «Мы соберём урожай этих плодов». Они приходят туда постоянно на протяжении тысячи лет, чтобы взглянуть на растение и проверить, созрели ли его плоды. Ты же не смог вытерпеть и года. Тот, кто получает плод своей надежды, счастлив. Оставь своё недовольство!» И она пропела три гатхи:

В небесном саду растёт Асавати;
Лишь раз в тысячу лет дерево приносит плод.
Терпеливо ждут его боги.
Надейся, о царь, плод надежды так сладок!
Птенец надеется, что никогда не потерпит поражения,
Своё желание, пусть и не сразу, он исполняет.
Надейся же, о царь: плод надежды так сладок!

Её слова вдохновили царя. Он снова собрал своих советников и стал пытаться угадать имя, делая по десять попыток каждый раз, пока не прошёл ещё один год. Но её имени не было среди них, и поэтому Бодхисаттва вновь отказал ему. И снова царь сказал: «Зачем она мне?» — и собрался уходить. Девушка выглянула в окно, и царь сказал ей: «Оставайся здесь, я ухожу». «Почему ты уходишь, великий царь?» «Я не могу отгадать твоё имя». «Великий царь, почему ты не можешь отгадать его? Продолжай добиваться успеха. Журавль, стоящий на вершине холма, осуществил своё желание; почему ты не можешь осуществить его? Продолжай, великий царь. Журавль добывал пропитание в пруду с лотосами, но потом улетел на вершину холма. Он остался там в тот день и на

следующий день думал: «Я удачно поселился на вершине этого холма; если бы я мог найти пищу и воду для питья, не спускаясь вниз, я остался бы здесь на весь этот день. О, это было бы восхитительно! «». В тот самый день Шакка, царь небес, сокрушил асуров и, будучи теперь господином на Небесах Тридцати Трёх, подумал: «Мои желания исполнены до конца. Есть ли в лесу кто-нибудь, чьи желания не исполнены?» Размышляя так, он увидел этого журавля и подумал: «Я исполню желания этой птицы». Недалеко от места, где сидел журавль, протекал ручей, и Шакка направил его течение на вершину холма. И журавль, не сходя с места, ел рыбу и пил воду, и оставался там весь день; затем вода ушла. Итак, великий царь, журавль получил плод своей надежды, так почему бы тебе не получить его? Надейся!» — сказала она, закончив свою речь.

Царь, услышав её рассказ, был так захвачен её красотой и её словами, что раздумал уходить. Собрав своих министров и перебирая по сотне имён, он провёл ещё год в попытках разгадать загадку. По прошествии трёх лет он пришёл к Бодхисаттве и спросил: «Есть ли это имя среди них, господин?» «Ты не отгадал его, великий царь». Тогда он попрощался с Бодхисаттвой и, сказав: «Теперь я ухожу», — собрался выступить в путь. Дева Асанка снова стояла у хрустального окна. Царь увидел её и сказал: «Оставайся, я ухожу». «Почему, великий царь?» «Ты отвечаешь мне словами, но не любовью: захваченный в плен твоими сладкозвучными речами, я провёл здесь три года. Но теперь я ухожу», — и он пропел эти гатхи:

Ты радуешь меня, но только на словах, а не на деле;
 Цветок без запаха, хоть и прекрасный, — всего лишь сорная трава.
 Прекрасные обещания, которые дают друзьям,
 При этом никогда их не выполняя, разрушают дружбу.
 Люди должны говорить, если собираются действовать,
 А не обещать то, чего они не могут выполнить;
 Их пустые обещания мудрецы видят насквозь.
 Моё войско истощено, все мои запасы израсходованы.
 У меня есть сомнение, что я правильно поступаю.
 Мне пора уходить.

Девушка Асанка, услышав слова царя, сказала: «Великий царь, ты знаешь моё имя, ты только что произнёс его! Скажи отцу моё имя и забирай меня!» И она пропела гатху:

Правитель, ты произнёс слово, которое и есть моё имя.
Пойдём, царь: мой отец теперь отпустит меня.

Царь пошёл к Бодхисаттве, поклонился и сказал: «Господин, твою дочь зовут Асанка». «Теперь, когда ты знаешь её имя, забирай её и уходи, великий царь!» Он попрощался с Бодхисаттвой и, подойдя к хрустальному дворцу, сказал: «Госпожа, твой отец отдал тебя мне, идём же!» «Пойдём, великий царь, я получу разрешение моего отца», — ответила она и, спустившись из дворца, пошла к Бодхисаттве, получила его согласие и вернулась к царю. Царь забрал её в Бенарес и жил с ней счастливо, умножая сыновей и дочерей. Бодхисаттва же, продолжая пребывать в непрерывной медитации, вознёсся в мир Брахмы.

* * *

Закончив свой рассказ, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате монах утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «Прежняя жена была Асанкой, отпавший брат — царём, я же был отшельником».

Комментарии

1 № 423, ниже.

381. ДЖАТАКА О НЕПОСЛУШАНИИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 381 Migālopa-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Твои пути, сын мой...» Учитель рассказал эту историю о непослушном монахе, когда жил в Джетаване. Учитель спросил этого монаха: «Ты и в самом деле строптив?» Он ответил: «Да, господин». Учитель сказал: «Ты не в первый раз такой непослушный; и прежде из-за своей строптивости ты не повиновался воле мудрых и встретил свою смерть от ветров Верамбхи [2]». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился грифом-стервятником по имени Апараннагиджха и стал во-

жаком стаи грифов на Гиджханаббате (Гора Стервятников). Его сын по имени Мигалопа был необычайно силен и могуч; он летал выше всех других стервятников. Однажды грифы сказали своему царю, что его сын летает слишком высоко. Он позвал Мигалопу и сказал: «Сын, говорят, что ты летаешь слишком высоко; если ты будешь поступать так, то навлечёшь на себя несчастье». И он произнёс три гатхи:

Твой пути, сын мой, мне кажутся небезопасными.
Ты паришь слишком высоко даже для грифа.
Когда землю увидишь как квадратное поле,
Возвращайся, сын мой, и не смей подниматься выше!
Другие птицы надменно пытались парить так высоко,
Но, поражённые свирепыми ветрами,
погибли из-за своей гордыни.

Но Мигалопа из-за своего строптивого нрава не слушался отца. Однажды, поднимаясь всё выше и выше, он преодолел предел, о котором говорил ему отец, преодолел даже Чёрные Ветра, когда встретил их, но продолжал подниматься, пока не столкнулся с ветрами Верамбхи. Они ударили его, и от одного их удара он рассыпался на куски и исчез в воздухе.

Мудрым приказом отца он пренебрёг,
И после Чёрных Ветров встретился с Ветрами Верамбхи.
Жену, детей, всю свою стаю,
Всё потерял он из-за своего упрямства.
Итак, тот, кто не внимлет увещеваниям старших,
Подобно надменному грифу, взлетевшему слишком высоко,
Нарушая установленные правила, встречает свою гибель.

* * *

После этого наставления Учитель связал перерождения: «В то время непослушный брат был Мигалопой, а я был Апаранной».

Комментарии

1 См. № 427 ниже.

2 Ветер, получивший своё название от одноимённого моря, см. *Divyāvadāna*, стр. 105.

382. ДЖАТАКА О ЛАКШМИ И КАЛИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 382 Sirikālakaṇṇi-jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Кто ты...» Учитель рассказал эту историю об Анатхапиндике, когда жил в Джетаване. С того времени, как он утвердился в Плоде Первого Пути, он неукоснительно соблюдал все пять первых предписаний; так же поступали его жена, его сыновья и дочери, его наёмные слуги и рабочие. Однажды в Зале Истины братья начали обсуждать, благочестив ли Анатхапиндика в своём доме и вне его. Когда Учитель вошёл и услышал, о чём говорят монахи, он сказал: «Братья, у мудрых и прежде были благочестивые семьи». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был торговцем. Он раздавал подаяние, исполнял предписания и соблюдал дни поста; и его жена также выполняла пять предписаний, и его сыновья, его дочери, его слуги и рабочие. Поэтому его называли торговцем Шучипариварой («благочестивым семейством»). И вот как-то раз он подумал: «Если придёт кто-нибудь более благочестивый, чем я, то не подобает предлагать ему мою циновку для сидения или моё ложе, но следует дать ему всё чистое и неиспользованное». Поэтому он приготавливал новые ложе и циновку в определённом месте в своей гостевой комнате.

В то время на Небесах Четырёх Царей [1] Калаканни, дочь Вирупаккхи, и Сири, дочь Дхатараттхи, взяв благовония и гирлянды, отправились на озеро Анотатта, чтобы поиграть там. На этом озере было устроено много мест для купания: будды купались в своём месте, пачекабудды — в своём, монахи — в своём, отшельники — в своём, боги шести небес Камы [2] — в своём, богини — в своём. Небесные девы, придя туда, начали спорить, кому из них купаться первой. Калаканни сказала: «Я правлю миром: мне следует искупаться первой». Сири возразила: «Я управляю ходом вещей, которые возвышают человека: мне следует искупаться в первую очередь». Тогда обе сказали: «Пусть Четыре Царя рассудят, которая из нас должна омыться первой», — и они пошли к ним и спросили, которая из них достойна омыться первой

в Анотагге. Дхатараттха и Вирупаккха ответили: «Мы не можем решить», — и возложили эту обязанность на Вирудху и Вессавану. Но они тоже сказали: «Мы не можем решить; пусть наш Господь рассудит вас», — и они послали богинь к Шакке. Тот, услышав их рассказ, подумал: «Это дочери моих подданных; я не могу решить это дело». И он сказал им: «В Бенаресе есть торговец по имени Шучипаривара; в его доме приготовлены неиспользуемые ложе и циновка для сидения. Та из вас, которая сумеет раньше другой сесть или лечь там, должна будет купаться первой».

Услышав это, Калаканни тотчас же облачилась в синие [3] одеяния, намазалась синей мазью и украсила себя синими драгоценностями; она спустилась с небес, словно на камне из катапульты, и сразу после полуночи встала в воздухе, распространяя синее сияние, недалеко от торговца, который лежал в своих покоях. Торговец взглянул и увидел её, но она показалась ему грубой и непривлекательной. Заговорив с ней, он произнёс первую гатху:

Кто ты, и почему твоё сияние
Такое тусклое и некрасивое?
Кто ты, чья дочь, скажи?
Я не знаю тебя.

Услышав его, Калаканни пропела вторую гатху:

Великий Царь Вирупаккха — мой отец.
Я — Несчастье, зловещая Калаканни.
Дай мне комнату рядом с твоей,
Я хочу в ней поселиться.

Бодхисаттва пропел третью гатху:

С какими людьми ты водишь дружбу?
Каковы их качества?
Вот о чём мой вопрос.
Услышав ответ, я приму решение.

Она, объясняя свои качества, пропела четвёртую гатху:

КНИГА ШЕСТАЯ. ЧАККА-НИПАТА

Лицемерный, распутный, угрюмый,
Завистливый, жадный и вероломный:
Таковы друзья, которых я люблю,
И своими дарами веду их к гибели.

Затем она пропела пятую, шестую и седьмую гатхи:

И ещё милы мне гнев и ненависть,
Вражда и злословие, клевета и жестокость.
Ленивое существо, не стремящееся к своему благу,
На доброе отношение отвечающее грубостью;
Вздорный человек, которого чураются друзья, —
Он мой друг, в нём моя отрада.

Великосущный, обличая её, пропел восьмую гатху:

Кали, уходи: здесь тебе нечему порадоваться!
Улетай в другие земли и города!

Калаканни, услышав это, опечалилась и пропела ещё одну гатху:

Я тебя хорошо знаю! Здесь меня ничто не порадует.
Пойду к другим неудачникам,
Которые накопили много добра;
Мой брат-бог и я заставим его исчезнуть.

Когда она ушла, явилась богиня Сири в золотых одеяниях, намазанная золотой мазью, в сверкающих золотых украшениях. Она почтительно стояла у дверей, не в воздухе, а на земле, и испускала золотистое сияние. Бодхисаттва, увидев её, пропел первую гатху:

Кто ты, испускающая божественное сияние,
Стоящая на твёрдой земле?
Кто ты, чья дочь, скажи?
Я не знаю тебя.

Сири, услышав его, пропела вторую гатху:

Великий царь Дхатараттха — мой отец.
Удача и Счастье я, и Мудрость, людей восхищающая.
Позволь мне поселиться здесь!

И далее:

С какими людьми ты водишь дружбу?
Каковы их качества?
Вот о чём мой вопрос.
Услышав ответ, я приму решение.

Тот, кто в холод и жару, на ветру и на солнце,
Несмотря на жажду и голод, змей и ядовитых мух,
Исполняет стойко свой долг, —
С ним я пребываю и преданно люблю его.

Спокойный и приветливый, добродетельный, щедрый,
Искренний и честный, вежливый, правдивый,
Кроткий на высоком месте. Я расцвечиваю все его качества,
Как океан придаёт оттенок волнам,
по нему распространяющимся [4].

Кто с добротой, без грубого слова или проклятия
Общается с другом и недругом, помощником и противником,
Во тьме ночи или при свете дня, —
Тому я благоволю всегда и во всех мирах.

Но если глупец, добившийся моего расположения,
Становится надменным и тщеславным,
Я тут же покидаю его,
Как убегают из нечистого места.

Удача и несчастье каждого человека —
Дело только его собственных рук;
Ни счастье, ни несчастье не может
Принести человек своим собратьям.

Таков был ответ Сири на вопрос торговца.

Бодхисаттва обрадовался словам Сири и сказал: «Вот чистая циновка и ложе, подходящее для тебя; располагайся там». Она осталась там, а утром отправилась на Небеса Четырёх Великих Царей и первая искупалась в озере Аноатта. Ложе, на котором лежала Сири, называлось Сиришайя: отсюда и происходит Сиришайяна, и по этой причине она так называется и по сей день.

* * *

После наставления Учитель отождествил перерождения: «В то время богиней Сири была Уппалаванна, купцом Шучипариварой был я».

Комментарии

1 Это Дхатараттха – Царь Севера, Вирудха – Юга, Вирупаккха – Запада и Вессавана – Востока.

2 Из которых Небо Четырёх Царей – первое.

3 Синий цвет считается несчастливым.

4 Возможно, *vaṇṇat* на самом деле от санскритского *vr̥ṇhan* – растающий.

383. ДЖАТАКА О ПЕТУХЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 383 Kukkuta-Jataka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

Словами «Нарядны перья пёстрые...» Учитель – он жил тогда в роще Джеты – начал рассказ об одном монахе, тосковавшем по жизни в миру.

Ибо, когда Учитель спросил монаха: «Отчего тоскуешь ты?», тот ответил: «Страсть меня одолела, почтенный, к женщине, разодетой и разукрашенной, которую я ненароком узрел». На это Учитель, заметив: «О монах! Ведь женщина подобна кошке: обольстит, обманет и погубит свою жертву, только попадись ей!» – и поведал монаху о прошлом.

«В стародавние времена, когда на троне в Варанаси восседал царь Брахмадатта, бодхисаттва обрёл земное рождение в лоне курицы, обитавшей в лесу. Выросши, он остался жить там же, в лесу, окружённый свитой из многих сотен петухов. Неподалёку жила некая кошка, и вот, обольстив разными способами петухов, она съела их одного за другим. Только бодхисаттва не поддался её чарам.

И подумала тогда кошка: «Поистине, хитёр этот петух. Но он не знает ещё, до чего хитёр наш кошачий род, до чего изворотливы мы и удачливы во всяких способах обольщения! Завлеку его, пообещаю стать ему женою, а уж там, пусть только окажется в моей власти, его съем!» Решив так, кошка направилась к дереву, где гнезвился петух, на все лады искусными и льстивыми речами принялась воздавать хвалу его красоте и блестящему оперению, а после стала упрашивать петуха слететь вниз и запела:

Нарядны перья пёстрые
И длинен гребень, о петух!
Спускайся с дерева ко мне —
Твоей женой хочу я стать!

«Она съела всех моих сородичей петухов, а теперь меня хочет съесть, но это ей не удастся!» — подумал, внимая ей, бодхисаттва и спел в ответ:

Четыре у тебя ноги,
А я — двуног, прелестница.
Зверь с птицей не брачается,
Другого поищи себе!

«Воистину, хитёр этот петух! — подумала кошка. — Но я всё равно завлеку его — не этим, так другим способом. Заманю и съем!» — не отступалась она и спела такой стих:

Твоею буду! Дева я,
И голос нежен, сладок мой!
Признай женой меня своей
Или рабой, коль хочешь ты!

Тогда бодхисаттва решил: «Придётся, видно, выбрать её, иначе не отвяжется!» и пропел в ответ:

Воровка! Кровью петухов
И прочих птиц покрыта ты!
Меня в законные мужья
Ты не желала никогда!

Обруганная кошка так ни с чем и ушла и впредь не смела даже взглянуть на бодхисаттву. И вот на этот случай стихи, исполненные мудрости всепробуждённого:

Так жёны, видя удальца,
Лукавства полные, хотят
Речами заманить его,
Как злая кошка – петуха!
И тот, кто тотчас не поймёт
Беды, которая грозит,
Окажется в когтях врага
И горько будет сожалеть!
Лишь тот, кто истину постичь
Способен сразу, сей же час,
Спасётся вмиг из вражьих пут,
Как от кошачьих чар – петух!

Завершив своё поучение в дхарме, Учитель наставил монаха в Четырёх Благородных Истинах, и, вняв наставлениям, монах, затосковавший по мирской жизни, обрёл первый плод от вступления в Поток. Учитель же, разъясняя рассказ, так истолковал его: «В ту пору царём петухов был я сам».

384. ДЖАТАКА О ЗНАМЕНИ ДХАРМЫ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 384 Dhammaddhajajataka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

Словами «Путём дхармы идите, сородичи!» Учитель – он жил в ту пору в роще Джеты – стал рассказывать о монахе-лжеце. И, сказав: «Братия! Не только ныне, но и прежде был он лжецом!» – Учитель поведал о прошлом.

В стародавние времена, когда в Варанаси правил царь Брахмадатта, бодхисаттва обрёл своё земное воплощение в лоне птицы. А когда вырос, поселился на острове в океане и жил там в окружении множества птиц.

Как-то раз купцы из Варанаси отправились на судне в плавание по океану, прихватив с собою ворону, обученную указывать стороны света. Но посреди океана судно купцов затонуло, ворона же полетела к острову.

Подумала ворона: «Здесь множество птиц! Надо будет как-нибудь обмануть их, чтобы питаться их яйцами и птенцами!»

И, утвердись в том решении, ворона спустилась на остров, в самую гущу птиц, стала на одну ногу и так стояла с раскрытым клювом.

– Как зовут тебя, госпожа? – стали спрашивать птицы.

– Зовусь я Приверженницей дхармы, – отвечала ворона.

– А отчего ты стоишь на одной ноге?

– Если поставлю вторую, земля не удержит меня.

– А зачем ты разинула клюв?

– Затем, что питаюсь я одним воздухом, который пью постоянно!

И, собрав вокруг себя всех птиц и говоря им: «Я наставлю вас, внемлете же слову моему!» – ворона спела в поучение им такой стих:

Путём дхармы идите, сородичи!
Благо тем, кто дхармы путём идёт!
В дхарме движущийся обретёт покой
В этом мире и также в иных мирах!

Не ведая, что ворона их дурачит и что ей нужно лишь пожрать их яйца, птицы восславили ворону:

Благостна эта прекрасная птица.
Дхармы высокой полна эта птица!
Ногою одной опираясь о землю,
К дхарме святой приобщает всех нас!

Поверив вороне и не разгадав её злого умысла, птицы сказали: «Раз ты, госпожа, питаешься одним воздухом, нет у тебя нужды добывать пропитание! Пригляди за нашими яйцами и птенцами!» И, сказав так, птицы разлетелись в поисках корма.

Злокозненная же ворона, едва они улетели, тут же принялась пожирать яйца и птенцов, набила брюхо, а когда птицы воротились, встала как ни в чём не бывало на одну ногу, с разинутым клювом.

Птицы, не досчитавшись птенцов, подняли страшный шум и стали плакать, стелая: «Кто мог их пожрать?!» Что это сделала ворона, им и в голову не приходило — ведь они уверены были, что она последовательница Учения.

И задумался однажды Великосущный: «Пока не прилетела к нам эта ворона, не ведали мы ни зла, ни беды. Надобно в этом разобраться!»

Подумав так, бодхисаттва притворился, будто вместе со всеми птицами летит искать себе корм, но тут же тайком воротился и спрятался в укромном месте. Ворона же, уверившись, что птицы улетели, и ничего не подозревая, насытилась яйцами и птенцами, вернулась на прежнее место и стала на одной ноге, разинув клюв.

Когда все птицы воротились, царь пернатых собрал их и сказал: «Теперь я знаю, откуда исходит угроза для наших птенцов: злокозненная ворона пожирает их, я видел это собственными глазами!» И, сказав так, бодхисаттва стал во главе птичьего войска, обступившего ворону со всех сторон, и, наказав: «Если попробует бежать, хватайте её!» — спел собравшимся такие стихи:

Не зная норова её,
Вы слепо славите её,
Сожрав и яйца, и птенцов,
Она о дхарме всё твердит!
Одно — в речах её пустых,
Иное — в действиях её.
Но ни в словах и ни в делах её
И тени дхармы нет.
Слова нежны, но суть страшна!
Гадюкой, затаясь, она ждала,
Чтоб нанести удар,
Прикрывшись дхармы знаменем!
Кто под личиною добра
Скрывает злую суть свою,
Того чтут всюду лишь глупцы,
Не ведающие, что творят!
Крылами сбейте с ног её,
Топчите, бейте клювами,
В пыль разомните труп её,
Чтоб не осталось и следа!

И, говоря так, вожак птичьего воинства подскочил к вороне и первым нанес ей удар клювом в голову, а остальные принялись клевать её и крушить ногами и крылами. Так ворона рассталась с жизнью.

И, наставивши всех в дхарме, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения:

— Вороной в ту пору был монах-лжец, царём птиц — я сам.

385. ДЖАТАКА О ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ ОЛЕНЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 385 Nandiyamiga-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Зайдёшь ли ты в царский парк...» Эту историю о монахе, который оказывал поддержку своей матери, Учитель рассказал в Джетаване. Он спросил монаха: «Правда ли, что ты оказываешь поддержку мирянам?» «Да, господин». «Кто они?» «Мои отец и мать, господин». «Молодец, ты поступаешь очень хорошо, брат: ты следуешь предписаниям мудрых древности, потому что они тоже, даже воплотившись зверями, пожертвовали своей жизнью ради родителей». И он поведал историю былых времён.

* * *

Однажды, когда царь Косалы царствовал в Сакете (Авадх)*, Бодхисаттва родился оленем. Когда он вырос, его называли Нандиямига, и, будучи прекрасным сыном, он поддерживал своих отца и мать. Царь Косала увлекался охотой и каждый день отправлялся охотиться с большой свитой, так что его народ не мог нормально заниматься земледелием и своими ремёслами. Как-то раз люди собрались вместе и стали советоваться, говоря: «Из-за царя с его страстью к охоте мы не можем заниматься ремёслами, не можем вести нормальную жизнь. Что если мы обнесём парк Анджанавана изгородью, поставим ворота, выроем там пруд и посеём траву, а затем пойдём в лес с палками и дубинками в руках, вырубим заросли и таким образом загоним оленей в парк, как

* Авадх — историческая область в северной Индии, лежащая по среднему течению реки Ганг (прим. перев.).

коров в загон? Затем мы закроем ворота, пошлём известие царю и займёмся своими делами». «Это выход», — решили они и, объединив усилия, подготовили парк, а затем, войдя в лес, окружили его на одну лигу в каждую сторону.

В это время Нандия отвёл своих родителей в небольшие заросли и лежал на земле. Люди с различными щитами и оружием в руках окружили чащу, а некоторые вошли в неё, ища оленей. Нандия, увидев их, подумал: «Это хорошо, что сегодня мне надлежит оставить жизнь ради моих родителей». Он встал и обратился к ним: «Отец и мать, эти люди увидят нас троих, если войдут сюда. Вы можете спастись только одним способом. Ваша жизнь дороже; я пожертвую своей. Как только люди появятся здесь, я выйду к ним. Они решат, что в этих небольших зарослях может спрятаться лишь один олень, и не войдут сюда. Будьте внимательны». Они согласились, и он приготовился выскочить. Вскоре в чащу с криками и стуком палок вошли люди. Нандия выбежал, и они, думая, что там прятался только один олень, не пошли в заросли. Нандия побежал среди других оленей, и люди погнались за ними в парк; затем, закрыв ворота, они сказали об этом царю и разошлись по своим домам. С тех пор царь всегда сам ходил охотиться. Убив оленя, он либо брал его и уходил, либо посылал за ним слуг.

Олени договорились, что будут выходить к царю по очереди. Тот, чья очередь пришла, становился в стороне от других, и царь стрелял в него. Нандия пил воду из пруда и ел траву, но его очередь пока не подошла. Какое-то время спустя его родители, страстно желая увидеть его, подумали: «Наш сын Нандия, царь оленей, был силен, как слон, и совершенно здоров; если он жив, то непременно перепрыгнет через забор и придёт к нам; надо послать ему весточку». Они встали у дороги и, увидев брамина, спросили человеческим голосом: «Господин, куда ты идёшь?» «В Сакету», — ответил он. Тогда олени попросили его передать послание их сыну и пропели первую гатху:

Зайдёшь ли ты в царский парк, брамин,
Когда будешь проезжать через Авадх?
Найди нашего дорогого сына Нандию
И передай ему правдиво наше послание:
«Твой отец и мать уже в преклонных годах,
И их сердца безутешны».

Браммин согласился и, прибыв на следующий день в Сакету, вошёл в парк и спросил: «Где мне найти Нандию?» Олень подошёл к нему и сказал: «Это я». Браммин передал ему сообщение. Нандия, выслушав его, сказал: «Я, конечно, мог бы перескочить через ограду и убежать; но я регулярно получал пищу и питьё от царя и теперь имею перед ним долг. Кроме того, я долго жил среди этих оленей, и мне не подобает уходить, не сделав добра царю и им, или не показав своей силы. Но когда придёт мой черёд, я сделаю им добро и тогда приду с радостью». И, поясняя свои слова, он пропел две гатхи:

Я обязан царю своим ежедневным питьём и едой;
Я не могу уйти, пока не сделаю всё, что требуется.
Я подставляю свой бок под царские стрелы;
Тогда, выполнив свой долг, я смогу увидеться с матерью.

Услышав это, браммин ушёл. Наступил день, когда пришла очередь Нандии. Царь с большой свитой вошёл в парк. Бодхисаттва встал в стороне, и царь, сказав: «Сейчас я застрелю оленя!» — наложил на тетиву острую стрелу. Бодхисаттва не убежал, как это делают другие животные, боящиеся смерти; но, бесстрашный, сделав своё милосердие своим проводником, он стоял твёрдо, подставив свой бок с могучими рёбрами. Попав под влияние его любви, царь не смог выпустить стрелу. Бодхисаттва произнёс: «Великий царь, почему ты не пускаешь стрелу? Стреляй!» «Царь оленей, я не могу». «Тогда взгляни на достоинства добродетельного [1], о великий царь». Царь, довольный Бодхисаттвой, опустил свой лук и сказал: «Этот бессмысленный кусок дерева знает твои достоинства; разве я, имеющий разум человек, не знаю их? Прости меня! Отныне ты в безопасности». «Великий царь, ты даешь мне безопасность, но как быть с этим стадом оленей в парке?» «Они тоже в безопасности».

Итак, Бодхисаттва, обеспечив безопасность для всех оленей в парке, для птиц в воздухе и рыб в воде, как описано в «Джатаке о неблагодарном военачальнике»*, наставил царя в пяти заповедях и сказал: «Великий царь, благо для царя править царством, отвергая пути злодеяний, не нарушая десять царственных добродетелей и действуя справедливо и праведно».

* № 445 Nigrodha-Jātaka (прим. ред.).

Подаяние, добродетель, милосердие,
Справедливость и покаяние,
Мир, кротость, милосердие, смирение, терпение:
Эти добродетели заложены в моей душе,
Отсюда рождается любовь
И совершенное внутреннее благо.

Такими словами он в виде гатхи показал царские добродетели. Он пробыл у царя несколько дней, а перед тем как уйти, послал бить в золотой барабан по городу, провозглашая дар безопасности всем существам. Сказав на прощание: «Будь бдителен, о царь!» – он отправился к своим родителям.

Издревле в Авадхе я возвышаюсь над оленями,
По имени и природе Нандия – Восхищение.
В свой олений парк пришёл царь, чтобы убить меня.
Лук его был согнут, стрела лежала на тетиве.
Царской стреле я подставил свой бок;
И, исполнив свой долг, увиделся с матерью.

Это были гатхи, вдохновлённые Совершенной Мудростью.

* * *

Закончив наставление, Учитель провозгласил Благородные Истины (в результате монах, который поддерживал свою мать, утвердился на Первом Пути) и связал перерождения: «В то время отец и мать были членами царской семьи, брамином был Шарипутта, царём – Ананда, сам же я был оленем».

Комментарии

¹ Здесь каламбур: *giṇat* означает «достоинство» или «тетива».

386. ДЖАТАКА ОБ ОЦЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chukka-Nipata. 386 Kharaputta-Jātaka) [1]

Перевод Н. Ольгинской

«Козлы слуты...» Эту историю об искушении монаха его бывшей женой Учитель рассказал в Джетаване. Когда тот признался, что тоскует по мирской жизни, Учитель сказал: «Брат, эта женщина причиняет тебе вред: раньше ты тоже входил в огонь из-за неё и был спасён от смерти мудрыми». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда в Бенаресе правил царь по имени Шенака, Бодхисаттва был Шаккой. Царь Шенака был дружен с неким царём нагов. Говорят, что этот царь нагов покинул мир нагов и бродил по земле в поисках пищи. Деревенские мальчишки, заведя его, кричали: «Это змея!» — и бросали в него комья земли и другие штуки. Однажды царь, собираясь отдохнуть в своем саду, увидел, что они бьют змею, и велел своим слугам: «Не позволяйте им бить её, прогоните их прочь!» И это было исполнено.

Так жизнь царя нагов была спасена. Вернувшись в свой мир, он взял много драгоценностей и, придя в полночь в спальню царя, отдал их ему со словами: «Ты спас мне жизнь». Он подружился с царём и приходил снова и снова, чтобы увидеться с ним. Он назначил одну из своих девушек-нагинь, ненасытную в удовольствиях, чтобы она была рядом с царём и защищала его, и дал царю заклинание, говоря: «Чтобы увидеть нагиню, если она исчезнет, произнеси это заклинание».

Однажды царь с девушкой-нагиней пошёл в сад и стал купаться в пруду с лотосами. Нагиня, увидев водяного змея, сбросила свой человеческий облик и занялась с ним любовью. Царь, не видя девушки, стал недоумевать: «Куда она подевалась?» Он произнёс заклинание и, увидев её неподобающее поведение, ударил её бамбуковой палкой. Она разгневалась и вернулась в мир нагов. Царь нагов спросил: «Почему ты пришла?» «Твой друг ударил меня по спине, потому что я не исполнила его повеление», — ответила она, скрыв правду, и показала след от удара. Царь нагов, поверив ей, призвал четырёх юношей-нагов и приказал им войти в спальню Шенаки и уничтожить его, словно солому, своим ог-

ненным дыханием. Они вошли в покои, когда царь ложился спать. Он в тот момент спрашивал царицу: «Госпожа, ты не знаешь, куда ушла девушка-нагиня?» «Не знаю, государь». «Сегодня, когда мы купались в пруду, она изменила свой облик и согрешила с водяным змеем. Я сказал: «Не делай так!» — и ударил её бамбуковой палкой, чтобы проучить. А теперь я опасаюсь, что она могла отправиться в мир нагов и солгать моему другу, разрушив его доброе отношение ко мне». Молодые наги, услышав это, тотчас же вернулись в свой мир и рассказали всё своему правителю. Он взволновался, тотчас же отправился в покои царя, рассказал ему всё и получил прощение. Чтобы искупить свою вину, он преподнёс царю заклинание, дающее понимание всех звуков. «Это, о царь, — сказал он, — бесценное заклинание: если ты передашь его кому-нибудь, ты сразу же войдёшь в огонь и умрёшь». Царь ответил: «Хорошо», — и принял его. С тех пор он стал понимать даже речь муравьёв.

Однажды он сидел на возвышении и ел лепёшки с мёдом и патокой; и капля мёда, капля патоки и кусочек лепёшки упали на землю. Муравей, увидев это, стал звать своих сородичей: «Кувшин с мёдом царя разбился на помосте, его корзинка с патокой и корзинка с лепёшками опрокинулись! Идите есть мёд, патоку и лепёшки!» Услышав эти слова, царь рассмеялся. Царица, сидевшая рядом, подумала: «Что же так рассмешило царя?» Когда царь поел, омылся и сел, скрестив ноги, он услышал, как муха-самец говорит своей жене: «Пойдём, госпожа, насладимся любовью!» Она ответила: «Подожди немного, муж. Скоро принесут благовония царю; когда он будет душиться, какая-нибудь крупинка упадёт к его ногам. Я сяду на неё и стану благоухать, тогда мы будем наслаждаться, сидя на спине царя». Услышав этот разговор, царь снова рассмеялся. Царица снова подумала: «Что же такого он увидел, что смеётся?»

И опять, когда царь ужинал, на землю упал комочек риса. Муравьи закричали: «Повозка с рисом разбилась в царском дворце, и некому его есть!» Царица зачерпнула рис золотой ложкой и задумалась: «Неужели мой вид вызывает смех царя?»

Когда они стали ложиться спать, она спросила: «Почему ты смеялся, о царь?» «Разве имеет значение, почему я смеюсь?» — ответил он. Но царица спрашивала снова и снова, и он рассказывал ей всё. «Скажи мне это заклинание!» — попросила она. Царь ответил: «Этого нельзя делать». Но, несмотря на отказ, царица продолжала настаивать.

«Если я дам тебе это заклинание, я умру». «Даже если ты умрешь, скажи его мне!» Царь, будучи во власти женского пола, в конце концов согласился, и они отправились на колеснице в парк. Царь сказал: «Я войду в огонь после того, как скажу это заклинание».

В этот момент Шакка, царь богов, посмотрел вниз на землю и, увидев это всё, сказал: «Этот глупый царь, зная, что из-за потакания женщине войдёт в огонь, продолжает идти этим путём. Я сохраню ему жизнь». Он взял Суджу, дочь асуров, и отправился в Бенарес. Он обернулся козлом, а её сделал козой, и, решив, что люди не должны их видеть, они встали перед царской колесницей. Царь и синдские ослы, запряжённые в колесницу, видели их, но никто другой не мог видеть. Чтобы был повод начать разговор, он сделал вид, что занимается любовью с козочкой. Один из синдских ослов, запряжённых в колесницу, увидев их, сказал: «Друг козёл, мы слышали раньше, что козлы глупы и бесстыдны, но не видели своими глазами; но ты делаешь при всех то, что должно делаться тайно и в уединённом месте, и не стыдишься. То, что мы слышали раньше, согласуется с тем, что мы видим». И он пропел первую гатху:

«Козлы глупы», — сказал мудрец,
И эти слова, несомненно, верны:
Этот козёл выставляет напоказ то, что в тайне
Происходить должно, но он не понимает этого.

Козёл, услышав его, пропел две гатхи:

О, господин ослик, подумай и осознай
Свою собственную глупость:
Ты связан верёвками, твоя челюсть вывернута,
И выглядишь ты удручённым.
Даже когда тебя распрягают, ты не убегаешь —
Это тоже глупая привычка.
А этот Шенака, которого ты возишь, —
Он ещё глупее, чем ты.

Царь понял разговор животных и быстро остановил колесницу. Осёл же, услышав речь козла, пропел четвертую гатху:

Что ж, господин козий царь, ты вполне понял
Мою огромную глупость;

Но объясни мне, пожалуйста, в чём
Заключается глупость Шенаки.

Объясняя это, козёл пропел пятую гатху:

Тот, кто своё редкостное сокровище
Жене готов отдать,
Не заслуживает доверия,
И действиям его нет оправдания.

Царь, услышав его слова, сказал: «Козий царь, ты, несомненно, действуюешь мне во благо; скажи, как мне правильно поступить в данном случае». Козёл ответил: «Царь, для любого животного нет никого дороже самого себя; нехорошо губить себя и отказываться от награды, которую ты получил, ради того, что дорого». И он пропел шестую гатху:

Царь, подобно тебе, может иметь влечение,
И всё же отрекается от него, если его цена — жизнь.
Жизнь — это главное; что может быть выше?
Вожделение не должно быть опасно для жизни.

Так Бодхисаттва увещевал царя. Обрадованный царь спросил: «Козий царь, откуда ты явился?» «Я Шакка, о царь; я пришёл спасти тебя от смерти из сострадания к тебе». «Царь Богов, я обещал сказать ей заклинание. Что мне теперь делать?» «Нет нужды губить вас обоих. Скажи ей: «Таковы методы этой науки», — и вели дать ей несколько ударов. В этом случае она откажется». Царь согласился. Бодхисаттва после наставления царю отправился на небеса Шакки. Царь же пошёл в сад, позвал царицу и сказал: «Госпожа, ты хочешь получить заклинание?» «Да, господин». «Тогда необходимо следовать обычаю». «Какой же это обычай?» «Сотня ударов по спине, но ты не должна издать ни звука». Она согласилась, страстно желая получить заклинание. Царь велел своим рабам взять кнуты и бить её с обеих сторон. Она выдержала два или три удара, а потом закричала: «Я не хочу никакого заклинания!» Царь сказал: «Ты готова была убить меня, чтобы заполучить заклинание», — и так, с исхлёстанной кожей на спине, отослал её прочь. После этого она больше не вспоминала о заклинании.

* * *

Завершив свой рассказ, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате монах утвердился на Первом Пути) и связал перерождения: «В то время царём был неудовлетворённый брат, царицей – его бывшая жена, конём* – Шарипутта, а Шаккой – я сам».

Комментарии

1 Варианты этого сюжета см. Benfey, *Orient and Occident*, том II, стр. 133 и след., и вторая история «Тысячи и одной ночи».

387. ДЖАТАКА ОБ ИГЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 387 Sūci-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Быстро протянутые...» Эту историю о совершенстве мудрости Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Повод для рассказа будет изложен в Mahāimtagga («Джатака о подземном ходе») [1]. Учитель обратился к монахам: «Это не первый раз, когда Татхагата был мудр и рассудителен». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в царстве Каши в семье кузнеца, и когда он вырос, он искусно овладел ремеслом. Его родители были бедны. Недалеко от их селения была ещё одна деревня, насчитывавшая тысячу домов, в которой жили кузнецы. Главный кузнец этой деревни был любимцем царя, богатым и весьма состоятельным. Его дочь была необыкновенно красива, как небесная нимфа, со всеми благоприятными признаками владычицы земель. Люди приезжали из окрестных деревень, чтобы заказать бритвы, топоры, лемехи и стрекала, и часто видели эту девушку. Когда они возвращались в свои деревни, они восхваляли её красоту в разных людных местах. Бодхисаттва, привлечённый одним лишь слухом о ней, подумал: «Она будет моей женой». Он взял железо лучшего качества и

* В тексте именно так, хотя ранее речь шла об осле (прим. перев.).

изготовил одну тонкую прочную иглу, которая прокалывала игральную кость и плавала в воде; затем он сделал для неё такой же чехол, протыкающий кость. И таким же образом он сделал семь чехлов, которые вкладывались один в другой; как он изготовил их, невозможно рассказать, ибо такая работа может быть выполнена лишь благодаря величии знания Бодхисаттвы. Он вставил иглу в трубочку и, положив её в футляр, пошёл в ту деревню и спросил улицу, где находится дом главного кузнеца; затем, стоя перед его дверью, он сказал: «Кто купит за деньги такую иглу, изготовленную мной?» Так, стоя у дома главного кузнеца, он, нахваливая свои иглы, пропел первую гатху:

Быстро протянутые, гладкие и прямые,
Отполированные наждаком,
Остроконечные и тонкие
Иглы! Кто купит?

После этого он снова похвалил свой товар и пропел вторую гатху:

Быстро протянутые, прочные и ровные,
Закруглённые, как надо,
Они проткнут даже железо.
Иглы! Кто купит?

В этот момент девушка обмахивала пальмовым листом отца, лежащего на маленьком ложе, чтобы смягчить дискомфорт после ранней трапезы. Когда она услышала приятный голос Бодхисаттвы, это было подобно свежей прохладной воде после куска мяса. И она сказала: «Кто этот продавец иголок с таким приятным голосом? Что он делает в нашей деревне кузнецов? Я сейчас узнаю». Отложив пальмовый веер, она вышла и заговорила с ним, стоя на веранде. Цель Бодхисаттвы была достигнута: ведь именно ради неё он пришёл в эту деревню.

Разговаривая с ним, она сказала: «Молодой человек, жители всего царства приходят в нашу деревню за иголками и тому подобными вещами. Это глупо — пытаться продавать иголки в деревне кузнецов. Хоть весь день нахваливай свои иглы, никто не купит их у тебя. Если ты действительно хочешь получить за них что-нибудь, иди в другую деревню». И она пропела две гатхи:

Наши крюки продаются по всей округе,
 Людям хорошо известны наши иглы.
 В этом славном селении все жители — кузнецы.
 Иглы! Кто может продать их здесь?
 В работе с железом мы преуспели,
 Нас знают как превосходных оружейников.
 В этом славном селении все жители — кузнецы.
 Иглы! Кто может продать их здесь?

Бодхисаттва, услышав её слова, сказал: «Госпожа, ты говоришь так, пребывая в неведении». И он пропел ещё две гатхи:

Хотя в этом славном селении все кузнецы,
 Но всё же умелец может продать и иглу;
 Ибо мастера в своём ремесле получают
 Изделие, превосходящее все остальные.
 Госпожа, если бы твой отец узнал,
 Что за игла сделана мной,
 Он предложил бы мне твою руку
 И всё, чем он владеет.

Главный кузнец, услышав весь их разговор, позвал свою дочь и спросил: «С кем это ты сейчас говорила?» «Отец, с человеком, торгующим иголками». «Позови-ка его сюда!» Она пошла и позвала юношу. Бодхисаттва поздоровался с кузнецом и встал рядом. Главный кузнец спросил: «Из какой ты деревни?» «Я из такой-то деревни и сын такого-то кузнеца». «Зачем ты пришёл сюда?» «Чтобы продать иголку». «Подойди, дай взглянуть на твою иглу». Бодхисаттва, желая показать свой уровень всем, сказал: «Разве вещь, видимая всеми, не лучше той, которую видит каждый в отдельности?» «Совершенно верно, друг». Тогда он собрал всех кузнецов вместе и сказал им: «Господа, посмотрите на иглу». «Пусть принесут наковальню и бронзовое блюдо с водой», — велел юноша. Это было сделано. Бодхисаттва вынул из обёртки тонкую, как игла, трубку и протянул им. Главный кузнец, взяв её, спросил: «Это и есть игла?» «Нет, это не игла, это лишь чехол». Кузнец вертел чехол так и эдак, но не смог понять, как его открыть. Бодхисаттва, взяв у него изделие, поддел чехол ногтем и снял. «Вот игла, а вот чехол», — он показал их людям, затем передал иглу мастеру, а чехол положил к его ногам. Когда же мастер сказал: «Это и есть игла, я полагаю», — он ответил: «Это

тоже игла-чехол». Он снял её ногтем, и так последовательно положил шесть чехлов к ногам главного кузнеца. Наконец, произнеся: «Вот сама игла», — он положил её ему на ладонь.

Тысяча кузнецов в восторге щёлкнули пальцами и принялись размахивать накидками; тогда главный кузнец спросил: «Друг, какова прочность этой иглы?» «Господин, пусть какой-нибудь сильный человек поднимет эту наковальню и поставит под неё сосуд с водой, а затем воткнёт иглу прямо в наковальню». Всё было исполнено. Силач ударил остриём иглы по наковальне. Игла [2], пронзив наковальню, легла на поверхность воды, не двигаясь ни на волосок ни вверх, ни вниз. Все кузнецы воскликнули: «За всё время мы даже не слышали, что есть такие кузнецы, как этот!» И они вновь щёлкнули пальцами и замахали накидками. Старший кузнец позвал свою дочь и объявил в присутствии всех жителей: «Эта девушка — подходящая партия для тебя!» Он тут же обручил их, обрызгав водой [3]. Впоследствии, когда отец девушки умер, Бодхисаттва стал главным кузнецом в деревне.

* * *

Закончив наставление, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины и связал перерождения: «Дочерью кузнеца была мать Рахулы, а искусным молодым кузнецом был я».

Комментарии

1 № 546, том VI.

2 Читается *adhikaraṇim*: но мы не уверены в смысле.

3 См. *Essays* Колбрука, том I, стр. 232.

388. ДЖАТАКА О ТУНДИЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 388 Tuṇḍila-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Сегодня что-то странное...» Эту историю о монахе, который боялся смерти, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Он родился в Саваттхи в хорошей семье и был посвящён в монахи. Но он боялся смерти; заслышав даже лёгкое движение ветки, или падение сучка, или голос птицы либо зверя, или что-либо подобное, он сильно пугался и

убегал, дрожа, словно раненный в живот заяц. Монахи в Зале Истины начали дискуссию, говоря: «Господа, говорят, что некий брат боится смерти и убегает, дрожа, заслышав хоть малейший звук. Но ведь для всех существ в этом мире смерть неизбежна, жизнь неопределённа, и не следует ли мудро иметь это в виду?» Учитель, узнав из их разговора, что один монах допускает страх смерти, сказал: «Братья, не в первый раз он боится смерти». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был зачат дикой свиньёй. В положенный срок она родила двух поросят мужского пола. Однажды она вместе с ними лежала в укрытии. Старуха из деревни, расположенной у ворот Бенареса, возвращалась домой с корзиной, полной хлопка с хлопкового поля, и постукивала по земле палкой. Свинья услышала этот звук, сильно испугалась и, бросив своих детёнышей, убежала. Старуха увидела поросят и, проникшись к ним чувством, как к своим собственным детям, положила их в корзину и отнесла домой. Она дала старшему имя Махатундила (Большой Пятачок), младшему — Чулатундила (Маленький Пятачок) и стала растить их, как своих детей. Прошло время, они выросли и стали весьма упитанными. Когда старухе предлагали за поросят деньги, она отвечала: «Это мои дети», — и не продавала их.

Однажды в праздничный день какие-то гуляки распивали неподалёку крепкие напитки. Когда у них закончилось мясо, они стали думать, где бы раздобыть ещё. Узнав, что в доме старухи есть свиньи, они взяли деньги, пошли к ней и сказали: «Мамаша, вот деньги, дай-ка нам одну из свиней!» Она ответила: «Увольте, ребята: разве найдётся человек, который продал бы своих детей, чтобы их съели?» И она отказала им. Парни сказали: «Мамаша, свиньи не могут быть человеческими детьми. Отдай их нам!»

Но старуха упорствовала, несмотря на их настойчивые уговоры. Тогда они напоили её, а когда она опьянела, вновь принялись за своё: «Мамаша, что ты будешь делать со свиньями? Вот деньги, возьми и потрать их, как тебе хочется», — и они вложили ей в руку монеты. Она взяла деньги и сказала: «Я не могу отдать вам Махатундилу. Возьмите Чулатундилу». «Где же он?» «Вон он, вон в тех кустах». «Позови его!» «У меня нет никакой еды, чтобы его приманить». Гуляки пошли, купили горшок риса и принесли ей. Старуха взяла его и, наполнив поросёньё

корыто, стоявшее у двери, стала ждать. Три десятка парней стояли рядом с верёвками в руках. Старуха позвала животное: «Пойди, малыш Чулатундила, пойдёшь сюда!» Махатундила, услышав это, подумал: «Всё это время мать никогда не звала Чулатундиду первым. Она всегда зовёт вначале меня. Несомненно, сегодня нас поджидает какая-то опасность». Он обратился к своему младшему брату: «Брат, мать зовёт тебя, пойдёшь и узнай, в чём дело».

Он вышел из кустов и, увидев, что много людей стоит у кормушки, подумал: «Смерть пришла ко мне сегодня!» Дрожа от страха, он повернул обратно; когда он вернулся к брату, он шатался и дрожал, не в силах сдержаться. Махатундила, заметив это, сказал: «Брат, ты дрожишь, шатаешься и смотришь на дверь дома. Что с тобой?» Тот, объясняя увиденное, пропел первую гатху:

Сегодня что-то странное происходит:
Корыто наполнено, и хозяйка около него,
Но рядом стоят люди с верёвками в руках.
Еда выглядит опасной!

Бодхисаттва, услышав его, произнёс: «Брат Чулатундила, то, ради чего мать всё это время растила свиней, сегодня свершилось. Не печалься!» И он своим приятным голосом, храня спокойствие Будды, изложил Дхарму и пропел две гатхи:

Ты боишься, ищешь поддержки и дрожишь,
Но куда же ты, беспомощный, можешь скрыться?
Нас откармливают ради нашей плоти.
Ешь, Тундила, — и ешь с удовольствием.
Смело окунись в хрустальный бассейн,
Смой всю грязь и пот.
Натрись восхитительной мазью,
Аромат которой никогда не исчезнет.

Когда он рассуждал о Десяти Совершенствах, взяв Совершенство Любви в качестве своего проводника, и изрёк первую строчку, его голос достиг Бенареса и простирался на двенадцать лиг вокруг. Услышав это, жители Бенареса, начиная с царя и наместников, пришли в ту деревню, а те, кто не смог прийти, стояли и слушали в своих домах. Люди царя,

сломав кустарник, выровняли землю и посыпали её песком. Пьяные гуляки вмиг протрезвели, бросили верёвки и стояли, слушая наставление; и старуха тоже сделалась трезвой. Бодхисаттва начал проповедовать Дхарму Чулатундילה посреди толпы.

Чулатундילה, слушая его, подумал: «Мой брат говорит мне это, но у нас никогда не было обычая нырять в бассейн и купанием смывать пот с наших тел, а после удаления старых пятен натираться новой мазью. Почему мой брат говорит так?» И он произнёс четвёртую гатху:

Но что это за прекрасный хрустальный бассейн,
И что это за пятна пота, молю тебя, скажи!
И что это за чудесная мазь,
Чей аромат никогда не исчезнет?

Бодхисаттва, услышав это, сказал: «Итак, слушай внимательно!» И, излагая Дхарму со спокойствием Будды, он пропел эти гатхи:

Дхарма — это прекрасный хрустальный бассейн,
Порок — это пятно пота, так говорят.
Добродетель — это чудесная мазь,
Чей аромат никогда не исчезнет.
Люди, теряющие свою жизнь, радуются,
Люди, сохраняющие её, раздражены.
Смерть следует встречать без печали,
Радуюсь, словно на празднике полнолуния.

Так Великосущный толковал дхарму сладкозвучным голосом со спокойствием Будды. Многотысячная толпа щёлкала пальцами и размахивала накидками, и воздух был наполнен криками: «Хорошо, хорошо!» Царь Бенареса оказал почтение Бодхисаттве, усадив на царское место, и, воздавая хвалу старухе, приказал омыть обоих поросят ароматной водой, одеть, украсить их шеи драгоценными камнями, и сделал их равными своим сыновьям, приставив для их охраны большую свиту.

Бодхисаттва дал царю пять предписаний, и все жители Бенареса и Каши исполняли их. Бодхисаттва проповедовал им Дхарму в священные дни (новолуние и полнолуние) и, председательствуя в суде, решал дела. И пока он был жив, не было тех, кому вынесли бы несправедливый приговор. Через какое-то время царь умер. Бодхисаттва оказал последние

почести его телу. Затем он велел написать книгу судебных решений и сказал: «Следуйте этой книге, когда разбираете дела». Разъяснив Дхарму людям и наставив их, он отправился в лес вместе с Чулатундилой, в то время как все они плакали и сокрушались. После этого проповедь Бодхисаттвы продолжалась шестьдесят тысяч лет.

* * *

После наставления Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате монах, который боялся смерти, утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В те дни царём был Ананда, Чулатундилой был брат, который боится смерти, толпой были монахи общины, а Махатундилой был я сам».

389. ДЖАТАКА О ЗОЛОТОМ КРАВЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 389 Suvannakakkata-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Существо с золотыми клешнями...» Эту историю о том, как Ананда готов был умереть ради него, Учитель рассказал, когда жил в бамбуковой роще. В «Джатаке о Кхандахала» [1] рассказывается о найме лучников, а в «Малой джатаке о лебеде» [2] — о рёве слона Дханапалы [3]. Монахи начали дискуссию в Зале Истины: «Господа, разве старец Ананда, Хранитель Дхармы, который достиг всей мудрости, возможной для того, кто всё ещё продолжает обучение, отдал свою жизнь за Совершенного Будду, когда пришёл Дханапала?» Учитель вошёл и, узнав о предмете их разговора, сказал: «Братья, в прежние времена Ананда тоже отдал свою жизнь за меня». И он поведал им историю былых времён.

* * *

Когда-то давным-давно на восточной стороне Раджагахи была деревня браминов под названием Шалиндия. Бодхисаттва родился в этой деревне в семье брамина — владельца крестьянского хозяйства. Когда он вырос, он поселился и работал в хозяйстве в тысячу кариш [4] в районе Магадхи к северо-востоку от деревни. Однажды он отправился со свои-

ми людьми в поле. Велев работникам вспахать его, он пошёл к большому пруду на краю поля, чтобы умыться. В этом пруду жил очень красивый краб золотистого цвета. Бодхисаттва, пожевав палочку для чистки зубов, вошёл в воду. Когда он умывался, к нему приблизился краб. Он взял краба и положил в свою верхнюю одежду. Сделав положенную работу в поле, он вернул краба в пруд и пошёл домой.

С тех пор, приходя на поле, он всегда сначала шёл к этому пруду, клал краба в свою верхнюю одежду и затем уже приступал к работе. Постепенно между ними возникло сильное чувство доверия.

Бодхисаттва постоянно приходил на поле. Его глаза были чисты и прекрасны. Ворона, сидевшая в гнезде на пальме в той стороне поля, увидела его глаза и, желая съесть их, сказала своему супругу: «Я испытываю страстное желание». «Чего же ты жаждешь?» «Я хочу съесть глаза одного брамина». «Твоё желание недоброе: кто сможет достать их для тебя?» «Я знаю, что ты не можешь сделать это. Но в муравейнике под нашим деревом живёт чёрная змея. Нужно всего лишь подождать её. Она укусит брамина, тот упадёт, и тогда ты сможешь вырвать его глаза и принести их мне». Он согласился и стал поджидать чёрную змею.

Краб очень вырос за то время, пока прорастали семена, посеянные Бодхисаттвой. Однажды змея спросила ворону: «Друг, ты всегда ждёшь меня. Что я могу для тебя сделать?» «Господин, твоя раба возжелала съесть глаза господина этого поля. Я жду тебя в надежде получить его глаза благодаря твоей милости». «Что ж, это нетрудно, — ответила змея, — ты их получишь».

На следующий день змея спряталась в траве у края поля, ожидая прихода брамина. Бодхисаттва, придя, вошел в пруд, как обычно, чтобы прополоскать рот и увидаться с крабом. Он взял краба в ладони, положил в свою верхнюю одежду и пошёл в поле. Когда он приблизился к змее, та стремительно бросилась вперёд, укусила его за икру и быстро уползла в свой муравейник. Бодхисаттва упал на месте. Как только это произошло, золотой краб выскочил из одежды. В этот момент ворона-самец сел Бодхисаттве на грудь и ткнул клювом в его глаза. Краб подумал: «Вот из-за этой вороны мой друг в опасности. Если я вцеплюсь в неё, придёт змея». Он крепко схватил ворону за шею клешней, словно тисками. Но через некоторое время он устал и немного отпустил хватку. Ворона стала звать змею: «Друг, почему ты оставил меня и убежал? Я попал в беду из-за этого краба, приди, пока я не умер!» И он произнёс первую гатху:

Существо с золотыми клешнями
И выпученными глазами,
Выросшее в пруду, безволосое,
Одетое в костяной панцирь,
Поймало меня!
Услышь мои горестные крики!
Почему ты оставляешь приятеля,
Любящего тебя так сильно?

Змея, услышав его, раздула свой капюшон и поползла выручать ворону.

* * *

Учитель, объясняя этот случай, в своей Совершенной Мудрости произнёс вторую гатху:

Змея с разгону бросилась на краба,
Спасая своего друга;
Раздув свой громадный капюшон, она приблизилась,
но краб повернулся и схватил её.

* * *

Краб, устав, немного отпустил змею. Она подумала: «Крабы не едят ни ворон, ни змей. По какой причине он схватил нас?» И она вопрошающе произнесла третью гатху:

Ради еды краб не станет
Хватать змею или ворону.
Скажи мне, ты, чьи глаза выпучены,
Зачем ты схватил нас и не отпускаешь?

Краб, объясняя причину, произнёс две гатхи:

Этот человек взял меня из пруда.
Его доброта огромна.
Если он умрёт, мое горе тоже будет огромным,
Змей, ведь он и я — одно целое.
Видя, что я вырос таким большим,

Любой захочет полакомиться моим мясом,
Таким жирным, сладким и нежным.
Вороны с одного удара меня покалечат!

Услышав это, змея подумала: «Я должна каким-то образом обмануть его и освободить себя и ворону». Чтобы ввести его в заблуждение, змея пропела шестую гатху:

Если ты схватили нас только из-за него,
Я заберу у него яд; пусть он поднимется.
Скорее ворону и меня из своих клешней освободи,
Пока яд не проник в него слишком глубоко и он не умер.

Услышав её слова, краб подумал: «Змея хочет каким-то образом заставить меня разжать клешни, чтобы они с вороной могли удрать. Она не знает моих способностей. Я ослаблю одну клешню, чтобы змея могла двигаться, но я не отпущу ворону». И он произнёс седьмую гатху:

Я освобожу змею, но не ворону;
Она останется моей заложницей.
Я не отпущу её до тех пор,
Пока мой друг не будет цел и невредим.

Сказав так, он ослабил клешню, чтобы змея могла двигаться. Змея освободила тело Бодхисаттвы от своего яда. Он тут же поднялся и встал в своём прежнем виде. Краб подумал: «Если эти двое освободятся, они не оставят моего друга в покое. Я убью их». И он раздавил обе головы своими клешнями, словно бутоны лотоса, лишив их жизни. Ворона-самка после того, что случилось с её мужем, улетела прочь от этого места. Бодхисаттва пронзил тело змеи палкой и бросил его в кусты. Затем он отпустил золотого краба в пруд, искупался и отправился в Шалиндию. С тех пор между ним и крабом установилась ещё большая дружба.

* * *

Закончив свой рассказ, Учитель провозгласил Благородные Истины и, связывая перерождения, пропел последнюю гатху:

Мара был тёмной змеей,
Девадатта — вороной-самцом,
Добродетельный Ананда — крабом,
А я был брамином в давние времена».

В результате многие достигли Первого Пути и других Путей. Вороной-самкой была Чинчаманавика, хотя в последней гатхе об этом не упоминается.

Комментарии

- 1 № 542, том VI.
- 2 № 533, том V.
- 3 См. вступительный рассказ к № 21, том i; *Milindapañho*, стр. 207.
- 4 Согласно Childers, *Pali Dictionary* s.v. ammaṇam, это было бы около восьми тысяч акров.

390. ДЖАТАКА О МАЙХАКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 390 Mayhaka-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Чувствуй радость...» Учитель рассказал эту историю о чужеземном торговце, когда жил в Джетаване.

В Саваттхи жил чужеземный торговец, владеющий большим состоянием. Он не наслаждался своим богатством сам и не отдавал его другим; если ему подавали отборную пищу с прекрасным вкусом, он не ел её, питаясь только похлёбкой из рисовой пыли с сухой кашей. Если ему приносили благоухающие шёлковые одежды, он убирал их и надевал одежду из грубой шерстяной ткани; если ему подавали колесницу, украшенную драгоценными камнями и золотом и запряжённую породами лошадьми, он отсылал её и ехал в разбитой старой повозке с тентом из листьев над головой. Всю свою жизнь он ничего не делал ни с дарами, ни с другими заслугами, а когда умер, то переродился в аду Рорува. У него не осталось наследников, и люди царя переносили его имущество во дворец в течение семи дней и ночей. Когда всё перенесли, царь после завтрака отправился в Джетавану и приветствовал Учителя.

Когда его спросили, почему он не посещал Будду какое-то время, он ответил: «Господин, в Саваттхи умер чужеземный торговец. Семь дней потребовалось, чтобы перенести его имущество в мой дом, так как он не оставил наследников. Но хотя он обладал всем этим богатством, он не наслаждался им сам и не отдавал его другим: его богатство было подобно лotosовым прудам, охраняемым демонами. Однажды он попал в лапы смерти, после того как отказался насладиться вкусом отборного мяса и подобных яств. Почему же этот эгоистичный и недостойный человек приобрёл всё это богатство, и почему он даже не подумал насладиться им?» «Великий царь, причина, по которой он приобрёл своё богатство и всё же не стал наслаждаться им, заключается вот в чём», — и по его просьбе Учитель поведал историю былых времён.

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, там жил неверующий эгоистичный торговец. Он никому ничего не давал, никого не обеспечивал. Однажды по пути к царю он увидел, как паччекабудда по имени Тагарасикхи собирает подаяние, и, поздоровавшись, спросил: «Господин, у тебя есть подаяние?» Паччекабудда ответил: «Разве я не прошу подаяние, торговец?» Торговец велел своему слуге: «Ступай, отведи его в мой дом, усади на моё место и дай ему полную миску приготовленной для меня пищи». Слуга отвёл его в дом, усадил и позвал жену торговца; она дала ему чашу, полную превосходной вкусной еды. Он взял еду и, выйдя из дома, пошёл по улице. Торговец, возвращаясь из дворца, увидел его и, поклонившись, спросил, есть ли у него еда. «Есть, торговец». Глядя на свою чашу, торговец не мог примириться с таким положением вещей и думал: «Если бы мои слуги или рабочие ели эту мою пищу, мне тяжело было бы видеть это; увы, это убыток для меня!» Он не смог сделать свою последующую мысль совершенной. Ведь дарение приносит плоды только тому, кто может сделать три мысли совершенными:

Чувствуй радость от желания отдавать;
 Если отдаёшь — отдавай с радостью;
 Никогда не жалея о том, что отдаёшь.
 Дети, рождённые нами, никогда не умрут.
 Радость от желания отдавать, радость, когда отдаёшь,
 Удовольствие от последующей мысли —
 это совершенное благо.

Итак, чужеземный торговец приобрёл большое богатство благодаря тому, что подал милостыню Тагарасикхи, но он не мог наслаждаться своим богатством, потому что не мог сделать свою последующую мысль чистой.

«Господин, а почему у него не было сына?» — спросил царь. Учитель ответил: «О царь, вот в чём причина того, что у него не было сына», — и по его просьбе он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье торговца, имевшего состояние в восемьдесят крор. Когда он вырос, после смерти родителей он обеспечил своего младшего брата и вёл хозяйство. Он устроил у дверей дома комнату для раздачи подаяния и щедро одаривал нуждающихся. У него родился один сын. Когда сын уже смог ходить сам, Бодхисаттва постиг природу страдания от желаний и благословение отречения; поэтому, передав всё своё имущество вместе с женой и ребёнком своему младшему брату, он увещевал его продолжать раздавать милостыню с усердием. Сам же он сделался отшельником и, обрета способности и достоинства, поселился в Гималаях.

Младший брат взял его единственного сына; но, видя, как он растёт, он подумал: «Если сын моего брата вырастет, наследство придётся разделить на две части. Я убью сына моего брата». И вот однажды, выбрав удобный момент, он утопил ребёнка в реке. После того как он искупался и вернулся домой, жена старшего брата спросила его: «Где мой мальчик?» «Он резвился в реке и вдруг исчез. Я искал его, но не нашёл». Она заплакала и ничего не сказала.

Бодхисаттва, узнав о случившемся, подумал: «Я предам это дело огласке». Пройдя по воздуху и освещая Бенарес своим прекрасном сияющим одеянием, он встал у входа в свой дом. Не видя комнаты для подаяний, он подумал: «Этот нечестивый человек разрушил построенное мной».

Младший брат, услышав о его приходе, подошёл, приветствовал Бодхисаттву и, взяв его на крышу, накормил его всякими вкусными вещами. Когда трапеза закончилась, расположившись для дружеской беседы, он спросил: «Моего сына не видно. Где он?» «Он мёртв, господин». «Как это случилось?» «Во время купания, но я не видел, как именно это произошло». «Не знаешь, нечестивый ты человек? Твой поступок мне известен: разве ты не убил его своими руками? Сможешь ли ты сохранить

это богатство, когда его уничтожат цари и другие? Какая разница между тобой и птицей Майха?» И Бодхисаттва, излагая Дхарму со спокойствием Будды, произнёс эти гатхи:

Есть птица по имени Майхака,
Живущая в горной пещере.
На фикусах с созревающими плодами
Она кричит: «Моё! Моё!».
Другие птицы, пока она так сокрушается,
Стаями летают вокруг.
Они едят фрукты, а Майха
Продолжает жалобно кричать.
Так один человек может
Получить огромное богатство
И не сумеет разделить его справедливо с роднёй.
Ни разу не насладится он ни одеждой, ни пищей,
Ни благовониями, ни пёстрыми гирляндами;
И родне он не принесёт добра.
«Моё, моё!» — стенает он,
Ревностно охраняя свои сокровища.
Но правители, или разбойники, или его наследники,
Которые хотят видеть его смерть,
Разграбят его богатство; и всё равно
Скряга продолжает заунывно кричать.
Мудрый же, получив великое богатство,
Помогает своим родным.
Так он получает добрую славу на земле,
А впоследствии — на небесах.

Великосущный, наставив брата в Дхарме, велел ему возобновить раздачу подаяния, а сам, вернувшись в Гималаи, продолжал медитировать без перерыва и таким образом достиг небес Брахмалоки.

* * *

После этого наставления Учитель сказал: «Итак, великий царь, у чужеземного торговца всё это время не было ни сына, ни дочери, потому что он убил сына своего брата». И он связал перерождения: «Младшим братом был чужеземный торговец, старшим — я сам».

391. ДЖАТАКА О ПОЧТЕНИИ К ШРАМАНАМ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaaka. Chakka-Nipata. 391 Dhajavihetha-Jataka)

Перевод И. Ольгинской

«Благородного вида...» Эту историю о том, как действовать всем во благо, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Повод будет приведён в «Джатаке о большом чёрном псе» [1]. Тогда Учитель сказал: «Братья, это не первый раз, когда Татхагата приносит всем благо». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился Шаккой. Однажды некий колдун, используя свою магию, стал в полночь пробираться во дворец и совращать главную царицу Бенареса. Её служанки узнали об этом, и сама она пришла к царю и сказала: «Государь, какой-то человек проникает в царские покои в полночь и овладевает мной помимо моей воли». — «А ты можешь как-то пометить его, чтобы потом можно было узнать?» — «Думаю, да, государь». И царица велела служанкам поставить в спальне чашу с киноварью. Когда колдун вновь явился ночью, она обмакнула руку в киноварь и оставила на его спине отпечаток, а утром рассказывала обо всём царю. Царь приказал своим людям повсюду искать человека с алой отметиной на спине.

Колдун после своих ночных походов отправился на место, где сжигают трупы, и стоял там на одной ноге, как если бы поклонялся солнцу. Люди царя окружили его; но он, поняв, что его преступление раскрыто, воспользовался своей магией и улетел по воздуху. Сыщикам пришлось возвращаться ни с чем. Царь спросил их: «Вы видели его?» — «Да, видели». — «Кто же он?» — «Отшельник, государь». Надо сказать, что колдун этот днём жил под видом отшельника. Царь задумался: «Эти люди ходят днём в монашеских одеяниях, а по ночам совершают нечестивые поступки!» Он разгневался на всех отшельников и под бой барабанов объявил, что все отшельники должны немедленно покинуть его царство, а если кого-то из них найдут, тот будет наказан.

Все отшельники бежали из царства Каши, которое простиралось на триста лиг, в другие страны и города, и не осталось ни одного правед-

ного шрамана* или брамина, который мог бы наставить жителей. Без их наставлений люди сделались дикими и отвратились от милосердия и нравственного закона; после смерти они большей частью перерождались в аду, а на небеса никто не попадал. Шакка, не видя новых богов, задумался над причиной этого и узрел, что всему виной царь Бенареса, разгневавшийся на святых отшельников из-за распутного колдуна и прогнавший их из своего царства. Он подумал: «Кроме меня, нет никого, кто мог бы прекратить это. Я помогу царю и принесу благо его подданным».

Он отправился к паччекабуддам в пещеру Нандамула и сказал: «Досточтимые, мне нужен один из вас, лучше старик. Я хочу наставить царство Каси на путь истинный». Вызвался сам старейшина. Они перенесли в Бенарес. Шакка взял его чашу и накидку и велел ему идти впереди, а сам, обернувшись прекрасным юным отшельником, пошел сзади, почтительно кланяясь паччекабудде. Они трижды обошли весь город из конца в конец, а затем, подойдя к царским воротам, остановились, поднявшись в воздух. Царю доложили, что у ворот дворца стоят святой старец и прекрасный юный отшельник. Царь поднялся со своего места и, подойдя к окну, спросил: «Юный брат, почему ты, такой прекрасный, поклоняешься этому уродливому старцу и держишь его чашу и накидку?» И он произнес первую гатху:

Благородного вида юноша, зачем
Ты следуешь за этим нищим старцем?
Тебе он равен или выше?
Открой нам, кто вы и откуда!

Шакка ответил: «Великий царь, этот почтенный шраман — мой учитель [2], и я не могу произнести вслух его имя. Но своё имя я тебе скажу», — и он произнес вторую гатху:

Поведать не могу я род и имя
Святого, достигшего совершенства.
Своё же имя я тебе открою:
Я — Шакка, царь богов, небес владыка.

* Шраман (санскр. śramaṇa) — странствующий монах, аскет, религиозный подвижник в Древней Индии. Важной отличительной чертой шраманов являлось отрицание авторитета Вед (прим. перев.).

Услышав эти слова, царь спросил в третьей гатхе, какое благо приносит почитание святого:

О царь богов, хочу спросить тебя:
Тот, кто отшельника святого почитает, —
Какое благо он сейчас получит,
А также в будущем перерожденьи?

Шакка ответил четвёртой гатхой:

Тот, кто отшельника святого почитает
И следует за ним с поклоном низким,
При жизни славен будет меж людьми,
А после возродится средь богов.

Слова Шакки заставили царя пересмотреть свои заблуждения по поводу отшельников. В восторге произнёс он пятую гатху:

Сегодня день неслыханной удачи!
Сам царь богов предстал передо мной!
Увидев вас с подвижником святым,
Я буду добродетельным отныне!

Шакка, услышав, как царь восхваляет его учителя, произнёс шестую гатху:

Кто мудрых почитает, тот и сам
К вершинам мудрости себя возносит.
Меня увидев и святого старца,
Ты будешь добродетельным отныне!

После этих слов царь произнёс последнюю гатху:

От гнева мысли я освободил,
Услышав речь твою, о царь богов!
Подвижников теперь я буду чтить,
Одаривая щедрыми дарами!

Сказав так, он спустился с террасы, поклонился паччекабудде и встал в стороне. Паччекабудда сел, скрестив ноги, в воздухе и произнёс: «Великий царь, тот колдун не был отшельником. Отныне знай, что не все подобны ему, что есть добродетельные шраманы и брамины. Поэтому раздавай дары, следуй нравственному закону, соблюдай святые дни». Так он увещевал царя.

Шакка также своей волшебной силой поднялся в воздух и наставлял горожан: «Впредь будьте усердны и не творите злого». Он велел объявить под барабанный бой по всему царству, что бежавшие шраманы и брамины могут вернуться. Затем каждый из них вернулся в свою обитель. Царь с тех пор твёрдо придерживался наставлений и совершал добродетельные поступки.

* * *

Закончив свою речь, Учитель провозгласил Благородные Истины и связал перерождения: «В то время паччекабудда достиг Нирваны, царём был Ананда, Шаккой был я».

Комментарии

1 № 469, том IV.

2 Недопустимо называть имя святого учителя; см. *Mahāvaggai*, 74, 1.

392. ДЖАТАКА О ЦВЕТКЕ ЛОТОСА

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 392 Bhisappuppha-Jātaka)

Перевод И. Ольтинской

«Не был подарен тебе...» Учитель рассказал эту историю об одном монахе, когда жил в Джетаване. Рассказывают, что тот покинул Джетавану и поселился в царстве Косала около леса. Однажды он подошёл к пруду и, увидев цветущий лотос, встал с подветренной стороны и понюхал его. Тогда богиня, обитавшая в той части леса, напугала его, сказав: «Господин, ты ворует запах. Это тоже своего рода кража». Он в страхе вернулся в Джетавану, поклонился Учителю и сел рядом.

«Где ты поселился, брат?» «В таком-то лесу, и богиня напугала меня таким-то образом». Учитель сказал: «Ты не первый, кого напугала богиня, когда ты почувствовал запах цветка; мудрые в прежние дни тоже были напуганы подобным образом». И по просьбе монаха он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов в Каши. Когда он вырос, он обучился всем искусствам в Таккасиле, а затем стал отшельником и поселился у пруда с лотосами. Однажды он подошёл к пруду и остановился, вдыхая аромат цветущего лотоса. Богиня, которая жила в дупле в стволе дерева, встревожив его, произнесла первую гатху:

Не был подарен тебе тот цветок, который ты нюхаешь.
Несмотря на то, что это лишь запах,
Это разновидность воровства, достопочтенный, —
Ты крадёшь его аромат.

Бодхисаттва произнёс вторую гатху:

Я не рву и не ломаю цветок, лишь издалека
Наслаждаюсь его запахом.
Я не понимаю, на каком основании ты говоришь,
Что я краду аромат.

В то же самое время какой-то человек копался в пруду в поисках корневищ лотоса и ломал растения. Бодхисаттва, увидев его, сказал: «Ты называешь вором человека, который вдыхает запах цветка издалека. Почему ты ничего не говоришь вон тому, другому человеку?» И, говоря с ней так, он пропел третью гатху:

Я вижу человека, который выкапывает
Корни лотоса и ломает стебли.
Почему же ты не назовёшь
Его поведение непристойным?

Богиня, объясняя, почему она не говорит с ним, произнесла четвёртую и пятую гатхи:

Отвратительны, словно одеяние сиделки,
Непристойные люди.
С такими, как он, я не общаюсь,
Но тебя удостою разговором.
Когда человек свободен от пятен порока
И стремится к чистоте,
Даже мельчайший, словно кончик волоса, порок
Заметен на нём, как тёмная туча на небе.

Встревоженный ею Бодхисаттва в волнении произнёс шестую гатху:

Несомненно, фея, ты хорошо меня знаешь;
Ты снизошла до сострадания.
Если увидишь, что я совершаю подобное преступление,
Умоляю, поговори со мной ещё раз.

Тогда богиня продолжила разговор седьмой гатхой:

Я здесь не для того, чтобы служить тебе.
Найди, монах, свой способ достигнуть блаженства.

Увещевав его, она вернулась в свою обитель. Бодхисаттва же вошёл в высшую медитацию и переродился в мире Брахмалоки.

* * *

Закончив наставление, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате монах утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время богиней была Уппалаванна, я же был отшельником».

393. ДЖАТАКА ОБ ОБЪЕДКАХ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 393 VIGHĀSA-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Счастлива жизнь тех...» Эту историю о неких монахах, которые предавались развлечениям, Учитель рассказал, когда жил в Восточном саду. Великий Моггаллана потряс их жилище и этим пробудил их. Монахи принялись обсуждать их проступок в Зале Истины. Учитель, услышав это, сказал: «Они не в первый раз так развлекаются». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился Шаккой. Семь братьев в одной деревне в Каши, видя порочность желаний, отреклись от них и стали отшельниками. Они поселились в Меджхаранье, но проводили время в различных развлечениях, не практикуя преданности и будучи всецело привязанными к телу. Шакка, царь богов, сказал: «Я пробужу их». Он обернулся попугаем, прилетел к их жилищу и, усевшись на дерево, пропел первую гатху, чтобы привлечь их внимание:

Счастлива жизнь тех, кто живёт
На оставшееся от подаяния;
Их удел в этом мире — хвала,
А в следующем — блаженство.

Один из братьев, услышав слова попугая, подозвал остальных и произнёс вторую гатху:

Разве мудрые не должны слушать, когда попугай
Говорит на человеческом языке?
Слушайте, братья! Ясно, что эта птица
Воспела нам хвалу.

Но попугай, отрицая это, пропел третью гатху:

Не хвалу я пою вам, пожиратели падали!
Слушайте меня:
Вы едите отбросы, а не оставшееся от подаяния.

Услышав это, они все вместе пропели четвёртую гатху:

Семь лет в посвящении, с обритой головой,
В Меджхаранье мы проводим наши дни,
Питаясь остатками. Если ты осуждаешь нашу пищу,
Кого же тогда ты восхваляешь?

Великосущный произнёс пятую гатху, пристыдив их:

Объедки льва, тигра и других хищников — вот ваша пища.
Это на самом деле отбросы, хоть вы и называете это
Тем, что осталось от подаяния.

Услышав это, отшельники спросили: «Если мы не поедатели остатков, то кто же мы?» Тогда он, раскрывая им истинный смысл, произнёс шестую гатху:

Те, кто дает милостыню жрецам и браминам,
Хотят насытиться остатками;
Вот кто питается тем,
Что осталось от подаяния.

Так Бодхисаттва устыдил их и вернулся в свою обитель.

* * *

После наставления Учитель провозгласил Благородные Истины и связал перерождения: «В то время семь братьев были монахами, предававшимися удовольствиям, а я был Шаккой».

394. ДЖАТАКА О ПЕРЕПЕЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 394 Vaṭṭaka-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Масло растительное и сливочное...» Эту историю о жадном монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Обнаружив, что он подвержен этому пороку, Учитель сказал ему: «Это не первый раз, когда ты проявляешь жадность. Однажды в Бенаресе из-за жадности тебе показалось недостаточно трупов слонов, быков, лошадей и людей и, надеясь найти лучшую пищу, ты отправился в лес». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился перепелом и жил в лесу, питаясь жёсткой травой и семенами. В то время в Бенаресе жил жадный ворон, который, не довольствуясь тушами слонов и других животных, прилетал в лес, надеясь найти лучшую пищу. Поедая дикие плоды, он увидел Бодхисаттву и подумал: «Этот перепел очень жирный; мне кажется, он ест вкусную пищу. Я спрошу, что он ест, и, питаясь этим, сам стану толстым». Он уселся на сук над Бодхисаттвой. Бодхисаттва, не дожидаясь приглашения, поздоровался с ним и пропел первую гатху:

Масло растительное и сливочное —
Твоя пища, дядюшка;
Я полагаю, это сытная еда.
Почему же ты такой худой?

Услышав его слова, ворон пропел три гатхи:

Я живу среди многих врагов,
Моё сердце колотится от страха.
С трудом я добываю пропитание.
Как ворон может быть толстым?
Вороны проводят свою жизнь
В страхе, проявляя смекалку.

Крохи, которые они собирают, ничтожны.
Добрый перепел, вот почему я худой.
Жёсткая трава и семена — вся твоя пища,
Она совсем не сытная.
Скажи мне, почему же ты толстый, перепел,
Если питаешься столь скудно?

Бодхисаттва, выслушав его, произнёс следующие гатхи, объясняя причину своей тучности:

Мой разум доволен и спокоен,
Я хожу на короткие расстояния,
Я питаюсь тем, что мне даётся,
Вот поэтому я толстый, о добрый ворон.
Довольство ума и радость, отсутствие тревог в сердце, —
Этого достичь легко: видеть в жизни только лучшее.

* * *

После наставления Учитель провозгласил Благородные Истины (в результате монах утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время вороном был жадный монах, перепелом был я».

395. ДЖАТАКА О ВОРОНЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Chakka-Nipata. 395 Kaka-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Мой старый друг...» Учитель рассказал эту историю о жадном монахе, когда жил в Джетаване. Обстоятельства такие же, как уже были описаны ранее.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был голубем и жил в корзине-гнезде на кухне одного бенаресского торговца. Ворон подружился с ним и тоже жил там. Здесь история должна быть изложена подробно*.

* См. № 42, № 274, № 375 (прим. ред.).

Повар выдернул у ворона перья и посыпал его мукой, затем, проткнув раковину каури, повесил её на шею ворону и бросил в корзину. Бодхисаттва вернулся из леса, увидел его и, высмеивая, пропел первую гатху:

Мой старый друг! Взгляните-ка на него!
Драгоценный камень яркий у него на шее,
Его борода элегантно подстрижена.
Каким весёлым выглядит мой друг!

Ворон, услышав его, произнёс вторую гатху:

Мои ногти и волосы росли так быстро,
И уже стали мне мешать.
И вот наконец пришёл брадобрей
И избавил меня от лишней растительности.

Бодхисаттва пропел третью гатху:

Допустим, у тебя есть брадобрей,
Так хорошо тебя подстригший.
А что это у тебя на шее
Звенит, словно колокольчик?

В ответ ворон пропел две гатхи:

Щёголи часто носят
Драгоценные камни на шее.
Я подражаю им;
Не думай, что это потехи ради.
Если ты в самом деле завидуешь
Моей бороде, подстриженной так ровно,
Я могу подстричь тебя так же;
И драгоценный камень ты тоже можешь получить.

Бодхисаттва, услышав это, пропел шестую гатху:

Нет, тебе они лучше подходят,
Драгоценный камень и подстриженная борода.

Твоё присутствие мне неприятно;
Я прощаюсь и улетаю.

С этими словами он взлетел и отправился в другое место; а ворон тут же умер.

* * *

После наставления Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате жадный монах утвердился в Плоде Третьего Пути) и связал перерождения: «В то время вороном был жадный брат, голубем был я».

Комментарии

1 См. № 42, том I; № 274, том II.

Книга седьмая Satta-Nipata

396. ДЖАТАКА О САЗЕНИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 396 Kukku-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Крыша в полтора локтя...» Эту историю о наставлении царя Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Обстоятельства будут изложены в «Джатаке о трёх птицах» [1].

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был его советником в мирских и духовных делах. Царь встал на путь порока, несправедливо правил своим царством и копил богатства, угнетая народ. Бодхисаттва решил увещевать его, но сделать это иносказательно. Он стал искать аллегорию. В то время царская опочивальня была не достроена — над ней не была закончена крыша. Только что установленные стропила поддерживали самую высокую часть. Царь возвращался с прогулки в парке. Подойдя к своему дому, он посмотрел вверх и увидел круглую крышу. Опасаясь, что она упадёт на него, он вышел и постоял снаружи, затем, снова посмотрев вверх, подумал: «На что опирается эта крыша? На стропила?» И, спрашивая об этом Бодхисаттву, он произнёс первую гатху:

Крыша в полтора локтя высотой,
Восемь пролётов будут окружать её,
Симсапа* и сара** поставлены правильно.
Как она держится так прочно?

Услышав это, Бодхисаттва подумал: «Теперь у меня есть пример, чтобы увещевать царя», — и пропел следующие гатхи:

* Розовое дерево (*Dalbergia sissoo*), распространённое в Индии и Юго-Восточной Азии (прим. перев.).

** Пушечное дерево (*Couroupita guianensis*) (прим. перев.).

Тридцать согнутых стропил из дерева сара
Установлены равномерно по кругу,
Они прижимают её с силой и удерживают надёжно.
Всё устроено добротнo и прочно.
Так мудрый, окружённый верными друзьями,
Стойкими и безупречными советниками,
На вершине удачи восседает устойчиво,
Как крыша надёжно удерживается стропилами.

Пока Бодхисаттва говорил, царь размышлял о своём собственном поведении: «Если нет крыши, стропила не стоят прочно; крыша не держится, если её не удерживают стропила; если стропила ломаются, крыша падает. Точно так же скверный правитель, не удерживающий вместе своих друзей и советников, своё войско, своих браминов и домохозяев, если между ними возникает разброд, не поддерживается ими, а утрачивает свою власть. Царь должен быть праведным». В эту минуту ему принесли цитрон. Царь обратился к Бодхисаттве: «Друг, съешь этот цитрон». Бодхисаттва взял его и сказал: «О царь, люди, которые не знают, как его есть, считают его горьким или кислым; но мудрые, которые знают, убирают горечь, и, не удаляя вкуса и аромата цитрона, едят его». Так с помощью этой аллегии он показал царю, как собирать богатство, и затем пропел две гатхи:

Цитрон с шершавой кожурой горек на вкус,
Если он останется неочищенным.
Возьми только мякоть, о царь, — она сладка.
Но кожура портит эту сладость.
Так же и мудрый правитель, не прибегая к насилию,
Собирает пошлины в деревне и в городе,
увеличивая богатство, не обижает народ;
Он идёт путём славным и праведным.

Царь, выслушав совет Бодхисаттвы, подошёл к водоёму и, увидев цветущий лотос, оттенком подобный только что взошедшему солнцу, не осквернённый водой, сказал: «Друг, этот лотос, выросший в воде, стоит не запятнанный водой». Бодхисаттва ответил: «О царь, таким должен быть правитель», — и в назидание произнёс эти гатхи:

Ты видишь лотос в пруду,
Чьи белые корни покоятся в чистой воде;
Ни пыль, ни грязь, ни влага не могут испачкать
Лик его, солнцу подобный.
Человек, руководствующийся добродетелью,
Кроткий, чистый и добрый, подобен
Лотосу в пруду: точно так же
Никакое прегрешение не может осквернить его.

Царь, вняв наставлениям Бодхисаттвы, впоследствии праведно управлял своим царством и, совершая добрые поступки, раздавая подаяние и занимаясь подобными благочестивыми делами, достиг перерождения на небесах.

* * *

Закончив рассказ, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины и связал перерождения: «В то время царём был Ананда, а я был мудрым советником».

Комментарии

1 № 521, том V.

397. ДЖАТАКА О МАНОДЖЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 397 Manoja-Jataka)

Фрагмент. Перевод Б. А. Захарьина

«Кто с тварью скверной водится, не может счастья найти! <...>

Кто добрых слов не слушает,
Благим советом небрежёт,
Кончает жизнь, как Маноджа,
Навеки в скверну ввергнувшись!

Тот благородный, что сдружится с недостойным,
 Таким же скверным иль сквернее станет!
 Вот высший, с недостойными друживший:
 Стрелой поверженный, он мёртв, зверей владыка!»

Перевод И. Ольгинской

«Натянут лук...» Эту историю о монахе, который связался с дурной компанией, Учитель рассказал, когда жил в бамбуковой роще. Этот случай был подробно описан в «Джатаке об обезумевшем слоне» («Джатака о слоне Махламукха») [1]. Учитель сказал: «Братья, он не в первый раз водится с дурной компанией». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва воплотился львом. У него была жена-львица и двое детей – сын и дочь. Сына звали Маноджа. Когда он вырос, он взял себе в жёны молодую львицу, и так их стало пятеро. Маноджа убивал диких буйволов и других животных и таким образом добывал мясо, чтобы прокормить своих родителей, сестру и жену.

Однажды на охоте он встретил шакала по имени Гирия, который не стал убегать и лёг перед ним на живот. «Почему ты сделал так, дружище?» – спросил молодой лев. «Я хочу прислуживать тебе, господин». «Что ж, пусть так и будет». И он отвёл шакала в своё логово. Бодхисаттва, увидев его, сказал: «Дорогой Маноджа, шакалы порочные и подлые создания, и дают дурные советы. Не стоит приближать его к себе». Но молодой лев не послушался.

И вот однажды шакал захотел поесть конины и сказал Манодже: «Господин, мы уже пробовали всё, кроме конского мяса. Давай добудем лошадь». «Но где же водятся лошади, дружище?» «В Бенаресе, на берегу реки». Маноджа последовал этому совету и отправился туда вместе с шакалом. Лошади как раз пришли купаться. Лев схватил одну из них и, закинув её на спину, быстро побежал к своему логову. Его отец, отведав конины, сказал: «Дорогой, лошади – собственность царей. Их тщательно охраняют; у царя есть искусные лучники, стреляющие без промаха. Львы, которые питаются кониной, долго не живут. Не охоться больше на лошадей».

Но лев не последовал совету отца и продолжал уносить лошадей. Царь, услышав, что лев повадился таскать лошадей, приказал устроить купальню для них в черте города, но лев приходил и туда. Тогда царь приказал построить конюшню и в ней кормить и поить их. Лев перепрыгнул через стену и утащил лошадь даже из конюшни.

У царя был лучник, чьи стрелы были подобны молнии. Царь спросил, может ли он подстрелить этого льва. Тот ответил утвердительно и, построив башню у стены, через которую приходил лев, принялся ждать.

Лев вновь вышел на охоту. Он оставил шакала на кладбище у городской стены, а сам перепрыгнул через стену в город, чтобы утащить лошадь. Лучник подумал: «Сейчас он бежит слишком быстро!» — и не стал стрелять. Но когда лев возвращался с тяжёлой добычей, он выпустил в него острую стрелу. Стрела попала зверю в заднюю часть, прошла насквозь и вылетела спереди. «Я ранен!» — вскрикнул лев. Лук после выстрела издал громкий звук, подобный раскату грома. Шакал, услышав этот звук и крик льва, сказал сам себе: «Мой товарищ ранен и сейчас будет убит. Дружбы с мёртвыми быть не может. Я возвращаюсь в своё прежнее жилище в лесу». И он произнёс две гатхи:

Натянут лук, и тетива звенит!

Мой друг Маноджа, царь зверей, убит.

Увы, я возвращаюсь в лес, дружбе пришёл конец.

Себе пристанище я у других найду.

Лев из последних сил дотащил лошадь до входа в логово, а сам упал замертво. Его родичи вышли и увидели, что он мёртв, и кровь течёт из его ран. Он погиб из-за того, что следовал нечестивым советам. Его отец, мать, сестра и жена, увидев это, произнесли четыре гатхи по порядку:

Удача отвернулась от того, кто пренебрёг советом добрым.

Маноджа мёртв, послушавшись Гирию-нечестивца.

Нет радости у матери, чей сын с дурной компанией связался.

Взгляните — вот лежит в крови Маноджа!

Падением расплачивается тот,

Кто пренебрёг советом друга мудрым.

Высокий, низкому доверившись,
Сам падает до уровня его и даже ниже.
Подобно этому царю зверей,
Который пал, поверженный стрелой!

И далее следует гатха Совершенной Мудрости:

Кто за изгоем следует, тот сам изгоем стал.
Кто равных держится, обманут никогда не будет.
Склонившийся пред благороднейшим —
сам быстро возвышается.
Поэтому ищи поддержки тех, кто лучше тебя.

* * *

Закончив наставление, Учитель провозгласил Благородные Истины (в результате монах, который связался с дурной компанией, утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время шакалом был Девадатта, Маноджей был монах, связавшийся с дурной компанией, его сестрой была Уппалаванна, его женой — сестра Кхема, его матерью — мать Рахулы, а его отцом был я».

Комментарии

1 № 26, том I.

398. ДЖАТАКА О СУТАНЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 398 Sutana-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Царь шлёт тебе...» Эту историю о монахе, который поддерживал свою мать, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Обстоятельства будут изложены в «Джатаке о Шаме» [1].

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье бедного домохозяина. Его называли Сутана. Когда он

вырос, он зарабатывал деньги и содержал своих родителей; когда его отец умер, он продолжал содержать свою мать. Царь в то время любил охоту. Однажды он отправился с большой свитой в лес, простиравшийся на лигу или две, и объявил всем: «Если олень убежит из-за кого-то, тот человек будет оштрафован на сумму, равную стоимости оленя».

Помощники устроили для царя потайную хижину у дороги. Олени были разбужены криками людей, окруживших их убежище, и один из них подошёл к царской засаде. Царь подумал: «Я поражу его», — и выпустил стрелу. Зверь, умеющий притворяться, увидел, что стрела летит ему в бок, и, развернувшись, упал, как будто раненный. Царь подумал: «Я попал в него», — и бросился, чтобы схватить его. Олень вскочил и умчался, словно ветер. Министры и остальные стали насмехаться над царём. Тогда он погнался за оленем и, когда тот утомился, разрубил его надвое своим мечом. Повесив куски туши на одну палку, он пошёл обратно, как будто нёс шест. Пройдя немного, он почувствовал, что хочет отдохнуть, подошёл к баньяну, росшему у дороги, лёг под ним и уснул.

Яккха по имени Махадева воплотился в этом баньяне и получил от Вессаваны [2] позволение съедать любое живое существо, которое к нему приблизится. Когда царь проснулся, яккха сказал: «Стой! Я съем тебя!», — и схватил его за руку. «Кто ты?» — спросил царь. «Я яккха, рождённый здесь; все люди, которые приходят в это место, предназначены мне в пищу». Царь, набравшись храбрости, спросил: «Будешь ты есть только сегодня или всё время?» «Я буду всё время есть то, что мне предназначено». «Тогда съешь сегодня этого оленя ипусти меня, а с завтрашнего дня я буду каждый день посылать к тебе человека с миской риса». «Хорошо. Но смотри: в тот день, когда никого не пошлешь, я съем тебя самого». «Я царь Бенареса, и нет ничего, что я не мог бы сделать». Яккха, получив с него обещание, отпустил его. Когда царь прибыл в город, он рассказал о случившемся своему министру и спросил, что делать.

«Был ли назначен определённый срок, в течение которого это должно выполняться, о царь?» — спросил министр. «Нет». «Это было неправильно — не договориться об этом сразу. Но ничего, в тюрьме много людей». «Тогда займись этим делом и спаси мне жизнь!» Министр согласился. Каждый день он брал человека из тюрьмы и посылал его к яккхе с миской риса, ничего не объясняя. Яккха съедал и рис, и человека. Через некоторое время все тюрьмы опустели. Царь, не найдя более

никого, кто мог бы отнести рис, затрясая от страха смерти. Министр, успокаивая его, сказал: «О царь, жажда обогащения сильнее желания жить. Давай положим свёрток с тысячей монет на спину слона и провозгласим под барабанный бой: «Кто возьмет миску риса и отнесёт яккхе, тот получит это богатство!»» Так они и сделали.

Бодхисаттва, услышав объявление, подумал: «Я получаю грош и полгроша за свой труд и едва могу содержать свою мать. Я получу это богатство и отдам ей, а затем пойду к яккхе. Если я смогу одолеть его — отлично; а если не смогу, то всё же обеспечу ей безбедную жизнь». Он изложил свой план матери, но она ответила: «Мне достаточно всего, дорогой, мне не нужно богатство», — и дважды запретила ему. На третий раз он не стал спрашивать её, а сразу пошёл к царю и сказал: «Господа, давайте тысячу монет, я отнесу рис».

Получив деньги, он отдал их матери и сказал: «Не волнуйся, дорогая, я одолею яккху и принесу людям счастье. Я вернусь и заставлю твои полные слёз глаза смеяться», — и, поклонившись ей, он отправился к царю. Царь сказал: «Любезный, ты отнесёшь рис?» «Да, о царь». «Ты возьмёшь с собой что-то ещё?» «Твои золотые домашние туфли, о царь». «Зачем?» «О царь, этот яккха съедает любого, кто ступит на землю у подножия дерева. Я буду же стоять на туфлях, а не на его земле». «Что-нибудь ещё?» «Твой зонт от солнца, о царь». «А это зачем?» «О царь, яккха съедает каждого, кто стоит в тени его дерева. Но я буду стоять в тени зонта, а не его баньяна». «Что-нибудь ещё?» «Твой меч, о царь». «Для чего?» «О царь, даже демоны боятся тех, у кого в руках оружие». «Что-нибудь ещё?» «Твоя золотая чаша, о царь, наполненная рисом, который ешь ты сам». «А это зачем, любезный друг?» «Не подobaет такому мудрому человеку, как я, есть простую пищу из глиняной миски». Царь согласился и велел дать ему всё, что он просил.

Бодхисаттва сказал: «Не бойся, о великий царь, я вернусь сегодня, победив яккху и сделав тебя счастливым». И вот, взяв всё необходимое, он пришёл туда, оставил людей царя недалеко от дерева, надел золотые туфли, опоясался мечом, раскрыл над головой белый зонт и, неся рис на золотом блюде, подошёл к яккхе.

Яккха, наблюдавший за дорогой, увидел его и подумал: «Этот человек идёт не так, как приходили другие раньше. В чём причина?» Бодхисаттва, приблизившись к дереву, остриём меча отодвинул тарелку с рисом в тень и, стоя рядом, произнёс первую гатху:

Царь шлёт тебе рис, приготовленный
С приправами и мясом.
Махадева, если ты дома, выходи и поешь!

Услышав его, яккха подумал: «Я обманом заставлю его войти в тень
и тогда съем!» И он произнёс вторую гатху:

Подойди сюда, юноша, с твоим вкусным угощением!
И оно, и ты, юноша, — хорошая еда для меня.

В ответ Бодхисаттва пропел две гатхи:

Яккха, ты потеряешь большое из-за малого:
Люди, боящиеся смерти, не принесут тебе никакой еды.
У тебя будет много вкусного угощения,
Ароматного и приправленного, как тебе нравится.
Но если ты меня съешь, будет трудно
Найти человека, который принесёт тебе его.

Яккха подумал: «Этот юноша говорит разумно», — и уже более благожелательно произнёс две гатхи:

Юный Сутана, ты отчётливо
Объяснил мне мой интерес.
Итак, возвращайся к своей матери
С миром, я отпускаю тебя.
Возьми меч, зонт и блюдо, юноша,
И иди своей дорогой,
Возвращайся к своей матери счастливо
И принеси ей радость!

Бодхисаттва был рад таким словам яккхи. «Моя задача выполнена, —
подумал он. — Яккха побеждён, большое богатство получено и слово,
данное царю, исполнено!» И он, обращаясь с благодарностью к яккхе,
произнёс последнюю гатху:

Со всеми твоими родными и близкими, яккха,
Да будешь ты счастлив!
Повеление царя исполнено, и богатство получено мной.

И он увещевал яккху, говоря: «Друг, ты делал злые дела в давние времена; ты был жесток и беспощаден, ты ел плоть и кровь других и поэтому родился яккхой. С этого дня не убивай никого и не делай зла». Так, поведав о благе добродетели и страданиях порока, он наставил яккху в пяти добродетелях.

Затем он сказал: «Для чего тебе жить в лесу? Пойдём, я поселю тебя у городских ворот и сделаю так, чтобы ты всегда получал отборный рис». И он пошёл с яккхой в Бенарес, велев ему нести меч и другие вещи. Царю доложили, что Сутана привёл яккху. Царь со своими министрами вышел навстречу Бодхисаттве, поселил яккху у городских ворот и велел кормить его вкуснейшим рисом; вернувшись в город, он, собрав горожан под бой барабанов, вознёс хвалу Бодхисаттве и сделал его командующим армией. Сам он тоже утвердился в учении Бодхисаттвы, раздавал милостыню и совершал другие добрые дела и переродился на небесах.

* * *

Закончив наставление, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате монах, который поддерживал свою мать, утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время яккхой был Ангулимала, царём — Ананда, а юношей был я сам».

Комментарии

1 № 540, том VI.

2 Царь яккхов.

399. ДЖАТАКА О СТЕРВЯТНИКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 399 Gijjha-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Как будут жить теперь старики...» Эту историю о монахе, который поддерживал свою мать, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился стервятником. Когда он вырос, он отвёл своих родителей.

которые стали старыми и утратили остроту зрения, в пещеру высоко в горах и кормил их, принося мясо коров и тому подобное.

В то время один охотник расставлял силки для стервятников по всему бенаресскому кладбищу. Однажды Бодхисаттва прилетел на кладбище в поисках пропитания и запутался ногой в силках. Но он думал не о себе, а вспоминал своих старых родителей. «Как теперь будут жить мои родители? Ведь они умрут, не зная, что я пойман, нуждающиеся и беспомощные, одни в этой горной пещере!» И, сокрушаясь так, произнёс он первую гатху:

Как будут жить теперь старики в горной пещере?
Ибо я в оковах, я пойман в ловушку.

Сын охотника, услышав его плач, произнёс вторую строфу, стервятник в ответ — третью, и так далее поочередно.

Стервятник, что за странные причитания слышу я?
Я никогда не видел птиц, говорящих по-человечески.

Мои престарелые родители остались в горной пещере.
Как теперь они справятся, если я стал твоим рабом?

Стервятник видит падаль за сотни лиг на земле.
Почему ты не заметил силков и сетей так близко?

Когда гибель суждена человеку, и судьба требует его смерти,
Он не видит ни силков, ни сетей, хотя они и близко.

Ступай же, ухаживай за своими стариками в горной пещере,
Возвращайся к ним с миром, я тебя отпускаю!

О охотник, да будет счастье тебе и твоим родным и близким!
Я буду ухаживать за моими родителями в их горной пещере.

Бодхисаттва, освободившись от страха смерти, радостно возблагодарил сына охотника и, произнеся последнюю гатху, взял в клюв кусок мяса и полетел к своим родителям.

Закончив наставление, Учитель провозгласил Благородные Истины (в результате монах утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время охотником была Чанна, родителями – родственники царя, сам же я был царём стервятников».

400. ДЖАТАКА О ШАКАЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 400 Dabbhapurpha-Jataka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

Словами «О, благостная Анутирачари!...» Учитель – он жил в ту пору в роще Джеты – начал историю о некоем Упананде из рода Шакьев.

Ибо Упананда тот хотя и ушёл странствовать, следуя учению, но сделался жаден до крайности и забыл о скромности и иных монашеских добродетелях. С началом дождливой поры он облюбовывал для себя кельи в двух, а то и трёх монастырях разом: в одном оставлял свой зонтик или сандалии, в другом – дорожный посох или же кувшин с водой, а в третьем сам поселялся.

Как-то раз пора дождей застала его в одном отдалённом монастыре. И, говоря:

– Братия! Надобно ведь довольствоваться малым! – он наставил монахов в том, как стать на благой путь обладания малым, и возжёт пред ними светильник радостного довольства немногим – будто луну возвёл на небеса.

И, внимая слову его, монахи побросали свои дорогие сосуды и посрывали нарядные накидки, тешившие взор красотой. Взамен они взяли грубые чаши из глины и оделись в лохмотья, ветхие, пропылённые.

Упананда же всё их добро собрал и отнёс к себе в келью, а когда кончилась пора дождей и отпраздновали праварану, повёз его на телеге в рощу Джеты. Проезжая мимо лесного скита, Упананда остановился, зашёл на задний двор, обернул ступни древесными листьями и, приговаривая: «Наверняка тут можно чем-нибудь поживиться!» – вошёл в дом.

В скиту же том ещё с поры дождей оставались два престарелых монаха. Было у них на двоих два грубошёрстных покрывала и ещё одно тонкой выделки, и никак не могли они их поделить меж собою. Увидав

Упананду, монахи возрадовались: «Тхера поможет нам разделить добро!» И подступились они к нему, говоря:

– Мы, почтенный, никак не можем поделить меж собой покрывала, припасённые на дождливую пору, и спорим о них. Ты, уж будь добр, помоги нам!

– Это можно! – отвечал на то Упананда – Поделю!

И, дав каждому по грубошёрстному покрывалу, себе забрал то, что получше, сказав:

– Это положено нам, блюстителям устава! – с тем отбыл.

Монахам стало жаль покрывала, они пошли следом за Упанандой в рощу Джеты и, поведав о случившемся монахам – хранителям устава, спросили:

– Положено ли, почтенные, тем, кто блюдет строгость устава, обирать так людей?!

Монахи между тем узрели множество сосудов и накидок, которые привёз тхера Упананда, и в изумлении спросили:

– Должно быть, велика заслуга твоя, почтеннейший, коли досталось тебе столько сосудов и одеяний?!

Он же, говоря на то:

– Откуда у меня, почтеннейшие, быть святой заслуге?! Добыл я это так-то и так-то, – рассказал обо всём.

И вот сошлись монахи в благочестивом собрании и стали обсуждать это меж собою, говоря:

– Почтеннейшие! Упананда из рода Шакьев, похоже, не в меру жаден и не отринул мирское!

Учитель же, войдя к ним, спросил:

– О чём это вы, братия, здесь толкуете?! – и когда монахи ответили, произнёс, – Братия! Содеянное Упанандой лежит в стороне от пути восхождения нашего, ибо прежде, чем монах начнёт наставлять на путь восхождения других, надобно ему самому научиться поступать как подобает!

И, желая преподать монаху урок дхармы, Учитель спел стих из Дхаммапады:

Себя сначала измени,
Как должно, в этом мире ты,
Потом – другого поучай!
Мудрец да избежит страстей!

И, говоря:

— О монахи! Не только ныне, но и прежде уже выказывал этот Упананда непомерную жадность, не только ныне обирает он людей, но и прежде уже обирал всех сущих! — Учитель поведал собравшимся о прошлом.

В стародавние времена, когда в Варанаси правил царь Брахмадатта, бодхисаттва был духом дерева, которое росло на речном берегу. И жил на том же берегу вместе с женою шакал по имени Майави-Обманщик.

Как-то раз говорит шакалу жена:

— Господин мой! Жду я щенков и мучусь неодолимым желанием отвесть свежей рыбы!

— Не печалься, — отвечал шакал, — я принесу тебе свежей рыбы!

Шакал обернул ноги древесными листьями и пошёл по камням вдоль берега. А в это самое время там же на берегу замерли, высматривая рыбу, две выдры: Гамбхирачари — Глубоконоырка и Анутирачари — Мелконоырка. Первой заметила большую красную рыбу Гамбхирачари. Она бросилась в воду и ухватила рыбу за хвост. Но могучая рыба поплыла прочь, таща за собой выдру. Гамбхирачари завопила, взывая к Анутирачари:

— Здесь огромная рыбища! Плыви ко мне, помоги! Этой рыбищи хватит нам на двоих!

И запела:

О благостная Анутирачари!
Спеши скорей на помощь мне!
Большая рыбища попалась
И тащит, что есть сил, меня!

Анутирачари спела в ответ:

Гамбхирачари славная!
Держи покрепче, посильней!
Сейчас я ухвачу её,
Как повелитель птиц — змею!

И обе выдры, напрягши силы, совместными усилиями вытащили рыбу на берег, положили её на землю, убили и стали говорить друг другу: «Дели!» Но разделить справедливо они не сумели, и началась меж них свара. Тогда они бросили рыбу и уселись с ней рядом.

Тут-то и появился шакал. Завидев его, выдры с поклоном обратились к нему:

– О господин, цветом подобный траве куша! Вот – рыба, которую мы изловили вместе, но разделить по справедливости не смогли, и разгорелась промеж нас ссора. Будь добр, раздели рыбу на равные доли!
И, сказав это, выдры спели:

О господин, чей светел мех,
Подобный куше благостной!
Нас примири друг с другом ты
И спор наш разреши скорей!

Внимая выдрам, шакал, в стремлении показать свою силу, в ответ тоже спел стих:

Ко дхарме лишь приверженный,
Достигнул многих целей я!
Вас примирю друг с другом я
И спор ваш разрешу!

И, деля рыбу, он спел ещё:

Пусть Мелконоырка хвост возьмёт,
Глубоконоырка – голову!
Ну а серёдка мне пойдёт,
На путь ученья вставшему!

И, разделив рыбу, шакал так сказал выдрам:

– Не ссорьтесь более: ты ешь голову, а ты хвост!

И, сказав это, он схватил в зубы серёдку и кинулся прочь – только его и видели. Выдры же так и остались сидеть там с поникшими мордами – будто у них пропало по тысяче!

И, убитые горем, они пропели:

Еды б надолго было нам,
Когда б мы не поссорились!
Теперь же рыбу ест шакал,
Лишь голова да хвост у нас!

Шакал между тем мчался и думал: «Вот и накормлю я женушку свежей рыбой!» И с этой приятной мыслью прибежал к супруге. Она же, завидев его, обрадовалась и спела:

Как царь ликует, получив
И подданных, и землю в дар.
Ликую я: мой муж в зубах
Добычу тащит для меня!

И, спрашивая у шакала, как удалось ему добыть такую рыбу, спела ещё:

Как ты, ходящий по земле,
Сумел поймать её в воде?
О господин, поведай мне,
Как это удалось тебе.

Шакал же в объяснение, как это у него получилось, пропел ей в ответ:

Сильного распри силы лишают,
В распрах богатства теряются,
Занятых распрею выдр обманув,
Лакомлюсь я свежей рыбою!

И вот ещё стих, исполненный высшей мудрости Всепробуждённого:

С людьми всё то же:
В распре все бегут к тому.
Кто в дхарме твёрд,
Моля, чтоб рассудил он их!
Лишаются богатства вмиг,
Но полнится казна царя!

И, заканчивая наставление, Учитель явил Четыре Благородные Истины и истолковал рассказ, так связав перерождения: «Шакалом в ту пору был Упананда, выдрами — двое престарелых монахов, духом дерева, собственными глазами узревшим причины всего, был я сам».

401. ДЖАТАКА О ДАСАННАКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 401 Dasannaka-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Длинный меч Дасанны...» Эту историю об искушении монаха его женой, когда он был мирянином, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Монах признался, что по этой причине сделался отступником. Учитель сказал: «Эта женщина причиняет тебе вред. Прежде ты тоже умирал от душевной болезни из-за неё, но мудрые вернули тебя к жизни». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда великий царь Маддава правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов. Его звали юным Шенакой. Когда он вырос, он изучил все науки в Таккасиле и, вернувшись в Бенарес, стал советником царя Маддавы в мирских и духовных делах. Его называли мудрым Шенакой, и все жители города смотрели на него как на солнце или луну. Как-то раз сын придворного жреца пришёл прислуживать царю и, увидев главную царицу, прекрасную, в великолепных одеждах и украшениях, влюбился в неё. Вернувшись домой, он лёг и отказался от пищи. Близкие принялись расспрашивать его, и он рассказал, в чём дело.

Царь стал спрашивать: «Сын придворного жреца не появляется. Что случилось?» Услышав причину, он послал за ним и сказал: «Я даю её тебе на семь дней, проведи это время с ней в своём доме и на восьмой верни её обратно». Он обрадовался и, взяв её к себе, стал наслаждаться с ней.

Они полюбили друг друга и, сохранив всё в тайне, бежали из дома и прибыли в страну другого правителя. Никто не знал, откуда они и куда направляются, и путь их был похож на путь корабля.

Тем временем бенаресский царь под барабанный бой огласил, что ищет пропавшую царицу; но, хотя он искал везде, так и не нашёл, куда она скрылась. Тогда великая печаль о ней охватила его, сердце его стало болеть и излилось кровью; после этого кровь потекла из внутренностей его, и недуг его усилился.

Лучшие царские лекари не могли исцелить его. Бодхисаттва подумал: «Болезнь не в теле царя; его коснулась душевная болезнь, потому что он не видит своей жены. Но у меня есть способ вылечить его». Он

принялся наставлять мудрых советников царя, которых звали Аюра и Пуккуша, говоря: «У царя нет другого недуга, кроме душевной боли, потому что он не видит царицу. Он сам поможет нам, и мы вылечим его одним способом. Мы устроим собрание во дворе дворца и велит человеку, который умеет это делать, проглотить меч. Пусть царь стоит у окна и смотрит на представление. Увидев, что человек проглотил меч, он спросит: «Есть ли что-нибудь труднее этого?» Тогда, мой господин Аюра, ты должен ответить: «Труднее сказать: я отказываюсь от того-то и того-то». Затем он спросит тебя, мой господин Пуккуша, и ты должен ответить: «О царь, если некто говорит: я отдам то-то и то-то, — и не отдаёт этого, его слово бесплодно. Человек не живёт, не ест и не пьёт из-за таких слов. Но тот, который поступает по тому слову и даёт по своему обетованию, делает одно более трудным, чем другое». А я тогда найду, что делать дальше».

Итак, они собрали всех. Затем эти три мудреца пошли и сказали царю: «О великий царь, во дворе дворца начинается представление. Если люди смотрят на него сверху вниз, их печаль становится радостью. Пойдём туда!» Открыв окно, они подвели к нему царя и заставили его посмотреть вниз на собравшихся. Люди хвастались каждый своим искусством, кто какое знал. И вот один человек проглотил меч тридцати трёх дюймов с острым лезвием. Царь, увидев его, подумал: «Этот человек проглатывает меч. Я спрошу своих мудрецов, есть ли что-нибудь более трудное, чем это». И он обратился к Аюре, произнеся первую гатху:

Длинный меч Дасанны [1] жаждет крови,
Его лезвие идеально заточено,
И всё же среди толпы нашёлся кто-то,
Кто проглотил его.
Более трудного дела я не знаю.
Я спрашиваю, есть ли что-нибудь более трудное
По сравнению с этим? Пожалуйста, ответь мне.

Аюра произнёс в ответ вторую гатху:

Жадность может соблазнить человека
Проглотить острый меч.

Но сказать: «Я отдаю это даром» —
Было бы более трудным делом.
Всё остальное легко.
Царственный Магадха, я ответил тебе.

Услышал слова мудрого Аюры, царь подумал: «Значит, сказать "Я отдаю эту вещь" труднее, чем проглотить меч. Я сказал: "Я отдаю свою царицу сыну жреца"; я сделал очень трудное дело». И его печаль на сердце стала немного легче. Но потом он подумал: «Есть ли что-нибудь труднее, чем сказать «я отдаю эту вещь другому»?» И он, обращаясь к мудрому Пуккуше, произнёс третью гатху:

Аюра, искусный в философии, решил мой вопрос.
Теперь, Пуккуша, я спрошу тебя:
Есть ли что-нибудь труднее, чем это?
Пожалуйста, ответь мне.

Мудрый Пуккуша в ответ произнёс четвёртую гатху:

Не словами живут люди, и не речами бесплодными.
Но отдать и не пожалеть — вот более трудное дело.
Всё остальное легко.
Царственный Магадха, я ответил тебе.

Царь, услышав это, подумал: «Сначала я сказал «Я отдам царицу сыну жреца», — затем сдержал своё слово и отдал её. Воистину, я сделал трудное дело». И печаль его стала легче.

Потом ему пришла в голову мысль: «Нет никого мудрее мудрого Шенаки. Я задам ему этот вопрос». И, обращаясь к нему, царь произнёс пятую гатху:

Пуккуша, преуспевший в философии, решил мой вопрос.
Но теперь, Шенака, я спрошу тебя:
Есть ли что-нибудь труднее, чем это?
Пожалуйста, ответь мне.

И Шенака, отвечая ему, произнёс шестую гатху:

Если бы человек преподнёс дар,
Малый или большой,
И после не сожалел бы о том, что дал, —
Это было бы более трудное дело.
Всё остальное легко.
Царственный Магадха, я ответил тебе.

Царь, услышав слова Бодхисаттвы, задумался: «Я отдал царицу сыну жреца по своей собственной воле. Но теперь я не могу контролировать свои мысли, я печалюсь и тоскую. Это недостойно меня. Если бы она меня любила, то не покинула бы царство и не убежала бы. Как мне с ней быть, если она не любила меня, а убежала прочь?» Как только он подумал об этом, вся его печаль откатилась и исчезла, как капля воды скатывается с листа лотоса. В это мгновение всё у него внутри успокоилось. Он исцелился, почувствовал себя счастливым и стал восхвалять Бодхисаттву, произнеся заключительную гатху:

Аюра ответил на вопрос, и Пуккуша тоже дал мне ответ.
Но слова мудрого Шенаки превосходят все ответы.

И после этой похвалы царь щедро наградил его.

* * *

Завершив наставление, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате монах-отступник утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время царицей была жена его мирских дней, брат-отступник был царём, Аюрой был Моггаллана, Пуккушей — Шарипутта, а мудрым Шенакой был я сам».

Комментарии

1 Царство в Центральной Индии, по-видимому, место, славившееся искусством изготовления мечей.

402. ДЖАТАКА О МЕШКЕ С ЕДОЙ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 402 Sattubhastā-Jātaka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

Словами «И мысли взмутнены...» Учитель, живший тогда в роще Джеты, начал повествование о совершенстве высшей мудрости. (Обо всём, что происходило тогда, будет рассказано в «Повести о большом подземном ходе».)

«В стародавние времена в Варанаси правил царь Джанака. Бодхисаттва же в ту пору обрёл земное существование в семье брахманов, которые нарекли его царевичем Сенакой. И когда Сенака стал взрослым и обучился в Такшашиле всем наукам, ремёслам и искусствам, он воротился в Варанаси и предстал перед царём. И сделал его царь советником своим и тем восславил великою славою.

Сенака наставлял царя и в повседневных заботах, и в горнем долге. Ибо был он сладкоречив, говоря о дхарме, и сумел повести царя путём пяти добродетелей, научил подавать милостыню ближнему, блюсти посты и не пренебрегать десятью праведными деяниями. Тем Сенака утвердил царя на стезе благодати, и во всём царстве всё изменилось так, будто настала пора пробуждённых. В дни поста, в полнолуние и новолуние, приказывал царь разукрасить залу, и сходились туда он сам, и царевичи, и все царедворцы и внимали дхарме. И в той зале, ради слова дхармы разубранной, на оленьем троне восседал великосущный и наставлял всех в дхарме с силою убеждения, возможной лишь в пробуждённом, и речи его, прославляющие дхарму, были схожи с речами прежних пробуждённых!

Жил в ту пору один старый брахман, который странствовал повсюду, собирая подаяние, ибо хотел накопить богатство. И вот, когда у него набралась тысяча монет, он оставил её на хранение в одной брахманской семье, а сам вновь отправился за подаянием. И пока он ходил, та семья растратила все его деньги. Воротившись, брахман стал требовать назад свою тысячу, но у главы семьи денег не было, и взамен он предложил старому брахману в жёны свою дочь. Тот согласился, взял её за себя, и стали они жить в брахманской деревне, вблизи Варанаси. Жена, совсем ещё юная, не получала удовлетворенья своих плотских желаний и стала искать утешения с юным брахманом.

Ибо ведь, как говорят, в шестнадцати случаях насыщение недостижимо: океан не насыщается впадающими в него водами, огонь — топливом, царь — царством, глупец — скверной, женщина — плотскими утехами, украшениями и деторождением; брахман — молитвами; созерцатель — мерой сосредоточения; стремящийся к просветлению — отдалением от мирской суеты; неприхотливый — самоограничением; обладающий силой — напряжением силы; проповедник — проповедью; мудрец — учёной беседой; верующий — служением общине; дающий — самопожертвованием; праведный — служеньем дхарме; все последователи Татхагаты — его лицезрением.

Так вот и та юная брахманка, ненасытная в плотских утехах, задумала известить мужа и без помех предаваться пороку. Замыслив дурное, она улеглась однажды в постель и, когда муж спросил: «Что с тобой, милая?» — отвечала: «Я, брахман, не могу одна делать всю работу по дому, найми служанку!» — «Милая, — сказал на то брахман, — нет у меня денег. Как мне нанять служанку?» — «Ступай побираться. Накопишь денег и возмёшь служанку!» — «Тогда, милая, приготовь мне в дорогу еды!» Жена наполнила кожаный мешок разной снедью — и твёрдой, и мягкой — и подала ему.

И вот, скитаясь по деревням, по малым и большим городам, насобирал тот брахман семь сотен монет. Думая: «Такого богатства мне хватит и на служанку, и на слугу!» — отправился он в обратный путь. Уже подходя к своей деревне, остановился брахман в красивом местечке вблизи воды, развязал мешок, поел и спустился напиться, а мешка не завязал. Тем временем чёрная змея, что жила в корнях дерева, учуяв запах съестного, забралась в мешок, улеглась, свернувшись кольцом, и принялась за еду. Брахман же, воротясь, завязал мешок, даже не заглянув внутрь, закинул его за плечо и пошёл своей дорогой. На пути явился ему лесной дух, что жил в дупле дерева, и, возвестив: «Эй, брахман! Ежели заночуешь в пути — умрёшь сам, ежели дотемна доберёшься до дому — умрёт жена твоя!» — сокрылся из виду. Брахман стал озираться, но никого не увидел и сильно перепугался. Мучимый страхом смерти, стеноя и плача добрался он до ворот Варанаси.

А в Варанаси в ту пору был пост полнолуния — тот день, когда бодхисаттва восседал на изукрашенном сиденье Учителя, чтобы изречь наставление, и великое множество людей всех сословий с цветами и благовониями спешили внимать слову дхармы. Завидев людей, брахман спросил: «Куда вы идёте?» — и в ответ услышал: «Тебе, брахман, разве

не ведомо, что сегодня премудрый Сенака, чей голос так сладок, наставляет народ в дхарме как истинно пробуждённый?!» Подумал тогда брахман: «Говорят, он мудр и искущён в слове дхармы, а меня терзает страх смерти. Ведь мудрые способны избавить от самой великой печали! Надо пойти туда и внять слову дхармы!» Помыслив так, брахман направился туда, где собралась вся царская свита с царём во главе и уже расселась вокруг великосущного. Брахман с мешком за плечами стал неподалёку от сиденья Учителя и стоял, мучимый страхом смерти.

Великосущный стал наставлять всех в слове дхармы — будто низверглись на землю воды небесной Ганги, будто божественный напиток бессмертия дождём окропил всех собравшихся. Тут у всех слушателей наступило блаженное просветление и, восклицая: «Да будет так!» — они внимали слову дхармы. Премудрые ведь потому и зовутся так, что зрят всё и насквозь! И вот великосущный раскрыл глаза, блистающие ясно-видением, и, внимательно оглядев всех собравшихся, обратил взор на того брахмана. И подумал: «Всё это сонмище моих последователей в блаженстве очищенного сознания одобрительно восклицает, внемля дхарме, лишь один этот брахман, чьё сознание замутнено, плачет, стоя поодаль. Есть, должно быть, причина его страдания, рождающего эти слёзы! Подобно тому как снимают кислотой патину с меди или стряхивают каплю воды с лотосового листа, поворачивая его во все стороны, я встряхну и поверну его сознание, избавлю его от страдания, дам блаженство, наставлю в дхарме!» И, подумав так, великосущный обратился к брахману: «О брахман! Доверься мне, поведай обо всём! И я, премудрый Сенака, тотчас избавлю тебя от страдания!» И, говоря ему это, великосущный спел:

И мысль замутнена, и смешаны все чувства:
Из глаз твоих потоки слёз струятся!
О чём горюешь? И на что надеюсь, брахман,
Сюда явился ты? Ответствуй, не таясь!

И брахман ответил:

Умрёт жена, коль ворочусь домой сегодня,
Иль сгину сам, коль не вернусь, — предрёк мне яккха!
И вот о том теперь горюю и страдаю.
Открой же смысл его речений мне, Сенака!

Услышав, что говорит брахман, великосущный раскинул сеть своего знания — будто забросил её в пучину океана — и так рассудил: «У сущих в этом мире для смерти множество причин: одни сами тонут в океане, других хватают хищные рыбы; эти сами низвергаются в Ганг, тех влекут туда крокодилы; кто-то падает с дерева, кто-то гибнет от ядовитой колючки или от ран, нанесённых оружием; некоторые травятся, вешаются, бросаются в пропасть; иные умирают от холода или болезней. Так какая же смерть суждена этому брахману и его жене, если яккха сказал: «Заночуешь в пути — сам умрёшь, доберешься до дома — жена умрет!»?»

И, думая так, великосущный узрел вдруг мешок за плечами у брахмана и подумал: «Должно быть, брахман этот забыл завязать мешок, когда после утренней трапезы пошёл напиться к воде, а какая-нибудь змея, почуяв запах пищи, залезла в мешок. Затем брахман, напившись, воротился и, ничего не подозревая о заползшей в мешок змее, завязал его и пустился в путь. Если он заночует в пути, то вечером на привале развяжет мешок с мыслью: «Надо бы перекусить!», запустит в него руку, а змея его за руку цапнет и тем лишит жизни. Вот отчего он умрёт, если заночует в пути! А что будет, пойдя он прямо домой? Мешок наверняка окажется в руках у жены, и та, подумав: «Посмотрю-ка я, что в нём!» — развяжет его, сунет туда руку и погибнет от укуса змеи! Вот что стало бы причиной смерти жены, воротись брахман сегодня домой!» Всё это вмиг уразумел великосущный с его совершенным знанием средств и путей! И вот что ещё пришло ему на ум: «Видно, змея эта — не ведающая страха чёрная кобра! Ведь она не обнаружит себя ни единым движением — даже не шевельнётся, когда мешок на ходу бьётся о рёбра брахмана! Даже здесь, в многолюдном собрании, она ничем не выдаёт своего присутствия! Вот почему я полагаю, что это должна быть чёрная кобра, отважная и бесстрашная!» Так великосущный, проницающий всё своим божественным оком, обладающий совершенным знанием средств и путей, всё это постиг! Силою своего всеведенья он восстановил всё происшедшее, будто сам был там и видел, как змея заползает в мешок. И, уяснив себе всё, великосущный в стремлении дать ответ на вопрос брахмана, находясь в том собрании, возглавляемом самим царём, такую гатху:

Я мыслью обозрел всё множество причин
И то, что изреку, есть истина сама:

В мешок с едою, полагаю я, змея залезла,
Брахман, но не ведал ты о том!

И, пропев это, спросил великосущный: «А что, брахман, есть в твоём мешке съестное?» — «Да, есть, великомудрый», — отвечал брахман. «Ел ты что-нибудь сегодня утром?» — «Да, ел, премудрый!» — «А где расположился?» — «В лесу под деревом». — «А когда после трапезы ты пошёл испить воды, завязал ты мешок?» — «Нет, не завязал, великомудрый». — «А когда, напившись, воротился, осмотрел его прежде чем завязывать?» — «Нет, премудрый, не осмотрел!» — «Так вот, брахман, — молвил бодхисаттва, — пока ты ходил пить воду, змея, почуяв запах съестного, залезла в мешок, а ты и не знал о том! Поэтому спусти мешок с плеч, положи наземь среди собрания, развяжи чуть, отойди, возьми палку и лупи что есть мочи по мешку, покуда не вылезет из него чёрная кобра, шипя и раздувая капюшон. Узрев её, ты избавишься от сомнений!» И, говоря так, великосущный спел такую гатху:

Ударив палкой, ты в мешке змею почувешь,
Ту, что глуха, нема и чей язык раздвоен.
Тогда без колебаний и сомнений
Мешок раскрой — и гибкотелого узришь ты!

И, вняв речам великосущного, брахман, хотя и был взволнован и дрожал от страха, сделал всё, как ему велели. Свернувшаяся же змея, отведав палки, выскользнула из мешка и замерла, оглядывая собрание.

И, толкуя смысл происшедшего, Учитель спел еще одну гатху:

Когда в собранье брахман возбуждённый
Мешок с едою развязал, на свет явился,
От ярости шипя и весь народ пугая,
Змей ядовитый, капюшон свой раздувая!

В тот самый миг, когда змея, раздувши капюшон, показалась из мешка, всем стало ясно, что великосущный явил себя как всецело возбуждённый. И всё великое множество народу исполнилось восторга, многие от радости размахивали полами одежд и приплясывали, щёлкая пальцами. На собравшихся низвергались драгоценности всех семи видов — будто потоки дождя с небес, — и тысячи возгласов «Да будет так!»

наполняли воздух. Шум стоял такой, будто земля разверзлась. Но не знатное происхождение, не клан, не род и не место рождения, не слава и не богатство позволили пробуждённому постичь смысл случившегося и быстро найти надлежащий ответ — только силою мудрости сумел он сделать это. Ибо лишь благодаря мудрости, человек, взрастив духовное видение, может распахнуть врата Благородного Пути, войти в великую и вечную нирвану, став либо архатом, либо просветлённым-для-себя, либо всепробуждённым. И среди дхарм, ведущих к великой и вечной нирване, мудрость, поистине, главная, а прочие — лишь её свита. Вот почему сказано:

Премудрость — главное!» — благие изрекают,
Она — как месяц среди звёзд, светил владыка!
Ведь благодать, изобилие, истина и дхарма —
Служанки лишь у мудрости великой!

И пока великосущный толковал брахману смысл происшедшего, некий заклинатель змей сумел накрыть кобре голову, схватил её, отнёс к кустам и выпустил там. Брахман же, сложив почтительно руки перед грудью, поклонился царю и, воздавая ему хвалу, пропел такую гатху:

Сколь счастлив и удачлив царь Джанака,
Что может зреть он Сенаку премудрого!

Восславив царя, брахман достал из мешка семь сотен монет и, вознося хвалу великосущному, желая одарить его и выразить своё восхищение, спел:

Все сорваны покровы, ибо ты — всевидящ,
Всезнание твоё ввергает в трепет!
Семьсот монет моих, что я насобирав,
Все без остатка передать тебе хочу:
Тебе благодаря я жив сегодня
И здравствует жена — всё это ты содеял!

В ответ на это бодхисаттва пропел:

Премудрым не нужна стихами плата,
И чувств их вирши пёстрые не тронут.

Счастлив в богатстве да пребудешь, брахман,
Свое забрав, ступай, веди хозяйство!

И, молвив так, великосущный повелел добавить брахману монет до полной тысячи и спросил его: «О брахман, а кто послал тебя за подаением?» — «Жена, премудрый». — «А жена у тебя стара иль молодая?» — «Молода, премудрый!» — «А коли так, она нарочно отослала тебя из дому, чтобы безбоязненно предаться блуду. Если понесёшь деньги домой, она найдёт способ передать богатство, в муках обретенное тобой, любовнику. Поэтому закопай сперва деньги под деревом или ещё где-нибудь, а уж потом ступай домой!» — и с этими словами великосущный отпустил брахмана.

Брахман зарыл деньги под деревом неподалёку от деревни и, когда стемнело, пошёл домой. С порога окликнул он жену, которая в это время забавлялась с любовником. Услыхав голос мужа, она погасила светильник и отворила дверь, а едва брахман вошёл, вывела любовника из дому, оставила у дверей и вернулась в дом. Пошарила в мешке, убедилась, что там пусто, и спросила мужа: «Брахман, сколько же ты насобирал денег?» — «Целую тысячу», — отвечал брахман. «Где ж она?» — «Спрятана там-то и там-то, после заберём, не тревожься!» — успокоил её брахман. Жена вышла из дому и обо всём рассказала любовнику. Тот пошёл в указанное место и забрал все деньги, как если бы они принадлежали ему.

На следующий день брахман сам отправился за деньгами, но, не найдя их, пошёл к бодхисаттве. «Чего тебе, брахман?» — спросил бодхисаттва. «Не нашёл я своих денег, премудрый!» — отвечал брахман. «А сказали ты жене, где они спрятаны?» — «Да, премудрый, сказал». Бодхисаттва понял, что жена обо всём рассказала любовнику, и опять спросил брахмана: «А нет ли, брахман, у твоей жены какого-нибудь знакомого брахмана?» — «Да, есть», — отвечал тот. «И у тебя тоже есть такие знакомые?» — «Да, премудрый». Тогда великосущный приказал выдать брахману денег, чтобы ему хватило на семь дней, и так наставил его: «Ступай, брахман, и в первый день позови семь брахманов из твоих друзей и семь — из друзей жены и угости их, а после каждый день зови и тех, и тех на одного меньше, чтобы к седьмому дню осталось всего двое, и если заметишь, что жена твоя и в последний день пригласит брахмана, который хаживал к вам все шесть дней, дай мне знать!» Брахман сделал всё, как велел бодхисаттва, и спустя неделю сказал великосущному: «Приметил я, о премудрый, того брахмана, что ходит к нам постоянно на трапезы!»

Тогда бодхисаттва послал с брахманом своих людей, приказал им доставить к нему любовника и, когда тот явился, спросил: «Не ты ли забрал тысячу монет, зарытых вот этим брахманом под таким-то деревом?» — «Ничего я не брал, премудрый!» — отвечал тот. «Ты, видно, не знаешь, что зовусь я премудрым Сенакой и что заставлю тебя принести сюда эти деньги!» — пригрозил бодхисаттва. Испугавшись, брахман признался: «Да, это я их взял!» — «И что же ты с ними сделал?» — «Я, о великомудрый, положил их там-то». — «Ну что, брахман, — обратился тогда бодхисаттва к мужу, — желаешь ли ты остаться со своей женой или возьмёшь другую?» — «О мудрый, — сказал брахман, — пусть останется эта!» Бодхисаттва тогда велел доставить к нему деньги, спрятанные любовником, и саму неверную жену и тут же приказал любовнику передать деньги мужу из рук в руки. Затем распорядился примерно наказать вороватого брахмана и изгнать его из города, а неверную жену проучить хорошенько. Старого же брахмана бодхисаттва восславил великою славою и оставил жить подле себя».

И, завершая своё наставление в дхарме, Учитель явил собравшимся Четыре Благородные Истины, и, познав их, многие обрели плод от вступления в Поток и вкусили от разных иных плодов. Учитель же, разъясняя рассказ, так истолковал перерождения: «Тем брахманом в ту пору был Ананда, духом дерева — Шарипутра, царскими приспешниками — служители пробуждённого, премудрым же Сенакой был я сам».

403. ДЖАТАКА ОБ АТТХИСЕНЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 403 Aṭṭhisena-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Аттхисена, многие нищие...» Эту историю относительно правил для монахов Учитель рассказал, когда жил в святилище под названием Аггадава близ Адави. Этот случай был описан ранее в «Джатаке о Маникантха» [1].

Учитель обратился к монахам, говоря: «Братья, прежде, до того как Будда родился в мире, жрецы других верований, хотя и предлагали выбрать их царями, никогда не просили подаяния, считая, что попрошайничать неприемлемо или неприятно». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов в одной деревне. Его называли Аттхисеной. Когда он вырос, он изучил все науки в Таккасиле, а затем, видя страдания из-за желаний, отринул мирское и, развив высшие способности и достоинства, стал жить в Гималаях. Через какое-то время, спустившись с гор за солью и уксусом, он добрался до Бенареса и, остановившись в саду, на следующий день пришёл просить подавание ко двору царя. Царь, которому понравились его манеры, послал за ним и усадил его на террасе, предложив вкусную пищу. Когда же отшельник поблагодарил его, он обрадовался и, взяв обещание, поселил Бодхисаттву в царском саду. Царь ходил к нему два или три раза в день.

Однажды, будучи доволен его проповедью дхармы, он предложил: «Проси у меня всё, что пожелаешь, начиная с моего царства». Бодхисаттва не сказал: «Дай мне то-то и то-то». Другие просят всё, что пожелают, говоря: «Дай мне это», — и царь даёт им, если не привязан к этому.

Как-то раз царь подумал: «Другие просители и нищие умоляют меня дать им то-то и то-то; но благородный Аттхисена, с тех пор как я предложил ему выбор, так ничего и не попросил. Он мудр и хорошо разбирается во многих вещах. Задам-ка я ему вопрос».

И вот однажды после ранней трапезы он сел рядом и спросил, в чём причина того, что он не поступает так, как другие люди. Задавая этот вопрос, он произнёс гатху:

Аттхисена, многие нищие, хотя они
Совершенно посторонние люди,
Толпятся у моих дверей с просьбами.
Почему же ты не подходишь ко мне?

Услышав это, Бодхисаттва произнёс вторую гатху:

Ни проситель, ни тот, кто отказывает,
Не испытывают приятных чувств.
Вот почему — не сердись! — я не подхожу к тебе.

Услышав его слова, царь произнёс три гатхи:

Тот, кто, живя подаванием,
Не попросил в надлежащее время,

Теряет то, что заслуживает,
 Не получая средств к существованию.
 Тот, кто, живя подаянием, может
 Попросить в надлежащее время,
 Даёт другому возможность получить заслугу,
 А себе — средства к существованию.
 Мудрые не гnevаются при виде толпы просителей.
 Говори, мой святой друг!
 Твоя просьба никогда не будет неуместной.

Так Бодхисаттва, когда ему предложили выбрать царство, не сделал этого. Когда царь выразил таким образом свои пожелания, Бодхисаттва, чтобы показать ему путь посвящённых, сказал: «О великий царь, эти просьбы предпочитают люди мирских желаний и домовладельцы, а не монахи. Тот, кто принял посвящение, должен вести чистую жизнь, в отличие от обывателя». Так, показывая путь посвящённых, он произнёс шестую гатху:

Мудрые никогда не просят,
 Почтенные миряне должны знать.
 Благородный проситель хранит молчание:
 Вот как просят мудрые.

Царь, услышав слова Бодхисаттвы, сказал: «Господин, если мудрый служитель по собственному разумению даёт то, что должно быть дано его другу, то я даю тебе то-то и то-то». И он произнёс седьмую гатху:

Брамин, я предлагаю тебе тысячу коров —
 Стадо рыжих коров во главе с вожаком.
 Слыша же теперь о достойных делах твоих,
 Я тоже в свою очередь стремлюсь к достойным поступкам.

Но Бодхисаттва отказался со словами: «Великий царь, я отринул всё мирское, чтобы сделать свою жизнь свободной от скверны. Мне не нужно стадо коров». Царь жил по его наставлениям; раздавая подаяние и делая другие добрые дела, он достиг просветления и, не выходя из своей медитации, переродился в мире Брахмы.

* * *

Закончив наставление, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате многие утвердились в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время царём был Ананда, а Аттхисеной был я».

Комментарии

1 № 253, том II.

404. ДЖАТАКА ОБ ОБЕЗЬЯНЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 404 Kapi-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольпинской

«Пусть мудрый...» Эту историю о том, как земля поглотила Девадатту, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Услышав, как монахи обсуждают это в Зале Истины, он сказал: «Девадатта со своей компанией не был уничтожен сейчас впервые. Он был уничтожен и прежде». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился обезьяной и жил в царском саду со свитой из пятисот обезьян. Девадатта также родился обезьяной и тоже жил там со свитой из пятисот своих сородичей. И вот однажды, когда жрец царской семьи пошёл в сад, искупался и украсил себя, одна хитрая обезьяна, обогнав его, уселась над аркой ворот сада и, когда он выходил, бросила экскременты на голову жреца. Когда тот посмотрел вверх, она снова бросила нечистоты ему в рот. Жрец повернулся и сказал обезьянам с угрозой: «Что ж, я найду на вас управу!» Он умылся и ушёл. Обезьяны сказали Бодхисаттве, что он разгневался и угрожал им.

Он объявил тысяче обезьян: «Нехорошо жить вблизи жилища гневливого. Пусть вся стая соберётся и отправится в другое место». Но непослушная обезьяна собрала свою собственную свиту и не стала убегать, сказав: «Я позабочусь об этом позже». Бодхисаттва взял свою свиту и отправился в лес.

Однажды рабыня, которая толкла рис, оставила немного риса на солнце, и коза съела его. Получив удар факелом и убегая с загоревшейся шерстью прочь, она потёрлась о стену травяной хижины рядом со стойлом для слонов. Огонь охватил хижину, а с неё перекинулся на слоновник; в результате спины животных были обожжены, и слоновьи лекари лечили их.

Семейный жрец постоянно ходил вокруг, выискивая возможность поймать обезьян. Как-то раз он сидел рядом с царём, и царь сказал: «Господин, многие из наших слонов были ранены, и лекари не знают, как их вылечить. Известно ли тебе какое-нибудь лекарство?» «Да, известно, великий царь». «И что же это?» «Обезьяний жир, великий царь». «А как мы его добудем?» «В саду живёт много обезьян». Царь сказал: «Убей обезьян в саду и возьми их жир». Лучники пошли и убили стрелами пятьсот обезьян. Одна старая обезьяна убежала, хотя и была ранена стрелой. Она добралась до места обитания Бодхисаттвы и упала замертво. Обезьяны увидели это и рассказали Бодхисаттве, что она умерла от полученной раны. Он сел среди собрания обезьян и произнёс эти строфы, увещевая обезьян увещеванием мудрых, которое гласит: «Люди, живущие рядом со своими врагами, погибают таким образом».

Пусть мудрый не живёт там, где живёт его враг.

Одна или две ночи, проведённые в столь опасной близости,

Принесут ему несчастье.

Глупец — враг для всех, кто верит его слову.

Одна обезьяна навлекла беду на всё стадо.

Глупый вождь, мудрый лишь в своём самомнении,

Приходит всегда, как эта обезьяна, к поражению.

Великий глупец не годится охранять стадо:

Он, как подсадная птица, погубит своих сородичей.

Сильный и мудрый хорошо охраняет стадо,

Он, словно Индра для богов, награда для его народа.

Кто добродетелью, мудростью, учёностью обладает,

Тот благословит дела свои и других людей.

Поэтому добродетельный, мудрый, учёный самого себя пусть

Либо считает одиноким Святым, либо народ свой опекает.

Так Бодхисаттва, став царём обезьян, изложил Учение.

* * *

Закончив наставление, Учитель связал перерождения: «В то время непослушной обезьяной был Девадатта, его свитой была свита Девадатты, а мудрым царём обезьян был я сам».

Комментарии

1 Ср. *Kākaḥātaka*, № 140, том I, и *Тибетские сказки*, XLIII.

405. ДЖАТАКА О БАКАБРАХМЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 405 Bakabrahma-jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Семьдесят и два...» Эту историю о Бакабрахме [2] Учитель рассказывал, когда жил в Джетаване.

У Бакабрахмы возникло ложное учение, а именно: «Это настоящее существование бесконечно, постоянно, вечно, неизменно; без него вообще нет никакого спасения или освобождения». В прежнем воплощении этот Брахма однажды практиковал медитацию, поэтому он родился на небесах Вехаппхала. Просуществовав там пятьсот кальп, он родился на небесах Субхакинны; после шестидесяти четырёх кальп там он переродился на небесах Абхассары, где существование длится восемь кальп. Именно там возникло в нём это ложное учение. Он забыл, что сошёл с Высших Небес Брахмалоки и родился на этих небесах, и, не видя ни того, ни другого, принял ложное учение.

Господь, понимая его размышления, так же легко, как сильный человек может вытянуть согнутую руку или согнуть вытянутую, исчез из Джетаваны и появился в этой Брахмалоке. Брахма, увидев Господа, сказал: «Иди сюда, мой Господь; добро пожаловать, мой Господь! Прошло много времени, мой Господь, с тех пор как ты воспользовался этой возможностью, хотя бы для того, чтобы прийти сюда. Этот мир, мой Господь, бесконечен, он постоянен, он вечен, он абсолютен, он неизменен; этот мир не рождается, он не разлагается, он не умирает, он не проходит, он не рождается снова; кроме этого мира, нет другого спасения за его пределами».

Когда это было сказано, Господь ответил Бакабраhme: «Бакабраhma пришёл к неведению; он пришел к неведению, когда он сказал, что вещь, которая непостоянна, постоянна, и так далее, и что нет другого спасения, кроме этого, когда есть другое спасение». Услышав это, Брахма подумал: «Он сильно давит на меня, выясняя точно, что я говорю», подобно тому как пугливый вор, получив несколько ударов, говорит: «Я что, единственный вор? Такие-то, такие-то, такие-то и такие-то – тоже воры», – выдавая своих товарищей. Поэтому он, боясь расспросов Господа, показывая, что другие были его товарищами, произнёс первую гатху:

Семьдесят и два, о Готама, нас числом.
Праведные и великие, от рождения и возраста мы свободны.
Наши небеса – это Обитель Мудрости, нет ничего выше.
И множество людей с этим согласны.

Услышав его слова, Учитель произнёс вторую гатху:

Коротко твоё существование в этом мире. Неверно,
Бака, думать, что существование здесь продолжительно.
Сто тысяч эонов пройдут –
Всё ваше существование хорошо мне известно.

Услышав это, Бака произнёс третью гатху:

Бесконечную мудрость, о Господь, я являю.
Рождение, возраст и страдание – всё это ниже меня.
Какие добрые дела совершил я в древности?
Скажи мне что-нибудь, Господи, что я должен знать.

Далее Господь, рассказывая и показывая ему события прошлого, произнёс четыре гатхи:

Ты напоил многих людей,
От жажды в иссушающий зной готовых утонуть.
Этот твой столь давний добродетельный поступок,
Который вспоминается словно сквозь сон, я знаю.

На берегу Антилопы ты освободил
Людей, пребывавших в плену и оковах.
Этот твой столь давний добродетельный поступок
Который вспоминается словно сквозь сон, я знаю.

В водах Ганга ты освободил человека,
Чья лодка была захвачена нагом жестоким,
Жаждающим плоти. Храбро ты его спас.
Этот твой столь давний добродетельный поступок
Который вспоминается словно сквозь сон, я знаю.

И я был Каппой, твоим верным учеником,
Твою мудрость и все твои достоинства я узнал.
Этот твой столь давний добродетельный поступок
Который вспоминается словно сквозь сон, я знаю.

Услышав свои собственные деяния из уст Учителя, Бака поблагода-
рил и произнёс эту последнюю гатху:

Ты знаешь каждую жизнь, прожитую мной.
Ты — Будда, и вся мудрость, несомненно, твоя.
Безусловно, твоё лучезарное величие
Даже этот мир Брахмы озаряет.

Поэтому Учитель, явив свои качества Будды и изложив дхарму, про-
возгласил Четыре Благородные Истины. В конце концов мысли десяти
тысяч брахм освободились от привязанностей и пороков. Таким обра-
зом, Господь стал прибежищем многих брахм и, возвратившись с Брах-
ма-Локи в Джетавану, проповедовал дхарму так, как он описал, и связал
перерождения: «В то время отшельник Кешава был Бакабрахмой, а я
был учеником Каппой».

Комментарии

¹ Ср. Hardy, *Manual of Buddhism*, стр. 348.

² Брахма означает божество на одном из небес Брахма-Локи, три из
которых упоминаются далее.

406. ДЖАТАКА О ГАНДХАРЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 406 Gandhara-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Шестнадцать тысяч деревень...» Эту историю относительно наставления о хранении снадобий [1] Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Сам этот случай произошёл в Раджагахе. Когда почтенный Пилиндиявачча пришёл в царский дворец, чтобы освободить семью смотрителя парка [2], он волшебной силой создал дворец из золота, и восхищённые люди принесли этому старцу пять видов снадобий. Он передал их собранию монахов. Снадобий было очень много, и монахи принялись наполнять ими горшки, кувшины и мешки и откладывать их в сторону. Люди, видя это, стали роптать: «Эти жадные монахи накапливают у себя снадобья». Учитель, услышав это, провозгласил заповедь: «Какие бы снадобья для больных братьев [ни были получены, они должны быть использованы в течение семи дней]». И ещё он сказал: «Братья, мудрецы древности, до появления Будды, посвящённые в еретические учения и соблюдающие только пять заповедей, бранили тех, кто откладывал даже соль и сахар на следующий день; но вы, хотя и посвящённые в такое учение о спасении, делаете запас на два или три дня вперёд». И он поведал им историю былых времён.

* * *

Когда-то Бодхисаттва воплотился сыном царя царства Гандхара; после смерти своего отца он стал царём и правил справедливо. В центральном регионе, в царстве Видеха, в то время правил царь по имени Видеха. Эти два правителя никогда не виделись, но были друзьями и очень доверяли друг другу. В то время люди жили долго: их жизнь длилась тридцать тысяч лет. Однажды в постный день полнолуния царь Гандхары, приняв обет заповедей [3], сидел на возвышении на царском троне, глядя через открытое окно на восточную сторону, объясняя своим министрам сущность дхармы. В этот момент Раху закрыл лунный диск, который, будучи в полнолунии, ярко освещал всё. Лунный свет исчез. Министры, не видя сияния луны, сказали царю, что Раху похитил луну. Царь, посмотрев на небо, подумал: «Луна потеряла свою яркость, потому что её затемняет извне какая-то напасть. Сейчас моя царская свита — это напасть, и не подобает, чтобы я утратил свой свет, словно луна,

захваченная Раху. Я оставлю своё царство, как лунный диск, сияющий в ясном небе, и стану отшельником. Зачем мне увещевать других? Я буду ходить, отделённый от родни и всех людей, увещевая только себя. Вот что мне нужно». И он сказал: «Поступайте, как вам угодно», — и передал царство своим министрам.

Он оставил правление в двух царствах — Кашмире и Гандхаре, принял святую жизнь и, развив трансцендентные способности, провёл сезон дождей в Гималаях, предавшись блаженству медитации.

Царь Видехи, спросив купцов: «Всё ли хорошо с моим другом?» — услышал в ответ, что тот оставил мирские дела и сделался отшельником. Он подумал: «Если мой друг принял святую жизнь, что мне делать с царством?» И он отказался от власти в своем городе Митхиле, протяжённостью в семь лиг, и в своём царстве Видеха, протяжённостью в триста лиг, с шестнадцатью тысячами деревень с полными житницами и шестнадцатью тысячами танцующих девушек, и, не думая о своих сыновьях и дочерях, отправился в Гималаи и тоже стал отшельником.

Он питался только фруктами, пребывая в состоянии безмолвия. Оба бывших царя, ведя эту спокойную жизнь, впоследствии встретились, но не узнали друг друга; и всё же они жили рядом в дружбе и покое. Отшельник Видехи прислуживал отшельнику Гандхары.

Однажды в полнолуние, когда они сидели у корней дерева и разговаривали о вещах, относящихся к дхарме, Раху скрыл лунный диск, сиявший в небе. Отшельник Видехи поднял глаза и сказал: «Почему свет луны исчез?» Увидев, что Раху захватил его, он спросил: «Учитель, почему он закрыл луну и сделал её тёмной?» «Ученик, имя этой неприятности, случившейся с луной, — Раху; он задерживает её сияние. Я, видя лунный диск, поражённый Раху, подумал: «Есть ясный диск Луны, ставший тёмным из-за неприятности извне. Сейчас это царство — проблема для меня. Я приму святую жизнь, чтобы царство не сделало меня тёмным, как Раху затемняет лунный диск». И вот, побуждённый видом лунного диска, захваченного Раху, я оставил своё великое царство и сделался отшельником». «Учитель, ты был царём Гандхары?» «Да». «Учитель, я был царём Видеха в царстве Видеха и городе Митхила. Не с тобой ли мы были друзьями, хотя никогда не видели друг друга?» «Что побудило тебя оставить мир?» «Я узнал, что ты стал отшельником, и подумал: «Несомненно, он понял благость такой жизни». И, побуждённый твоим поступком, я покинул своё царство и принял святую жизнь».

С тех пор они стали чрезвычайно близки и дружны и питались только фруктами. После долгого пребывания в Гималаях они спустились за солью и уксусом и пришли в одну приграничную деревню. Люди, довольные их появлением, дали им подаяние и, взяв обет, соорудили им жильё в лесу и поселили их там. Ещё они обустроили у дороги место для приёма пищи рядом с водой. Отшельники, совершив обход в приграничной деревне, сели и съели подаяние в этой хижине из листьев, а затем отправились в своё жилище.

Люди, которые давали им еду, в один день насыпали соль на лист и давали им, в другой же день давали несолённую пищу. Однажды они дали им много соли в корзинке из листьев. Отшельник Видехи принёс эту соль, дал Бодхисаттве достаточное количество во время трапезы и взял себе надлежащую меру; затем, убрав остальное в корзину с листьями, он завернул его в пучок травы со словами: «Этого будет достаточно для дня без соли». И вот как-то раз, когда было получено подаяние без соли, человек из Видехи, подавая пищу человеку из Гандхары, взял соль из пучка травы и сказал: «Учитель, возьми соль». «Сегодня нам не давали соли, где ты её взял?» «Учитель, люди дали много соли за день до этого, и я сохранил то, что осталось, для дня без соли». Тогда Бодхисаттва упрекнул его, сказав: «О глупый человек, ты оставил царство Видеха, простирающееся на триста лиг, принял святую жизнь и достиг освобождения от привязанностей; а теперь у тебя появилось стремление к соли и сахару». И, увещевая его так, он произнёс первую гатху:

Шестнадцать тысяч деревень с их изобилием ты бросил,
Сокровищницы с огромными богатствами.
А теперь копишь здесь соль!

Видеха не стерпел упрёка и отдалился от своего друга, говоря: «Учитель, ты видишь мою вину, но не видишь своей. Разве ты не оставил своё царство и не стал отшельником, говоря: «Зачем мне увещевать другого? Я буду увещевать только себя». Зачем же ты теперь увещеваешь меня?» И он произнёс вторую гатху:

Гандхару и все её провинции, все её богатства ты бросил,
Не отдавая больше никаких царских указаний;
А сегодня указываешь мне!

Услышав это, Бодхисаттва произнёс третью гатху:

Я говорю о праведности,
Ибо неправедность мне отвратительна.
Когда я говорю о праведности,
Грех не может запятнать меня.

Отшельник Видехи, услышав слова Бодхисаттвы, сказал: «Учитель, не подобает человеку говорить, если он раздражает и злит другого, даже если он говорит по существу. Ты говоришь со мной очень сурово, как будто бреешь меня тупой бритвой». И он произнёс четвертую гатху:

Слова, которые, если бы они были произнесены,
Оскорбили бы других,
Мудрые оставляют невысказанными,
Даже если они много значат.

Бодхисаттва произнёс пятую гатху:

Пусть слушающий меня обижается или нет;
Когда я говорю о праведности,
Грех не может запятнать меня.

Сказав так, он продолжал: «Я не буду работать с тобой, о Ананда [4], как гончар с сырой глиной; я буду повторять упрёки снова и снова; то, что истинно, то останется». И поэтому, будучи непоколебимым в следовании этому наставлению Благословенного (подобно тому как гончар считает готовыми не сырые сосуды, а обожжённые, так и он, увещевая и проповедуя снова и снова, делает человека прочным, как обожжённая глина), чтобы показать ему это, он произнёс эти две гатхи:

Если мудрость и добродетель
Не взращивать в людях,
Многие стали бы бродить праздно,
Подобно ослеплённому буйволу.
Но те, в ком взращивают мудро и неустанно добродетель,
Вступают на путь достойный и благородный.

Услышав это, отшельник Видеха сказал: «Учитель, с этого времени увещевай меня! Я говорил с тобой так из-за своего раздражительного характера, прости меня!» И, оказав так уважение, он получил прощение Бодхисаттвы. Так они жили вместе в мире и снова отправились в Гималаи. Затем Бодхисаттва рассказал отшельнику Видехе, как погрузиться в мистическую медитацию. Он сделал это и достиг высших способностей и достоинств. И оба они, не прекращая медитации, достигли мира Брахмы.

* * *

Закончив наставление, Учитель связал перерождения: «В то время отшельником Видехой был Ананда, царём Гандхары был я».

Комментарии

1 *Mahāvagga* vi. 15. 10.

2 See *Mahāvagga* VI. 15. 10.

3 Обет соблюдать пять нравственных заповедей.

4 Он называет это имя, обращаясь к отшельнику, как если бы предвидел его будущее перерождение в качестве Ананды.

407. ДЖАТАКА О ВЕЛИКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 407 Mahākapi-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Ты сделал себя...» Учитель рассказал эту историю о добрых делах по отношению к своим родственникам, когда жил в Джетаване. События будут описаны в «Джатаке о любви к родичам» [2]. Монахи начали говорить в Зале Истины: «Верховный Будда совершает добрые дела по отношению к своим родственникам». Когда Учитель спросил о предмете их обсуждения и ему объяснили, он ответил: «Братья, это не первый случай, когда Татхагата совершает добрые дела по отношению к своим родственникам». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва появился на свет из чрева обезьяны. Когда он вырос и стал боль-

шим и сильным, он поселился в Гималаях со свитой из восьмидесяти тысяч обезьян.

На берегу Ганга росло манговое дерево (другие говорят, что это был баньян), с ветвями и развилками, с глубокой тенью и густой кроной, похожее на горную вершину. Его сладкие плоды с божественным ароматом и вкусом были величиной с кувшины для воды. С одной ветви плоды падали на землю, с одной — в воды Ганга, и ещё с двух — в развилку главного ствола дерева. Бодхисаттва, поедая плоды вместе со стаей обезьян, думал: «Однажды мы подвергнемся опасности из-за того, что плоды этого дерева падают в воду». И вот, чтобы не оставить ни одного плода на ветке, росшей над водой, он велел другим обезьянам срывать цветки или едва завязавшиеся плоды, пока они были размером с семена нута.

Но, несмотря на это, один спелый плод, спрятанный за муравьиным гнездом, остался не замеченным ни одной из восьмидесяти тысяч обезьян. Он упал в реку и плыл, пока не запутался в сетке, натянутой под водой. В этом месте купался царь Бенареса, для безопасности которого натянули сети над и под водой. Царь провёл на реке весь день, а когда вечером собрался уходить, рыбаки стали убирать сеть и увидели плод. Не зная, что это такое, они показали его царю. Царь спросил: «Что это за фрукт?» «Мы не знаем, господин». «Кто же знает?» «Лесничие, господин». Он велел позвать лесничих и, узнав от них, что это манго, разрезал плод ножом и, велев прежде лесничим попробовать его, съел сам и отдал часть своему гарему и своим министрам.

Аромат спелого манго пропитал всё тело и одежду царя. Охваченный желанием вкусить ещё таких фруктов, он спросил лесничих, где растёт это дерево. Услышав, что оно находится на берегу реки в такой-то части Гималаев, он соединил вместе множество плотов и поплыл вверх по течению по маршруту, указанному лесничими. Точный счёт дням не указан. В положенное время они прибыли на место, и лесничие сказали царю: «Государь, вот это дерево».

Царь остановил плоты и пошёл туда пешком с большой свитой. Приготовив ложе у подножия дерева, он лёг, вкушая плоды манго и наслаждаясь их чудесным ароматом. Вокруг поставили часовых и развели костёр.

Когда люди уснули, в полночь со своей свитой появился Бодхисаттва. Восемьдесят тысяч обезьян, перескакивая с ветки на ветку, ели манго. Царь, проснувшись и увидев стадо обезьян, разбудил своих лю-

дей и, позвав лучников, велел им: «Окружите этих обезьян, поедающих манго, чтобы они не могли убежать, и застрелите их; завтра мы будем есть манго с мясом обезьяны». Лучники повиновались и окружили дерево со стрелами наготове. Обезьяны, увидев их и испугавшись смерти, так как они не могли теперь убежать, прибежали к Бодхисаттве и, дрожа от страха, сказали: «Господин, лучники стоят вокруг дерева и говорят: «Мы застрелим этих бродячих обезьян»». Бодхисаттва ответил: «Не бойтесь, я спасу вас!» Успокоив обезьян, он взобрался на ветку, которая поднималась прямо, прошёл по другой ветке, которая тянулась к Гангу, и, спрыгнув с её конца, пробежал расстояние в сто лежащих луков и спустился до куста на берегу [3]. Спустившись, он поставил метку, сказав: «Это будет расстояние, которое я прошёл». Сорвав бамбуковый побег и ободрив его, он сказал: «Столько-то будет прикреплено к дереву, и столько-то останется в воздухе», — и так посчитал две длины, забыв о части, прикреплённой к его собственной талии.

Взяв побег, он привязал один его конец к дереву на берегу Ганга, а другой — к своему поясу, а затем преодолел пространство длиной в сотню луков со скоростью облака, гонимого ветром. Не рассчитав части, прикреплённой к поясу, он не добрался до дерева; поэтому, крепко ухватившись обеими руками за ветку, он подал знак стае обезьян: «Быстро идите по моей спине вдоль бамбукового побега». Таким образом, восемьдесят тысяч обезьян спаслись, поклонившись Бодхисаттве и получив его разрешение. Девадатта был тогда обезьяной и среди этого стада; он сказал: «Это шанс для меня увидеть конец моего врага!» И он, взобравшись на ветку, прыгнул прямо на спину Бодхисаттвы. Сердце Бодхисаттвы пронзила сильная боль. Девадатта, причинив эту сводящую с ума боль, убежал, и Бодхисаттва остался один.

Царь, проснувшись, увидел всё, что сделали обезьяны и Бодхисаттва, и лежал, думая: «Это животное, жертвуя собственной жизнью, обеспечило безопасность своему стаду». Когда рассвело, он, восхищённый поступком Бодхисаттвы, решил: «Нехорошо уничтожать этого царя обезьян. Я приведу его сюда и позабочусь о нём». Направив плот вниз по Гангу и построив там платформу, он ласково попросил Бодхисаттву спуститься вниз, после чего одел его в жёлтую мантию, омыв в водах Ганги. Ему дали пить подслащённую воду, очистили его тело и помазали тысячекратно очищенным маслом. Затем царь положил промасленную шкуру на ложе и, уложив его, сел на низкое сиденье и произнёс первую гатху:

Ты сделал себя мостом для них,
Чтобы они могли безопасно уйти.
Что же ты для них, обезьяна,
И что они для тебя?

Услышав это, Бодхисаттва, наставляя царя, произнёс такие гатхи:

Победоносный царь, я охраняю стаю,
Я их вожак и господин.
Они были полны страха перед тобой
И испытывали страдания.
Мой прыжок был в сто раз длиннее
Вытянутого лежащего лука;
Я крепко обвязал бамбуковый побег вокруг бёдер.
Я добрался до дерева, как грозовая туча,
Гонимая порывом бури;
Я потерял силы, но добрался до ветки
И крепко ухватился за неё.
И пока я висел, вытянувшись, крепко
Удерживаемый ветвями и побегами,
Мои обезьяны прошли по моей спине
И теперь находятся в безопасности.
Поэтому я не боюсь смерти,
Узы не причиняют мне боли:
Те, кем я когда-то правил,
Свободны и счастливы.
Вот притча для тебя, о царь,
Если ты хочешь постичь истину:
О счастье царства, воинов и лошадей,
А также городов
Ты должен заботиться, если ты
Действительно хочешь царствовать.

И Бодхисаттва, таким образом наставив и обучив царя, умер. Царь, созвав своих министров, приказал, чтобы царь обезьян был погребён с царскими почестями, и послал в гарем со словами: «Приходите на обряд погребения, как свита царя обезьян, в красных одеждах, с растрёпанными волосами и факелами в руках». Служители сложили погребальный

костёр из ста телег брёвен. Совершив погребальный обряд Бодхисаттвы как подобает, они взяли его череп и пришли к царю. Царь приказал построить святилище на месте погребения Бодхисаттвы, зажечь там факелы и принести в жертву благовония и цветы. Также он приказал, чтобы череп был инкрустирован золотом и надет на остриё копья; почтив его благовониями и цветами, он поставил его у царских ворот, когда пришёл в Бенарес, и, украсив весь город, он в течение семи дней оказывал ему почести. Затем, объявив его реликвией и воздвигнув святилище, он всю жизнь почитал его благовониями и гирляндами. Утвердившись в учении Бодхисаттвы, он раздавал подаяние и совершал другие благие дела, правил своим царством праведно и достиг перерождения на небесах.

* * *

После наставления учитель провозгласил Четыре Благородные Истины и связал перерождения: «В то время царём был Ананда, обезьянами – собрание, а царём обезьян – я».

Комментарии

1 Эта история фигурировала в *Stūpa of Bharhut* Каннингема, плита XXXIII, рис. 4 (с разъяснениями м-ра Tawney в *Proc. As. Soc. of Bengal* за август 1891 г.). Ср. *Jātakamālā*, № 27 («Большая обезьяна»).

2 № 444*, том IV.

3 Судя по фигуре на ступе из Бхархута, он перепрыгнул через Ганг.

408. ДЖАТАКА О ГОРШЕЧНИКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 408 Kumbhakāra-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Манговое дерево в лесу...» Эту историю об обличении порока Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Сам случай будет изложен в «Джатаке о воде» [1]. В то время в Саваттхи пятьсот друзей, ставших отшельниками, жили в Доме с Золотой Мозаикой, и в полночь их одолевали похотливые мысли. Учитель смотрел на своих учеников

* Вероятно, здесь ошибка. На самом деле это № 465 (Bhaddasāla-Jātaka) (прим. ред.).

три раза в ночь и три раза в день, шесть раз каждую ночь и день, подобно тому как сойка оберегает свое яйцо, или як — свой хвост, или мать — своего любимого сына, или одноглазый — свой единственный глаз; таким образом, он имел возможность тут же заметить начинающийся грех и осудить его.

Он наблюдал за Джетаваной в ту полночь и, зная, какие мысли допускают монахи, подумал: «Этот грех среди братьев, если он будет расти, полностью разрушит их святость. Я сейчас же обличу их порок и явлю им святость». Поэтому, выйдя из благоухающей кельи, он позвал Ананду и, велел ему собрать всех монахов, живших там, сел перед ними на место, приготовленное для Будды. Он сказал: «Братья, неправильно жить во власти греховных мыслей; грех, если он начинает расти, приводит к великой гибели, как враг. Монаху следует порицать даже небольшой порок. В прежние дни мудрые, видя даже совсем незначительное проявление, обличали греховную мысль, едва она зародилась, и таким образом приходили к паччекабуддовости». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье горшечника в пригороде Бенареса. Когда он вырос, он стал главой семейства, имел сына и дочь и обеспечивал свою жену и детей, занимаясь гончарным ремеслом.

В то время в царстве Калинга, в городе Дантапуре, царь по имени Карадугу, придя в свой сад с большой свитой, увидел у ворот манговое дерево, увешанное сладкими плодами. Он протянул руку со своего сидения на спине слона и схватил несколько манго; затем, войдя в сад, он сел на царское место и стал есть плоды, угощая тех, кто достоин милости.

И с того момента, как царь взял несколько плодов, министры, брамины и придворные, думая, что другие тоже должны делать так, стали срывать и есть манго с этого дерева. Подходя снова и снова, они взбирались на дерево и, колотя его дубинками и ломая ветки, ели плоды, не оставляя даже незрелых.

Весь день царь провёл в саду, а вечером, проезжая мимо на царском слоне, он спешил, увидев дерево, подошёл к нему, посмотрел вверх и задумался: «Утром это дерево стояло прекрасное, увешанное многочисленными плодами; теперь оно стоит некрасивое, со сломанными ветками и сорванными плодами». Отойдя в сторону, он увидел другое,

бесплодное дерево и подумал: «Это манговое дерево прекрасно в своей бесплодности, как лишённая растительности гора с сокровищами; другое же постигло несчастье из-за его плодоносности. Жизнь главы семейства подобна плодоносящему дереву, жизнь отшельника подобна бесплодному дереву. Имеющие боятся, но не имеющие не ведают страха. Я хотел бы быть подобен бесплодному дереву».

Итак, побуждённый примером с деревьями, он встал у корней; и, рассматривая три свойства [2] и совершенствуя духовное прозрение, он достиг паччекабуддовости. Он стал размышлять: «Оболочка утробы теперь упала с меня. Повторное рождение в трёх существованиях закончилось; мерзость перевоплощения вычищена, океан слёз высох, стена из костей разрушена. Для меня больше нет повторного рождения».

Он стоял, словно украшенный всеми украшениями. Тогда его министры сказали: «Ты слишком долго стоишь здесь, о великий царь». «Я не царь, я паччекабудда». «Паччекабудды не похожи на тебя, о царь». «Тогда на что они похожи?» «Их волосы и бороды выбриты, они одеты в жёлтые одежды. Они не привязаны к семье или племени; они подобны облакам, разорванным ветром, или лунному диску, освобождённому от Раху. И они живут в Гималаях в пещере Нандамула. Таковы, о царь, паччекабудды».

В этот момент царь поднял руку и коснулся своей головы, и тотчас же знаки главы семейства исчезли, а знаки посвящённого стали видны.

Три одеяния, чаша, бритва, иглы, цедилка, пояс —

Эти восемь знаков должны быть у благочестивого монаха.

Эти неотъемлемые атрибуты, как их называют, посвящённого прикрепились к его телу. Стоя в воздухе, он проповедовал толпе, а затем отправился по небу в горную пещеру Нандамула на вершинах Гималаев.

В царстве Гандхара, в городе Таккасила, царь по имени Наггаджи на террасе, посреди царского ложа, увидел женщину, которая надела на каждую руку по браслету с драгоценными камнями и, сидя рядом, растирала благовония. Он подумал: «Эти браслеты с драгоценными камнями не соприкасаются и не звенят, когда разделены», — и так сидел, наблюдая. Затем она, надев браслет с правой руки на левую и собрав правой благовония, принялась растирать их. Браслет на левой руке, соприкоснувшись с другим, издал звук. Царь заметил, что эти два браслета издают звук, когда ударяются друг о друга, и подумал: «Этот браслет, наде-

тый отдельно, ни к чему не прикасался; теперь же он касается второго и издает звон. Точно так же живые существа, когда они разделены, не касаются друг друга и не производят шум, но когда их становится двое или трое, они взаимодействуют друг с другом и издают звуки. Сейчас я правлю жителями двух царств — Кашмира и Гандхара; но я тоже должен жить, как один браслет, правя собой и не правя другими.

Таким образом, побуждённый примером соприкасающихся браслетов, сидя так, как он сидел, он осознал три свойства, достиг духовного просветления и обрел паччекабуддовость. Остальное, как и в предыдущем случае.

В царстве Видеха, в городе Митхила, царь по имени Ними после завтрака, окруженный своими советниками, стоял, глядя вниз на улицу через открытое окно дворца. Ястреб, стащив немного мяса на мясном рынке, взлетел в воздух. Какие-то стервятники или другие птицы, окружив ястреба с обеих сторон, принялись клевать его клювами, бить крыльями и ударять когтями из-за мяса. Не желая быть убитым, ястреб бросил мясо, и другая птица тут же схватила его; остальные, оставив ястреба, напали на неё. Когда она бросила мясо, третья схватила его; и её принялись клевать точно так же. Царь, увидев этих птиц, подумал: «Кто взял плоть, тот познал страдания; кто отказался от неё, постиг блаженство. Кто предаётся пяти чувственным удовольствиям, познает страдания; человек, который отринул их, достигает блаженства. Это едино для всех. Сейчас у меня шестнадцать тысяч женщин; но я должен жить в блаженстве, отринув пять чувственных удовольствий, подобно тому как ястреб отказался от куска плоти». Мудро рассмотрев это, он тут же, не сходя с места, осознал три свойства, достиг духовного просветления и обрёл мудрости паччекабудды. Остальное, как и в предыдущем случае.

В царстве Уттарапанчала, в городе Кампилла, царь по имени Думмукха, со всеми своими украшениями и в окружении своих министров, стоял после завтрака, глядя вниз на дворцовый двор из открытого окна. В ту минуту, когда отворили дверь коровника, быки, вышедшие из загонна, с вожделением набросились на одну корову, и большой бык с острыми рогами, увидев приближающегося соперника, одержимый похотливой ревностью, ударил его своими острыми рогами в бок. От удара такой силы у того вывалились внутренности, и он умер. Царь, увидев это, подумал: «Живым существам, поднявшимся до уровня животных, похотливое влечение приносит страдания. Этот бык из-за похоти достиг смерти. Другие существа также пребывают во власти вожделения.

Я должен отказаться от похоти». И так, не сходя с места, он осознал три свойства, достиг духовного просветления и обрёл мудрости паччекабудды. Остальное, как и в предыдущем случае.

И вот однажды эти четверо паччекабудд, решив, что настало время их обхода, покинули пещеру Нандамула, почистив зубы и омывшись в озере Аноататта. Побывав по необходимым делам в Маносиле, они взяли чашу и одеяние и, волшебной силой взлетев в воздух и ступив на облака пяти цветов, приземлились недалеко от пригорода Бенареса. В удобном месте они надели одеяния, взяли чашу и, войдя в предместье, обошли его кругом, собирая подаяние, и в конце концов подошли к двери дома Бодхисаттвы. Бодхисаттва, увидев их, пришёл в восторг и, пригласив их войти, усадил на приготовленное место, почтительно напоил водой и подал им превосходную пищу разного вида. Затем, сидя в стороне, он обратился к старшему из них: «Господин, твоя святая жизнь кажется прекрасной. Твои чувства пребывают в равновесии, твой взор ясен. Что побудило тебя отринуть всё мирское и принять посвящение?» И точно так же он спросил каждого из них. И каждый из них рассказал свою историю: «Я был таким-то и таким-то, царём такого-то города в таком-то царстве», — и так далее. Таким образом, каждый рассказал о причинах своего ухода из мира и произнёс по одной гатхе по порядку:

Манговое дерево в лесу я увидел,
Большое, с тёмной листвой, плодоносящее обильно;
Но люди сломали его из-за плодов.
Это и склонило моё сердце взять чашу.

Изысканные драгоценные браслеты
Женщина носила на каждом запястье беззвучно.
Один коснулся другого и звук породил.
Это и склонило моё сердце взять чашу.

Птицы злобные в стае другую птицу заклевали,
Которая в одиночестве мясо несла.
Из-за куска мяса она погибла.
Это и склонило моё сердце взять чашу.

Бык шествовал горделиво среди своих собратьев,
Воплощение силы и красоты.

От похоти он умер, рогом сражённый.
Это и склонило моё сердце взять чашу.

Бодхисаттва, выслушав каждую гатху, говорил: «Хорошо, господин, это подходящий сюжет», — и таким образом похвалил каждого паччекабудду. И, выслушав рассуждения этих четверых, он почувствовал отвращение к жизни главы семейства. Когда паччекабудды закончили завтрак и ушли, он позвал свою жену и сказал: «Жена, эти четверо просветлённых оставили царства, чтобы стать монахами, и теперь живут без греха, без помех, в блаженстве святой жизни, в то время как я зарабатываю себе на жизнь ремеслом. Какое мне дело до жизни главы семейства? Возьми детей и оставайся хозяйкой в доме». И он пропел две гатхи:

Караду — царь Калинги, Наггаджи — Гандхара,
Правитель Панчалы — Думмукха, Видехи — великий Ними,
Покинули свои престолы и ведут
Безгрешную жизнь монахов.

Здесь они свои божественный образы явили,
Каждый, словно пылающий огонь.
Бхаггави, я тоже пойду этим путём,
Оставив всё, что для мужчин столь желанно.

Услышав его слова, она ответила: «Муж мой, с тех пор, как я услышала речь просветлённых, я тоже не чувствую удовлетворения от роли хозяйки дома». И она пропела гатху:

Это назначенный час, я знаю;
Лучших учителей не может и быть.
Бхаггава, я тоже пойду,
Словно птица, выпущенная из рук.

Услышав её слова, Бодхисаттва замолчал. Она прибегла к хитрости, потому что стремилась первой получить посвящение. Поэтому она сказала: «Муж, я пойду за водой, а ты присмотри пока за детьми». И, взяв кувшин, как будто бы для воды, она отправилась за пределы города к отшельникам и приняла посвящение. Бодхисаттва так и не дождался её возвращения, и ему пришлось самому заниматься детьми. Позже, когда

они немного подросли, он стал учить их готовить рис. Чтобы показать им все тонкости, он готовил его в один день немного жёстким и сырым, в другой день — немного недожаренным, потом — хорошо прожаренным, потом — сырым, в один день — совсем без соли, в другой — посоленным с избытком. Дети говорили: «Отец, сегодня рис недоваренный; сегодня он сырой; сегодня хорошо сварен; сегодня он без соли; сегодня в нём слишком много соли». Бодхисаттва отвечал: «Да, дорогие», — а сам думал: «Теперь дети знают, что сырое, а что варёное, что солёное, а что нет. Они смогут жить самостоятельно. Я должен принять посвящение».

Поручив детей своим родственникам, он принял посвящение и поселился за пределами города. Однажды женщина-отшельница, просившая подаяние в Бенаресе, увидела его и приветствовала, сказав: «Господин, я думаю, что ты убил детей». Бодхисаттва сказал: «Я не убивал детей. Когда они стали самостоятельными и могли уже обходиться без меня, я принял посвящение. Ты же пренебрегла своими обязанностями по отношению к ним и радовалась, что получила посвящение». И он произнёс последнюю гатху:

Увидев, что они могут отличить
Солёное от несолёного, варёное от сырого,
Я стал монахом. Оставь же меня,
Мы можем следовать каждый своей дхарме.

Увещевав так отшельницу, он простился с ней. Она, приняв наставление, попрощалась с ним и отправилась в место, которое было ей по нраву. После того дня они больше не виделись. Бодхисаттва, развив сверхъестественные способности, достиг перерождения на небесах Брахмы.

* * *

Закончив наставление, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате пятьсот монахов достигли Святости) и связал перерождения: «В то время Уппалаванна была дочерью горшечника, Рахула был его сыном, мать Рахулы — отшельницей, а я был отшельником».

Комментарии

1 № 459, том IV.

2 Бренность, страдания, иллюзии.

409. ДЖАТАКА О ДАЛХАДХАММЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 409 Dalhadhamma-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Раньше я служила царю...» Эту историю о Бхаддаватике, слонихе царя Удены, Учитель рассказал, когда жил в лесу Гхосита около Косамби. О том, как была украшена эта слониха, и о царском происхождении Удены будет сказано в «Джатаке о мудреце-чандале» [1]. Однажды эта слониха, выходя утром из города, увидела Будду, окружённого множеством святых, в несравненном величии Своём идущего в город за подаянием. Упав к ногам Татхагаты, с плачем она взмолилась к нему: «Господь, Который знает всё, Спаситель всего мира! Когда я была молода и могла работать, Удена, законный царь, любил меня и говорил: «Моя жизнь, и царство, и царица — всё принадлежит ей». Он оказывал мне великие почести, украшая меня всеми украшениями. Он велел намазать мое стойло благоуханными смолами, повесить вокруг него разноцветные занавеси, зажечь лампу с благовонным маслом и поставить там блюдо с благовониями. Он поместил золотой горшок на мою навозную кучу, поставил меня на прекрасный ковёр и давал мне царскую пищу самых разнообразных вкусов. Но теперь, когда я состарилась и не могу работать, он лишил меня всех этих почестей; обездоленная, беззащитная и нуждающаяся, я живу, питаюсь плодами кетаки* в лесу. У меня нет другого прибежища. Заставь Удену вспомнить о моих заслугах и верни мне мои прежние почести, о Господь!»

Учитель ответил: «Ступай! Я поговорю с царем и верну тебе былые почести», — и он направился к двери царского жилища. Царь пригласил Будду войти и устроил во дворце большое угощение для собрания монахов, следующих за Буддой. Когда трапеза закончилась, Учитель поблагодарил царя и спросил: «О царь, где сейчас Бхаддаватика?» «Не знаю, Досточтимый». «О царь, воздавая почести слугам, нехорошо отнимать их в старости; следует быть признательным и благодарным. Бхаддаватика теперь стара и беззащитна. В преклонном возрасте она вынуждена жить, питаюсь плодами кетаки в лесу. Не подобает тебе оставлять её без защиты в старости». Напомнив о заслугах Бхаддаватики и сказав: «Восстанови все её прежние почести», — Учитель покинул дворец.

* Кетаки, или пандан ароматнейший (*Pandanus odorifer*) — вид растений семейства Пандановые. Широко распространён в Индии. Плодами питаются обезьяны и другие животные (прим. перев.),

Царь так и сделал. По всему городу распространился слух, что прежние почести, воздаваемые слонихе, были восстановлены, потому что Будда рассказал о её достоинствах. Это стало известно в собрании братьев, и они обсуждали произошедшее, собравшись вместе. Учитель, войдя и услышав предмет их беседы, сказал: «Братья, это не первый случай, когда Будда, рассказав о её заслугах, восстановил её прежние почести». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена в Бенаресе правил царь по имени Дахадхамма. В то время Бодхисаттва родился в семье советника, а когда вырос, тоже стал служить царю. Он получил много почестей от царя и занял место самого главного министра. У царя была некая слониха [2], наделённая большой силой и выносливостью. Она проходила сотню лиг за один день, она выполняла обязанности царского посланника, и в битве она сражалась и сокрушала врага. Царь говорил: «Она преданно служит мне!» — и он велел украсить её всеми украшениями и велел воздать ей все почести, как Удена воздал Бхаддаватике. Но затем, когда она состарилась и стала слабой, царь лишил её всех почестей. С тех пор она была беззащитна и жила, питаясь травой и листьями в лесу. И вот однажды, когда в царском дворе оказалось недостаточно посуды, царь послал за горшечником и сказал: «У нас недостаточно посуды». «О царь, — ответил горшечник, — у меня нет волов, чтобы запрячь в телеги и привезти коровий навоз (для замеса глины). Царь, услышав этот ответ, спросил: «А где наша слониха?» «О царь, она бродит где-то, где сама пожелает». Слониху разыскали, и царь отдал её горшечнику со словами: «Отныне запрягай её и вози коровий навоз». Горшечник ответил: «Хорошо, о царь», — и сделал, как ему было сказано. И вот однажды, выйдя из города, она увидела входящего Бодхисаттву и, упав к его ногам, сказала, сокрушаясь: «Господи, царь в юности считал меня очень полезной и оказывал мне большие почести. Теперь же, когда я состарилась, он лишил меня их и забыл обо мне. Беззащитная, я живу, питаюсь травой и листьями в лесу; и в довершение всех несчастий он теперь отдал меня горшечнику, чтобы тот запрягал меня в телегу. Кроме тебя, у меня нет прибежища. Ты знаешь мои заслуги перед царём; верни мне почести, которых я теперь лишена». И она произнесла три гатхи:

Раньше я служила царю; разве он не был доволен?
С оружием на груди я отважно вступала в бой.
Мои прежние подвиги в битве помнит ли царь,
И то, как я выполняла все его поручения?
Теперь я беспомощна и одинока; смерть моя уж близка.
И я служу горшечнику, таская для него навоз.

Бодхисаттва утешил её, сказав: «Не печалься, я поговорю с царём и верну тебе почести». Войдя в город, он отправился к царю и после утренней трапезы начал разговор: «Великий царь, разве слониха, по имени такая-то, не вступала в битву в таких-то местах с оружием, привязанным к груди, и в такой-то день разве она не прошла сотню лиг, чтобы доставить послание? Ты оказывал ей великие почести. Где она сейчас?» «Я отдал её горшечнику, чтобы возить навоз». Тогда Бодхисаттва спросил: «Правильно ли, великий царь, что ты отдал её горшечнику, чтобы он запряг её в повозку?» И в назидание он произнёс четыре гатхи:

Корыстью меряют люди плату за службу;
Как ты слона, они выбрасывают того,
Кто не приносит больше им пользы.
Но когда они забывают добрые дела
И оказанные им услуги,
Их дела приходят в упадок.
Если люди помнят добрые дела
И оказанные им услуги,
Удача сопутствует всем их начинаниям.
Всем собравшимся эту благословенную
Истину я повторю:
Будьте благодарны, и на небесах
Пребудете долго.

Затем Бодхисаттва дал наставления всем собравшимся. Услышав его речи, царь вернул старой слонихе ее прежние почести и, утвердившись в Учении Бодхисаттвы, раздавал подаяние и совершал добродетельные поступки, и в итоге получил перерождение на небесах.

* * *

Закончив свой рассказ, Учитель связал перерождения: «В то время слонихой была Бхаддаватика, царём был Ананда, министром был я сам».

Комментарии

1 № 497, том IV.

2 Моррис, *Journ. Pali Text Soc.* за 1887 год, стр. 150; но, возможно, это слово означает «верблюдица».

410. ДЖАТАКА О СОМАДАТТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 410 Somadatta-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«В чаще леса...» Эту историю об одном престарелом монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Рассказывали, что этот монах посвятил в послушники юношу. Тот прислуживал ему, но вскоре умер от смертельной болезни. Старик ходил и рыдал, оплакивая его смерть. Увидев это, братья начали разговор в Зале Истины: «Господа, этот старый монах рыдает и причитает о смерти послушника: он, должно быть, позабыл, как медитировать на смерть». Вошёл учитель и, услышав предмет их беседы, сказал: «Братья, уже не в первый раз этот человек оплакивает смерть другого». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисатта был Шаккой. Некий богатый брамин из Бенареса оставил мир и стал отшельником в Гималаях, живя тем, что собирал в лесу корни и плоды. Однажды, разыскивая дикие плоды, он увидел слонёнка и взял его в своё жилище. Он назвал его Сомадаттой и относился к нему так, словно это был его собственный сын. Он ухаживал за ним и кормил его травой и листьями. Слон вырос большим, но однажды он объелся и заболел. Отшельник отвёл его к своей хижине и пошёл за дикими плодами; но, пока его не было, молодой слон умер. Подходя к хижине, отшельник подумал: «Раньше мой мальчик всегда выходил мне навстречу, но сегодня его нет. Что с ним случилось?» Сокрушаясь так, он произнёс первую гатху:

В чаще леса он встречал меня, но сегодня
Нигде слона я не вижу. Куда он забрёл?

Он увидел слона, лежащего в конце крытой галереи, и, обхватив его
за шею, со слезами произнёс вторую гатху:

Вот он, лежит мёртвый, словно срубленный молодой росток!
Он не поднимется больше; увы, мой слон мёртв.

В этот момент Шакка, обозревая мир, подумал: «Этот отшельник
оставил жену и ребёнка ради просветления; но сейчас он оплакивает
молодого слона, которого он назвал своим сыном! Я пробужу его и за-
ставлю задуматься». И, появившись в хижине, он встал в воздухе и про-
изнёс третью гатху:

Скорбеть об умерших пристало ли
Одинокому отшельнику, свободному от привязанностей?

Услышав это, отшельник произнёс четвёртую гатху:

Если человек подружился со зверем, о Шакка, он скорбит,
Потеряв товарища по играм,
Ибо находит в слезах облегчение.

Шакка, увещевая его, произнёс две гатхи:

Те, кто плачет, могут ещё оплакивать мёртвых.
Не плачь, о мудрец; «Плакать напрасно», — сказано мудрыми.
Если бы слезами мы могли одолеть смерть,
Мы бы спасли всех наших самых дорогих людей.

Услышав эти слова, отшельник задумался и утешился, вытер слёзы и
произнёс оставшиеся строфы, восхваляя Шакку:

Как питаемое топлёным маслом пламя, пылающее безудержно,
Гасится водой, так и он утолил мою печаль.
Стрела скорби ранила моё сердце и причиняла боль,
Он исцелил эту рану и вернул меня к жизни.

Заноза извлечена; исполненный счастья и покоя,
При словах Шакки я избавился от печали.

Эти гатхи уже были приведены ранее [1].
Увещевав отшельника, Шакка вернулся в свою обитель.

* * *

Учитель, закончив наставление, связал перерождения: «В то время молодым слоном был послушник, отшельником – престарелый монах, а Шаккой был я сам».

Комментарии

1 См. выше, стр. 214*.

411. ДЖАТАКА О ШУШИМЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 411 Susīma-Jātaka)

Перевод И. Ольтинской

«До сих пор волосы...» Эту историю о великом отречении Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Монахи сидели в Зале Истины, восхваляя отречение Будды. Учитель, обнаружив, что они говорят об этом, сказал: «Братья, нет ничего странного в том, что ныне я совершаю великое отречение и удаляюсь от мира, я, который в течение многих сотен тысяч веков являл совершенство. В прежние времена я так же отказался от царствования в царстве Каши, простирающемся на триста лиг, и отринул мирское». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был зачат в утробе главной жены его жреца. В день его рождения у царя также родился сын. В день наречения они назвали Великосущного Шушима-Кумарой, а сына царя – Брахмадатта-Кумарой. Царь, видя, что оба родились в один день, отдал Бодхисаттву кормилице и воспитал вместе со своим сыном. Они оба выросли прекрасными, как сыновья бо-

* Это в английском издании. Здесь это стр. 133, № 372 (прим. перев.).

гов. Они оба изучили все науки в Таккасиле и вернулись домой. Принц стал наместником; он ел, пил и жил вместе с Бодхисаттвой. После смерти своего отца он стал царём; оказав великую честь Бодхисаттве, он сделал его своим жрецом.

Однажды он украсил город и, разодетый, как Шакка, царь богов, объехал город во главе процессии, сидя на спине царственного слона, в своём величии равного Эраване [1], с Бодхисаттвой позади себя на слоне. Царица-мать, выглянув из своего окна, чтобы посмотреть на сына, увидела позади него жреца, возвращавшегося с процессии; она влюбилась в него и, войдя в свою комнату, подумала: «Если я не смогу покорить его, я умру прямо здесь». Она отказалась от пищи и легла в постель. Царь, не видя её, спросил о ней; услышав, что ей нездоровится, он подошёл к ней и почтительно спросил, что с ней. Но она почувствовала стыд и ничего не ответила.

Он сел на царский трон и послал свою собственную главную царицу, чтобы та разузнала причину болезни его матери. Она пошла и стала расспрашивать, поглаживая спину царицы-матери. Женщины не скрывают секретов друг от друга; и тайна была раскрыта. Главная царица, вернувшись, рассказала царю обо всём. Он сказал: «Хорошо, иди и утешь её. Я сделаю жреца царём, а её — его главной царицей». Она пошла и утешила её.

Царь послал за жрецом и рассказал ему о случившемся. «Друг, спаси жизнь моей матери: ты станешь царём, она — твоей главной царицей, а я буду наместником». Жрец воскликнул: «Этого невозможно!», — но когда его снова попросили, он согласился. И царь сделал жреца царём, царицу-мать — главной царицей, а себя — наместником. Они жили все вместе в гармонии, но Бодхисаттва тосковал, ведя жизнь главы семейства. Он оставил желания и обратился к святой жизни; не заботясь о чувственных удовольствиях, он стоял, сидел и лежал один, словно человек, заключённый в тюрьму, или птица в клетке.

Главная царица подумала: «Царь избегает меня; он стоит, сидит и лежит один. Что ж, он молод и свеж, а я стара, и у меня седые волосы; что если я расскажу ему, что у него есть один седой волос, заставлю его поверить в это и искать моего общества?» Однажды, словно причёсывая голову царя, она сказала: «Твоё величество стареет, у тебя на голове седой волос». «Вырви его и вложи мне в руку». Она вырвала волос, но выбросила его и вложила ему в руку один из своих седых волосков. Когда он увидел его, от страха перед смертью пот выступил у

него на лбу, похожем на золотую пластину. Он увещевал себя словами: «Шушима, ты состарился в юности; всё это время ты тонул в трясине желаний, как деревенская свинья, барахтающаяся в грязи и отбросах, и не мог выбраться из неё. Отринь желания и стань отшельником в Гималаях! Пришло время для святой жизни!» И с этой мыслью он произнёс первую гатху:

До сих пор волосы были тёмными,
Вьющиеся вокруг моего лба.
Сегодня найден белый: Шушима, это знак!
Пришло время стать монахом!

Так Бодхисаттва восхвалял монашескую жизнь. Царица увидела, что она вынудила его покинуть её вместо того, чтобы любить её, и в отчаянии, желая удержать его от ухода в монахи, восхваляя его тело, она произнесла две гатхи:

Это мой, а не твой посеребрённый волос;
Из моей головы он вырван.
Ради твоего блага я осмелилась солгать!
Но не вини меня, прошу!

Ты молод и прекрасен,
Как свежий весенний побег!
Оставайся царствовать, улыбнись мне!
Не думай сейчас о том, что наступит старость!

Но Бодхисаттва сказал: «Госпожа, ты рассказываешь о том, что всё равно должно произойти. С возрастом эти тёмные волосы изменят свой цвет и станут бледными, как бетель; я вижу изменение и разрушение тела, которое приходит с годами, в зрелом возрасте, к царственным девам и ко всем остальным, хотя они нежны, как венок из голубых цветов лотоса, прекрасны, как золото, и опьянены великолепием своей блистательной юности. Таков, госпожа, печальный конец живых существ». И далее, провозглашая истину с безмятежностью Будды, он произнёс две гатхи:

Я вижу юную деву
В расцвете красоты,
Стройную, словно нежный стебель.
Мужчины, как замороженные, смотрят ей вслед.

И вот я вижу её
Восемьдесят или девяносто лет спустя –
Трясущуюся, с посохом в руке,
Морщинистую и согбенную.

В этой гатхе Великосущный показал мимолётность красоты, а далее заявил о своей неудовлетворённости жизнью главы семейства:

Такие мысли посещают меня
Одинокими бессонными ночами.
Жизнь мирянина меня больше не радует.
Пришло время стать монахом!

Радости мирской жизни преходящи.
Мудрый отсекает их и идёт своим путём,
Отринув чувственные удовольствия и их власть.

Так, заявляя о блаженстве и о тщете желаний, он явил истину со всей безмятежностью Будды. Он послал за своим другом и вернул ему царство. Он оставил своё могущество и власть под громкие причитания родственников и друзей. Он стал мудрецом-отшельником в Гималаях и, войдя в экстаз медитации, переродился в мире Брахмы.

* * *

Закончив рассказ, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины и, дав многим напиться амброзии, связал перерождения: «В то время главной царицей была мать Рахулы, царём был Ананда, а царём Шушимой был я сам».

Комментарии

1 Слон Шакки.

412. ДЖАТАКА О ХЛОПКОВОМ ДЕРЕВЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 412 koṭisimbali-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Я принёс с собой...» Эту историю об обличении греха Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Инцидент, послуживший причиной, описан в Райññā-Jātaka [2]. По этому случаю Учитель, видя, что пятьсот монахов были охвачены похотливыми мыслями в Доме с Золотой Мозаикой, собрал всех и сказал: «Братья, правильно не доверять там, где это уместно. Пороки окружают человека, как баньяны и подобные растения растут вокруг дерева. В древности дух, обитающий в кроне хлопкового дерева*, заметил птицу, уронившую с помётом семена баньяна, которые она ранее съела, в развилку ветвей, и испугался, как бы это не разрушило его обитель». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва был духом, обитающим в кроне хлопкового дерева. Царь птиц Рух** принял форму ста пятидесяти лиг в длину и, разделив воды Великого океана взмахом крыльев, схватил за хвост царя змей длиной в тысячу сажений. Заставив змея извергнуть то, что он схватил в рот, он полетел над вершинами деревьев к хлопковому дереву. Царь змей подумал: «Я заставляю его бросить меня». Он зацепился своим капюшоном за баньян и крепко обвился вокруг него. Благодаря силе царя птиц Рух и величине царя змей баньян был вырван с корнем. Но царь змей не отпустил баньян. Царь Рух отнёс змеиного царя вместе с баньяном к хлопковому дереву, положил его на ствол, вспорол ему брюхо и съел жир, а тушу выбросил в море. На этом баньяне жила некая птица, которая взлетела, когда баньян был выброшен, и села на одну из ветвей высоко на хлопковом дереве. Дух дерева, увидев птицу, затрясся и задрожал от страха, думая: «Эта птица уронит свой помёт на мой ствол. Вырастет баньян или смоковница и распространится по всему моему дереву; и в итоге мой дом будет разрушен». Дерево содрогнулось до корней от трепета духа. Царь Рух почувствовал эту дрожь и произнёс две гатхи, интересуясь её причиной:

* Тропическое дерево семейства мальвовых (прим. перев.).

** Птица Рух, или птица-слон — в средневековом арабском фольклоре огромная (как правило, белая) птица размером с остров, способная уносить в своих когтях и пожирать слонов (прим. перев.).

Я принёс с собой царя змей в тысячу сажень длиной;
Его размеры и моё огромное тело вы выдержали, и не дрожали.
Но теперь из-за этой крошечной птички,
такой маленькой по сравнению со мной,
Ты дрожишь от страха и трепещешь.
Почему так, хлопковое дерево?

Дух дерева произнёс четыре гатхи, объясняя причину:

Ты питаешься плотью, о царь, а птичка — плодами.
Семена баньяна и инжира он уронит,
А также дерева бо, и весь ствол мой будет осквернён.

Из них вырастут деревья в укрытии моего ствола,
И, заглушённый ими, я перестану быть деревом.

Многие деревья с сильными корнями и пышными ветвями
Были разрушены из-за семян, принесённых птицами.
Ростки паразитов уничтожат могучее лесное дерево.
Вот почему, о царь, я трепещу, когда вижу грядущий ужас.

Услышав слова духа дерева, царь Рух произнёс последнюю гатху:

Опасения — это нормально, если действительно есть опасность;
Они грядущие беды предотвратят.
Мудрые на оба мира взирают спокойно,
Как будто опасений не существует.

Сказав так, царь Рух своим могуществом отогнал птицу от дерева.

* * *

Закончив наставление, Учитель провозгласил Благородные Истины, начав со слов: «Правильно не доверять там, где это уместно» (в результате пятьсот монахов утвердились в святости), — и связал перерождения: «В то время Шарипутта был царём Рух, а я — духом дерева».

Комментарии

1 Сравните № 370 выше.

2 Не известно.

413. ДЖАТАКА О БРАМИНЕ [ПО ИМЕНИ] ДХУМАКАРИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 413 Dhūmakāri-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Праведный царь...» Эту историю о благосклонности царя Косалы к чужеземцу Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Рассказывают, что когда-то царь не проявлял благосклонности к своим старым воинам, которые приходили к нему привычным путём, но радушно принимал незнакомцев, приходивших впервые.

Однажды он отправился воевать в беспокойную приграничную провинцию, но его старые воины не хотели сражаться, думая, что новобранцы, к которым царь был благосклонен, сделают это; а новобранцы не хотели, думая, что старые воины сделают это. Мятежники победили. Царь, зная, что его поражение было вызвано ошибкой, которую он совершил, оказывая благосклонность вновь прибывшим, вернулся в Саваттхи. Он решил спросить Господа Мудрости, был ли он единственным царём, который когда-либо потерпел поражение по этой причине. Поэтому после утренней трапезы он отправился в Джетавану и задал этот вопрос Учителю. Учитель ответил: «Великий Царь, это не единственный случай. Прежние правители также были побеждены из-за милости, которую они оказали новобранцам». И по просьбе царя он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена в городе Индапаттане, в царстве Куру, правил царь по имени Дхананджая, из рода Юдхиттхилы. Бодхисаттва родился в доме его семейного жреца. Когда он вырос, он изучил все науки в Таккасиле, после чего вернулся в Индапаттану и после смерти отца стал семейным жрецом царя и его советником в мирских и духовных делах. Звали его Видхурапандита.

Царь Дхананджая не уделял внимания своим старым воинам, а проявлял благосклонность к новоприбывшим. Он отправился воевать в беспокойную приграничную провинцию, но ни его старые воины, ни новоприбывшие не хотели сражаться: каждый думал, что другая сторона позаботится об этом. В результате царь потерпел поражение.

По возвращении в Индапаттану он решил, что его поражение было вызвано благосклонностью по отношению к новичкам. И вот однажды он подумал: «Неужели я единственный правитель, который потерпел поражение из-за милости, оказанной новобранцам, или у других прежде случалось так же? Я спрошу Видхурапандиту». И он задал этот вопрос Видхурапандите, когда тот пришел на утренний приём.

* * *

Учитель, объясняя причину его вопроса, произнёс половину гатхи:

Праведный царь Юдхиттхила
Однажды спросил мудрого Видхуру:
«Брамин, знаешь ли ты, в чьём одиноком сердце
Много горькой печали?»

* * *

Услышав его, Бодхисаттва сказал: «Великий царь, твоя печаль — всего лишь пустяк. В древности один пастух-брамин по имени Дхумакари, сделав загон в лесу, держал там большое стадо коз. У него был костёр с дымом; он питался молоком и сыром и пас своих коз. Но однажды к месту его обитания пришли олени золотистого цвета. Они очень понравились ему, и брамин, не обращая больше внимания на своих коз, стал оказывать оленям подобающие им почести. Осенью олени ушли в Гималаи. Его козы умерли, а олени покинули его; поэтому от горя он заболел желтухой и умер. Он воздавал почести новоприбывшим и погиб, испытывая горе и страдания в сто, в тысячу раз большие, чем ты». Приведя этот пример, Бодхисаттва сказал:

Брамин со стадом коз, из рода высокого Васиттхи,
Днём и ночью в лесном жилище поддерживал огонь.
Почувяв дым, стадо оленей, спасаясь от moskitов, пришло,
Чтобы переждать сезон дождей рядом с домом Дхумакари.
Всё внимание его переключилось на оленей,
А за козами ухаживать перестал.
Они бродили без присмотра, и поэтому все погибли.
Но вот дожди прекратились, и москиты покинули лес.
Олени вернулись к горным лугам и источникам.
Брамин увидел, что олени ушли, а все его козы мертвы.

Он стал бледным и жёлтым от горя, он заболел.
 Так и тот, кто пренебрегает своими,
 Проявляя благосклонность к чужим,
 Подобно Дхумакари, в одиночестве плачет от горя.

Такова была история, рассказанная Великосущным, чтобы утешить царя. Царь утешился и, вернув радостное расположение духа, щедро наградил советника. С тех пор он проявлял благосклонность к своему народу и, совершая милосердные и добродетельные поступки, достиг перерождения на небесах.

* * *

Закончив наставление, Учитель связал перерождения: «В то время царём Куру был Ананда, Дхумакари был Пасенади, царь Косалы, а Видхурапандитой был я».

414. ДЖАТАКА О ДЖАГАРЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 414 Jāgara-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Кто бодрствует...» Эту историю о некоем брате-мирянине Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Этот мирянин был учеником, вступившим на Первый Путь. Как-то раз он отправился по лесной дороге из Саваттхи с караваном повозок. В одном приятном месте у воды они сделали остановку, развели огонь и приготовили пищу, твёрдую и мягкую. Поев, люди легли спать.

Брат-мирянин практиковал хождение вокруг дерева рядом с местом, где спал главный караванщик. В то время пятьсот разбойников задумали ограбить караван; с оружием в руках они окружили его и ждали удобного момента. Увидев прохаживающегося брата-мирянина, они стали ждать, пока он уснёт, чтобы приступить к грабежу. Но он ходил всю ночь. На рассвете разбойники бросили палки, камни и другое оружие и ушли, сказав напоследок: «Господин караванщик, ты сохранил своё имущество и жизнь благодаря этому человеку, который так усердно бодрствовал. Ты должен воздать ему почести».

Караванщики, проснувшись, увидели камни и другие вещи, выброшенные разбойниками, и воздали почести брату-мирянину, признавая, что обязаны ему жизнью. Брат-мирянин двинулся с ними дальше. Уладив свои дела, он вернулся в Саваттхи и отправился в Джетавану. Там он поклонился Татхагате, сел у его ног и по его приглашению рассказал свою историю. Учитель сказал: «Брат-мирянин, не ты один приобрёл особую заслугу, бодрствуя и наблюдая. В прежние времена мудрые поступали так же». И вот по просьбе брата-мирянина он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов. Когда он вырос, он обучился всем наукам в Таккасиле, а затем, вернувшись, жил как глава семейства. Через некоторое время он покинул свой дом и стал отшельником, поселившись в одной местности в Гималаях. Вскоре он достиг способности медитации. Он проводил всё время в положении стоя или же прохаживаясь; он ходил всю ночь, не ложась спать. Духу, который жил в кроне дерева, понравилась его медитация, и он, задавая ему вопрос из отверстия в стволе, произнёс первую гатху:

Кто бодрствует, когда другие спят,
И спит, когда другие бодрствуют.
Кто может разгадать мою загадку
И сказать ответ?

Бодхисаттва, услышав голос духа, произнёс гатху:

Я тот, кто бодрствует, когда другие спят,
И спит, когда другие бодрствуют.
Я могу разгадать твою загадку
И сказать ответ.

Дух снова задал вопрос в следующей гатхе:

Как ты бодрствуешь, когда другие спят,
И спишь, когда другие бодрствуют?
Как ты разгадал мою загадку,
Как ты сказал ответ?

Он объяснил суть:

Некоторые люди забывают, что добродетель
Заключается в строгом воздержании;
Когда они спят, я бодрствую, о дух дерева.
Некоторые победили в себе страсть, порок и невежество;
Когда они бодрствуют, тогда я сплю, о дух дерева.
Поэтому я бодрствую, пока другие спят,
И сплю, пока другие бодрствуют..
Так я загадку твою разгадал,
Так даю тебе ответ.

Духу понравился ответ, который дал Великосущный, и, восхваляя его, он произнёс последнюю гатху:

Это верно, что ты бодрствуешь, пока другие спят,
И спишь, пока другие бодрствуют.
Верно ты разгадал мою загадку, верно дал ответ.

И, воздав хвалу Бодхисаттве, дух вернулся в свою обитель на дереве.

* * *

После наставления Учитель связал перерождения: «В то время духом дерева был Уппалаванна, а отшельником был я».

415. ДЖАТАКА О ПОЖЕРТВОВАНИИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 415 Kummāsapiṇḍa-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольпинской

«Служение, совершаемое...» Эту историю о царице Маллике Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Она была дочерью главного изготовителя гирлянд из Саваттхи, необыкновенно красивой и очень доброй. Когда ей было шестнадцать лет, она пошла с другими девушками в цветочный сад, неся три порции каши в цветочной корзинке. Когда она выходила из города, то увидела, что Благословенный входит в него,

распространяя сияние и окружённый собранием братьев; и она понесла ему три порции каши.

Учитель принял подношение, протягивая свою прекрасную чашу. Она низко поклонилась Татхагате и, медитируя на чувство своего счастья, встала в стороне. Глядя на неё, Учитель улыбнулся. Почтенный Ананда удивился, почему Татхагата улыбнулся, и спросил его об этом. Учитель объяснил ему причину: «Ананда, эта девушка станет сегодня главной царицей царя Косалы благодаря этим порциям каши».

Девушка пошла в цветочный сад. В тот же день царь Косалы сражался с Аджатасатту и бежал, потерпев поражение. Подъезжая верхом, он услышал её пение и, привлечённый им, поскакал к саду. Добродетель девушки принесла плоды. Увидев царя, она не убежала, а подошла к нему и схватила лошадь за уздечку. Царь спросил, замужем она или нет. Услышав, что не замужем, он спешился и, утомлённый ветром и солнцем, немного отдохнул, положив голову к ней на колени. Затем он посадил её на коня и во главе большого войска вошёл в город и отвёз её в её дом.

Вечером он прислал колесницу и с большими почестями вывел её из дома, посадил на груду драгоценностей, помазал и сделал главной царицей. С тех пор она стала дорогой, любимой и преданной женой царя, обладала верными слугами и пятью женскими прелестями. И она была любимицей Будд. По всему городу разнёсся слух, что она достигла такого процветания, потому что поднесла Учителю три порции каши.

Однажды монахи начали дискуссию в Зале Истины: «Господа, царица Маллика дала три порции каши Буддам и, как плод этого, в тот же самый день она была помазана царицей; поистине велика добродетель Будд». Учитель вошёл и спросил, о чём они говорят. Узнав предмет обсуждения монахов, он сказал: «Нет ничего странного в том, братья, что Маллика стала главной царицей царя Косалы, дав три порции каши одному только всеведущему Будде. Почему так? Это произошло по причине великой добродетели Будд. В прежние времена мудрые давали кашу без соли и масла паччекабуддам, и благодаря этому достигли в своём следующем рождении величия царей в Каши, протяжённостью в триста лиг». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в бедной семье. Когда он вырос, он зарабатывал на жизнь, работая у одного богатого человека. Однажды он купил в лавке четыре

порции каши, решив: «Этого мне хватит на завтрак», — и снова принялся за работу. Увидев четырёх просветлённых, идущих в Бенарес собирать подаяние, он подумал: «У меня есть эти четыре порции каши. Что если я отдам их этим людям, которые идут в Бенарес за подаянием?» Он подошёл и, поприветствовав их, сказал: «Господа, у меня есть эти четыре порции каши. Я предлагаю их вам. Пожалуйста, примите их, достойные, и так я приобрету заслугу для моего последующего благоденствия».

Они согласились. Он посыпал землю песком и устроил четыре места для сидения из сломанных веток. Затем он принёс воду в корзинке из листьев, совершил жертвенное возлияние, после чего положил четыре порции каши в четыре чаши с приветствием и словами: «Господа, вследствие этого пусть я не получу больше рождения в бедной семье; пусть это будет причиной достижения мной всеведения». Паччекабудды поели, поблагодарили и удалились в пещеру Нандамула.

Бодхисаттва, воздав почести, почувствовал блаженство от общения с просветлёнными. После того как они ушли, он вновь приступил к работе. Но он всегда помнил их, до самой своей смерти; как плод этого, он получил воплощение в утробе главной царицы Бенареса. Его называли принц Брахмадатта. С того момента, как он научился ходить самостоятельно, он вспомнил и ясно увидел всё, что он делал в предыдущих воплощениях, подобно отражению своего собственного лица в чистом зеркале. Он увидел, что родился ныне в таких условиях благодаря тому, что дал четыре порции каши паччекабуддам, когда был слугой и выполнял работу в том же городе.

Когда он вырос, он изучил все науки в Таккасиле. Отец был доволен его достижениями и по возвращении назначил его наместником; впоследствии, после смерти отца, он стал царём. Затем он женился на необычайно красивой дочери царя Косалы и сделал её своей главной царицей. Однажды в день праздника зонтиков от солнца они украсили весь город, как будто это был город богов. Царь обошёл город во главе процессии; затем он поднялся во дворец и на возвышении взошёл на трон с воздвигнутым над ним белым зонтиком. Сидя там, он смотрел сверху вниз на всех, кто находился в зале: с одной стороны — министры, с другой — брамины и домохозяева, блистающие красотой разнообразных одеяний, с третьей — горожане с различными дарами в руках, с четвёртой — группа танцовщиц числом в шестнадцать тысяч, подобная собранию небесных нимф в полном облачении.

Глядя на все это чарующее великолепие, он вспомнил своё прежнее воплощение и подумал: «Этот белый зонтик с золотыми гирляндами и возвышенном из массивного золота, эти тысячи слонов и колесниц, моё огромное царство, полное драгоценностей и жемчуга, изобилующее богатствами и зерном всех видов, эти женщины, подобные небесным нимфам, и всё это великолепие, которое принадлежит только мне, являюсь плодом подаяния в виде четырёх порций каши, преподнесённых четырёх просветлённым. Я получил всё это благодаря им». И, вспомнив о совершенстве паччекабудд, он отчётливо увидел и свой собственный добродетельный поступок. Когда он подумал об этом, всё его тело наполнилось блаженством. Восторг растопил его сердце, и он, обращаясь к собравшимся, радостно пропел две гатхи:

Служение, совершаемое для высших Будд,
Никогда не бывает слишком малым.
Подаяние из сухой каши без соли
Принесло мне это вознаграждение.
Слоны, лошади и коровы,
Золото, зерно и вся земля,
Толпы девушек с божественными формами:
Подаяние принесло мне всё это.

Так Бодхисаттва в своём ликовании и блаженстве в день церемонии вручения зонтика пел радостную песню радости из двух строф. С этого времени она стала называться любимой песней царя, и все пели её — танцовщицы Бодхисаттвы, другие танцовщицы и музыканты, его люди во дворце, горожане и советники.

Прошло много времени, и главной царице захотелось узнать смысл этой песни, но она не осмеливалась спросить Великосущного. Однажды царь, восхищённый каким-то её качеством, сказал: «Госпожа, я хочу принести тебе дар; прими его». «Хорошо, о царь, я приму его». «Что тебе подарить — слонов, лошадей или что-нибудь ещё?» «О царь, по твоей милости я ни в чём не нуждаюсь; мне не нужно всё это. Но если ты хочешь оказать мне милость, объясни мне смысл твоей песни». «Госпожа, зачем тебе это? Пожелай чего-нибудь другого». «О царь, я не нуждаюсь ни в чём другом. Только эту милость я приму». «Хорошо, госпожа, я расскажу тебе, но не только тебе одной. Я пошлю объявить под барабанный бой на все двенадцать лиг Бенареса, я построю богато украшенный шатёр у вхо-

да в мой дворец и поставлю там убранный драгоценными камнями трон. Там я воссяду в окружении министров, браминов и других жителей города, а также шестнадцати тысяч женщин, и расскажу эту историю». Она согласилась. Царь сделал всё, как он сказал, а затем сел на трон среди огромной толпы, как Шакка среди собрания богов. Царица тоже велел установить золотой церемониальный трон, села на соответствующее место сбоку, и, взглянув искоса, сказала: «О царь, расскажи и объясни мне, как будто заставляя луну подниматься в небе, смысл песни радости, которую ты пел в своём блаженстве». И она пропела третью гатху:

Славный и добродетельный царь,
Много раз песню ты пел,
Когда сердце переполнялось блаженством.
Молю, поведай мне её смысл.

Великосущный, объясняя смысл песни, произнёс четыре гатхи:

В этом же городе, но в другом состоянии
Я жил в прежнем воплощении:
Я был слугой, наёмным работником,
Но достойным человеком.
Однажды, идя на работу,
Я увидел четырёх отшельников,
Бесстрастных и спокойных в осанке,
Совершенных в дхарме.
Все мои мысли были обращены к этим Буддам,
Сидевшим под деревом.
И я в благоговении сделал им приношение – кашу.
И ныне я пожинаю плоды
Того добродетельного поступка:
Страна со всеми её богатствами,
Вся земля в моей власти.

Услышав, как Великосущный полностью объяснил плоды своего действия, царица радостно сказала: «Великий царь, если ты так ясно видишь плоды благотворительности, с этого дня возьми порцию риса и не ешь сам, пока не отдашь её праведным служителям и браминам». И она пропела гатху, восхваляя Бодхисаттву:

Когда ешь, вспоминай о том подношении.
Не сворачивай с добродетельного пути,
Избегай беззакония, могущественный царь!
Праведно управляй своим царством.

Великосущный, соглашаясь с её словами, пропел гатху:

Я так и поступаю по-прежнему,
Выбираю пути праведные,
Где ходит добродетель, прекрасная царица:
Праведность приятна моему взору.

Сказав так, он взглянул на красоту царицы и произнёс: «Прекрасная госпожа, я полностью рассказал о своих добрых делах, совершённых в прежние времена; но среди всех этих дам нет ни одной, подобной вам по красоте или изяществу. Какими делами ты достигла этой красоты?» И он пропел гатху:

Госпожа, подобно небесной нимфе,
Ты толпу дев затмеваешь.
За какой благостный поступок ты получила в награду
Такую божественную красоту?

И она рассказала о добродетельном поступке, совершённом ею в прежнем воплощении, и пропела последние две гатхи:

Когда-то я была рабыней служанки
При царском дворе Амбаттхи.
Скромности сердце своё я отдала,
Добродетели и благим деяниям.

В чашу монаха в качестве подаяния
Однажды я рис положила.
Милосердием моя душа наполнилась.
Красота моя — плод этого деяния.

Рассказывают, что она тоже говорила с точным знанием и памятью о прошлых воплощениях.

Итак, оба полностью поведали о своих прошлых деяниях, и с того дня они построили шесть павильонов для раздачи подаяния — у четырёх ворот, в центре города и у ворот дворца. Взволновав всю Индию, они раздавали великие дары, соблюдали дхарму и святые дни, и в конце своей жизни получили воплощение на небесах.

* * *

Закончив наставления, Учитель связал перерождения: «В то время царицей была мать Рахулы, а царём был я».

Комментарии

1 Сравните *Jātakamālā* № 3, *Kathāsaritsāgara* № XXVII. 79.

416. ДЖАТАКА О РАВЕ-ЦАРЕУБИЙЦЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 416 Parantapa-Jataka)

Перевод И. Ольгинской

«Ужас и страх...» Эту историю о том, как Девадатта пытался убить его, Учитель рассказал, когда жил в бамбуковой роще. Однажды монахи завели разговор об этом в Зале Истины: «Братья, что только ни делал Девадатта, чтобы убить Татхагату. Он нанимал лучников, сбрасывал на него камень, выпустил слона Налагири. Любыми средствами пытался он уничтожить Татхагату». Учитель вошёл и спросил, что ни обсуждают, собравшись вместе. Когда они рассказали, он ответил: «Не раз уже, братья, Девадатта пытался меня убить; но ему не удалось даже напугать меня. А вот на себя он навлёт несчастья». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился сыном его главной царицы. Когда он вырос, он изучил все искусства в Таккасиле и получил от учителя заклинание, которое позволяло понимать речь всех животных. Закончив обучение, он вернулся в Бенарес. Отец назначил его наместником, но даже не пожелал увидеться с сыном, так как втайне желал избавиться от него.

Как-то ночью, когда все жители спали, самка шакала с двумя детёнышами проникла в город через сточную канаву. Во дворце Бодхисаттвы, напротив окна его спальни, был гостевой домик. Одинокiй путник, которого разместили там на ночлег, улёгся, но ещё не спал. Он снял сандалии и поставил их на пол рядом с собой. Шакалята хотели есть и начали скулить. Мать сказала им: «Не шумите, дорогие. Вон в том домике лежит человек, он снял обувь и поставил её на пол. Он ещё не спит, но когда он заснёт, я утащу его сандалии и дам вам поесть».

Говорила она всё это на своём языке, но Бодхисаттва благодаря волшебному заклинанию понял её слова. Встав с ложа, он открыл окно и спросил: «Есть здесь кто-нибудь?» — «Да, господин, это я, странник». — «Где твои сандалии?» — «На полу». — «Убери их и повесь повыше». Услышав это, шакалиха затаила зло на Бодхисаттву.

Через некоторое время она снова проникла в город тем же путём. В тот день какой-то пьяный гуляка спустился к пруду с лотосами, чтобы напиться воды, но поскользнулся, свалился в пруд и утонул. На нём были две одежды, и в нижней была спрятана тысяча монет, а на пальце было кольцо. Шакалята опять запищали от голода, и мать сказала: «Успокойтесь, дорогие! В этом лotosовом пруду лежит утопленник, у него было такое-то имущество. Он утонул прямо у спуска к воде, мы выловим его и съедем». Бодхисаттва, услышав её слова, открыл окно и спросил: «Есть кто-нибудь в домике для гостей?» Там был какой-то путник, он поднялся и сказал: «Я». — «Ступай к пруду с лотосами. Там в воде у самого спуска лежит утопленник. Возьми его одежду, тысячу монет и кольцо, а тело оттолкни подальше в воду». Человек так и сделал.

Шакалиха снова разозлилась: «Вчера ты не дал моим детям съесть сандалии; сегодня ты не дал им съесть утопленника. Что ж, погоди! Через три дня город будет осаждён неприятелем. Твой отец пошлёт тебя на битву. Враги отрубят тебе голову; тогда уж я напьюсь твоей крови и отомщу за все обиды. Ты ещё пожалеешь, что затеял вражду со мной!» — так кричала она, угрожая Бодхисаттве, а затем вместе с детёнышами убежала прочь.

На третий день пришёл враждебный правитель с войском и окружил город. Царь сказал Бодхисаттве: «Дорогой сын, иди и сразись с ним». — «Государь, мне было видение. Если я пойду сражаться, меня могут убить». — «Что мне твоя жизнь или смерть? Иди».

Великосущный повиновался. Вместе со своим отрядом он миновал ворота, напротив которых расположилось вражеское войско, и вышел через противоположные. Пока он шёл по улицам, жители присоединя-

лись к нему, так что вскоре весь город опустел. Выйдя на открытое пространство, он расположился лагерем и стал ждать. Царь решил: «Мой наследник бросил город и бежал со всем моим войском. Я окружён неприятелем. Я погиб!» Чтобы спасти свою жизнь, он взял свою главную царицу, придворного жреца и единственного слугу по имени Парантапа и под покровом ночи убежал с ними в лес.

Узнав о его бегстве, Бодхисаттва вернулся в город, победил в битве неприятельского царя и взойшёл на трон. А его отец построил хижину из листьев на берегу реки и стал жить там, питаясь дикими плодами. Царь с придворным жрецом уходили на поиски пропитания, а слуга Парантапа оставался с царицей в хижине. Она была уже беременна от царя, но из-за того, что постоянно находилась рядом с Парантапой, она согрешила с ним. Однажды она сказала: «Если царь узнает обо всём, он не пощадит ни тебя, ни меня. Надо разделаться с ним!» — «Каким же образом?» — «Когда он идёт купаться, ты несёшь его меч и купальную одежду. Дождись, пока он войдёт в воду, отруби ему голову, а тело разрубь на куски и закопай». Он согласился.

И вот однажды жрец отправился за дикими плодами. Он взобрался на дерево возле того места, где обычно купался царь, и стал собирать плоды. Царь, вознамерившись освежиться, в этот момент подошёл к воде вместе с Парантапой, который нёс его меч и купальную одежду. Когда он вошёл в воду, Парантапа схватил его за волосы и занёс меч. Царь закричал от страха. Жрец услышал этот крик и увидел сверху, как Парантапа убивает царя. Смертельный ужас охватил жреца, он спрыгнул с ветки и скрылся в чаще. Парантапа услышал издаваемый им шум. Убив царя и закопав его тело, он подумал: «Вон оттуда раздался шорох ветвей. Интересно, кто это может быть?» Он осмотрел дерево, но никого не обнаружил. Тогда он смыл с себя кровь и ушёл.

Жрец выбрался из своего укрытия. Он видел начало сцены убийства царя и догадался, что могло произойти потом. Он омылся и пошёл обратно в хижину. Опасаясь за свою жизнь, он решил притвориться, будто ослеп. Парантапа, увидев его, спросил, что с ним случилось. «О царь, — ответил жрец, продолжая притворяться, — что-то произошло с моими глазами. Я ничего не вижу! Я был в лесу рядом с муравейником, в котором живут змеи. Должно быть, какая-то змея брызнула своим ядом, и он попал мне в глаза». Парантапа подумал, что жрец принимает его за царя, и, чтобы успокоить его, сказал: «Будь спокоен, брамин, я позабочусь о тебе». И он накормил жреца дикими плодами.

С того времени Парантапа сам ходил в лес собирать плоды. В положенный срок царица родила сына. Когда мальчик подрос, она однажды ранним утром спросила Парантапу: «Кто-нибудь видел, как ты убивал царя?» — «Нет, никто не видел, но я слышал звук, словно кто-то спрыгнул с ветки. Я не знаю, был ли это человек или животное, но всякий раз, когда я думаю об этом, меня охватывает страх». И, говоря с царицей, он произнёс первую гатху:

Ужас и страх охватывают меня,
Когда я вспоминаю тот шорох ветвей.

Они думали, что жрец спит, но он не спал и слышал их разговор. Однажды, когда Парантапа отправился за дикими плодами, жрец вспомнил о своей жене-браминке и, тоскуя по ней, произнёс вторую гатху:

Моя законная жена живёт недалеко,
Но я тоскую, разлучённый с ней.
Бледнею я и трепещу, подобно Парантапе,
Когда слышал он, как шевельнулась ветка.

«Что ты там бормочешь?» — спросила царица. Он ответил: «Ничего, это просто мои мысли». Но однажды он снова вернулся к этой теме и произнёс третью гатху:

Моя любимая осталась в Бенаресе,
А я здесь погибаю от тоски.
Бледнею я и трепещу, подобно Парантапе,
Когда слышал он, как шевельнулась ветка.

Через какое-то время он, тоскуя всё сильнее, произнёс четвёртую гатху:

Сияние чёрных глаз её, улыбку и слова
Я вспоминаю каждый день, не в силах жить в разлуке.
Бледнею я и трепещу, подобно Парантапе,
Когда слышал он, как шевельнулась ветка.

Тем временем мальчик вырос, и вот ему исполнилось шестнадцать лет. Как-то раз брамин, взяв его в качестве поводыря, отправился на берег реки. Подойдя к купальне, он открыл глаза и посмотрел на юношу. «Разве

ты не слеп, брамин?» — спросил принц. «Нет. Я вынужден был притворяться слепым, чтобы спасти свою жизнь. Знаешь ли ты, кто твой отец?» — «Да». — «Этот человек — не твой отец. Твой отец был царём Бенареса, а этот человек — его слуга. Он согрешил с твоей матерью, а твоего отца убил и законал в этом месте». С этими словами он выкопал кости и показал ему. Принц очень разгневался и воскликнул: «Что же мне делать?» — «Сделай с этим человеком то же, что он сделал с твоим отцом!» — ответил жрец. Он рассказал юноше всё, что знал сам. Затем в течение нескольких дней он научил его обращаться с мечом. И вот однажды принц взял меч и купальную одежду и сказал: «Отец, пойдём искупаемся». Парантапа согласился, и они пошли на реку. Когда он вошёл в воду, принц схватил его левой рукой за пучок волос на макушке, а в правую взял меч и сказал: «На этом самом месте ты схватил моего отца за волосы и убил его. Теперь я сделаю с тобой то же самое!» Парантапа взвыл от ужаса и произнёс две гатхи:

Вот он, тот шорох ветвей, что преследовал меня!
Наконец он пришёл, чтоб поквитаться со мной!
Эта мысль столько лет мне не давала покоя:
Кто это спрыгнул с ветки — человек или зверь?

Тогда принц произнёс последнюю гатху:

Ты предал моего отца, ты здесь его убил.
Теперь твой страх настиг тебя, возмездие пришло!
Кто прятался тогда в ветвях, всё это видел сам,
И он поведал мне о том, что здесь произошло.

Сказав так, принц убил слугу на том же месте, где погиб его отец, закопал его и набросал сверху веток. Затем, омыв меч и искупавшись сам, он вернулся в хижину из листьев. Он рассказал жрецу, как убил Парантапу, а на мать взглянул осуждающе. Оставаться в лесу больше не имело смысла, и все трое вернулись в Бенарес. Бодхисаттва сделал молодого принца наследником, сам же, щедро раздавая дары и совершая другие добродетельные поступки, достиг перерождения на небесах.

* * *

Закончив свой рассказ, Учитель связал перерождения: «В то время Девадатта был старым царём, а я сам был молодым».

Книга восьмая Attha-Nipata

417. ДЖАТАКА О КАЧЧАНИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Attha-Nipata. 417 kaccāni-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«В белых одеждах...» Эту историю о человеке, который поддерживал свою мать, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Предание гласит, что этот человек был из хорошей семьи в Саваттхи. После смерти отца он остался преданным своей матери и ухаживал за ней, помогал ей полоскать рот, чистить зубы, купаться, мыть ноги, а также давал ей кашу, рис и другую пищу. Как-то она сказала ему: «Дорогой сын, в жизни домохозяина есть и другие обязанности: ты должен жениться на девушке из подходящей семьи, которая будет ухаживать за мной, и тогда ты сможешь выполнять подобающую тебе работу». «Матушка, для моего же блага и удовольствия я забочусь о тебе. Кто же ещё будет заботиться о тебе так хорошо?» «Сынок, ты должен что-то делать, чтобы увеличить наше благосостояние». «Мне не интересна жизнь главы семейства. Я буду ухаживать за тобой, а после твоей смерти стану отшельником».

Но она продолжала давить на него, и в конце концов, так и не получив его согласия, привела ему девушку из подходящей семьи. Он женился и жил с ней, потому что не хотел противиться матери. Жена заметила, с каким вниманием её муж ухаживает за своей матерью, и, желая подражать ему, тоже стала ухаживать за ней. Заметив преданность жены, он стал давать ей отныне всю самую лучшую пищу, какую только мог достать. Через какое-то время она возгордилась и подумала в своём безрассудстве: «Он даёт мне всю самую приятную пищу, которую получает. Ему, должно быть, не терпится избавиться от матери, и я найду для этого какое-нибудь средство».

И вот однажды она сказала: «Муж, твоя мать бранит меня, когда ты уходишь из дома». Он ничего не ответил. Тогда она подумала: «Я рассержу старуху, чтобы она стала неприятной своему сыну». И с тех пор она давала ей рисовую кашу либо очень горячую, либо совсем холодную, либо слишком солёную, либо вообще без соли. Когда

старуха жаловалась, что еда слишком горячая или слишком солёная, она бросала рис в холодную воду; а затем, когда она жаловалась, что он холодный и несолёный, невестка начинала громко кричать: «Только что ты говорила, что это слишком горячо и слишком солёно! Кто может угодить тебе?» Во время купания она лила горячую воду на спину старухи, а когда та говорила: «Дочка, у меня горит спина», — плескала на неё слишком холодную воду. Потом она жаловалась соседям: «Эта женщина только что сказала, что было слишком жарко, теперь она кричит, что ей слишком холодно. Кто может вынести её самодурство?»

Если старуха жаловалась, что у неё в постели полно блох, она вынимала постель, вытряхивала на неё свою собственную, а потом приносила обратно, говоря: «Я хорошенько всё вытряхнула». Добрая старушка, которую теперь кусало в два раза больше блох, всю ночь жаловалась, что блохи не дают ей спать. Невестка возражала: «Я вытряхивала твою постель вчера и позавчера! Как можно угодить этой женщине?»

Чтобы настроить сына старухи против неё, она разбрасывала повсюду мокроту, слюнь и седые волосы, а когда он спрашивал, кто делает весь дом таким грязным, она отвечала: «Это делает твоя мать. А если я ей говорю не делать этого, она начинает кричать. Я не могу оставаться в одном доме с этой старой ведьмой! Ты должен выбрать, кто из нас останется — она или я». Он выслушал её и сказал: «Жена, ты ещё молода и можешь зарабатывать себе на жизнь, куда бы ты ни пошла. А моя мать уже слаба, и я останусь с ней. Отправляйся к своим родным».

Услышав это, она испугалась и подумала: «Он не может расстаться со своей матерью, которая ему так дорога. А если я вернусь в свой старый дом, мне придётся жить в разлуке и быть несчастной. Я помирюсь со своей свекровью и стану ухаживать за ней, как прежде». И с тех пор она так и поступала.

Однажды этот брат-мирянин отправился в Джетавану, чтобы услышать проповедь дхармы. Он поприветствовал Учителя и встал в стороне. Учитель спросил его, не пренебрегает ли он своими прежними обязанностями, продолжает ли заботиться о матери. Он ответил: «Да, господин. Моя мать против моей воли женила меня. Жена стала делать такие-то и такие-то нехорошие вещи», — он рассказал всё Учителю и продолжил: «Но эта женщина не могла заставить меня бросить мать, и теперь она ухаживает за ней со всем уважением».

Учитель, выслушав его, сказал: «На этот раз ты не захотел исполнить её приказание; а в прежние дни ты изгнал свою мать, подстрекаемый женой, но благодаря мне взял её обратно в свой дом и ухаживал за ней». И по просьбе брата-мирянина он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, молодой человек из одной семьи после смерти отца посвятил себя своей матери и ухаживал за ней, как во вступительной истории; подробности такие же, как и приведённые выше. Но в этом случае, когда его жена сказала, что не может жить со старой ведьмой и он должен решить, кто из них должен уйти, он поверил ей на слово, что его мать виновата, и сказал: «Мама, ты всегда начинаешь в доме раздор! Отныне иди и живи в каком-нибудь другом месте, где тебе вздумается!» Она повиновалась со слезами, и, отправившись к одному знакомому, работала за жалованье и с трудом зарабатывала себе на жизнь. После её ухода невестка зачала ребёнка и стала говорить мужу и соседям, что ничего подобного не могло случиться, пока старая ведьма была в доме. Когда ребёнок родился, она сказала мужу: «Я не могла забеременеть, пока твоя мать жила в доме, но теперь у меня есть сын; так что ты можешь видеть, что она и в самом деле была ведьмой».

Старуха услышала, что рождение сына, как полагают, произошло из-за того, что она покинула дом, и подумала: «Конечно, Справедливость умерла в этом мире! Если бы это было не так, то эти люди не получили бы сына и безбедной жизни после клеветы и изгнания своей матери. Я сделаю жертвоприношение умершей Справедливости».

И вот она взяла молотый кунжут и рис, маленький горшочек и ложку, пошла на место сжигания трупов и разожгла огонь под печью, сделанной из трёх человеческих черепов. Затем она спустилась к воде, вымыла голову и всё остальное, постирала свою одежду и, вернувшись к очагу, распустила волосы и начала промывать рис.

Бодхисаттва был в то время Шаккой, царём небес; а бодхисаттвы не дремлют. В тот миг, когда он оглядел мир, он увидел, что бедная старуха совершает жертвоприношение умершей Справедливости, как если бы Справедливость умерла. Желая оказать ей помощь своим могуществом, он спустился вниз и принял вид брамина, идущего по

большой дороге. Увидев её, он сошёл с дороги и, подойдя поближе, начал разговор: «Мать, люди не готовят еду на кладбищах. Что ты будешь делать с этим кунжутом и рисом, когда они будут готовы?» Говоря так, он пропел первую гатху:

В белых одеждах, с мокрыми волосами,
Зачем, Каччани [2], ты кипятишь воду,
Промываешь рис и кунжут?
Как ты будешь использовать их,
Когда приготовишь?

Она пропела вторую гатху, чтобы объяснить ему:

Брамин, не для еды я буду
Использовать кунжут и рис.
Справедливость умерла! Её память
Я хочу почтить жертвоприношением.

Шакка пропел третью гатху:

Госпожа, тебе стоит прежде подумать.
Кто сказал тебе такую ложь?
Могучая и тысячеглазая, совершенная
Справедливость не может умереть.

Услышав его, женщина пропела две гатхи:

Брамин, у меня есть доказательство,
Подтверждающее, что Справедливость умерла.
Нынче люди, поступающие несправедливо,
Получают великое процветание.
Бесплодная жена моего доброго сына,
Выгнав меня, родила ребёнка.
Она теперь в нашем доме хозяйка,
А я отвержена и погибаю.

Шакка пропел шестую гатху:

Нет, я живу вечно! [3]
Я пришёл только ради тебя.
Она оклеветала тебя, но теперь
Я испепелю её и её сына!

Услышав это, она воскликнула: «Ах, что ты говоришь?! Я постараюсь спасти своего внука от гибели!» И она пропела седьмую гатху:

Царь богов, да будет воля Твоя!
Если ради меня ты покинул небо,
Пусть мои дети и их сын
Живут со мной в согласии!

Шакка пропел восьмую гатху:

Да будет воля Катияни!
Оклеветанная, ты всё же
Надеешься на Справедливость.
С твоими детьми и их сыном
Живи в согласии в доме!

Сказав так, Шакка, теперь во всём своём божественном облачении, поднялся в воздух своей сверхъестественной силой и сказал: «Каччани, не бойся! Силою моею придут сын твой и невестка и, получив твоё прощение, заберут тебя с собою. Живи с ними в мире!» И он вернулся в свою обитель.

В тот же миг силой Шакки сын и невестка вспомнили о её доброте и, расспросив жителей деревни, узнали, что она пошла к кладбищу. Они пошли по дороге и стали звали её. Увидев мать, они пали к её ногам и попросили у неё прощения за свой проступок. Она приветствовала внука. И они все вместе радостно вернулись домой и с тех пор жили в мире и согласии.

С женой своего доброго сына
С тех пор Катияни живёт в согласии.
Индра прекратил их вражду.
Сын и внук хорошо заботятся о ней.

Эта гатха вдохновлена Совершенной Мудростью.

* * *

Закончив наставление, Учитель открыл Четыре Благородные Истины (в результате брат-мирянин утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время человек, который поддерживал свою мать, был человеком, который поддерживает свою мать сейчас, женой того времени была нынешняя жена, а Шаккой был я».

Комментарии

1 См. Morris, *Folk-lore Journal*, II, стр. 306.

2 В восьмой гатхе её называют Катияни.

3 Шакка отождествляет себя со Справедливостью.

418. ДЖАТАКА О ВОСЬМИ ЗВУКАХ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Attha-Nipata. 418 Atṭhasadda-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Пруд столь глубокий...» Эту историю о необъяснимых ужасных звуках, услышанных в полночь царём Косалы, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Случай похож на тот, который уже был описан в «Джатаке о железном котле» [1]. Однако в этом случае, когда царь спросил: «Господин, какое значение имеет для меня то, что я слышал эти звуки?» – Учитель ответил: «Великий царь, не бойся! Никакая опасность не грозит тебе из-за этих звуков. Такие ужасные нечленораздельные звуки слышал не только ты. В прежние дни цари также слышали подобные звуки и намеревались последовать совету браминов принести в жертву по четыре животных каждого вида; но, услышав, что сказали мудрые, они освободили животных, собранных для жертвоприношения, и провозгласили под барабанный бой недопустимость любого убийства». И по просьбе царя он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в семье браминов, чьё состояние оценивалось в восемьдесят крор. Когда он вырос, он изучил искусства в Таккасиле. После смерти своих родителей он собрал все их сокровища, раздал всё на бла-

готовительность и, отринув желания, отправился в Гималаи. Он стал отшельником и погрузился в мистическую медитацию. Через некоторое время ему пришлось посетить жилые места, чтобы взять соли и уксуса. Придя в Бенарес, он поселился в саду.

В то время царь Бенареса, сидя на своём царском ложе, в полночь услышал восемь звуков. Во-первых, журавль крикнул в саду около дворца; во-вторых, сразу же после журавля на воротах слоновника крикнула ворона; в-третьих, издало звук насекомое, поселившееся под кровлей дворца; в-четвёртых, ручная кукушка во дворце издала звук; в-пятых, закричал ручной олень там же; в-шестых, крикнула ручная обезьяна там же; в-седьмых, гном, живущий во дворце, тоже крикнул вслед за ними; восьмым же, сразу после седьмого, паччекабудда издал звук восторженного переживания, проходя по крыше царского жилища в сад.

Царь пришёл в ужас, услышав эти восемь звуков, и на следующий день посоветовался с браминами. Брамины сказали: «Великий царь, тебе грозит опасность! Нужно принести жертву вне дворца». Получив его позволение исполнить всё, они пришли в восторг и принялись готовить жертвоприношение. Один юный ученик главного брамина оказался мудрым и просвещённым; он сказал своему учителю: «Учитель, не подвергай этому жестокому убийству столько существ». «Ученик, что ты об этом знаешь? Даже если ничего больше не случится, мы получим много рыбы и мяса для еды». «Учитель, не совершай поступка, который приведёт к перерождению в аду!» Услышав это, другие брамины рассердились на ученика за то, что он поставил под угрозу их мероприятие. Ученик сказал: «Что ж, тогда придумайте другой способ добыть рыбу и мясо для еды». Он покинул город и отправился на поиски какого-нибудь благочестивого отшельника, способного помешать царю принести жертву.

Он вошел в царский сад и, увидев Бодхисаттву, приветствовал его и спросил: «Неужели у тебя нет сострадания к живым существам? Царь велел готовить жертвоприношение, которое принесёт смерть многим созданиям. Разве твой долг — освободить такое множество живых существ?» «Юный брамин, я не знаю царя этой земли, и он не знает меня». «Господин, ведомо ли тебе, что несут те звуки, которые услышал царь?» «Ведомо». «Если так, то почему ты не скажешь царю об этом?» «Юный брамин, как я могу идти с рогом, прикреплённым ко лбу [2], чтобы сказать: «Мне ведомо это»? Если бы царь пришёл сюда, чтобы расспросить меня, я бы сказал ему».

Молодой брамин быстро пошёл во дворец, и когда его спросили о его деле, он ответил: «Великий царь, некий отшельник знает происхождение тех звуков, которые ты слышал. Он сидит на царском троне в твоём саду и говорит, что скажет тебе, если ты спросишь его. Ты должен это сделать».

Царь быстро пошёл туда, поздоровался с отшельником, сел рядом и спросил: «Правда ли, что ты знаешь, откуда исходят звуки, которые я слышал?» «Да, великий царь». «Тогда объясни мне, сделай милость». «Великий царь, эти звуки не несут никакой опасности. В твоём старом саду рядом с дворцом живёт журавль. Он не смог раздобыть себе пищи и от голода издал первый звук». И, точно зная, что причиной был журавль, он пропел первую гатху:

Пруд столь глубокий и полный рыбы
 Был в этом месте прежде;
 Здесь обитал царь журавлей, моих предков.
 И хотя мы питаемся лягушками,
 Мы никогда не покидаем его берега.

«Это, великий царь, был звук, который издавал журавль, страдая от голода. Если ты хочешь избавить его от мучений, вели расчистить сад и наполнить пруд водой». Царь велел слугам сделать это.

«Великий царь, над входом в твой слоновник живёт ворона. Она издала второй звук, оплакивая своих детёнышей. Тебе нечего бояться его». И он пропел вторую гатху:

Ох! Этот злой одноглазый Бандхура
 Разрушил моё гнездо,
 Погубив моих птенцов и меня саму!
 Ох! Кто теперь мне поможет?

Затем он спросил у царя, как зовут главного слоновщика. «Его зовут Бандхура, господин». «У него только один глаз, о царь?» «Да, господин». «Великий царь, ворона свила гнездо над дверью твоего слоновника; там она отложила яйца, там в назначенный срок вылупились её детеныши. Всякий раз, когда слоновщик въезжает или выезжает из ворот на слоне, он ударяет крюком по вороне и её птенцам и разрушает

гнездо. Ворона в отчаянии обещает выклевать ему глаз. Если ты хочешь ей помочь, пошли за Бандхурой и запрети ему разрушать гнездо!» Царь послал за ним, отругал и прогнал его, а слона отдал другому.

«Под крышей твоего дворца, великий царь, живёт древоточец. Он съел там всю смоковницу и не может есть более твёрдую древесину. Лишившись пищи и не имея возможности убежать, он издал третий жалобный звук. Тебе не нужно бояться его». И благодаря своему знанию, точно передав, что причиной было насекомое, он пропел третью гатху:

Я съел всё фиговое дерево вокруг,
Какое было возможно.
Твёрдое дерево не нравится мне,
Хотя другой пищи нет.

Царь послал слугу, и тот каким-то образом освободил древоточца.

«В твоём жилище, великий царь, есть ручная кукушка?» «Есть, господин». «Великий царь, эта кукушка тосковала по лесу, вспоминая свою прежнюю жизнь: «Как мне покинуть эту клетку и улететь в мой любимый лес?» — и так издала четвёртый звук. Тебе не нужно бояться его». И он пропел четвёртую гатху:

О, как я желаю покинуть это царское жилище
И обрести свободу!
Я хотела бы летать по лесу
И вить гнездо на дереве.

Сказав так, он добавил: «Кукушка тоскует, великий царь, отпусти её». Царь так и сделал.

«Великий царь, есть ли в твоём жилище ручной олень?» «Есть, господин». «Он был вожаком стада. Вспоминая свою лань и тоскуя от любви к ней, он издал пятый звук. Тебе не нужно бояться его». И он пропел пятую гатху:

О, как я желаю покинуть это царское жилище
И обрести свободу!
Пить чистую воду из источника,
Вести за собой своё стадо!

Великосущный освободил и этого оленя и продолжал: «Великий царь, есть ли в твоём жилище ручная обезьяна-самец?» «Есть, господин». «Он был вожаком стада в Гималаях и любил общество самок. Его принёс сюда охотник по имени Бхарата. Тоскуя и стремясь вернуться в своё прежнее пристанище, он издал шестой звук. Не бойся этого». И он пропел шестую гатху:

Наполненного страстью,
Охваченного вождением,
Бхарата-охотник пленил меня,
Чтобы я принёс тебе счастье.

Великосущный велел освободить и обезьяну и продолжил: «Великий царь, есть ли во дворце гном?» «Есть, господин». «Он думает о том, что делал со своей сильфидой и в муках желания издал седьмой звук. Однажды он поднялся с ней на вершину высокой горы. Они срывали цветы великолепных оттенков и ароматов и украшали себя ими, и не заметили, что солнце уже садится. Им пришлось спускаться уже в темноте. Сильфида сказала: «Муж, уже темно, спускайся осторожно, не споткнись», – и, взяв его за руку, повела вниз. Вспомнив её слова, он издал этот звук. Тебе не нужно бояться его». Благодаря своему знанию он точно изложил это обстоятельство и пропел седьмую гатху:

Когда темнота сгустилась
На вершине горы одинокой,
«Не споткнись, – мягко предупредила она меня, –
Ногой о камень».

Великосущный объяснил, почему гном издал этот звук, и освободил его. Затем он продолжил: «Великий царь, был восьмой звук – восторженный. Некий паччекабудда в пещере Нандамула, зная, что жизнь его подходит к концу, пришёл в обитель человека, размышляя: «Я войду в Нирвану в парке царя Бенареса. Его слуги похоронят меня, проведут священный обряд, поклонятся моим мощам и так достигнут небес». Он шёл по воздуху благодаря своей сверхъестественной силе, и как только он достиг крыши твоего дворца, он сбросил с себя бремя жизни и запел в экстазе песню, которая осветила вход в Нирвану. И он пропел гатху, произнесённую паччекабуддой:

Несомненно, я вижу конец перерождениям,
Я никогда больше не войду в утробу!
Мое последнее существование на земле
Закончено, и все его страдания вместе с ним!

«С этими словами экстаза он достиг вашего парка и вошёл в Нирвану у подножия цветущего дерева сал. Иди, великий царь, и соверши над ним погребальные обряды». Великосущный отвёл царя в то место, где паччекабудда вошёл в Нирвану, и показал ему тело. Тогда царь с большой свитой воздал телу паччекабудды почести благовониями, цветами и тому подобным.

По совету Бодхисаттвы он отменил жертвоприношение, сохранив всем существам их жизни, и объявил под бой барабанов по всему городу, что не должно отныне быть никакого убийства. Также он велел провести священный праздник в течение семи дней, сжечь тело паччекабудды с великими почестями на погребальном костре, засыпанном благовониями, и установил ступу там, где сходятся четыре большие дороги. Бодхисаттва наставил царя в праведности и призывал его к усердию. Затем он отправился в Гималаи и там, пребывая в совершенных состояниях, не прерывая своей медитации, достиг перерождения на небесах Брахмы.

* * *

Закончив свой рассказ, Учитель сказал: «Великий царь, эти звуки не несут тебе никакой. Прекрати жертвоприношение и сохрани всем этим существам жизнь». И, велев под бой барабана провозгласить, что их жизни спасены, он связал перерождения: «В то время царём был Ананда, учеником — Шарипутта, а отшельником — я».

Комментарии

1 См. выше, стр. 29*.

2 Символ гордыни, как в Библии.

* В английском издании. Здесь это стр. 40, № 314 (прим. перев.).

419. ДЖАТАКА О РАЗБОЙНИКЕ И ГЕТЕРЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikaya. Jataka. Attha-Nipata. 419 Sulasā-Jataka)

Перевод И. Ольгинской

«Вот ожерелье золотое...» Эту историю о служанке Анатхапиндики Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Рассказывают, что однажды в праздничный день, желая пойти поразвлечься в сад с другими служанками, она попросила у своей госпожи Панналакханадеви какое-нибудь украшение. Хозяйка дала ей своё ожерелье стоимостью в сто тысяч монет. Она надела его и в компании других слуг отправилась на праздник. Некий вор увидел ожерелье и вознамерился убить её и забрать драгоценность. Он заговорил с девушкой, когда она гуляла в саду, и угостил рыбой, мясом и хмельным напитком. «Он делает это потому, должно быть, что я ему понравилась», — подумала она и вечером, когда все легли спать, потихоньку встала и вышла к нему.

Он сказал: «Дорогая, это место не слишком уединённое. Давай-ка отойдём чуть дальше». Она заподозрила неладное: «Ох, недаром он ищет уединённое место! Вне всяких сомнений, он хочет убить меня и забрать ожерелье. Преподам-ка я ему урок!» И она сказала: «Господин, я хочу пить после мяса и вина. Достань мне воды!» Они пошли к колодцу. Девушка дала ему верёвку и ведро и попросила набрать воды. Грабитель опустил ведро в колодец. Когда он наклонился, чтобы достать его, девушка, которая была довольно крепкой, с силой толкнула его обеими руками в колодец. Но потом она сказала: «Э, нет, этого не достаточно!» — и стукнула его по голове большим кирпичом. Грабитель тут же умер.

Придя домой, она вернула украшение своей госпоже и сказала: «Меня сегодня чуть не убили из-за этого ожерелья» — и рассказала всё, как было. Госпожа поведала о том Анатхапиндики, а тот рассказал Татхагате. Учитель сказал: «Это не первый раз, домохозяин, когда служанка проявила сообразительность в непростых обстоятельствах. Прежде она поступала так же. Ине в первый раз она убивает этого человека; она уже сделала это однажды, в прежние дни». И по просьбе Анатхапиндики он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, в городе жила красивая женщина по имени Суласа. Она была куртизанка и имела в услужении пятьсот рабынь. Её услуги стоили тысячу монет за ночь.

Там же, в Бенаресе, жил разбойник по имени Шаттука, сильный, как слон. Он забирался ночью в дома богатых людей и уносил всё, что хотел. В конце концов жители города собрались и пожаловались царю. Царь приказал городским стражам устроить везде засаду, поймать разбойника и отрубить ему голову.

Они изловили его, связали ему руки за спиной и повели к месту казни, и на каждой площади били его кнутами. Весть о том, что вор пойман, взволновала весь город. Суласа стояла у окна и смотрела вниз на улицу. Увидев Шаттуку, она влюбилась в него с первого взгляда и подумала: «О, если бы я могла освободить этого красавца, этого сильного воина! Я бросила бы своё низкое занятие и стала бы ему верной женой!»

То, что произошло далее, описано в «Джатаке о цветах канаверы»*. Она освободила разбойника, послав тысячу монет начальнику городской стражи, и стала жить с ним в мире и согласии. Но через три или четыре месяца Шаттука задумался: «Не могу я оставаться в этом месте, но нельзя же уйти с пустыми руками. Украшения Суласы стоят сто тысяч монет. Я убью её и заберу их».

И вот однажды он сказал ей: «Дорогая, когда стражники вели меня на казнь, я обещал принести жертву божеству дерева на вершине горы, если мне удастся освободиться. Теперь оно угрожает мне, так как я до сих пор не выполнил обещания. Давай сделаем ему подношение». «Хорошо, муженёк, подготовь всё и отправь туда слугу». «Дорогая, так оно не примет подношение. Надо, чтобы мы пошли туда в сопровождении большой свиты, надев все наши украшения». «Хорошо, мой господин, давай так и сделаем». Они приготовили всё для подношения, нарядились и отправились к дереву. Когда они достигли подножия горы, Шаттука сказал: «Дорогая, божество, видя такую толпу, не примет подношения. Мы должны подняться туда вдвоём, без сопровождающих». Она не стала перечить, взяла сосуд с жертвенным маслом, а Шаттука взял оружие, и они пошли к дереву на вершине. Оно росло у края пропасти, глубина которой стократно превосходила человеческий рост. Шаттука положил подношение у корней дерева и сказал: «Дорогая, на самом деле мы здесь не для того, чтобы принести жертву древесному духу. Я собираюсь убить тебя и забрать все твои украшения. Снимай-ка их поскорее, сложи в своё сари и завяжи узлом!» — «Господин мой, почему ты хочешь убить меня?» — «Из-за денег, жёнушка!» — «Господин мой, вспомни, сколько хорошего я сделала для тебя! Когда

* № 318, стр. 53 (прим. ред.).

тебя тащили на казнь, закованного в цепи, я пожертвовала другим человеком, сыном богатого торговца, чтобы освободить тебя! Я заплатила большую сумму и спасла тебе жизнь! Я получала тысячу монет за одну ночь, но, став твоей женой, я даже не смотрю в сторону других! Разве я не благодетельница для тебя? Не убивай меня! Я щедро заплачу тебе, стану твоей рабой, только пощади меня!» Умоляя его так, она произнесла первую гатху:

Вот ожерелье золотое, и жемчуга, и изумруды!
Всё забирай, что пожелаешь,
Меня своей рабою сделай!
Но только жизнь оставь, молю я!

Но Шаттука был непреклонен. Желая поскорее всё закончить, он произнёс вторую гатху:

Зря рыдаешь ты, красотка!
Всё равно тебя убью я!
Лучше сделай побыстрее
Всё, что я тебе велел!

Суласа была находчивой женщиной. «Этот разбойник не пощадит меня! — подумала она. — Нужно опередить его и постараться каким-то образом столкнуть его в пропасть». И она произнесла две гатхи:

В рассудке здоровом пребывая,
Я не припомню, чтобы я
Ещё кого-нибудь на свете
Любила больше, чем тебя!

Так разреши тебя обнять мне,
Поцеловать в последний раз!
Ведь нам не свидеться с тобою
Под этим небом никогда!

Шаттука не разгадал её замысла и сказал: «Что ж, дорогая, можешь подойти и обнять меня». Суласа трижды обошла вокруг него

с почтением, поцеловала его и попросила: «Теперь, господин, я хочу поклониться тебе со всех четырёх сторон». Она встала перед ним и поклонилась до земли, затем поклонилась с обеих сторон и встала сзади, словно собираясь сделать поклон и там. Но вместо поклона она с силой толкнула его в спину и сбросила в пропасть, глубина которой стократно превосходила человеческий рост. Он разбился о камни и умер. Видя всё это, божество, обитавшее на вершине горы, пропело следующие гатхи:

Мудрость присуща не только мужчинам;
Женщины тоже бывают умны.
Мудрость присуща не только мужчинам;
Женщины тоже выход найдут.

Чтоб избежать неминуемой смерти,
Действенный способ нашла Суласа.
Бдительность вора она усыпила,
И в пропасть столкнула его в тот же миг.

Кто наблюдает внимательно жизнь,
Тот не упустит удачный момент.
Все неприятности он победит
И оседлает удачи волну.

Так Суласа расправилась с разбойником. Когда она спустилась с горы и подошла к своим слугам, они спросили, куда делся её муж. «Больше никогда не упоминайте его!» — сказала она и, взойдя на колесницу, направилась к своему дому.

* * *

Закончив рассказ, Учитель связал перерождения: «В то время девушка и разбойник были теми же, а божеством был я».

420. ДЖАТАКА О СУМАНГАЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Attha-Nipata. 420 Sumaṅgala-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Видя сердитый хмурый взгляд...» Эту историю о наставлении царя Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. По этому случаю Учитель по просьбе царя поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился как сын его главной царицы. Когда он вырос, он стал царём после смерти своего отца и раздавал обильное подаяние. У него был смотритель парка по имени Сумангала. Некий паччекабудда покинул пещеру Нандамула, совершая паломничество за подаянием, и, прибыв в Бенарес, остановился в парке. На следующий день он отправился в город за подаянием.

Царь благосклонно посмотрел на него, велел ему подняться во дворец и сесть на трон, накормил его различными деликатесами, как твердыми, так и мягкими, и получил его благодарность. Обрадовавшись, что просветлённый остановился в его парке, он взял с него обещание и после утренней трапезы лично проводил его туда. Он велел устроить паччекабудде место для жилья днём и ночью, дал ему в помощники смотрителя парка Сумангалу и вернулся в город. С того дня паччекабудда постоянно обедал во дворце и жил там долгое время; Сумангала почтительно прислуживал ему. Однажды он сказал Сумангале: «Я отправляюсь в такую-то деревню на несколько дней, но вернусь. Сообщи царю». Сумангала сообщил царю.

После нескольких дней пребывания в этой деревне паччекабудда вернулся в парк вечером, после захода солнца. Сумангала, не зная о его прибытии, ушёл к себе. Паччекабудда убрал свою чашу и одежду и после небольшой прогулки сел на каменную плиту.

В тот день в дом смотрителя парка явились какие-то гости. Чтобы приготовить им суп и карри, он пошёл с луком, чтобы убить ручного оленя в парке. Увидев паччекабудду и думая, что это большой олень, он прицелился и выстрелил в него. Паччекабудда обнажил голову и произнёс: «Сумангала». Сильно взволновавшись, Сумангала сказал: «Господин, я не знал о твоём приходе и застрелил тебя, думая, что ты олень. Прости меня!» «Хорошо, но что ты теперь будешь делать? Давай-ка вы-

тащи стрелу». Он наклонился и вытащил её. Паччекабудда почувствовал сильную боль и тут же перешёл в нирвану. Смотритель парка подумал, что царь не простит его, если узнает; взяв жену и детей, он бежал.

Сверхъестественной силой весь город услышал, что паччекабудда вошёл в нирвану, и все были очень взволнованы. На следующий день несколько человек вошли в парк, увидели тело и сказали царю, что смотритель парка бежал, убив просветлённого. Царь отправился с большой свитой и в течение семи дней воздавал почести телу; затем со всеми церемониями он взял мощи, построил святилище и поместил их туда. Он продолжал править своим царством праведно.

Через год Сумангала решил узнать, как обстоят дела. Он пришёл и попросил министра, которого увидел, узнать, что думает о нём царь. Министр стал восхвалять Сумангалу перед царём, но тот как будто не слышал. Министр больше ничего не сказал, но передал Сумангале, что царь недоволен им. Ещё через год он пришёл с тем же вопросом, а на третий год привёл жену и детей.

Министр понял, что царь успокоился, и, оставив Сумангалу у дверей дворца, сообщил царю о его приходе. Царь послал за ним и, поздоровавшись, сказал: «Сумангала, зачем ты убил этого паччекабудду, благодаря которому я приобретал заслуги?» «О царь, я не хотел убивать его, но именно это и сделал», — и он рассказал свою историю. Царь успокоил его и снова сделал смотрителем парка. Тогда министр спросил: «О царь, почему ты ничего не ответил, когда дважды я восхвалял Сумангалу, и почему на третий раз ты послал за ним и простил его?»

Царь ответил: «Дорогой господин, это неправильно для царя — делать что-либо поспешно в гневе; поэтому я сначала молчал, а в третий раз, когда понял, что успокоился, послал за Сумангалой». И он произнёс эти гатхи, чтобы показать долг правителя:

Видя сердитый хмурый взгляд,
Никогда не позволяй царю протянуть свой жезл;
Потом последовал бы его кивок —
Но это недостойно правителя.

Видя, что он успокоился и смягчился,
Дай ему принять решение.
Пусть он рассудит дело
И вынесет справедливый вердикт.

Он не будет притеснять ни тебя, ни других,
Чётко отделяя верное от ошибочного.
И хотя он властвует над людьми,
Добродетель возносит его высоко.

Правители, безрассудные в своих поступках,
Принимают решения под влиянием гнева.
Дурная слава – их удел в этом мире,
А после смерти их ждёт ад.

Те, кто следуют дхарме благочестиво,
Чистые в делах, словах и мыслях,
Полные доброты, спокойствия и благоговения,
Пройдут через оба мира, как подобает.

Я царь, повелитель моего народа.
Гнев не властен над моими решениями.
Видя порок, я беру меч,
Сострадание подсказывает меру наказания.

Так царь в шести гатхах заявил о своих добродетелях. Весь его двор был рад и признал его достоинства словами: «Такое совершенство в добродетельных действиях и свойства подобает твоему величеству». Сумангала, после того как придворные закончили говорить, поклонился царю и, восхваляя его, произнёс три гатхи:

Таковы твоя слава и твоя сила;
Ни на час не отклоняйся от них!
Свободный от гнева, свободный от страхов,
Царствуй в радости сотню лет.

Правитель, благословлённый этими добродетелями,
Спокойный и мягкий, но твердый в достоинстве,
Правь миром праведно,
И перейди на небо, освободившись от земли.

Праведность – благо в словах и в делах.
Средства пусть соответствуют цели.

Усмиряй мятущиеся толпы,
Словно туча с благодатным дождём.

* * *

Закончив свой рассказ, связанный с наставлением царя Косалы, Учитель связал перерождения: «В то время паччекабудда перешёл в нирвану, Сумангалой был Ананда, царём был я».

421. ДЖАТАКА О ГАНГАМАЛЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Attha-Nipata. 421 Gaṅgamāla-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Земля подобна углям...» Эту историю о соблюдении еженедельных священных дней Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Однажды Учитель обратился к мирянам, которые соблюдали святые дни, и сказал: «Братья-миряне, ваше поведение добродетельно. Когда люди соблюдают святые дни, они должны раздавать подаяние, соблюдать нравственные предписания, никогда не проявлять гнева, быть благожелательными и выполнять обязанности дня. В прежние дни мудрые получали великую славу даже от частичного соблюдения святых дней». И по их просьбе он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, в этом городе жил богатый торговец по имени Шучипаривара, чье богатство достигало восьмидесяти крор и который получал удовольствие от благотворительности и других добрых дел. Его жена и дети, все его домочадцы и слуги, вплоть до телят, соблюдали шесть священных дней каждый месяц. В то время Бодхисаттва родился в одной бедной семье и вынужден был тяжело работать, чтобы обеспечивать своё существование. Однажды, надеясь получить работу, он пришёл в дом Шучипаривары. Когда он поприветствовал хозяев и сел в стороне, его спросили, зачем он пришёл. Он ответил: «Я хотел бы получить работу за плату в вашем доме» [1].

Торговец, когда к нему приходили другие рабочие, обычно говорил им: «В этом доме работники соблюдают нравственные предписания. Если вы тоже будете их соблюдать, можете работать у меня». Но Бодхи-

саттве он не стал говорить об этом, а сразу предложил: «Что ж, добрый человек, ты можешь работать у меня и получать жалованье». С тех пор Бодхисаттва выполнял все поручения торговца безропотно и усердно, не думая о собственной усталости; он рано уходил на работу и возвращался вечером.

Однажды в городе объявили праздник. Торговец сказал служанке: «Сегодня святой день. Приготовь немного риса для рабочих; они позавтракают рано утром, а весь остаток дня будут поститься». Бодхисаттва встал рано и пошёл на работу; никто не велел ему поститься в этот день. Остальные рабочие поели утром и затем постились; торговец с женой, детьми и слугами тоже соблюдал пост. Все разошлись по своим комнатам и сидели там, размышляя о нравственных заповедях.

Бодхисаттва работал весь день и вернулся домой на закате. Кухарка дала ему воды для омовения рук и предложила на блюде рис, взятый из котла. Бодхисаттва спросил: «В этот час в другие дни здесь очень шумно. Куда все ушли сегодня?» «Они все постятся, каждый в своей комнате». Он задумался: «Я не хочу быть единственным заблуждающимся среди всех этих благочестивых людей». Итак, он пошёл и спросил торговца, можно ли вообще соблюдать пост, выполняя обязанности дня в этот час. Тот ответил, что полностью обязанность не может быть выполнена, потому что её не начали выполнять с утра; но половина обязанности может быть выполнена. «Да будет так», — ответил он и, приняв на себя обязанность в присутствии своего учителя, начал соблюдать пост и, отправившись в свою комнату, лежал, размышляя о заповедях.

Весь день он ничего не ел и под конец почувствовал боль, как от удара копьём. Торговец принёс ему различные снадобья и велел принять их, но Бодхисаттва сказал: «Я не нарушу свой пост; я буду соблюдать его, даже если это будет стоить мне жизни». Боль усиливалась, и на рассвете он уже терял сознание. Торговцу сказали, что он умирает, и тот велел перенести его в уединённое место. В этот момент царь Бенареса в прекрасной колеснице с большой свитой, объезжая город, проезжал мимо. Бодхисаттва, видя царское великолепие, почувствовал желание достичь царственности и молился об этом. Умерев, он был зачат вновь, и вследствие этого провёл половину дня поста в утробе главной царицы. Она забеременела и через десять месяцев родила сына. Его называли принц Удайя.

Повзрослев, он достиг совершенства во всех науках. По воспоминаниям о предыдущих рождениях он знал своё былое добродетельное

деяние и, думая, что это великая награда за малое действие, снова и снова пел песню восторга. После смерти отца он получил царство и, видя свою великую славу, пел ту же самую песню восторга.

Однажды в городе началась подготовка к празднику. Великое множество людей предвкушали развлечения. Некий водонос, живший у северных ворот Бенареса, спрятал полгроша между кирпичами городской стены. Он сожительствовал с бедной женщиной, которая тоже зарабатывала на жизнь тем, что носила воду. Она сказала ему: «Господин, в городе праздник; если у тебя есть деньги, давай повеселимся». «Да, у меня есть немного, дорогая». «Сколько?» «Полгроша». «Где же они?» «В щели между кирпичами у северных ворот, в двенадцати лигах отсюда, я оставил своё сокровище. А у тебя что-нибудь есть?» «Да». «Сколько?» «Тоже полгроша. Значит, вместе у нас есть целый грош. На одну часть мы купим гирлянду, на другую — благовония, а на третью — крепкий напиток. Пойди же и принеси свои полгроша оттуда, где они лежат».

Он обрадовался, уловив мысль, подсказанную словами жены, и, сказав: «Не беспокойся, дорогая, я принесу их», — отправился в путь. Человек этот был силен, как слон; он прошёл более шести лиг, и хотя был полдень и он ступал по песку, такому горячему, словно он был усыпан углями, только что вытащенными из пламени, он был в восторге от мыслей о наживе. В старой жёлтой одежде, с пальмовым листом за ухом [2], шёл он по дворцовому двору к своей цели, напевая песню.

Царь Удайя стоял у открытого окна и, увидев водоноса, удивился, что тот, не обращая внимания на ветер и жару, идёт и радостно поёт, и послал слугу позвать его. «Царь зовёт тебя», — сказал водоносу слуга. Но тот ответил: «Что мне царь? Я не знаю его». Тогда его схватили и силой привели во дворец. Царь, задавая ему вопрос, произнёс две гатхи:

Земля подобна углям, раскалённым углям.

Но ты поёшь свою песню, словно жар не обжигает тебя.

Солнце высоко, песок внизу раскалён.

Но ты поёшь свою песню, словно жар не обжигает тебя.

Услышав слова царя, он произнёс третью гатху:

Это моё стремление, что жжёт сильнее солнца,
Выполнить все неотложные дела.

Царь спросил, какие это неотложные дела. Он ответил: «О царь, я живу у южных ворот с бедной женщиной. Она предложила вместе развлечься на празднике, и спросила, есть ли у меня что-нибудь. Я сказал ей, что у меня есть сокровище, спрятанное в стене у северных ворот. Она послала меня за ним, чтобы мы могли повеселиться как следует. Эти её слова не покидают моего сердца, и когда я думаю о них, горячее желание сжигает меня. Вот такое у меня дело». «Что же так радует тебя, что ты, не замечая ветра и солнца, поёшь на ходу?» «О царь, я пою, думая, что, когда я принесу своё сокровище, я буду развлекаться вместе с ней». «В таком случае, мой добрый друг, твоё сокровище, спрятанное у северных ворот, — это, должно быть, сто тысяч монет?» «О нет». Тогда царь назвал по очереди: пятьдесят тысяч, сорок, тридцать, двадцать, десять, пять, четыре, три, два золотых, одна монета, половина монеты, четверть монеты, четыре гроша, три, два, один грош. Человек отвечал «нет» на все эти вопросы, а затем сказал: «Это полгроша. В самом деле, о царь, это всё моё сокровище; но я иду в надежде получить его, а затем развлечься с ней; и в этом упоении желанием ветер и солнце не беспокоят меня».

Царь сказал: «Добрый человек, не ходи туда в такую жару. Я дам тебе полгроша». «О царь, я поверю тебе на слово и возьму его, но не потеряю и другого. Я не откажусь от мысли пойти туда и забрать его тоже». «Мой друг, останься здесь. Я дам тебе грош, два гроша». Он предлагал всё больше и больше, называя крор, сто крор, несметное богатство, — только бы этот человек остался. Но он на всё отвечал: «О царь, я возьму это, но пойду и за другим».

Тогда царь стал соблазнять его предложениями должности казначея и разного рода других, а также должности наместника; наконец ему предложили полцарства, если он останется. Тогда он согласился. Царь велел своим министрам: «Ступайте, велите побрить, вымыть и одеть моего друга, и приведите его обратно». Они всё исполнили.

Царь разделил своё царство надвое и дал ему половину; но говорят, что он взял северную половину — так дороги были ему его полгроша. Его и прозвали «царь Полгроша». Они правили в дружбе и согласии.

Однажды они вместе пошли в парк. Повеселившись, царь Удайя улёгся, положив голову на колени царя Полгроша. Он заснул, а слуги в это время ходили туда-сюда, развлекаясь. Царь Полгроша подумал: «Почему у меня должна быть только половина царства? Я убью его и буду единственным правителем». И он выхватил меч, но, думая ударить его, вспомнил, что царь сделал его, когда он был беден и жалок, своим напар-

ником и наделил его великой властью. Он подумал, что желание убить такого благодетеля было весьма подлым; поэтому он убрал меч в ножны.

Но эта же мысль возникла во второй и в третий раз. Чувствуя, что это желание, поднимаясь снова и снова, приведёт его к злодеянию, он бросил меч на землю и разбудил царя. «Прости меня, о царь!» — сказал он и упал к его ногам. «Друг, разве ты сделал мне что-то плохое?» «Да, о великий царь, я сделал то-то и то-то». «Тогда, друг мой, я прощаю тебя. Если ты так хочешь, будь единственным правителем, а я буду служить под твоим началом в качестве наместника». Он ответил: «О царь, я не нуждаюсь в царстве. Такое желание приведёт меня к перерождению в пагубных состояниях. Царство твоё, возьми его. Я стану отшельником. Я видел корень желания и видел то, что растёт из желания человека. Отныне у меня не будет никаких желаний». И в экстазе он произнёс четвертую гатху:

Я видел твои корни, Желание:
В собственной воле человека они лежат.
Я больше не буду желать ничего,
И ты, Желание, умрёшь.

Сказав это, он произнёс пятую гатху, возвещая дхарму великому множеству охваченных желаниями:

Мало желать недостаточно, а много —
Ведёт только к страданию.
Ах, глупые люди! Будьте бесстрастны, друзья,
Если хотите обрести мудрость.

Так, возвестив дхарму народу, он вверил царство царю Удайе. Оставив плачущую толпу, он отправился в Гималаи, стал отшельником и достиг совершенного просветления. В то время, когда он стал отшельником, царь Удайя в состоянии высочайшего упоения произнёс шестую гатху:

Маленькое желание принесло плоды;
Величие и славу обрёл Удайя.
Если человек решил стать монахом,
Отказавшись от желаний, он получает великий дар.

Никто не понял смысла этой гатхи. Однажды главная царица спросила его, что это значит. Царь ничего не сказал. Был некий придворный цирюльник по имени Гангамала, который, приводя царя в порядок, сначала пользовался бритвой, а потом стал выдёргивать волосы щипчиками [3]. Царю нравилось первое действие, но второе причинило ему боль; при первом он оказал бы цирюльнику милость, при втором — отрубил бы ему голову. Однажды он рассказал об этом царице, добавив, что их придворный цирюльник — глупец. Когда она спросила, что же он должен делать, он ответил: «Сначала надо использовать щипчики, а потом бритву». Тогда она послала за цирюльником и сказала: «Любезный, когда ты подстригаешь бороду царю, ты должен сначала воспользоваться щипчиками, а потом уже бритвой. Тогда, если царь предложит тебе оказать какую-либо милость, скажи, что ничего не желаешь, только хотел бы узнать смысл его песни. Если сделаешь это, я дам тебе много денег». Он согласился.

На следующий день, подстригая царю бороду, он первым делом взял щипчики. Царь спросил: «Гангамала, это твой новый способ?» «Да, о царь, — ответил тот, — у цирюльников появился новый способ». И он сначала выдернул лишние волоски щипчиками, а потом подбрil бритвой. Царь предложил ему какое-то благодеяние. «О царь, я не хочу ничего другого; растолкуй мне смысл твоей песни». Царь постеснялся рассказать, чем он занимался в прошлой жизни, когда был бедняком, и сказал: «Любезный, какая тебе польза от такого благодеяния? Выбери что-нибудь другое». Но цирюльник умолял его. Царь боялся нарушить своё слово и согласился. Как описано в «Джатаке о пожертвовании» [4], он сделал все приготовления и, сидя на украшенном драгоценными камнями троне, рассказал всю историю прежнего добродетельного поступка в своем предыдущем воплощении в этом городе.

«Это объясняет, — сказал он, — первую часть гатхи; вторая говорит о том, как мой товарищ стал отшельником. Я в своей гордыне теперь единственный царь, и это объясняет вторую половину моей восторженной песни».

Услышав это, цирюльник задумался: «Значит, царь получил это величие за то, что соблюдал полдня поста. Добродетель — это правильный путь. Что если я стану отшельником и заслужу своё собственное спасение?» Он оставил всех своих родственников и мирские блага, получил разрешение царя принять посвящение и, отправившись в Гималаи, стал

отшельником. Он осознал три свойства мирских вещей, обрёл совершенное просветление и стал паччекабуддой. У него имелись чаша и одеяние, созданные сверхъестественной силой.

Проведя пять или шесть лет на горе Гангамала, он пожелал увидаться с правителем Бенареса и, пройдя по воздуху в царский парк, сел на царскую каменную скамью. Смотритель парка сказал царю, что Гангамала, ныне просветлённый, прилетел по воздуху и сидит в парке. Царь тотчас же пошёл приветствовать паччекабудду, и царица-мать вышла вместе с сыном. Царь вошёл в парк, приветствовал его и сел рядом вместе со своей свитой. Паччекабудда дружески обратился к нему: «Брахмадатта» (называя его родовым именем) «усерден ли ты, праведно ли правишь царством, занимаешься ли благотворительностью и другими добрыми делами?» Царица-мать рассердилась. «Этот сын цирюльника из низшей касты не знает своего места! Он называет моего высокородного сына Брахмадаттой!» И она произнесла седьмую гатху:

Покаяние навсегда избавляет людей от пороков,
Цирюльников, горшечников — всех, любого положения.
Покаянием Гангамала снискал величие,
И «Брахмадаттой» теперь называет моего сына.

Царь остановил свою мать и, заявляя о качествах паччекабудды, произнёс восьмую гатху:

Смотри! Как бы ни постигла его смерть,
Смирение приносит человеку свои плоды!
Тому, кто склонялся перед нами,
Теперь цари и владыки должны поклониться.

Хотя царь и остановил свою мать, остальная толпа поднялась и сказала: «Это не приемлемо, чтобы человек из низшей касты называл тебя так». Царь, укоряя толпу, произнёс последнюю гатху, чтобы ещё раз показать добродетели паччекабудды:

Не презирайте так Гангамалу,
Совершенного на путях добродетели.
Он пересёк океан бедствий,
И теперь освободился от страданий.

Сказав так, царь приветствовал просветлённого и попросил его простить царицу-мать. Паччекабудда так и сделал, и свита царя также получила его прощение. Царь хотел, чтобы он принёс обет остаться поблизости, но он отказался и, поднявшись в воздух перед глазами всего двора, увещевал царя и удалился в Гандхамадану.

* * *

Закончив свою речь, Учитель добавил: «Братья-миряне, вы видите, как это важно — соблюдать пост», — и связал перерождения: «В то время паччекабудда вошёл в нирвану, царём Полгроша был Ананда, главной царицей была мать Рахулы, царём Удаей был я».

Комментарии

1 Палийский текст здесь, к сожалению, обрывается.

2 *nantaka*, как на стр. 22. 1: пальмовый лист используется в качестве украшения для ушей.

3 См. *Cullavagga*, т. 27.

4 См. *выше*, стр. 247*.

422. ДЖАТАКА О СОТВОРЕНИИ ЛЖИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Attha-Nipata. 422 Cetiya-Jataka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«*Тот, кто разрушает...*» Эту историю о том, как земля поглотила Девадатту, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. В тот день монахи обсуждали в Зале Истины ложь Девадатты и то, как он провалился сквозь землю и оказался в аду Авичи. Учитель вошёл и, услышав, о чём они говорят, сказал: «Это не первый раз, братья, когда земля поглотила Девадатту». И он поведал им историю былых времён.

* * *

Давным-давно, в первую эпоху после начала мира, жил царь по имени Махасаммата, чьи годы жизни были неисчислимы [1]. У него был сын Роджа, у Роджи — сын Варароджа; у Варароджи сына звали Кальяна.

* В английском издании. Здесь это стр. 318, № 415 *Kummāsapinḍa-Jātaka* (прим. перев.).

У Кальяны был сын по имени Варакальяна, и так далее, поочерёдно — сыновья Упосатха, Мандхата, Варамандхата, Чара, Упачара (его называли также Апачара). Он правил в царстве Чеди, в городе Соттхивати, и обладал четырьмя сверхъестественными способностями: он мог ходить по воздуху; с каждой из четырёх сторон его охраняли четыре божества с мечами в руках; Тело его источало аромат сандалового дерева, а уста — аромат лотоса.

Его придворного жреца звали Капила. Младший брат этого брамина, Коракаламба, учился вместе с царём у одного учителя и был его товарищем по играм. Когда Апачара был принцем, он обещал сделать Коракаламбу своим придворным жрецом, когда сам взойдёт на трон. После смерти отца он стал царём, но никак не мог лишить Капила должности придворного жреца и продолжал относиться к нему с почтением — но больше к его званию, чем к нему самому. Брамин заметил это и решил, что будет лучше, если служители царя будут примерно одного с ним возраста. А сам он вознамерился просить у царя позволения стать отшельником, и поэтому обратился к нему со словами: «Государь, я уже стар. У меня есть сын — сделай его придворным жрецом, а мне позволь покинуть дворец и принять посвящение».

Царь дал ему разрешение уйти. Передав должность придворного жреца своему сыну, Капила стал отшельником и поселился в царском парке. Со временем он достиг больших успехов в искусстве мистической медитации.

Коракаламба же затаил обиду на своего брата за то, что тот не передал свою должность ему, когда стал отшельником. Однажды царь сказал в дружеской беседе: «Коракаламба, а ты ведь не придворный жрец». — «Нет, государь. Эта должность так и осталась у моего брата». — «Разве твой брат не стал отшельником?» — «Стал. Но должность он передал своему сыну». — «Так давай сделаем тебя жрецом!» — «Государь, я не могу обойти своего брата и занять должность, которая досталась ему по наследству как старшему». — «Если так, я могу сделать тебя старшим братом, а его — младшим». — «Как это, государь?» — «Посредством лжи» [2]. — «О царь, разве ты не знаешь, что мой брат — великий маг, наделённый сверхъестественными способностями? Он напустит на тебя морок, он заставит четырёх твоих божественных охранителей исчезнуть и сделает так, чтобы твоё тело и уста источали дурной запах. Ты не сможешь больше ходить по воздуху и спустишься на землю, и сама земля не сможет удержать тебя. То, что ты задумал, исполнить невозможно». —

«Не беспокойся, я всё устрою». — «Когда ты собираешься сделать это, государь?» — «Через семь дней».

По городу поползли слухи: «Царь собирается с помощью лжи сделать старшего младшим, а младшему дать должность. Что это такое — ложь? Какая она — синяя, жёлтая или какого-то другого цвета?» Люди никак не могли взять в толк, что задумал царь. Говорят, в те времена люди не знали даже слова «ложь», все всегда говорили только правду.

Слухи эти дошли и до сына отшельника. Он пошёл к отцу: «Отец, говорят, что царь собирается с помощью лжи сделать тебя младшим и отдать нашу должность моему дяде». «Дорогой мой, — ответил отшельник, — даже с помощью лжи царь не сможет отнять у нас то, что по праву принадлежит нам. Известно ли, когда он собирается это сделать?» «Через семь дней», — ответил сын. «Дай мне знать, когда придёт время».

На седьмой день большая толпа собралась на царском дворе. Люди сидели рядами на скамьях, им очень хотелось увидеть, что же это такое — ложь. Молодой жрец известил отца. Царь явился в полном облачении, прошёл по воздуху и встал перед собравшимися. Отшельник тоже прошёл, не касаясь земли, положил перед царём прямо в воздухе шкуру, на которой обычно сидел, уселся на неё и сказал: «Правда ли, о царь, что ты хочешь с помощью лжи сделать младшего старшим и дать ему должность придворного жреца?» «Да, почтенный, я собираюсь сделать это». Отшельник принялся увещевать царя: «О великий царь, ложь — это большой порок. Она разрушает добродетель и приводит к перерождениям в четырёх бедственных состояниях. Правитель, который говорит ложь, разрушает Дхарму и, как следствие, разрушается сам». И он произнёс первую гатху:

Тот, кто разрушает Дхарму,
Сам себе несёт страданье.
Лучше ты её не трогай
И не искушай судьбу.

Продолжая увещевать его, отшельник добавил: «Государь, если ты сотворишь ложь, твои четыре сверхъестественные способности исчезнут!» И он произнёс вторую гатху:

Если будешь лгать, владыка,
Божества тебя покинут,

Аромат зловоньем станет,
В воздухе ходить не сможешь.

Услышав это, царь испугался и взглянул на Коракаламбу. Тот успокоил его: «Не бойся, о царь! Разве я не предупреждал с самого начала, что он будет насылать на тебя морок?» Тогда царь, ободрённый этими словами, заявил Капиле: «Досточтимый, ты — младший, а Коракаламба — старший!»

И в тот же миг, как он произнёс эту ложь, четыре божества заявили, что больше не будут охранять такого нечестивца, бросили мечи к его ногам и исчезли. Его рот стал зловонным, словно тухлое яйцо, а тело — словно открытая сточная канава. И в довершении всего он не мог больше держаться в воздухе и свалился на землю. Так исчезли все его четыре сверхъестественные способности.

Тогда отшельник обратился к нему: «Великий царь, не бойся! Если ты скажешь сейчас правду, я верну все твои возможности». И он произнёс третью гатху:

Скажи одно лишь слово правды —
И все дары к тебе вернутся.
Но если будешь лгать ты снова,
Подняться никогда не сможешь.

«Смотри, государь, — из-за своей лжи ты лишился этих четырёх сверхъестественных способностей. Но их пока ещё можно вернуть. Всё в твоих руках!» — добавил отшельник. Царь воскликнул: «Ты сам хочешь обмануть меня!» Но это была неправда, и, солгав второй раз, он погрузился в землю по щиколотку. Тогда брамин сказал ещё раз: «Подумай хорошо, о царь!» — и произнёс четвёртую гатху:

Правитель, знающий правду,
Но лгущий при этом,
Царство своё подвергает
Различным напастям!

«Из-за своей лжи ты погрузился в землю по щиколотку. Подумай, государь!» — предостерёг его брамин и произнёс пятую гатху:

Если слово правды скажешь,
Все дары к тебе вернутся;
А солжёшь – ещё сильнее
Будешь в землю погружаться!

Но царь и в третий раз выкрикнул: «Ты – младший брат, а Коракаламба – старший!» – и погрузился в землю по колено. Брамин сказал ещё раз: «Подумай, государь!» – и произнёс две гатхи:

Кто умышленно солжёт, уподобится змее –
Изворотлив и хитёр, и язык его раздвоен.
Если слово правды скажешь,
Все дары к тебе вернутся;
А солжёшь – ещё сильнее
Будешь в землю погружаться!

«Даже сейчас, – добавил брамин, – всё ещё можно вернуть». Но царь наперекор ему повторил ложь в четвёртый раз: «Ты младший, брамин, а Коракаламба – старший». И в тот же миг он погрузился по самые бёдра. И снова брамин сказал: «Подумай, государь!» – и произнёс две гатхи:

Кто умышленно солжёт,
Станет нем, подобно рыбе,
Словно с самого рожденья
Не имеет языка.
Если слово правды скажешь,
Все дары к тебе вернутся;
А солжёшь – ещё сильнее
Будешь в землю погружаться!

Царь, упорствуя, в пятый раз повторил ту же самую ложь и погрузился по пояс. Брамин ещё раз призвал его одуматься и произнёс две гатхи:

Кто умышленно солжёт,
Тот свой род продлить не сможет:
Будут дочери рождаться,
Сыновей он не увидит!

Если слово правды скажешь,
Все дары к тебе вернутся;
А солжёшь – ещё сильнее
Будешь в землю погружаться!

Царь вновь повторил свою ложь – уже в шестой раз, и погрузился по грудь. Брамин ещё раз воззвал к его благоразумию и произнёс две гатхи:

Кто умышленно солжёт,
Удержать детей не сможет
Под отеческою крышей:
Разбегутся все по свету!

Если слово правды скажешь,
Все дары к тебе вернутся;
А солжёшь – ещё сильнее
Будешь в землю погружаться!

Но царь не внял мудрому совету и повторил ту же ложь в седьмой раз. И в тот же миг земля разверзлась, и адское пламя Авичи взметнулось вверх и охватило его.

* * *

Говорят, был царь когда-то,
Мог по воздуху ходить он,
Но, упорствуя в неправде,
Поглощён был адской бездной.

Мудрый человек не станет
Ни упорствовать, ни злиться,
Речь его всегда правдива,
Добродетельны поступки.
Кто свободен от лукавства,
Кто живёт с открытым сердцем,
Тот словам своим хозяин,
Всё ему доверить можно.

Это две строфы, вдохновлённые Совершенной Мудростью.

* * *

Люди в страхе восклицали: «Царь Чеди оскорбил праведника и солгал, поэтому провалился прямо в Авичи!» Пять сыновей царя пришли к брамину и попросили его помочь теперь, когда царство осталось без правителя. Брамин ответил: «Ваш отец погубил Дхарму, он лгал и поносил праведника, поэтому он теперь в Авичи. Тот, кто разрушает Дхарму, гибнет сам. Вы не можете больше жить здесь». И он обратился к самому старшему из них: «Послушай, сын мой. Тебе надлежит покинуть город через восточные ворота. Когда выйдешь, иди прямо. Ты увидишь белого царского слона, касающегося земли в семи местах [3]. Это будет тебе знаком. Построй там город и живи в нём; и назови его Хаттипура».

Второму принцу он сказал: «Ты выйдешь через южные ворота и пойдешь прямо, пока не увидишь чистокровного белого жеребца без единого пятна. Это знак тебе построить там город и поселиться в нём; называться он будет Ассапура».

Третьему принцу он сказал: «Выйди через западные ворота и иди прямо, пока не увидишь льва с густой гривой. Это будет знаком, что тебе надлежит построить там город и поселиться в нём; и он будет называться Сихапура».

Четвёртому принцу он сказал: «Ты выйдешь через северные ворота и пойдёшь прямо, пока не увидишь раму с колёсами [4], сделанную из драгоценных камней. Это будет знаком тебе. Построй там город и будешь жить в нём; и он будет называться Уттарапанчала».

Пятому он сказал: «Ты тоже не можешь оставаться здесь. Построй в этом городе большое святилище, а сам ступай на северо-запад и иди прямо, пока не увидишь две горы, ударяющиеся друг о друга и издающие звук «дад-дара». Это будет знак, что ты должен построить там город и жить в нём; и он будет называться Даддарапура».

Все пять принцев покинули город и направились каждый в свою сторону. Согласно увиденным знакам они построили города и поселились в них.

* * *

Закончив наставление, Учитель сказал: «Итак, братья, это не первый случай, когда Девадатта солгал и провалился сквозь землю», — и связал перерождения: «В то время царём Чеди был Девадатта, а брамином Капилой был я».

Комментарии

- 1 В числе лет за единицей следовало ещё 140 цифр.
- 2 Ложь была неизвестна в первую эпоху после начала мира.
- 3 Бивнями, хоботом и четырьмя ногами.
- 4 В другом прочтении раñсасаkkaṃ — «пять колёс».

423. ДЖАТАКА О ЧУВСТВАХ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Attha-Nipata. 423 Indriya-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Кто из-за страсти...» Эту историю об искушении со стороны жены в прежние дни Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Предание гласит, что молодой человек из хорошей семьи в Саваттхи слышал проповедь Учителя и, полагая, что невозможно вести святую жизнь, совершенную и чистую, будучи главой семейства, решил стать отшельником в соответствии со спасительным учением и таким образом положить конец страданиям. Поэтому он оставил свой дом и имущество жене и детям и попросил Учителя посвятить его. Учитель выполнил его просьбу. Так получилось, что он был младшим среди всей братии, когда со своими учителями и наставниками они ходили за подаением. Так как монахов было много, он не получал места для сидения ни в домах мирян, ни в трапезной, а только в самом конце очереди послушников. Ему наспех бросали еду в ковш — кашу из разбитых комков риса, твёрдую пищу чёрствую или подгнившую, или проростки засохшие и подгоревшие; этого было недостаточно, чтобы поддерживать его существование.

Тогда он пошёл к своей жене, которую оставил, и дал ей то, что получил. Она взяла его миску, поклонилась ему, выбросила содержимое и дала ему вместо этого хорошо приготовленную похлёбку и рис с соусом и карри. Монах был восхищён этим вкусом и не мог покинуть жену. Она решила испытать его привязанность. Однажды она велела жителю той же деревни вымыть белую глиной и сесть в её доме вместе с его товарищами, за которыми она послала, и дала им поесть и попить.

Они сидели и наслаждались едой. У дверей дома она держала наготове несколько запряжённых волов и телегу. Сама она сидела в задней комнате и готовила лепёшки. Её муж подошёл и остановился в дверях.

Увидев его, один старый слуга сказал своей госпоже, что у дверей стоит старец. «Поприветствуй его и попроси войти». Но, как ни приглашал слуга, монах остался стоять на месте. Тогда он сказал об этом своей госпоже. Она подошла и, приподняв занавеску, воскликнула: «Это отец моих сыновей!» Она вышла и поклонилась ему. Взяв его миску и пригласив войти, она накормила его. Когда он поел, она снова поклонилась и сказала: «Господин, ты теперь святой. Мы всё время жили в этом доме; но без хозяина не может быть настоящей семейной жизни, поэтому мы найдём другой дом и уедем в дальнюю деревню. Будь ревностен в своей добродетели и прости меня, если я поступаю дурно».

В этот момент её мужу казалось, что его сердце вот-вот разорвётся. Он сказал: «Я не могу оставить тебя! Не уезжай. Я вернусь к своей прежней жизни. Отнеси мирскую одежду в такое-то место; я оставлю свою чашу и одеяние монаха и вернусь к тебе». Она согласилась. Монах отправился в свой монастырь и, отдав чашу и одежду своим учителям и наставникам, объяснил в ответ на их вопросы, что не может оставить жену и возвращается к мирской жизни. Против его воли они привели его к Учителю и сказали ему, что он отпал от Учения и хочет вернуться к мирской жизни. Учитель спросил: «То, что они говорят, правда?» «Правда, господин». «Кто заставляет тебя отступить?» «Моя жена». «Брат, эта женщина — причина твоих бедствий. И в прежние дни из-за неё ты упал с четырёх ступеней мистической медитации, и огромное несчастье постигло тебя. Но затем благодаря мне ты был освобождён от страданий и вновь обрёл силу медитации, которую потерял». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился как сын жреца царской семьи и его жены-брахманки. В день его рождения по всему городу сверкало оружие, и поэтому его называли юным Джотипалой. Когда он вырос, он изучил все науки в Таккасиле и показал своё мастерство в них царю; но после этого он, никому не сказав, вышел через заднюю дверь и покинул дворец. Он ушёл в лес и стал отшельником, поселившись в обители Кавиттхаки, называемой Шаккадаттия. Он достиг совершенства в медитации. Пока он жил там, многие сотни мудрецов ждали его. Его сопровождала большая компания, и у него было семь главных учеников.

Один из них, мудрец Шалиссара, покинул обитель Кавиттхаки и отправился в страну Сураттха, где поселился на берегу реки Шагодика вместе со многими тысячами мудрецов. Ещё один, Мандиссара, со многими тысячами мудрецов жил недалеко от города Ламбачулака в стране царя Паяки. Паббата со многими тысячами мудрецов жил в некой лесной стране. Каладевала со многими тысячами мудрецов жил на поросшей лесом горе в Аванти и Декане. Кишавачча жил один недалеко от города Кумбхавати в парке царя Данаки. Отшельник Анушисса сопровождал Бодхисаттву и оставался с ним. Нарада, младший брат Каладевалы, жил один в пещере-келье посреди горной страны Араньяра в центральной области.

В те времена недалеко от Араньяры был один густонаселённый город. Через него текла большая река, в которой купались люди. Множество красивых куртизанок сидели по её берегам, соблазняя мужчин. Отшельник Нарада, увидев одну из них, влюбился в неё, оставил свои медитации и, отказавшись от пищи, пролежал семь дней, не в силах справиться с любовным томлением. Его брат Каладевала, поразмыслив, понял причину этого и полетел по воздуху в пещеру. Нарада увидел его и спросил, зачем он пришёл. «Я узнал, что ты заболел, и пришёл ухаживать за тобой». Нарада отверг его помощь его, солгав: «Ты говоришь вздор и неправду!» Но тот отказался оставить его и позвал ещё Шалиссару, Мандиссару и Паббатиссару. Но Нарада точно так же отверг и их. Каладевала полетел за своим учителем Шарабхангой и привёл его в пещеру.

Когда Учитель вошёл, он понял, что Нарада попал во власть чувств, и спросил, так ли это. Услышав эти слова, Нарада встал, поклонился и признался во всём. Учитель сказал: «Нарада, те, кто попадает во власть чувств, погибают в страданиях в этой жизни, а в следующей жизни рождаются в аду». И он произнёс первую гатху:

Кто из-за страсти превращается в раба чувств,
Теряет оба мира и губит свою жизнь.

Услышав его, Нарада спросил: «Учитель, следование за желанием — это блаженство. Почему ты называешь такое блаженство страданием?» Шарабханга сказал: «Тогда слушай!» — и произнёс вторую гатху:

Блаженство и страдание всегда идут по стопам друг друга.
Ты видел их чередование. Ищи истинное блаженство!

Нарада сказал: «Учитель, такое страдание трудно вынести. Я не могу его выдержать». Великосущный ответил: «Нарада, страдание, которое приходит, следует выдержать». И он произнёс третью гатху:

Тот, кто в смутное время
Терпеливо выносит невзгоды,
Имеет силы достичь того последнего блаженства,
Где кончаются все наши беды.

Но Нарада ответил: «Учитель, блаженство любовного влечения – это величайшее блаженство. Я не могу отказаться от него». Великосущный на это сказал: «Добродетель не должна быть оставлена ни по какой причине», – и произнёс четвёртую гатху:

Из-за любви к похотям, из-за выгодного расчёта,
Из-за больших и малых горестей
Не разрушай своё святое прошлое,
Чтобы не отпасть от добродетели.

После того как Шарабханга в четырёх гатхах изложил дхарму, Каладевала в назидание своему младшему брату произнёс пятую гатху:

Знай, что мирская жизнь – это страдание.
Пропитание должно даваться легко.
Не радуйся, накапливая богатства,
Не огорчайся, расходуя их [1].

* * *

Шестая гатха – это гатха, произнесённая Учителем в его Совершенной Мудрости относительно наставления Девалы Нараде:

Чёрный [2] Девала сказал мудрее всех:
«Нет ничего хуже, чем склоняться под гнётом чувств».

* * *

После этого Шарабханга предостерегающе сказал: «Нарада, послушай: тот, кто сначала не делает того, что должно быть сделано, должен плакать и сокрушаться, подобно юноше, который ушёл в лес». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена в одном городе в Каши жил некий молодой брамин, красивый, сильный, крепкий, как слон. И вот однажды он подумал: «Почему я должен содержать своих родителей, работая на ферме, или иметь жену и детей, или совершать добродетельные поступки и быть милосердным и так далее? Я никого не буду содержать и не буду делать добрых дел. Лучше я пойду в лес и буду добывать пропитание, убивая оленей». Взяв пять видов оружия, он отправился в Гималаи и там убил и съел много оленей. Он нашёл большое ущелье, окружённое горами, на берегу реки Видхава, и там готовил мясо убитого оленя на горячих углях. Как-то раз он подумал: «Я не всегда буду сильным; когда я стану слабым, я не смогу бродить по лесу. Я загоню в это ущелье много диких зверей, закрою его воротами, а потом буду убивать и есть их, когда захочу». Так он и сделал.

По прошествии времени с ним так и случилось, и испытания обрушились на него: его руки и ноги перестали повиноваться ему. Он не мог больше свободно передвигаться, не мог найти себе пищу или питьё; его тело иссохло, он стал похож на тень. Морщины избороздили его тело, словно трещины землю в жаркое время года. Обездоленный и никому не нужный, он сделался жалким и несчастным.

Точно так же через какое-то время царь страны Шиви, по имени Шиви, захотел есть мясо, зажаренное на углях в лесу. Поэтому он оставил царство своим министрам и с пятью видами оружия отправился в лес, где питался мясом убитых им оленей. И вот однажды он пришёл на то место и увидел того человека.

Сначала он испугался, но потом он набрался смелости и спросил, кто перед ним. «Господин, я — тень человека; я пожинаю плоды своих деяний. А кто ты?» «Царь Шиви». «Зачем ты пришёл сюда?» «Чтобы есть оленьё мясо». Человек сказал: «Великий царь, я стал тенью человека, потому что пришёл сюда с такой же целью». И, рассказав подробно всё, что с ним произошло, и поведав свои злоключения царю, он произнёс оставшиеся гатхи:

Царь, я в таком состоянии, как если бы я

Ожесточенно бился с врагами.

Труд и мастерство в ремесле, мирный дом, жена —

Всё потеряно для меня. Мои деяния приносят свои плоды.

Поражённый бедствиями,
Безродный и лишённый жилья,
Подобный тени, сбившийся с праведного пути,
Я достиг дна.

Я в таком состоянии, ибо я
Причинял не радость, а страдания.
Как будто пылающий огонь сжигает меня,
И я теперь страдаю сам.

Сказав так, он добавил: «О царь, желая счастья себе, я причинял несчастье другим, и уже в этой жизни стал призраком. Не совершай злодеяния, возвращаясь в свой город и совершай добрые поступки, проявляя милосердия и тому подобное». Царь так и сделал, и завершил свой путь на небесах.

* * *

Отшельник пробудился благодаря рассказу учителя Шарабханги об этом случае. Он пришёл в возбуждение и, поклонившись и получив прощение своего учителя, с помощью соответствующих процедур вернул утраченную им силу медитации. Шарабханга не разрешил ему остаться там и забрал его с собой в свою собственную обитель.

* * *

Закончив наставление, Учитель провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате отступивший монах утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время Нарадой был брат-отступник, Шалиссарой — Шарипутта, Мендиссарой был Кашьяпа, Паббатой — Ануруддха, Каладевалой был Каччана, Анушиссой — Ананда, Кишаваччхой был Моггаллана, а Шарабхангой был я».

Комментарии

1 Комментатор принимает *sadha* со всеми оговорками: смысл тогда был бы

Благо есть заботы семейной жизни, благо есть отдавать,
Не гордиться, когда богатство прибывает,
И не горевать, когда оно приходит в упадок.

2 И *kāḷo*, и *asito* означают *чёрный*: этот персонаж — Асита, Симеон буддийского Рождества; ср. том I, 54.

424. ДЖАТАКА О ПЫЛАЮЩЕМ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Attha-Nipata. 424 Āditta-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«То, что не смог спасти человек...» Эту историю о несравненном даре Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Несравненный дар должен быть полностью описан в комментарии к Махаговиндасутте. На следующий день после того, как он был преподнесён, монахи говорили о нём в Зале Истины: «Господа, царь Косала после обучения нашёл надлежащую область деятельности, приносящих заслуги, и преподнёс великий дар собранию с Буддой во главе». Учитель вошёл, и ему рассказали, о чём шла речь; он сказал: «Братья, нет ничего странного в том, что царь после обучения преподнёс великие дары. В прежние дни мудрые после обучения также преподносили такие дары». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена царь по имени Бхарата правил в Роруве, в царстве Совира. Он практиковал десять царских добродетелей, снискал славу четырьмя элементами народной любви, был для подданных отцом и матерью и давал большие дары бедным, странникам, нищим, просителям и тому подобным. Его главная царица Шамуддавиджая была мудрой и хорошо образованной.

Однажды он оглядел свой зал для раздачи подаяния и подумал: «Моё подаяние пожирают никчёмные жадные люди. Мне это не нравится. Я хотел бы раздавать подаяние добродетельным паччекабуддам, заслуживающим наилучших даров. Но они живут в Гималаях. Кто привезёт их сюда по моему приглашению и кого я пошлю с этим поручением?» Он обратился к царице, и та сказала: «О царь, не беспокойся. Послав цветы в качестве подношения как знак нашей добродетели и праведности, мы пригласим паччекабудд, и когда они придут, мы одарим их всем необходимым».

Царь согласился. Он провозгласил под барабанный бой, что все горожане должны соблюдать предписания; он сам со своими домочадцами брал на себя все обязанности по святым дням и раздавал большие дары в виде подаяния. Он велел принести золотую шкатулку, полную цветов жасмина, вышел из своего дворца и встал на царском дворе. Там, распростёршись на земле и коснувшись её в пяти местах, он поклонил-

ся восточной стороне и бросил семь пригоршней цветов со словами: «Я приветствую святых в восточной стороне! Если мы достойны того, проявите сострадание к нам и примите наше подаяние!»

Поскольку в восточной стороне нет паччекабудд, они не явились на следующий день. На второй день он точно так же отдал дань уважения южной стороне, но и оттуда никто не явился. На третий день он поклонился западной стороне, но вновь никто не явился. На четвёртый день он поклонился северной стороне и, отдавая дань уважения, бросил семь горстей цветов со словами: «Пусть паччекабудды, живущие в северной стороне, в Гималаях, получают наше подаяние!»

Цветы упали на пятьсот просветлённых в пещере Нандамула. Поразмыслив, они поняли, что царь пригласил их; поэтому они призвали семерых из своего числа и сказали: «Господа, царь приглашает вас; окажите ему милость». Эти паччекабудды переместились по воздуху и возникли у царских ворот. Царь радостно приветствовал их, ввёл во дворец, оказал им большие почести и преподнёс дары. После трапезы он попросил их прийти на следующий день, и так далее до пятого дня, угощая их в течение шести дней. На седьмой день он приготовил подарок со всеми необходимыми принадлежностями, устроил лежа и сидения, инкрустированные золотом, и положил перед семью просветлёнными комплекты из трёх одежд и всех других вещей, используемых святыми отшельниками.

Царь и царица торжественно предложили им всё это после трапезы и почтительно поклонились. Чтобы выразить свою благодарность, старейший из паччекабудд произнёс две гатхи:

То, что не смог спасти человек из пламени,
Пылающего в его жилище,
То, что он утратил, всё равно останется с ним.

Мир охвачен огнём; разрушение и смерть —
Вот пламя, пожирающее его.
Спасение лишь в милосердии:
То, что ты преподносишь в дар, ты спасёшь

Выразив таким образом благодарность, старец увещевал царя быть усердным в добродетели. Затем он взлетел в воздух прямо сквозь остроконечную крышу дворца и появился в пещере Нандамула. Вместе с ним

взлетели и возникли в пещере все предметы, которые были ему дарованы. Царя и царицу охватил восторг. После исчезновения старца остальные шестеро также выразили благодарность каждый своей гатхой:

Тот, кто приносит дары праведным,
Сильным своей святостью,
Пересекает поток Ямы, а затем
Обретает жилище на небесах.

Благотворительность подобна сражению.
Войско может бежать перед несколькими воинами.
Дай малое с благоговением,
И блаженство в загробном мире ожидает тебя.

Мудрые дарители радуют Господа,
Достойно их деяния вознаграждаются.
Обильные плоды дары их приносят,
Как семя, брошенное в плодородную почву.

Тот, кто никогда не говорит грубо,
Не относится к живым существам дурно,
Может казаться людям слабым или робким,
Но эта робость сохраняет их чистоту.

Низшие обязанности приносят человеку,
Воплотившемуся на земле, царственную судьбу;
Средние обязанности приносят ему Небеса;
Высшие приносят ему Чистые Земли [1].

Благотворительность воистину благословенна,
Хотя дхарма приносит высшую награду.
Древние века тому подтверждение,
Так мудрые достигли своей Нирваны.

Затем они также удалились с преподнесёнными им дарами.
Седьмой паччекабудда в своей благодарности царю восхвалил вечную нирвану и, напутствовав его, отправился в свою обитель, как уже было сказано. Царь и царица преподносили дары всю свою жизнь и полностью прошли путь, ведущий на небеса.

* * *

Закончив наставление, Учитель сказал: «Так мудрые прежних дней указали, как преподносить дары с различением», — и связал перерождения: «В то время паччекабудды достигли нирваны; Шамуддавиджасей была мать Рахулы, а царём Бхаратой был я».

Комментарии

1 Высшие небеса в буддийской космогонии.

425. ДЖАТАКА О НЕВОЗМОЖНОМ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Attha-Nipata. 425 Atṭhāna-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Сделай Ганг неподвижным...» Эту историю о монахе-отступнике Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Учитель спросил его: «Правда ли, брат, что ты отступил?» «Да, господин». «В чём причина этого?» «Влечение к женщине». «Брат, женщины неблагодарны, коварны, ненадёжны. В прежние времена мудрые не могли удовлетворить женщину даже тем, что давали ей тысячу монет в день; и однажды, когда она не получила тысячу монет, она взяла их за шиворот и выбросила, — столь неблагодарны женщины. Не впадай во власть желания из-за них». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, его сын, молодой Брахмадатта, и Махадхана, сын богатого торговца из Бенареса, были друзьями и товарищами по играм и учились у одного учителя. Принц сделался царём после смерти своего отца, и сын торговца жил рядом с ним. В то время была в Бенаресе одна куртизанка, красивая и преуспевающая. Сын торговца ежедневно давал ей тысячу монет и постоянно наслаждался с нею. После смерти отца он унаследовал его состояние и тоже занимался торговлей. Он не оставлял эту женщину, по-прежнему давая ей тысячу монет ежедневно.

Три раза в день он приходил к царю. Однажды вечером он, как обычно, отправился к нему. Пока он разговаривал с правителем, солнце село,

и стало темно. Выходя из дворца, он подумал: «Нет времени идти домой и потом возвращаться; я пойду прямо к куртизанке». Он отпустил своих слуг и вошёл в её дом один.

Увидев его, она спросила, принёс ли он тысячу монет. «Дорогая, я сегодня сильно припозднился, поэтому отослал своих слуг, не заходя домой, и пришёл один. Но завтра я дам тебе две тысячи монет». Она подумала: «Если я приму его сегодня, то он и в другие дни будет приходить с пустыми руками, и моё богатство уйдёт. На этот раз я его не впускаю». «Господин, я всего лишь куртизанка. Я не проявляю свою благосклонность без тысячи монет. Ты должен принести эту сумму», — сказала она. «Дорогая, завтра я принесу вдвое больше!» — он снова и снова умолял её. Куртизанка приказала своим служанкам: «Не позволяйте этому человеку стоять здесь и смотреть на меня! Возьмите его за шиворот и вышвырните вон, а затем закройте дверь!» Они так и сделали.

Он подумал: «Я потратил на неё восемьдесят крор денег, но в один прекрасный день, когда я пришёл с пустыми руками, она вытолкала меня взащей! О, женщины! Злые, бесстыдные, неблагодарные, вероломные!» И так он продолжал размышлять о порочности женщин, пока не почувствовал неприязнь и отвращение, а также недовольство жизнью мирянина. «Почему я должен вести мирскую жизнь? Я пойду и сегодня же сделаюсь отшельником!» — подумал он. Итак, не возвращаясь в свой дом и не увидевшись с царём, он покинул город и вошёл в лес. Он построил хижину на берегу Ганга и стал вести жизнь отшельника, совершенствуясь в искусстве медитации и питаясь дикими кореньями и плодами.

Царь скучал по своему другу и спрашивал о нём. Поступок куртизанки стал известен всему городу, и подданные рассказали об этом царю, добавив: «О царь, говорят, что твой друг из-за такого бесчестья не пошёл домой, а стал отшельником в лесу».

Царь призвал куртизанку и спросил, правда ли, что она обошлась так нехорошо с его другом. Она призналась. «Порочная, отвратительная женщина! Иди скорее туда, где живёт сейчас мой друг, и приведи его! Если не сможешь сделать это, попрощайся с жизнью». Она испугалась гнева царя. Сев в колесницу, она выехала из города с большой свитой и стала искать его жилище. Узнав, где поселился отшельник, она отправилась туда, поклонилась и взмолилась: «Господин, прости меня за зло, которое я совершила в своей слепоте и глупости! Я никогда больше не буду так поступать!» «Что ж, я прощаю тебя и больше не сержусь». «Если ты прости меня, садись со мной в колесницу. Мы поедем в го-

род, и я отдам тебе все деньги, которые есть в моём доме!» Услышав это, он ответил: «Госпожа, я не могу пойти с тобой сейчас. Впрочем, когда случится то, чего не может случиться в этом мире, тогда, возможно, я смогу пойти с тобой». И он произнёс первую гатху:

Сделай Ганг неподвижным, как пруд с лотосами,
Сделай кукушку жемчужно-белого цвета,
Сделай так, чтоб на пальме выросли яблоки.
Возможно, тогда это и случится.

Но она снова попросила: «Пойдём со мной!» Он ответил: «Я пойду, когда...» — «Когда что?» — «Когда вот что!» — сказал он и произнёс оставшиеся гатхи:

Когда ты сумеешь соткать из черепашьей шерсти
Тройную ткань, защищающую
От зимнего холода, —
Возможно, тогда это и случится.

Когда из зубов комариных
Ты выстроишь башню искусно,
И она века простоит, не пошатнувшись, —
Возможно, тогда это и случится.

Когда из заячьих рогов ты искусно
Лестницу сложишь,
Которая достанет до неба, —
Возможно, тогда это и случится.

Когда мыши взойдут по ступенькам
Этой лестницы и съедят луну,
И сбросят Раху с неба, —
Возможно, тогда это и случится.

Когда мухи, утонувшие в кувшине с вином,
Вновь полетят легко и свободно
И поселятся в углях горящих, —
Возможно, тогда это и случится.

Когда ослы обретут прекрасные лица
И алые сочные губы,
И покажут своё мастерство в песнях и танцах, —
Возможно, тогда это и случится.

Когда вороны и совы сойдутся,
Чтобы вести разговоры,
И добиваться друг друга, подобно влюблённым, —
Возможно, тогда это и случится.

Когда блики от солнца
На нежных листьях деревьев
Дождь проливной не смоем, —
Возможно, тогда это и случится.

Когда воробьи унесут
Гималаи во всём их величии
В своих маленьких слабых клювах, —
Возможно, тогда это и случится.

И когда мальчик поднимет легко,
Корабль, полностью оснащённый
Для плаванья в дальних морях, —
Возможно, тогда это и случится.

Итак, Великосущный произнёс эти одиннадцать строф, чтобы установить невозможные (*aṭṭhāṇa*) условия. Куртизанка, выслушав их, получила его прощенья и вернулась в Бенарес. Она рассказала обо всём царю и умоляла сохранить ей жизнь, и царь помиловал её.

* * *

Закончив наставление, Учитель сказал: «Итак, братья, женщины неблагодарны и вероломны»; затем он провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате монах-отступник утвердился в Плоде Первого Пути) и связал перерождения: «В то время царём был Ананда, отшельником был я».

Комментарии

¹ Ср. Тибетские сказки, № 12 «*Suśroni*», а также № 374 выше.

426. ДЖАТАКА О ЛЕОПАРДЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Attha-Nipata. 426 Dīpi-Jātaka)

Перевод Б. А. Захарьина

Говоря: «В порядке ль все, здоровы ли?» Учитель — он жил в ту пору в роще Джеты — начал повествование о козе.

Некогда почтенный Маудгальяна поселился в горном ущелье с единственным входом. Небольшая площадка у входа служила ему двориком для прогулок.

Как-то пастухи решили: «Пусть козы попасутся здесь!» — вошли со своим стадом в то ущелье и зажили там в своё удовольствие.

Раз вечером собрали они своих коз и двинулись на новое место. А одна коза, которая паслась поодаль, не заметила, что остальные уходят, и осталась. Когда же коза направилась к выходу из ущелья, её приметил леопард и, вознамерившись съесть, преградил ей путь.

Коза, озираясь по сторонам, заметила леопарда и подумала: «Он застался там, чтобы убить меня и сожрать! Если поверну назад и кинусь бежать — мне не спастись! Поступлю-ка я так, как в этих случаях поступают люди!»

И с этой мыслью коза выставила рога и помчалась прямо на леопарда. И хотя леопард испытывал уже сладостный трепет, полагая, что вот-вот схватит козу, ей удалось избежать его когтей. Она помчалась дальше, что было сил, догнала прочих коз и присоединилась к стаду.

Почтенный Маудгальяна, видевший всё это, отправился на другой день к Татхагате и, поведав о случившемся, сказал: «Коза та, о всеблагодетель, сумела избрать нужный способ действия и, свершив подвиг, избежала когтей леопарда!»

Учитель же на то возразил: «О Маудгальяна! На сей раз коза и впрямь спаслась от леопарда, но прежде бывало и так, что леопард хватал козу, громко блеющую, и разделялся с ней!»

И, уступая просьбам Маудгальяны, Учитель поведал ему о прошлом. В стародавние времена Бодхисаттва обрёл своё земное существование в одной богатой семье, что жила в деревне в царстве Магадха. Войдя в зрелый возраст, Бодхисаттва отринул мирские желания, ушёл в отшельники и достиг высшего совершенства в искусстве сосредоточенного раз-

мышления. Долгие годы прожил он отшельником в Гималаях, но как-то, испытывая нужду в соли и пряностях, пришёл в Раджагриху, поставил свою крытую листьями хижину в ущелье среди скал и зажил там.

Всё произошло так, как и в тот раз: настухи пригнали туда козье стадо, затем стадо ушло, а одна коза отстала от прочих. И, увидав её, одиноко бредущую к выходу из ущелья, некий леопард решил: «Съем её!» – и преградил ей путь.

Коза же, увидев леопарда, подумала: «Не остаться мне нынче живой, если только не придумаю способа смягчить его сердце сладостной и приятной беседой. Иначе конец мне!»

И, подумав так, коза приблизилась к леопарду, решив попробовать ещё издали завести с ним приятный разговор, и для начала пропела:

В порядке ль всё, здоровы ли?
Благополучна ль, дядя, жизнь?
О счастье вашем матушка
И я сама узнать хотим!

Леопард подумал: «Эта плутовка хочет меня обмануть, называя «дядей»! Она не знает, до чего я свиреп!» И он пропел ей в ответ:

Коза! На хвост мой наступив,
Ты потревожила меня!
Не полагаешь ли, что я
За «дядю» отпущу тебя?!

Коза взмолилась: «Дядюшка, не говорите так!» и снова спела:

Ах, дядя, вы лицом ко мне
Стояли, я навстречу шла,
А хвост ведь сзади – как же вам
Я отдавить его могла?!

Леопард вскричал: «Что ты городишь, коза?! Нет такого места, где не было бы моего хвоста!» – и спел в ответ:

По всем из четырёх сторон
Земли, по всем морям, горам,

Мой хвост простёрся, о коза!
Как можно не задеть его?!

Услыхав это, коза решила: «Его, погрязшего в скверне, не прельстишь сладкими речами, заговорю-ка я с ним, как с врагом!» – и пропела:

И прежде говорили мне отец,
И брат, и матушка,
Что длинен у злодея хвост,
Но я неслась по воздуху!

«Знаю, – отвечал на то леопард, – что ты неслась по воздуху, но на пути своём сюда ты осквернила трапезу мою!» – и он пропел:

Оленьё стадо ты, коза,
Летя, вспугнула; наутёк
Оно в испуге бросилось –
Без трапезы остался я!

При этих словах коза затряслась от страха и только смогла выкрикнуть сквозь рыдания: «О дядюшка! Не будь жесток и пощади меня!» Но леопард схватил козу за загривок, убил и съел.

И вот к сему два стиха, исполненные мудрости Всепробуждённого:

Схватил за шею леопард
Козу, к нему взывавшую:
Речами ведь прекрасными
Злодея накормить нельзя!
И для злодея правил нет,
Нет дхармы – красоты речей,
Ничем не обуздать его –
Он только силу знает!

И, заканчивая это наставление в дхарме, Учитель истолковал рассказ, так связав перерождения: «Козою в ту пору была эта же самая коза, леопардом – тепсерешний леопард, отшельником же был я сам».

Книга девятая Nava-Nipata

427. ДЖАТАКА О ГРИФЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 427 Gijjha-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Из грубых брёвен сложенная...» Эту историю о непослушном монахе Учитель рассказал в Джетаване. Говорят, монах этот был благородного происхождения и, хотя был посвящён в Учение, ведущее к спасению, его доброжелатели, наставники, учителя и соученики увещевали его: «В этом случае следует продвигаться вперёд, а в этом — отступать; в этом — смотреть на предметы или отворачиваться от них; в этом случае следует вытянуть или отвести назад руку. Так следует носить нижнюю и верхнюю одежду; так следует держать чашу, а когда ты получил пищу, достаточную для поддержания жизни, и осмотрел её, так ты должен принимать её, держа чувства под контролем. В еде следует быть умеренным и проявлять осторожность. Ты должен признавать такие-то и такие-то обязанности по отношению к братьям, которые приходят в монастырь или уходят из него. Таковы четырнадцать обязанностей [2] монаха и восемьдесят великих обязанностей, которые необходимо должным образом исполнять. Это тринадцать практик Дхуты [3]; все они должны выполняться неукоснительно».

Однако монах этот был непослушен и нетерпелив, и не внимал наставлениям с почтительностью, а отказывался слушать их, говоря: «Я не придираюсь к тебе. Почему же ты так говоришь со мной? Я сам знаю, что для моего блага, а что нет». Тогда другие монахи, услышав о его непослушании, стали говорить между собой об этом, сидя в Зале Истины. Учитель вошёл и спросил, что они обсуждают. Услышав ответ, он послал за этим монахом и задал ему вопрос: «Правда ли, брат, что ты непослушен?» И когда он признался, что это так, Учитель сказал: «Почему же, брат, после посвящения в такое прекрасное учение, ведущее к спасению, ты не желаешь прислушаться к своим доброжелателям? Прежде ты тоже не прислушивался к словам мудрых и был разорван на мельчайшие частицы ветрами Верамбы». И он поведал историю былых времён.

* * *

Однажды Бодхисаттва воплотился стервятником на Горе Стервятников. Его сын Супатта, царь стервятников, был силен и крепок, в его свите было несколько тысяч стервятников. Он заботился о своих родителях и приносил им пищу. Благодаря своей силе он взлетал на очень большую высоту, поэтому отец увещевал его и говорил: «Сын мой, ты не должен подниматься выше такой-то отметки». «Хорошо, отец», — отвечал он. Но однажды, когда пошёл дождь, он взлетел вместе с другими стервятниками и, оставив остальных позади, поднялся выше указанного предела. Там он попал в зону действия ветра Верамбы и был разорван на мельчайшие части.

* * *

Учитель в своей Совершенной Мудрости, чтобы проиллюстрировать этот случай, произнёс следующие стихи:

Из грубых брёвен сложенная древняя тропа
Вела к головокружительным высотам,
Где молодой стервятник
Кормил родителей, змеиный жир им принося.
Надёжные и сильные крыла несли его за облака.
Его отец увидел, как высоко летает он,
И наставлял его, к благоразумию взывая:
«Сын мой, когда увидишь зорким взором
Земную сферу, опоясанную океаном,
Молю — не поднимайся выше, возвращайся!»
Но царь стервятников не внял мольбам отца;
Поднявшись над землёй, он острым взором
Окидывал леса и горные вершины.
И вот достиг он высоты, с которой
Увидел землю в виде полусферы, лежащей в океане.
Но, сколь бы сильной птицей ни был он,
Когда преодолел предел запретный,
Он был подхвачен яростным порывом
И встретил смерть свою в расцвете лет.
Его непослушанье обернулось
Бедой для тех, кто от него зависел.
Так всякий, кто не внемлет старшим,

Кто над словами мудрого смеётся,
Падёт на землю, словно молодой стервятник,
Не пожелавший обуздать свою гордыню.

* * *

«Поэтому, брат, не уподобляйся этому стервятнику, но исполняй волю твоих доброжелателей». И, получив такое наставление от учителя, монах с тех пор стал послушным.

* * *

Учитель, закончив наставление, связал перерождения: «Непослушный стервятник тех дней — теперь непослушный монах. Отцом-стервятником был я сам».

Комментарии

1 См. № 381 выше.

2 Называется *Khandakavattāni*, потому что содержится в разделе *Khandaka* Винайи.

3 *Восточный Монахизм* Харди, стр. 9.

428. ДЖАТАКА О КОСАМБИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 428 Kosambī-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Когда Братство будет...» Эту историю о сварливых людях из Косамби Учитель рассказал, когда жил в парке Гхосита близ Косамби. Описание инцидента, который послужил основой для этой истории, можно найти в разделе Винайи, относящемся к Косамби [1]. Вот его краткое изложение. Говорят, что в то время в одном доме жили два монаха. Один был сведущ в Винайе, второй — в сутрах. Однажды второй брат, когда ему понадобилось посетить умывальную комнату, вышел, оставив излишки воды для полоскания рта в сосуде. После этого тот, кто разбирался в Винайе, вошёл и, обнаружив воду, спросил своего товарища, не оставил ли он там воду. Тот ответил: «Да, оставил». «Как? Разве ты не знаешь, что это грех?» «Нет, я не знал об этом». «Что ж, брат, знай, что

это грешно». «Тогда я искуплю свою вину». «Но если ты сделал это по неосторожности и неосмотрительности, это не грех». Так он сделался тем, кто не видит греха в том, что греховно.

Учёный Винайи сказал своим ученикам: «Этот учёный Сутры, когда впадает в грех, не осознаёт этого». Те, увидев учеников другого брата, сказали: «Ваш учитель, хотя и впадает в грех, не признаёт это греховным». Они пошли и рассказали обо всём своему учителю. Он ответил: «Этот учёный Винайи раньше говорил, что это не грех, а теперь говорит, что это грех. Он лжец!» Они пошли и сказали остальным: «Ваш учитель – лжец». Так они поссорились друг с другом. Тогда учёный Винайи, найдя удобный случай, провёл процедуру отлучения монаха за отказ видеть свою провинность. Отныне даже миряне, снабжавшие монахов всем необходимым, разделились на два лагеря. Сёстры, принимающие их наставления, и боги-покровители со своими друзьями, близкими и божествами – от тех, что пребывают в пространстве [2], до тех, что находятся в Море Брахмы, – и даже те, кто не был посвящён, образовали две противоборствующие партии. Шум достиг обители Высочайших Богов.

Тогда некий монах пришёл к Татхагате и объявил мнение отлучающей стороны, гласящее: «Этот человек отлучён в соответствии с правилами», – и мнение приверженцев отлучённого, которые говорили, что он отлучён незаконно, а также описал действия тех, кто, хотя это и было запрещено отлучающей партией, всё же собрался вокруг него для поддержки. Благословенный сказал: «Это раскол, да, раскол в братстве!» И он отправился к ним и указал на страдания, связанные с отлучением, тем, кто были сторонниками отлучённого, и страдания, следующие за сокрытием греха, противоположной стороне, и ушёл.

Но опять, когда они проводили Упосатху и подобные службы в одном и том же месте, и ссорились в трапезной и в других местах, он установил правило, согласно которому они должны были садиться вместе, по одному с каждой стороны, попеременно. Услышав, что в монастыре всё ещё продолжается противостояние, он пошёл туда и сказал: «Довольно, братья, прекратите ссориться!» Один из монахов, принявший сторону отступника [3], не желая досаждать Благословенному, сказал: «Пусть Благословенный Господь Истины остаётся дома. Пусть Благословенный пребывает в тишине и покое, наслаждаясь блаженством, которое он уже обрёл в этой жизни. Дурная слава пойдёт о наших ссорах, препирательствах, перебранках и раздорах».

Но Учитель сказал монахам: «Когда-то, братья, Брахмадатта правил как царь Каши в Бенаресе. Он отнял у Дигхати, царя Косалы, его царство и предал его смерти, когда тот скрывался. Но когда принц Дигхаву пощадил жизнь Брахмадатты, они стали с тех пор близкими друзьями. И ввиду того, что столь отходчивы и долготерпеливы были этих цари, держащие в руках скипетр и меч, истинно, братья, вы должны понимать, что и вы, приняв живущие в соответствии со столь хорошо преподанным Учением, можете быть снисходительными и добросердечными». И, увещевая их в третий раз, он сказал: «Довольно, братья, не надо ссориться». Но когда он увидел, что они не прекращают препираться, он ушёл, сказав: «Воистину, эти глупые люди подобны одержимым, их невозможно убедить!»

На следующий день, вернувшись со сбора подаяния, он немного отдохнул в своей благоухающей келье и привёл своё жилище в порядок, а затем, взяв чашу и одежду, встал в воздухе и произнёс эти стихи перед всем собранием:

Когда Братство будет надвое разделено,
 Простой народ тоже начнёт роптать.
 Каждый верит, что сам он мудр,
 Бросая презрительный взгляд на соседа.
 Заблудшие души, преисполнившись чувством
 Собственной важности, богохульствуют безрассудно,
 И, запутавшись в своём многословии,
 Не понимают уже, за кем им следовать.
 «*Этот* оскорбил меня, *тот* нанёс мне удар,
 Вон *тот* пришёл и ограбил меня когда-то давно» [4].
 Те, кто питает подобные чувства,
 не склонны смягчать свой гнев.
 «Он дурно со мной обращался когда-то,
 Он притеснял меня и причинял мне страдания».
 Те, кто отказывается лелеять такие мысли,
 Избавляются от гнева и снова пребывают в единстве.
 Не ненависть избавляет от ненависти, а только любовь:
 Это непреходящий закон спокойствия и мира.
 Некоторые люди сдержанность презируют;
 Но мудрые прекращают свои распри.
 Если те, кто изранен в смертельной борьбе,

Отнимающие жизни и разоряющие царства,
С противником своим смогли стать друзьями,
Разве братья не должны в согласии жить?
Разве не должны они найти
Родственную душу, с которой все невзгоды
Легко преодолеть, и вместе проводить
Все дни свои в счастливом созерцании?
Но если ты не встретишь такого друга,
Лучше жизнь проведи в одиночестве,
Подобно принцу, отрёкшемуся от престола,
Или слону, скитающемуся в лесах.
Выбирай лучше уединенную жизнь,
Чем с глупцом вести бесполезные споры;
Легко и просто следуй своим путём,
Как блуждающий в лесу дикий слон.

Когда Учитель сказал это, так и не сумев примирить этих монахов, он пошёл в Балакалонакарагаму (деревню Балака, жители которой занимались добычей соли), и поведал почтенному Бхагу о блаженстве одиночества. Оттуда он отправился в обитель трёх юношей благородного происхождения и рассказал им о счастье, которое можно найти в согласии. Оттуда он направился в лес Парилейяка и, прожив там три месяца, не возвращаясь в Косамби, пошёл прямо в Саваттхи. Тогда миряне Косамби, посоветовавшись, решили: «Несомненно, эти преподобные братья из Косамби причинили нам много вреда. Благословенный ушёл, расстроенный ими. Мы не будем ни кланяться им, ни оказывать им другие знаки почтения, ни давать им подаяние, когда они придут к нам. Тогда они уйдут, или вернутся в мир, или же умилоостивят Благословенного». Так они и стали делать. И монахи, опечаленные таким наказанием, пришли в Саваттхи и попросили прощения у Благословенного.

* * *

Учитель так связал перерождения: «Отцом был великий царь Судходана, матерью – Махамайя, принцем Дигхаву был я».

Комментарии

1 *Mahāvagga*, х. 1-10.

2 К ним относятся все Боги, кроме тех, что находятся на четырёх высших небесах (*arūpa-brahmalokas*). Харди, *Руководство по буддизму*, стр. 26.

3 Читается *adhammavādinā*, как в параллельном стихе *Mahāvagga*, стр. 341.

4 *Дхаммапада*, ст. 3-5. См. также № 371 выше.

429. БОЛЬШАЯ ДЖАТАКА О ПОПУГАЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 429 Mahāsuka-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Везде, где деревья приносят плоды...» Эту историю об одном монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Предание гласит, что тот жил в лесу недалеко от приграничной деревни в стране Косала и получил наставления в искусстве медитации от Учителя. Жители деревни устроили ему жилище на месте, где постоянно ходят люди, и были внимательны к его нуждам. В первый же месяц после сезона дождей случился пожар, и деревня сгорела дотла. У людей не осталось ни зёрнышка, и они не могли ничего положить в его чашу для подаяния; и хотя он жил в хорошем месте, он был так расстроен из-за этого, что не мог ни ступить на Путь, ни получить его Плоды.

По прошествии трёх месяцев он отправился навестить Учителя. После приветственных слов Учитель рассчитывал услышать, что он живёт в хорошем месте, хоть и страдает из-за скудного подаяния. Монах рассказал ему, как обстоят дела. Учитель, услышав, что у него хорошее жилище, произнёс: «Брат, если даже это и так, отшельник должен отринуť путь алчности и довольствоваться тем, что у него есть, и исполнять все обязанности. В прежние дни мудрые, рождённые в виде животных, хотя и питались истёртой трухой прогнившего дерева, на котором они жили, отринули алчные желания и довольствовались тем, что у них было, и исполняли дхарму любви. Почему же ты хочешь покинуть приятное жилище из-за того, что пища, которую ты получаешь, скудна и груба?» И по его просьбе Учитель поведал историю былых времён.

* * *

Давным-давно много десятков тысяч попугаев жили в Гималаях на берегах Ганга, в роще фиговых деревьев. Царь попугаев, когда плоды

дерева, на котором он жил, закончились, съел все, что осталось, — по-беги, листья, кожуру и кору, после чего напился воды из Ганга. Он был очень счастлив и доволен, и решил остаться на этом месте. Его счастливое и довольное состояние достигло обители Шакки. Шакка, размышляя о причине, увидел попугая и, чтобы испытать его добродетель, своей сверхъестественной силой он высушил дерево. Оно превратилось в сухой продырявленный остов, и при каждом порыве ветра из дыр вылетала труха. Царь попугаев ел эту труху и пил воду из Ганга, и, никуда не улетаая, сидел на верхушке смоковницы, высушенной ветром и солнцем.

Шакка увидел, как доволен попугай, и сказал: «Услышав, как он рассуждает о добродетели дружбы, я приду, дам ему на выбор различные дары и сделаю так, чтобы плоды этой смоковницы наполнились амброзией». Приняв облик царственного гуся, он в сопровождении Суджи в облике нимфы Асуры отправился в рощу фиговых деревьев и, усевшись на ветку дерева неподалёку, вступил в разговор с попугаем и пропел первую гатху:

Везде, где деревья приносят плоды,
Кормятся стаи птиц.
Но если деревья засохнут,
Птицы это место покидают.

И после этих слов, чтобы прогнать попугая оттуда, он пропел вторую гатху:

Поспеши же, Рыжеклювый, прочь отсюда!
Почему ты сидишь здесь в одиночестве?
Ну же, скажи мне, пожалуйста, птица весны,
Почему ты цепляешься за этот мёртвый остов?

Попугай ответил: «О гусь, из чувства благодарности не оставляю я это дерево», — и пропел две гатхи:

Тем, кто были близкими друзьями с юности,
Помня о добродетели и истине,
В жизни и смерти, в счастье и горе
Негоже от дружбы отказываться.

Я тоже теперь проявляю участие
К моему бедному увядшему другу;
Я хочу жить, но не могу расстаться
С этим старым мёртвым деревом.

Шакка, услышав сказанное попугаем, пришёл в восторг и, восхваляя его, предложил ему дары на выбор и пропел две гатхи:

Я вижу твою дружбу и твою благодарную любовь –
Добродетели, которые мудрым, несомненно, приятны.
Я предлагаю тебе всё, что ты пожелаешь, на выбор!
Попугай, какой из даров твоё сердце обрадует больше всего?

Услышав это, царь попугаев, сделав свой выбор, пропел седьмую гатху:

Если ты, о гусь, можешь исполнить то, чего я жажду,
Пусть дерево, которое я люблю, вновь оживёт!
Пусть оно выпустит молодые нежные побеги,
Наполнится сладким соком и принесёт обильные плоды!

И Шакка, благословляя смоковницу, пропел восьмую гатху:

Друг, взгляни! Ожившее дерево вновь зеленеет.
Это прекрасное место для твоего жилища.
Пусть оно выпустит молодые нежные побеги,
Наполнится сладким соком и принесёт обильные плоды!

С этими словами Шакка сбросил свой теперешний облик и, явив свою и Суджи сверхъестественную силу, зачерпнул рукой воду из Ганга и плеснул ею на пень смоковницы. Тотчас же дерево поднялось, раскинуло пышную крону с медово-сладкими плодами и стало подобно горной вершине, таящей драгоценности в своих недрах. Царь попугаев, увидев это, очень обрадовался и, воспевая хвалу Шакке, пропел девятую гатху:

Пусть будут счастливы Шакка и все, кого любит Шакка,
Как счастлив сегодня я при виде этого прекрасного зрелища!

Шакка, исполнив желание попугая и заставив смоковницу принести плоды, полные амброзии, вернулся с Суджатой в свою обитель.

* * *

В качестве иллюстрации к этой истории в конце были добавлены эти гатхи, вдохновлённые Совершенной Мудростью:

Как только царь попугаев мудро сделал свой выбор,
Дерево стало вновь плодоносить.
А Шакка с царицей тут же вернулись
Туда, где в Нандане боги ликуют.

Учитель, закончив наставление, сказал: «Таким образом, брат, в прежние дни мудрые, хоть и воплощённые в животных формах, были свободны от алчности. Почему же ты, будучи посвящён в такое превосходное Учение, следуешь путём алчности? Оставайся и живи в том же месте». И он передал ему способ медитации (монах вернулся и духовным просветлением достиг Святости), и затем так связал перерождения: «В то время Шаккой был Ануруддха, а царём попугаев — я».

Комментарии

1 Morris, *Folk Lore Journal*, III. 67.

430. МАЛАЯ ДЖАТАКА О ПОПУГАЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 430 Culla-Suka-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Взгляни! Бесчисленны деревья...» Эту историю о пребывании в Веранджи [1] Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Когда Учитель, проведя сезон дождей в Верандже, прибыл в Саваттхи, монахи в Зале Истины начали дискуссию, говоря: «Господа, Татхагата, превосходно воспитанный кшатрий и Будда, хотя и обладал сверхъестественными способностями, по приглашению брамина из Веранджи пробыл с ним три месяца. И когда из-за искушения Мары он не смог получить подаяние из рук брамина даже на один день, он оставил все пути алчности и,

оставаясь на одном месте в течение трёх месяцев, жил на воде и горсточке смолотой из корней муки. О эта умиротворённая природа Татхагат!» Когда Учитель вошёл и узнал тему их беседы, он сказал: «Не удивительно, братья, что Татхагата теперь утратил всякую алчность. Ведь и прежде, когда он был воплощён в животной форме, он отринул алчность». И он поведал им историю былых времён. Подробности этой истории должны быть изложены так же, как и в предыдущем рассказе.

* * *

Взгляни! Бесчисленны деревья здесь,
Все в зелени и плодоносны!
Почему, попугай, ты цепляешься
За это бедное иссохшее дерево?

Долгие годы я наслаждался
Его сочными плодами,
И хотя сейчас оно засохло,
Моя забота нужна ему.

Ни листьев, ни плодов больше нет,
Увы! Дерево мертво.
Зачем винить твоих собратьев-птиц,
Которые все разлетелись?

Они любили лишь его плоды,
А теперь, когда этого больше нет,
Их любовь и благодарность исчезли.
Жалкие корыстные глупцы!

У меня есть твоя благодарность,
Твоя подлинная и неизменная любовь,
Верная добродетель,
О которой твердят мудрые.

Я предлагаю тебе, о птица, всё,
Что ты пожелаешь, на выбор.
Скажи мне, молю, какой из даров
Твоё сердце обрадует больше всего?

Если бы это дерево вновь стало
Зелёным и принесло плоды,
Я обрадовался бы этому,
Как самому дорогому сокровищу!

И вот дерево, которое Шакка
Благословил и окропил амброзией,
Раскинуло ветви с прохладной тенью,
Прекрасные, как и прежде.

Пусть будут счастливы Шакка
И все, кого любит Шакка,
Как счастлив сегодня я
При виде этого прекрасного зрелища!

Так дерево стало вновь плодоносным
Благодаря попугаю,
И Шакка с его царицей
В рощах Нанданы ликуют.

* * *

Учитель, закончив наставление, связал перерождения: «В те дни Шаккой был Ануруддха, царём попугаев был я».

Комментарии

1 См. *Vinaya*, Pār. I. 1-4.

431. ДЖАТАКА О ХАРИТЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 431 Hārīta-Jātaka)

Перевод И. Ольгинской

«Друг Харита...» Эту историю об усомнившемся монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Монах этот, увидев нарядно одетую женщину, почувствовал сомнения, стал отращивать длинные волосы и пожелал вернуться в мир. Учителя и наставники привели его против

его воли к Учителю. Тот спросил, правда ли, что он отступник, и если да, то почему. Он ответил: «Да, Преподобный, это оттого, что греховная страсть овладела мной, когда я увидел красивую женщину». Учитель сказал: «Грех, брат, губителен для добродетели и к тому же безвкусен, и заставляет человека заново родиться в аду. Почему бы этому греху не привести тебя к гибели? Ибо ураган, обрушившийся на гору Синеру, не стыдится унести увядший лист. Но из-за этого греха люди, которые, следуя знанию и мудрости, приобрели пять Способностей и восемь Достижений, хотя они были великими и святыми, будучи неспособными управлять своими мыслями, отпали от мистической медитации». И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва родился в одной деревне в семье браминов, чьё состояние оценивалось в восемьдесят крор. Из-за его золотого цвета лица его называли Хариттачакумара («Златолицый»). Когда он вырос и получил образование в Таккасиле, он стал домохозяином, а после смерти отца и матери осмотрел свои сокровища и задумался: «Сокровище продолжает существовать, но те, кто произвёл его, перестали существовать. И я тоже подвергнусь разложению, когда умру».

Побуждаемый страхом смерти, он преподнёс великие дары, и, уйдя в Гималаи, стал отшельником и на седьмой день развил Способности и Достижения. Там он жил долгое время, питаясь дикими плодами и кореньями. Как-то раз, спустившись с гор за солью и уксусом, он пришёл в Бенарес. Там он поселился в царском парке, а на следующий день, отправившись за подаянием, подошел к дверям царского дворца.

Царь был так рад его видеть, что послал за ним, усадил его на царское ложе под сенью белого тента и накормил всевозможными лакомствами. Когда он собрался уходить, царь, чрезвычайно довольный, спросил его: «Досточтимый, куда ты направляешься?» «Великий царь, я ищу жильё на сезон дождей». «Очень хорошо, Досточтимый!» — сказал царь. После трапезы царь пошёл вместе с отшельником в парк и распорядился, чтобы для гостя построили помещение на день и ночь, и, назначив смотрителя парка его слугой, поклонился ему и удалился. Великосущный с тех пор постоянно питался во дворце и прожил там двенадцать лет.

И вот однажды царь отправился усмирять волнения на границе и поручил Бодхисаттву заботам царицы, сказав: «Не забывай о нашем «Поле заслуг»!» С тех пор она сама прислуживала Великосущному.

Однажды она приготовила для него еду и, пока он медлил с приходом, искупалась в душистой воде, надела мягкую тунику из тонкой ткани и, открыв оконную решётку, легла на маленькое ложе, позволив ветру играть на её теле. Немного позже в тот же день Бодхисаттва, одетый в красивую нижнюю и верхнюю одежду, взял свою чашу для подаяния и, пройдя по воздуху, подошёл к окну. Когда царица поспешно поднялась, услышав шорох его одежды из коры, платье из тонкой ткани свалилось с неё. Необычайное зрелище поразило взор Великосущного. И в тот миг греховное чувство, обитавшее в его сердце бесчисленные зоны, поднялось, словно змея, лежащая в корзине, и обратило в бегство его мистическую медитацию. Не в силах совладать с собой, он подошёл к царице, схватил её за руку, и они тотчас же задёрнули занавес. Согрешив с ней, он поел и вернулся в парк. И с тех пор каждый день он поступал точно так же.

О его проступке вскоре заговорили по всему городу. Министры послали царю письмо, в котором говорилось: «Отшельник Харита совершает то-то и то-то».

Царь подумал: «Они говорят так, желая разлучить нас», — и не поверил. Утихомирив приграничную страну, он возвратился в Бенарес и, пройдя торжественной процессией по городу, вошёл к царице и спросил её: «Правда ли, что святой отшельник Харита вёл себя с тобой неподобающим образом?» «Это правда, господин». Ей он тоже не поверил и подумал: «Я сам спрошу этого человека». Подойдя к парку, он поклонился отшельнику и, почтительно сев сбоку, произнёс первую гатху в форме вопроса:

Друг Харита, до меня доходят слухи о том,
Что грешную жизнь ведёт Досточтимый.
Надеюсь, что в этих сплетнях нет ни капли правды,
И ты невиновен в поступках и мыслях?

Харита подумал: «Если бы я сказал, что не предаюсь греху, царь поверил бы мне; но в этом мире нет более надёжного основания, чем правда. Те, кто отвергают истину, хотя и сидят под священной сенью дерева Бо, не могут достичь состояния Будды. Я должен просто сказать правду». В определённых случаях Бодхисаттва может разрушить жизнь, взять то, что ему не принадлежит, совершить прелюбодеяние, выпить

крепкого напитка; но он не может сказать ложь и ввести в заблуждение, которое не соответствует реальности. Поэтому, говоря только правду, он произнёс вторую гатху:

Великий царь, ты слышал всё верно:
Встав на порочный путь,
Попав в ловушку иллюзорного мира,
Я совершил ошибку.

Услышав это, царь произнёс третью гатху:

Напрасна глубочайшая мудрость
Человека, которую могут
Развеять страсти, что кипят в его груди.

Тогда Харита указал ему на могущество порока и произнёс четвёртую гатху:

В этом мире есть четыре страсти, великий царь,
Обладающие огромной силой.
Вожделение, ненависть, неумеренность
И невежество — вот их имена.
И даже знание против них бывает бессильно.

Услышав это, царь произнёс пятую гатху:

Наделённый святостью и разумением,
Святой Харита моё уважение вернул!

Затем Харита произнёс шестую гатху:

Дурные помыслы в сочетании
С приятными пороками
Развращают даже мудреца,
Стремящегося к святости.

Царь, побуждая его избавиться от греховной страсти, произнёс седьмую гатху:

Красота, которая сияет
В самых чистых сердцах,
Омрачается похотью,
Рождённой этим смертным телом.
Отбрось это прочь,
И будь благословен!
И множество людей
Узрит твою мудрость.

Бодхисаттва вновь обрёл способность концентрировать свои мысли и, наблюдая за страданием от греховного желания, произнёс восьмую гатху:

Ослепляющие страсти
Приносят горький плод,
И поэтому всю поросль похоти
Я срубил под корень.

Сказав это, он попросил у царя позволения и, получив его согласие, вошёл в свою хижину отшельника. Устремив свой взор в мистические сферы, он вошёл в транс, покинул хижину и, сидя со скрещёнными ногами в воздухе, преподавал царю истинное учение и сказал: «Великий царь, я навлёк на себя осуждение народа из-за того, что живу там, где не должен. Ты же будь бдителен. Теперь я вернусь лес, свободный от какой-либо скверны, связанной с женским полом». Царь со слезами простился с ним. Харита вернулся в Гималаи и, не выходя из мистической медитации, достиг мира Брахмы.

* * *

Учитель, зная всю историю, сказал:

Так Харита в истинной праведности утвердился,
И, отринув похоть, в мир Брахмы вознёсся.

И, произнеся в своей Совершенной Мудрости эту гатху, он провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате брат, желавший возвращения к мирской жизни, достиг святости) и связал перерождения: «В то время царём был Ананда, Харитой был я».

432. ДЖАТАКА О БРАХМАНЕ-СЛЕДОПЫТЕ И ГЛУПОМ ЦАРЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 432 Padakusalamāṇava-Jataka)

Перевод И. Ольгинской

«О Патала, Ганг тебя уносит...» Эту историю об одном мальчике Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Говорят, он был сыном домохозяина в Саваттхи, ему было всего семь лет, и он умел читать следы. Как-то раз отец, желая испытать его, отправился в гости к другу, никого не поставив в известность. Но мальчик пошёл по его следам и вскоре нашёл его. Отец спросил: «Я ведь никому не сказал, куда ушёл. Как же ты отыскал меня?» — «Дорогой отец, я нашёл тебя по следам. Я хорошо разбираюсь в них».

Отец задумал ещё раз испытать его. Он вышел из дома после утренней трапезы, зашёл к соседу, а от него пошёл к другому. Из этого третьего дома он снова вернулся к себе, а оттуда направился к северным городским воротам и, миновав их, обошёл город справа налево. Дойдя до Джетаваны, он поклонился Учителю и сел слушать наставления в Дхарме.

Мальчик спросил у домашних, где отец, но они ничего не знали. Тогда он пошёл по его следам и, начав с соседнего дома, проделал тот же самый путь до Джетаваны. Там, поклонившись Учителю, он подошёл к отцу. Тот спросил сына, как он узнал, что он здесь. «Я распознал твои следы и по ним добрался сюда». Учитель, услышав их разговор, спросил: «Брат-мирянин, о чём вы говорите?» «Досточтимый, этот мальчик — искусный следопыт, — ответил отец. — Чтобы проверить его, я пришёл сюда запутанным путём. Не найдя меня дома, он по моим следам отыскал меня здесь». «Нет ничего удивительного в том, — сказал Учитель, — что твой сын читает следы на земле. Мудрые в прежние дни распознавали даже следы в воздухе». И по их просьбе он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, его царица-супруга была уличена в измене. Когда царь стал допытываться, она скрыла правду и поклялась: «Если я изменила тебе, пусть я стану яккхи-ней с лошадиной мордой вместо лица!» И в самом деле, после смерти

она переродилась в виде яккхини с лошадиной мордой и поселилась в пещере у подножия горы в большом лесу. Она подкарауливала и пожирала путников на дороге, ведущей с востока к западной границе.

Предание говорит, что, прослужив Вессаване [1] три года, она получила от него разрешение есть всех, кто забредал в её лес, протянувшийся в длину на тридцать лиг и на пять в ширину. И вот однажды на дороге появился богатый и красивый брамин с большой свитой. Яккхиня, увидев людей, издала дикий хохот и бросилась к ним. Все сопровождающие тут же разбежались кто куда. Она быстро схватила брамина, закинула его себе на спину и побежала в свою пещеру.

Но от соприкосновения с мужским телом в ней пробудилось желание, и под влиянием нахлынувшей страсти она передумала есть брамина. Она сделала его своим мужем, и они стали жить вместе в согласии.

Яккхиня всё так же продолжала охотиться на дороге. Но теперь, захватывая людей, она брала и их одежду, рис, масло и тому подобное, и готовила мужу различные изысканные блюда; сама же ела человеческую плоть. Но она всё равно опасалась, что брамин сбежит, и всякий раз, уходя из дому, заваливала вход в пещеру огромным камнем.

Так они и жили. В это время Бодхисаттва, покинувший своё прежнее существование, был зачат брамином в утробе яккхини. Через десять месяцев она родила сына. Преисполнившись любви к ребёнку и его отцу, она кормила их обоих. Но по-прежнему, уходя на охоту, она заваливала вход в пещеру камнем.

И вот однажды Бодхисаттва, когда яккхиня ушла, отодвинул камень и выпустил их с отцом. Вернувшись, яккхиня спросила, кто убрал камень. Сын ответил: «Я это сделал, мама. Мы не можем сидеть в темноте всё время». Из любви к ребёнку она не сказала ни слова.

Как-то раз Бодхисаттва спросил отца: «Дорогой отец, твоё лицо отличается от лица матери. Почему так?» — «Сын мой, твоя мать — яккхиня и питается человеческой плотью, а мы с тобой — люди». — «Если так, то почему мы живём здесь? Давай уйдём к людям!». — «Мой дорогой мальчик, если мы попытаемся сбежать, твоя мать убьёт нас обоих». Бодхисаттва успокоил его: «Не бойся, отец! Я позабочусь о том, чтобы мы вернулись к людям целыми и невредимыми».

На следующий день, когда мать ушла, они с отцом покинули пещеру. Вернувшись, яккхиня обнаружила пропажу и со скоростью ветра бросилась в погоню. Настигнув их, она спросила: «Почему ты сбежал, брамин? Чего вам не хватало в моём жилище?» — «Дорогая, не сердись

на меня, — ответил он. — Твой сын подговорил меня бежать». Из любви к ребёнку она не сказала ни слова и в этот раз. Она успокоила их, и все вместе они вернулись в пещеру.

Но через несколько дней они вновь попытались убежать и опять были пойманы. Бодхисаттва стал размышлять: «Скорее всего, власть моей матери распространяется на какое-то ограниченное пространство. Попробую-ка я расспросить её об этом. Тогда нам точно удастся убежать, ведь если мы покинем её владения, она нас уже не поймает». И вот однажды, почтительно сев рядом с матерью, он завёл разговор: «Дорогая матушка, хочу спросить тебя. То, что принадлежит матери, переходит по наследству к её детям. Расскажи мне, как далеко простираются твои владения и где они заканчиваются». Она описала ему все ориентиры, горы, леса и реки во всех направлениях на пространстве длиной в тридцать лиг и шириной в пять: «Вот наши владения, сын, запомни хорошо все приметы».

По прошествии двух или трёх дней, когда мать ушла в лес, он подхватил отца на спину и помчался к ближайшей реке, ограничивающей владения яккхини. Мать и в этот раз, вернувшись и не найдя их, бросилась в погоню. Бодхисаттва с отцом достигли уже середины реки. Яккхиня не могла двигаться дальше и встала на берегу, крича: «Мой дорогой сын, вернись ко мне вместе с отцом! Разве я обидела вас чем-то? Разве вы испытываете нужду в чём-то? Вернись ко мне, муж, господин мой!»

Так умоляла она их, что брамин чуть было не вернулся на берег. Она обратилась теперь к сыну: «Сынок, не оставляй меня, вернись!» «Мы — люди, мама, а ты — яккха. Мы не можем жить с тобой всегда», — ответил Бодхисаттва. «Так значит, ты не вернёшься?» — «Нет, мама». — «Что ж, если ты не хочешь вернуться, знай: жизнь в мире людей трудна. Чтобы прокормить себя, нужно владеть каким-либо ремеслом. Я обучена тайной науке чтения следов. Она позволяет найти любого, кто оставил след, даже если с того времени прошло двенадцать лет. Я передам тебе это знание, оно станет твоим ремеслом. Прими, дитя моё, этот бесценный дар!» Она очень горевала при мысли о разлуке, но из любви к своему ребёнку отдала ему волшебное заклинание, позволяющее читать следы. Бодхисаттва, оставаясь в реке, сложил руки ладонями вместе, и яккхиня произнесла заклинание. Тогда он поклонился ей и сказал: «Благодарю тебя, матушка! Прощай!»

«Если ты покинешь меня, сынок, я не смогу жить!» — воскликнула яккхиня и ударила себя в грудь. Сердце её разорвалось от тоски, и

она упала замертво. Бодхисаттва, видя, что его мать умерла, позвал отца и вышел на берег. Они сложили погребальный костёр и предали тело огню. Когда пламя погасло, Бодхисаттва сделал подношение из цветов и воздал почести умершей, как подобает. А затем они с отцом отправились в Бенарес.

Подойдя к воротам царского дворца, Бодхисаттва велел доложить царю, что явился брамин, искусный в чтении следов. Царь пожелал увидеть его. Когда юноша вошёл и поклонился, царь спросил: «Друг мой, что это за ремесло, которым ты владеешь?» «Государь, я могу выследить любого вора, даже если с момента преступления прошло двенадцать лет, и вернуть украденное». «Тогда я беру тебя на службу!» — сказал царь. «Хорошо, я прошу тысячу монет в день». — «Согласен, дружище! Можешь приступать к службе!» — и царь велел ему ежедневно платить тысячу монет.

И вот однажды придворный жрец сказал царю: «Государь, ты платишь этому юноше, а между тем он ещё ни разу не показал своё искусство. Точно ли он владеет им? Давай-ка устроим ему проверку». Царь с готовностью согласился, и они вдвоём отправились к казначею. Введя его в курс дела, они взяли самые ценные сокровища, спустились с террасы и, трижды обойдя дворец, приставили лестницу к стене и по ней выбрались наружу. Затем они вошли в судилище и, посидев там некоторое время, вернулись, снова приставили лестницу к стене и спустились в город. Подойдя к пруду, они трижды торжественно обошли его, а затем бросили сокровища в воду и поднялись обратно на террасу.

На следующий день прибежал казначей с криком, что из царской сокровищницы похищены драгоценности. Царь, сделав вид, что ничего не знает, призвал Бодхисаттву и сказал: «Любезный, сегодня ночью совершено дерзкое ограбление. Кто-то проник в сокровищницу и унёс драгоценности. Выследи вора!» «Государь, для того, кто способен идти по следам грабителей и возвращать сокровища, украденные двенадцать лет назад, нет ничего сложного в том, чтобы вернуть украденное вчера. Я разыщу их, не беспокойтесь!» — «Тогда за дело, дружище!» — «Хорошо, господин».

Бодхисаттва вышел на террасу, поклонился памяти матери и произнёс заклинание. «Государь, я вижу, что грабителей было двое», — сказал он. Идя по следам царя и жреца, он вошёл в царскую сокровищницу, выйдя оттуда, спустился с террасы и, трижды обойдя дворец, приблизился к стене. Стоя на ней, он сказал: «С этого места следы на земле обрыва-

ются, но я вижу их в воздухе. Принесите лестницу!» Приставив лестницу к стене, он спустился по ней и, продолжая идти по следу, вошел в судилище. Затем, вернувшись во дворец, он ещё раз приставил лестницу к стене и, спустившись по ней, подошёл к пруду. Трижды обойдя его, он произнёс: «Государь, воры спускались к воде. Скорее всего, сокровище спрятано в пруду!» И, войдя в воду, он с лёгкостью достал сокровище, словно сам положил его туда. Отдав драгоценности царю, он сказал: «Государь, эти два грабителя — люди высокого положения. Спрятав сокровища, они вернулись во дворец». Люди в восторге стали хлопать в ладоши и размахивать платками. Царь задумался: «Должно быть, этот юноша может только найти по следам похищенное сокровище, но вот воров поймать ему не под силу». И он снова обратился к Бодхисаттве: «Ты вернул мне похищенные драгоценности, но сможешь ли ты поймать воров и привести их ко мне?» — «Государь, воры здесь, совсем рядом». — «Кто же они?» — «Великий царь, воров может стать всякий, кто этого пожелает. Я вернул тебе сокровище; зачем тебе знать, кто его украл? Не спрашивай меня об этом». «Любезный, я плачу тебе ежедневно тысячу монет. Отыщи этих воров!» — «Зачем тебе они, государь? Ведь сокровище к тебе вернулось!» — «Любезный, поймать воров важнее, чем вернуть сокровище!» — «И всё-таки, государь, я не стану говорить тебе, кто именно украл драгоценности. Давай-ка я лучше расскажу одну историю, которая произошла когда-то давно. Если ты мудр, ты поймешь, что я имею в виду». И он поведал историю былых времён.

Давным-давно, государь, недалеко от Бенареса в деревне на берегу Ганга жил некий певец и танцор по имени Патала. Однажды вместе со своей женой он отправился в Бенарес и, заработав на празднике деньги пением и танцами, купил немного риса и хмельной напиток. На обратном пути в деревню он вышел к реке и сел на берегу, дожидаясь, пока спадёт паводок, и решил тем временем перекусить и выпить. Напившись пьян и потеряв контроль, он сказал: «Я привяжу свою большую вину* на шею и переплыву реку». Взяв жену за руку, он вошёл в воду и поплыл. Но очень быстро вина наполнилась водой и стала тянуть его на дно. Жена, увидев, что супруг тонет, отпустила его и выбралась на берег. А Патала то выплывал, то вновь опускался на дно, и наглотался воды так, что живот его раздулся. Его жена подумала: «Мой муж сейчас

* Вина — старинный индийский щипковый музыкальный инструмент (прим. перев.).

совсем утонет. Попрошу-ка я его спеть мне напоследок песню. Я запомню её, буду петь на людях и как-то заработаю себе на жизнь». И она сказала: «Мой господин, ты сейчас утонешь. Научи меня какой-нибудь песне, чтобы я могла зарабатывать этим на жизнь», — и она произнесла такую гатху:

О Патала, Ганг тебя уносит!
Больше не споёшь и не сыграешь.
Подари мне песню на прощанье!
Ты ведь был всегда певцом искусным.

Тогда музыкант Патала сказал: «Моя дорогая, как же я спою тебе? Эти священные воды сейчас поглотят меня!» И он пропел следующую гатху:

Смывают все грехи святые воды
И исцеляют разные недуги.
А я почти уж захлебнулся ими.
Благое для других несёт погибель мне!

Бодхисаттва, объясняя эти стихи, сказал: «Государь, как священные воды Ганга несут благо людям, так же и правители. Если уж от них исходит опасность, разве возможно ей противостоять? Здесь скрыт тайный смысл. Если ты мудр, государь, ты поймёшь его». — «Любезный, что-то я пока не улавливаю никакого скрытого смысла. Лучше скажи мне, кто украл сокровища». Тогда Бодхисаттва сказал: «Хорошо, тогда послушай вот это. Может быть, тогда тебе станет понятно». И он рассказал ещё одну историю:

«Государь, в одной деревне у ворот Бенареса жил гончар. Он брал глину для своей мастерской в одном и том же месте и со временем вырыл глубокую яму. И вот однажды, когда он в очередной раз копал глину, внезапно набежала грозовая туча и хлынул ливень. Поток воды размыл края ямы, они обрушились и придавили гончара. Громко причитая, он произнёс такую гатху:

Земля растения питает,
Которые питают человека.
А я лежу теперь, придавлен ею.
Благое для других несёт погибель мне!

Вот как бывает: земля, которая держит всё, что есть на ней, придавила горшечника. Если же правитель, который, подобно земле, держит всё царство, превращается в грабителя, кто может предотвратить это? Понятно ли теперь, государь, о каком воре идёт речь в этой истории с тайным смыслом?» — «Любезный, я не хочу знать никакого тайного смысла. Просто скажи мне прямо, кто вор!»

Но Бодхисаттва и в этот раз не сказал царю прямо, что он и есть этот вор, а вместо этого предложил послушать ещё одну историю и разгадать её смысл.

«Как-то раз, государь, в одном доме случился пожар. Его владелец велел своему слуге пойти и вынести из дома вещи. Этот человек вошёл в дом и взял вещи, но когда возвращался обратно, не смог открыть дверь. Ослеплённый дымом, он стал искать выход и не находил. Пламя подступало всё ближе, и он, причитая, произнёс такую гатху:

Огонь дарует нам тепло
И пищу делает вкусней.
Но он теперь сожжёт меня!
Благое для других несёт погибель мне!

Тот человек, государь, который, подобно огню, призван нести свет и тепло своему народу, украл драгоценности из казны. Не спрашивай меня, кто этот вор!» — «Так кто же он? Скажи наконец!» Но юный брамин вновь ответил притчей:

«Однажды, государь, в том же городе один человек съел слишком много и страдал от несварения. Обезумев от боли, он произнёс такую гатху:

Поддерживает пища жизнь,
Всем в удовольствие она.
А ныне я страдаю от неё.
Благое для других несёт погибель мне!

Тот, кто подобно пище должен нести благо своим подданным, похитил сокровище. Если оно возвращено владельцу, зачем спрашивать, кто вор?» — «И всё же открой мне имя этого вора». Но Бодхисаттва, все ещё надеясь, что царь поймёт его, снова рассказал историю:

«Однажды, государь, в том же городе поднялся сильный ветер, и у одного человека от холода стало ломить суставы. Сокрушаясь, он произнёс такую гатху:

Как избавленье от жары,
Приносит ветер нам дожди.
Но мне теперь суставы он продул.
Благое для других несёт погибель мне!

И в этом случае, государь, то, что должно нести благо, обернулось бедой. Понял ли ты смысл этого?» – «Любезный, я жду, что ты назовёшь мне вора». И тогда Бодхисаттва рассказал ещё одну историю.

«Давным-давно, государь, на склоне Гималаев росло дерево с раздвоенными ветвями, на котором обитало множество птиц. Две его ветви терлись друг о друга и нагревались от этого так сильно, что от них временами шёл дым и падали огненные искры. Увидев это, вожак птичьей стаи произнёс следующую гатху:

Нам дерево дало приют,
Мы жили средь его ветвей.
Но предстоит ему сгореть. Летите прочь!
Благое прежде – нынче гибель нам несёт!

Ибо как дерево защищает птиц, так и правитель защищает свой народ. Если он станет вором, кто сможет предотвратить беду? Уразумели ты, государь?» – «Назови мне этого вора, брамин!» Бодхисаттва, не теряя надежды всё-таки вразумить царя, поведал ещё одну историю:

«В деревне неподалёку от Бенареса позади одного дома текла река, полная свирепых крокодилов. В семье, проживавшей в этом доме, был единственный сын, который после смерти отца присматривал за матерью. Через какое-то время мать против его воли женила его на девушке из хорошей семьи. Поначалу молодая жена хорошо относилась к свекрови, но потом, когда у неё появились дети, решила избавиться от нее. Её собственная мать тоже жила вместе с ними. Жена всячески старалась настроить мужа против его матери, выставляя её перед ним в неприглядном свете. И вот однажды она сказала: «Не могу я больше ухаживать за твоей матерью! Давай избавимся от неё!» – «Как же мы избавимся от неё? Убийство – дело нешуточное!» – ответил он. «Когда

она уснёт, мы возьмем её вместе с постелью и бросим в реку, – предложила жена. – А там уж крокодилы расправятся с ней». – «А твоя мать где спит?» – спросил муж. «В той же комнате, что и твоя». – «Тогда ступай и привяжи верёвку к её кровати, чтобы мы не перепутали их». Она так и сделала, вернулась и сказала, что всё готово. Муж ответил: «Давай подождём, пока все крепко уснут». Он тоже лёг и притворился, будто спит, а потом потихоньку встал, пробрался в спальню старух и перевязал верёвку к кровати тёщи. Потом он разбудил жену, и они взяли её вместе с постелью и бросили в реку. Крокодилы тут же набросились на неё и съели.

На следующее утро жена поняла, что они бросили крокодилам её собственную мать, и сказала: «Господин, мы всё-таки ошиблись и убили мою мать. Надо теперь разделаться и с твоей». – «Что ж, – ответил муж, – давай пойдём на место, где сжигают трупы, сложим погребальный костёр, а ночью отнесём её туда и сожжём». Так они и сделали. Когда свекровь уснула, они отнесли её вместе с постелью и положили на кучу дров. Муж Спросил: «Ты взяла с собой огонь?» – «Ох, господин, я забыла о нём!» – «Тогда пойдёшь и принеси его». – «Я боюсь идти, а если пойдёшь ты, я боюсь оставаться здесь одна. Давай вместе сходим».

Они ушли. Тем временем старуха проснулась от холода, и, обнаружив, что лежит на погребальном костре, подумала: «Они решили меня сжечь! Видать, за огнём пошли. Ну, ничего! Не знают они, с кем связались!»

Она отыскала какое-то несгоревшее мёртвое тело, положила вместо себя и накрыла одеялом, а сама убежала и спряталась в пещере неподалёку. Муж и жена принесли огонь и, не заметив подмену, сожгли труп и ушли.

А в этой пещере некий разбойник спрятал украденные сокровища. Как раз в ту ночь он пришёл, чтобы забрать добычу. Увидев старуху, он решил, что это какой-то яккха пришёл за сокровищем, и позвал заклинателя, изгоняющего демонов. Тот, читая заклинания, вошёл в пещеру. Старуха сказала ему: «Я не яккха! Иди сюда, давай поделим это сокровище!» – «А ты докажи сперва, что не демон!» – «Прикоснись своим языком к моему». Он так и сделал, но она откусила кончик его языка и выплюнула на землю. «Это точно яккха!» – громко закричал заклинатель и убежал, и кровь капала с его языка.

Старуха переночевала в пещере, а утром надела чистую одежду, взяла узелок с драгоценностями и пошла домой. Невестка, увидев её, спросила: «Где ты это взяла, мама?» – «Дорогая, разве ты не знала, что

все, кого сжигают на этом месте, получают такие дары?» – «Дорогая матушка, а могу я тоже получить всё это?» – «Если тебя сожгут там, то получишь и ты».

Алчность обуяла невестку, захотелось ей тоже обновок и украшений. Не сказав ни слова мужу, она побегала на то место и сожгла себя.

На следующий день муж, не видя нигде своей жены, спросил: «Матушка, ты не знаешь, когда вернётся твоя невестка?» – «Ну и глупый же ты, сын! – ответила старуха. – Как может вернуться мертвец?» И она произнесла такую гатху:

Невесту сыну я нашла, красивую и милую,
Могли бы вместе долго жить в согласии и мире.
Но выгнала она меня, а после вздумала убить.
Благое прежде – нынче гибель мне несёт!

«Как невестка заботится о свекрови, так и правитель заботится о своих подданных. Если же его действия несут опасность, что можно сделать с этим? Подумай об этом хорошенько, государь». – «Юный друг, я не понимаю, о чём ты говоришь. Я только хочу, чтоб ты назвал вора». Бодхисаттва, желая всё равно уберечь царя от бесчестья, рассказал ещё одну историю.

«Давным-давно, государь, в том же городе у одного человека в ответ на его молитвы родился сын. Счастливый отец был полон радости и ликования. Когда мальчик вырос, он женил его на девушке из хорошей семьи. Шло время, он состарился и не мог уже заниматься никакой работой. Тогда сын сказал: «От тебя больше нет никакого толку! Убирайся отсюда!» – и выгнал отца из дома. С большим трудом тот кое-как перебивался подаянием, и однажды, сокрушаясь, произнёс такую гатху:

Как сильно сына я хотел, как радовался я ему!
Лелеял и берёг его, воспитывал, учил.
И вот он выгнал прочь меня, седого старика!
Благое прежде – нынче гибель мне несёт!

«Как взрослый сын должен заботиться о своём престарелом отце, так и правитель должен защищать свой народ и заботиться о нём. А теперь от самого царя, на которого все смотрят как на защитника, исходит

опасность. Понял ли ты, государь, кто является вором?» – «Не понимаю я твоих намёков, брамин! Или назови мне вора, или вором будешь ты сам!» Бодхисаттва, видя, что ничего не может поделать с упрямством царя, спросил: «Государь, ты и в самом деле хочешь, чтобы я назвал вора?» – «Да, любезный, именно этого я и добиваюсь от тебя!» – «Тогда я хотел бы объявить прилюдно, кто украл сокровища», – сказал юноша. «Да, любезный, сделай это!». Услышав эти слова, Бодхисаттва подумал: «Ну что ж, раз царь так упорно стремится к своему позору, придётся открыть всю правду». И когда люди собрались перед окнами дворца, он, обращаясь к ним, произнёс такие гатхи:

Послушай-ка, честной народ, что я сейчас скажу.
Взгляните, как вода горит! Злом обернулось благо.
Вор первый – царь, второй – придворный жрец.
Не стоит, думаю, искать у них защиты.
Благое прежде – нынче гибель вам несёт!

Услышав эти слова, люди стали негодовать: «Царь, который призван защищать нас, готов обвинить другого в своём преступлении. Ведь он сам взял сокровище и бросил его в пруд, а потом велел отыскать вора! Чтобы впредь неповадно было ему творить беззакония, мы избавимся от этого нечестивого царя!» Они схватили палки и принялись колотить царя и жреца, пока те не умерли. После этого они сделали Бодхисаттву своим царём.

* * *

Учитель, закончив своё наставление, повторил ещё раз: «Брат-мирянин, нет ничего удивительного в том, чтобы читать следы на земле. Мудрые в прежние дни читали их даже в воздухе». Затем он провозгласил Четыре Благородные Истины (в результате мирянин и его сын достигли Плода Первого Пути) и связал перерождения: «В те дни отцом был Кашьяпа, а юношей, искусным в распознавании следов, был я».

Комментарии

1 Владыка всех яккх.

433. ДЖАТАКА О КАШЬЯПЕ МОХНАТОМ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 433 Lomasakassapa-Jataka)

Перевод И. Ольгинской

«Словно Индра...» Эту историю об одном монахе, который тосковал по мирской жизни, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Учитель спросил его, правда ли, что он тоскует по миру, и когда тот признался, что это так, Учитель сказал: «Брат, даже люди самой высокой славы иногда навлекают на себя позор. Страсти поддаются порой даже чистые существа, которые гораздо совершеннее, чем ты». И он поведал историю былых времён.

* * *

Давным-давно, в прежние времена, принц Брахмадатта, сын Брахмадатты, царя Бенареса, и сын его придворного жреца по имени Кашьяпа были друзьями и вместе изучали все науки в доме одного учителя. Вскоре после смерти отца молодой принц взошёл на трон. Кашьяпа подумал: «Мой друг стал царём. Мне он тоже собирается наделить большой властью. Но что мне власть? Это мне не интересно. Я хочу оставить царя и своих родителей и сделаться отшельником».

Он отправился в Гималаи и принял посвящение, и на седьмой день развил Способности и Достижения. Питался же он тем, что собирал в лесу. Люди прозвали его Ломасакашьяпа (Кашьяпа Мохнатый). Он предавался умерщвлению чувств и подвергал себя самой суровой аскезе. И в конце концов его рвение привело к тому, что трон под Шаккой начал шататься. Шакка стал размышлять и понял, что причиной был один отшельник. «Этот подвижник своим чрезмерным усердием свергнет меня с престола. Надо бы как-то убавить его пыл... Поговорю-ка я с царём Бенареса».

С помощью своей волшебной силы Шакка явился в полночь в царскую спальню, наполнив её всю своим божественным сиянием, встал в воздухе перед царём и принялся будить его: «Государь, вставай!» Царь открыл глаза и спросил: «Кто ты?» — «Я — Шакка». — «Зачем ты явился сюда?» — «Чтобы задать тебе один вопрос. Государь, хотел бы ты стать правителем всей Индии?» «Конечно, хотел бы!» — «Тогда призови Кашьяпу Мохнатого и вели ему совершить жертвоприношение, умерт-

вив животных. Тогда ты станешь подобным Индре, избежешь старости и смерти и будешь править всей Индией!» И он произнёс первую гатху:

Словно Индра, править будешь в мире
И избежешь старости и смерти,
Если с Кашьяпой Мохнатым вместе
Принесёшь кровавую ты жертву.

Услышав его слова, царь с готовностью согласился. «Тогда не медли», — сказал Шакка и удалился. На следующий день царь призвал советника по имени Шайха и велел: «Любезный, походи к моему дорогому другу Ломасакашьяпе и передай от моего имени следующее: «Если ты принесёшь жертву, царь станет правителем всей Индии и пожалует тебе любую её часть, какую пожелаешь». «Хорошо, государь», — ответил советник и объявил под барабанный бой, что желает узнать место обитания отшельника. Некий лесничий сказал: «Я знаю, где он живёт». Шайха, взяв его проводником, отправился туда с большой свитой. Поклонившись мудрецу, он почтительно сел рядом и передал послание царя. «Шайха, что ты такое говоришь?» — ответил на это отшельник и отказался, произнеся такие четыре гатхи: [1]

Ни земной трон не подтолкнёт меня к искушению, о Шайха,
Ни даже царство морское, надежно скрытое в глубине.
Будь проклята жажда богатства и славы,
Что обрекает несчастного на слёзы и страдания.
Лучше скитаться бездомным бродягой,
С чашей в руке выпрашивая подаяние,
Чем, как царь, быть жертвой греховных желаний,
Тиранить подданных и досаждать беднякам. [1]

Советник вернулся к царю и рассказал обо всём. Царь подумал: «Что ж, если он отказался, я ничего не могу поделать», — и промолчал. Но в полночь Шакка вновь возник в воздухе и спросил: «Почему, о царь, ты не послал за Ломасакашьяпой и не попросил его принести жертву?» — «Я посылал за ним, но он отказался прийти» — «Государь, вели своей дочери, царевне Чандравати, надеть лучший наряд, пусть Шайха отведёт её к отшельнику и скажет, что ты отдашь её ему в жёны, если он согласится принести жертву. Вне всяких сомнений, он будет

сражён любовью и примет твоё предложение». Царь охотно согласился и на следующий день послал свою дочь вместе с Шайхой к отшельнику. Прибыв на место, Шайха представил ему принцессу, прекрасную, как небесная нимфа, и встал на почтительном расстоянии.

Отшельник, взглянув лишь раз на девушку, тут же потерял всю свою отрешённость и способность к медитации. Советник, видя, что он воспылал любовью, сказал: «Досточтимый, если принесёшь жертву для царя, он отдаст эту девушку тебе в жёны». Дрожа от страсти, отшельник спросил: «Неужели действительно он отдаст её мне?» — «Да, если ты принесёшь для него жертву». — «Что ж, — сказал он, — тогда я готов сделать это!» И он, как был, в рубище отшельника и с нечёсанными волосами, в изукрашенной колеснице отправился вместе с ними в Бенарес.

Царь же, как только услышал, что они едут, велел готовить жертвенную яму. Сам же он вышел навстречу Кашьяпе Мохнатому и сказал: «Если ты принесёшь жертву, я сделаюсь равным Индре, а когда жертвоприношение будет закончено, я женю тебя на своей дочери». Кашьяпа с готовностью согласился. На следующий день царь отправился вместе с Чандравати к жертвенной яме. Там уже стояли рядами слоны, лошади, быки и прочие животные. Кашьяпа собрался было начать обряд, но люди, собравшиеся там, стали говорить: «Не подобает тебе, Ломасакашьяпа, совершать такое! Почему ты согласился на это?» И, сокрушаясь, они произнесли две гатхи:

Могущественны солнце и луна,
 Мошь океана мало с чем сравнится,
 Брахманы и жрецы владеют силой,
 Но женщины их всех сильнее намного.

Ведь даже Кашьяпа, аскет суровый,
 Один лишь раз взглянув на Чандравати,
 Исполнился любовного томленья
 И согласился жертву принести!

В этот момент Кашьяпа поднял свой драгоценный меч, чтобы начать жертвоприношение. Он собирался уже нанести удар царскому слону в шею, но тот в страхе громко затрубил. И все остальные животные — сло-

ны, лошади и быки, боясь смерти, стали кричать, и люди тоже громко закричали. Кашьяпа, услышав эти крики, взволновался, взглянул на свои спутанные волосы и бороду, и словно пелена упала с его глаз. Полный раскаяния, он воскликнул: «Что же я творю? Это ведь огромный грех!» И в смятении он произнёс восьмую гатху:

Желанье привело меня к греху.
Я вожделение с корнем вырву!

Царь, видя его замешательство, сказал: «Друг, не бойся! Закончи обряд, и я отдам тебе царевну Чандравати, и моё царство, и семь видов сокровищ!» Но Кашьяпа ответил: «Не хочу я, государь, брать этот грех на душу!» И он произнёс заключительную гатху:

Мне ненавистно вожделенье,
И грех душе моей противен.
Дороже всех услад на свете
Мне путь отшельника святого.
Тебе пусть царство остаётся
С твоей прекрасной Чандравати!

С этими словами он вернул свои сверхъестественные способности и, сел, скрестив ноги, в воздухе, наставляя царя в Дхарме и увещевая его усердно совершать добрые дела. Также он велел уничтожить жертвенную яму и отпустить животных. Затем он взлетел в воздух и возвратился в свою обитель. Он и дальше развивал способности и достоинства и после смерти достиг перерождения в мире Брахмы.

* * *

Учитель, закончив наставление, открыл Четыре Благородные Истины (в результате тосковавший по миру монах достиг просветления) и связал перерождения: «В те дни советником Шайхой был Шарипутта, а Кашьяпой Мохнатым был я».

Комментарии

1 Эти строфы встречаются в № 310 ранее, но в другом контексте.

434. ДЖАТАКА О ЗОЛОТОМ ГУСЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 434 Cakkavāka-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Пара гусей-близнецов...» Эту историю о жадном монахе Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Говорят, что этот монах был жаден и склонен к чревоугодию. Пренебрегая всеми обязанностями учителя и проповедника, он ранним утром вошёл в Саваттхи. Выпив превосходную рисовую похлёбку, которую подавали со многими видами твёрдой пищи в доме Вишакхи, и съев днём различные лакомства, мясо и варёный рис, не удовлетворившись этим, он отправился оттуда в дом Кулла-Анатхапиндики, царя Косалы, и ещё во многие другие. И вот однажды в Зале Истины разгорелся спор о его жадности. Когда учитель услышал, что обсуждают монахи, он послал за этим братом и спросил, правда ли, что он столь жаден. И когда тот ответил: «Да», — Учитель спросил: «Отчего же, брат, ты чревоугодничаешь? И прежде из-за своей жадности, не довольствуясь трупами слонов, ты покинул Бенарес и, бродя по берегу Ганга, пришёл в Гималаи». И тут он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, одна жадная ворона клевала туши мёртвых слонов и, не удовлетворившись ими, подумала: «Поем-ка я жирной рыбы на берегу Ганга». Пробыв там несколько дней, в течение которых она питалась дохлой рыбой, она отправилась в Гималаи и ела там различные дикие плоды. Оказавшись у большого пруда с лотосами, в котором в изобилии водились рыбы и черепахи, она увидел там пару золотистых гусей*, обитавших в зарослях шайвалы**. «Эти птицы очень красивы и привлекательны, — подумала ворона. — Должно быть, они и едят что-то необыкновенное. Я спрошу их, чем они питаются, и, съев то же самое, я тоже стану золотистого цвета». Она подошла к ним и после обычных приветственных слов, восхваляя их, пропела первую гатху:

* Речь идёт, скорее всего, об огаре — водоплавающей птице семейства утиных, которую иногда называют рыжим или красным гусем за характерный ярко-рыжий цвет оперения (прим. перев.).

** Шайвала (Vallisneria octandra) — водяное растение семейства водокрасовых (прим. перев.).

Пара гусей-близнецов в золотистых одеждах,
Вы счастливы в своём полёте.
Каких птиц люди любят больше всего?
Вот что мне хотелось бы знать.

Золотистый гусь, услышав это, пропел вторую гатху:

О ворона, докучающая всем на свете!
Из всех птиц мы – самые благословенные.
Во всех землях мы почитаемы [2];
И люди, и птицы нас воспевают.
Знай же, что это мы – краснопёрые гуси,
Бесстрашно летающие над морем [3].

Услышав это, ворона пропела третью гатху:

Какими же плодами изобилует море,
И чьей плотью питаются гуси?
Скажи, какая небесная пища
Даёт вам такую красоту и силу?

Краснопёрый гусь пропел четвёртую гатху:

Никакие плоды не созревают в море,
И гусям краснопёрым не нужно мясо.
Шайвала – растение, лишённое коры,
Вот наша безгрешная пища.

Тогда ворона пропела ещё две гатхи:

Твои слова мне не по нраву, гусь!
Я верила раньше, что пища,
Которую мы выбираем, должна
Соответствовать нашему внешнему виду.
Но теперь я в том сомневаюсь. Ведь я
Ем всё: рис с солью, масло, фрукты и мясо.
Как герои пируют после победы,
Так и я ликую и радуюсь.

Но хотя я ем разные вкусные вещи,
Моя внешность с твоей не сравнится.

Затем золотистый гусь раскрыл причину, по которой ворона не смогла достичь внешней красоты, в то время как он сам достиг её, и пропел оставшиеся гатхи:

Не удовлетворившись фруктами
Или найденными на земле отбросами,
Прожорливая ворона продолжает выискивать
Случайную добычу, чтобы алчность свою насытить.

Но тот, кто следует своим порочным желаниям
И безвредным созданиям гибель приносит,
Всё равно испытывает укоры совести,
И его сила и красота увядают.

Счастлив тот, кто никому не причиняет вреда!
Он обретает силу и внешнюю привлекательность.
Ибо красота — это, конечно, должно быть понятно -
Зависит не только от рода пищи.

Так золотистый гусь порицал ворону. И ворона, навлекши на себя это порицание, сказала: «Мне не нужна твоя красота!» — и улетела прочь, крича: «Кар, Кар!».

* * *

Учитель, закончив наставления, открыл Четыре Благородные Истины (в результате жадный монах достиг Плода Второго Пути) и связал перерождения: «В те дни вороной был жадный брат, гусыней была мать Рахулы, а сам он был гусем».

Комментарии

1 См. R. Morris, *Folk-Lore Journal*, III. 69.

2 Золотистый гусь в индусской поэзии символизирует то же, что у нас горлица. См. *Meghadūta* Вилсона, стр. 77.

3 Под словом «море» здесь подразумевается Ганг.

435. ДЖАТАКА О ЖАДНОСТИ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 435 Haliddirāga-Jātaka)

Перевод И. Ольпинской

«Живя одиноко в лесу...» Эту историю о юноше, которого пыталась соблазнить девушка низкого происхождения, Учитель рассказал в Джетаване. Вступительный рассказ можно найти в тринадцатой книге* в «Малой джатаке о Нараде» [1].

* * *

В прежней легенде эта девушка знала, что если юный отшельник нарушит нравственный закон, то будет полностью в её власти. Задумав с помощью лести вернуть его в мир людей, она сказала: «Добродетель, надёжно укрытая в лесу, где не существуют такие ощущения, как красота и тому подобное, оказывается не очень плодотворной; но она приносит обильные плоды в местах обитания людей, в непосредственном присутствии красоты и тому подобного. Так что иди со мной и укрепи там свою добродетель. Зачем тебе жить в лесу?» И она пропела первую гатху:

Живя одиноко в лесу,
Вполне можно быть чистым,
Там легко не поддаваться искушению.
Но в деревне соблазнов хоть отбавляй,
И здесь в добродетели можно
Подняться намного выше.

Услышав это, молодой отшельник сказал: «Мой отец ушёл в лес. Когда он вернётся, я спрошу у него разрешения и потом пойду с тобой». «Оказывается, у него есть отец, — подумала она. — Если он обнаружит меня здесь, он ударит меня своим посохом и убьёт. Лучше мне уйти сейчас». И она сказала юноше так: «Я пойду по дороге вперёд, а ты потом иди по моим следам». Когда она ушла, он не принёс ни дров, ни воды, чтобы напиться, а просто сидел, размышляя, и когда вернулся отец, он не вышел ему навстречу.

* Terasa-Nipāta — Книга Тринадцатая собрания джатак (прим. перев).

Отец понял, что его сын попал под чары женщины, и спросил: «Почему, сын мой, ты не принёс мне ни дров, ни воды, ни еды? Почему ты ничего не делаешь, а только сидишь в задумчивости?» Молодой отшельник сказал: «Отец, люди говорят, что добродетель, которую нужно скрывать в лесу, не очень плодотворна; но она приносит много плодов в местах обитания людей. Я пойду туда и буду укреплять свою добродетель. Мой товарищ пошёл вперёд, велев мне следовать за ним, так что я пойду с ним вместе. Но когда я поселюсь там, каким образом я должен оказывать влияние на людей?» И, задав этот вопрос, он произнёс вторую гатху:

Это сомнение, отец мой, разреши за меня, молю!
Если в какую-нибудь деревню из этого леса я забреду
И встречу там людей иных нравов и поведения,
Мудро ли будет принять их дружбу?

В ответ отец произнёс остальные гатхи:

Того, кто может завоевать твое доверие и любовь,
Внимать твоим словам и вести терпеливо беседу,
Ни мыслями, ни словами, ни делами не обидит, —
Прими его в своё сердце и держись его дружбы.
Но людей непостоянных, как обезьяна,
Чей разум неустойчив, старайся избегать,
Даже если одиночество будет твоим уделом.
Сторонись нечистых путей, подобно тому
Как сторонился бы змеи, или как возникчий
Избегает неровной дороги. Ведь множит страдания
Человек, преуспевший в глупости.
Прими мой совет: не общайся с глупцами!
Дружба с глупцом приносит несчастья.

Получив такое наставление от своего отца, юноша сказал: «В местах обитания людей я не найду мудрецов, подобных тебе. Я боюсь идти туда. Я буду жить здесь, с тобой». Тогда отец стал дальше увещевать его и учить подготовительным обрядам, чтобы погрузиться в мистическую медитацию. И вскоре сын развил Способности и Достоинства, и вместе с отцом они вознеслись в мир Брахмы.

* * *

Учитель, закончив наставления, провозгласил Благородные Истины (в результате монах, который жаждал вернуться в мир, достиг Плода Первого Пути) и связал перерождения: «В те дни юным отшельником был соблазнённый монах, девушкой тогда была нынешняя девушка, а отцом-отшельником был я».

Комментарии

1 № 477, том IV.

2 Эту гатху и первые семь из следующих стихов можно найти в № 348 *выше*.

436. ДЖАТАКА О ЖЕНЕ В СУНДУКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 436 Samugga-Jataka)

Перевод И. Ольгинской

«Давно не виделись, друзья...» Эту историю о монахе, который тосковал по мирской жизни, Учитель рассказал, когда жил в Джетаване. Говорят, Учитель спросил его, правда ли, что он жаждет вернуться в мир, и на его признание, что это так, ответил: «Зачем, брат, ты вновь испытываешь влечение к женскому полу? Воистину, женщины порочны и неблагодарны. В прежние дни некий асур проглотил жену, чтобы в своём чреве уберечь её от греха, но даже так он не смог предотвратить её измену. Как же тогда ты сможешь сделать это?» И он поведал историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, Бодхисаттва, отринув плотские удовольствия, ушёл в Гималаи и принял святую жизнь. Он жил там, питаясь дикими плодами, развивал Способности и Достижения, и в конце концов обрёл дар ясновидения. Неподалёку от его хижины в пещере жил демон-асур. Он занимался тем, что подстерегал путников, идущих через лес, и пожирал их. Но время от времени он приходил к Великосущному и слушал его наставления.

В те времена одна очень красивая знатная женщина из царства Каши вышла замуж в приграничную деревню. Как-то раз она, погостив у родителей, возвращалась домой к мужу. Асур увидел людей из её свиты и выпрыгнул из чащи, чтобы напасть на них. Они бросили оружие и убежали. Демон, увидев красавицу, сидящую в колеснице, влюбился в неё, унёс в пещеру и сделал своей женой. Он приносил ей топлёное масло, рис, рыбу, мясо и спелые фрукты, а также наряды и украшения. А чтобы охранить её от измены, он запирал её в сундук, который проглатывал и носил в своём животе.

Однажды ему захотелось искупаться. Он пришёл к пруду, выплюнул сундук и выпустил из него жену. Когда она искупалась, умастила себя благовониями и оделась, асур сказал: «Посиди немного здесь, отдохни на свежем воздухе», — и, не ожидая подвоха, пошёл в воду. В это время некий чародей, сын бога ветра Вайю, опоясанный мечом, пролетал мимо. Увидев его, она сложила руки в определённом жесте и сделала ему знак приблизиться. Чародей быстро спустился на землю, она спрятала его в сундук и уселась сверху, дожидаясь возвращения асура. Завидев его, она открыла крышку, забралась в сундук и, прикрыв чародея своей одеждой, легла сверху.

Асур даже подумать не мог, что в сундуке ещё кто-то есть. Он, как обычно, проглотил его и отправился в свою пещеру. По дороге он подумал, что давно не виделся с отшельником, и решил зайти засвидетельствовать ему своё почтение.

И он пошёл к хижине отшельника. Тот, завидев его издали, понял, что в чреве демона находятся два человека, и произнёс первую гатху:

Давно не виделись, друзья,
Приветствую вас всех троих!
Надеюсь, всё у вас в порядке.
Присядьте рядом, отдохните.

Услышав это, асур подумал: «Я ведь совершенно один пришёл к отшельнику, а он говорит о каких-то трёх людях. Что он имеет в виду? Ему что-то известно, чего не знаю я, или он сошёл с ума и несёт вздор?» Он подошёл, почтительно поклонился отшельнику и заговорил с ним, произнеся вторую гатху:

Ведь я пришёл сюда один,
И никого со мною нет.
Так почему же ты сказал:
«Приветствую вас всех троих»?

«Ты и в самом деле хочешь услышать причину?» – спросил отшельник. «Да, достопочтенный». – «Ну, так слушай», – и он произнёс третью гатху:

Ты и твоя жена – вот двое.
Надёжно в сундуке укрыта,
Но с нею третий там – сын Вайю,
С ним весело она резвится.

Услышав это, асур подумал: «Эти чародеи, сыновья Вайю, горазды на всякие хитрости! Наверняка у него с собой его острый меч. Он вспорет мне живот и убежит!» Сильно испугавшись, он тут же выплюнул сундук.

* * *

Учитель в своей Совершенной Мудрости, чтобы прояснить этот вопрос, пропел четвёртую гатху:

Перепугался страшно демон
И выплюнул сундук на землю.
А в нём жена его, и с нею
Её любовник был, сын Вайю.

* * *

Как только сундук раскрылся, чародей пробормотал заклинание и, схватив меч, умчался по воздуху прочь. Увидев это, асур очень обрадовался и стал возносить хвалы Великосущному:

Ты показал мне ясно, о отшельник,
Как женщины обманывают нас!
Жена, которую хранил я пуще глаза,
Распутницей коварной оказалась!

Заботился о ней я днём и ночью,
Берёг, как берегут в лесу костёр.
Она ж, потворствуя своим желаньям,
С чужим мужчиной изменила мне.

В своей утробе я её носил,
В сундук упрятав, словно драгоценность.
Но лишь почуяла она свободу – тут же
В объятиях другого оказалась.

Уж такова природа женщин!
Никто с ней справится не в силах.
Глупец, кто женщине поверил, –
Себя обрёк он на страданье.

Тот мудр, кто чар их избегает;
От всех печалей он свободен.
Лишь в одиночестве блаженство,
Вдали от женского коварства!

С этими словами демон пал к ногам Великосущного и восхвалял его, говоря: «Святейший, ты спас мне жизнь. Из-за этой распутницы чародей чуть не убил меня!» Бодхисаттва наставил его в Дхарме, сказав: «Не причиняй ей вреда, соблюдай заповеди!» – и дал ему пять заповедей добронравия. Асур внял его наставлениям. «Если даже я, спрятав тебя у себя внутри, не смог воспрепятствовать измене, то и никто другой не сможет это сделать!» – сказал он женщине и отпустил её, а сам вернулся в своё жилище в лесу.

* * *

Учитель, закончив своё наставление, провозгласил Благородные Истины (в результате монах, тосковавший по мирским удовольствиям, достиг Плода Первого Пути) и связал перерождения: «В те дни отшельником, обладающим ясновидением, был я сам».

437. ДЖАТАКА О ПУТИМАМСЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Satta-Nipata. 437 Putimamsa-Jataka)

Перевод с пали Б. А. Захарьина

Словами «Не нравится, подружка, мне...» Учитель — он жил тогда в роще Джеты — повёл речь об обуздании чувств.

Ибо в ту пору многие монахи не затворяли двери чувств своих. И сказал Учитель тхере Ананде: «Надобно мне наставить этих монахов!» — и повелел призвать в собрание монахов, которые не исполняли должного. Усевшись на богато изукрашенное сиденье, Учитель обратился к монахам с такими словами: «О монахи! Не пристало монаху упираться мыслью ни в материальное, ни в духовное, ни в какое иное, поддаваясь воздействию, пусть и блистательных, внешних свойств. Ибо если случится с человеком такое, то он, завершив своё нынешнее существование, следующее наверняка обретёт в чистилище или иных подобных местах. Поэтому при размышлении не упирайтесь мыслью в то, что имеет оболочку, прельщаясь только внешними, пусть блистательными, свойствами! Не пристало монаху питать мысль свою тем, что имеет название, оболочку и тому подобное, ибо пасущие мысль свою на материальном, духовном и прочем уже в этом мире, мире воспринимаемых дхарм, влекутся к гибели! Так уж лучше, о монахи, выжечь себе калёным железом глаза!»

И, разъясняя эту свою мысль, Учитель добавил: «Есть срок ваш созерцать то, что имеет оболочку, и срок не созерцать, но и созерцая, влекитесь не к тому, что блестит приятностию для чувств, а к тому, что не блестит и не имеет этой приятности. Так вы не сойдёте со стези своей! А где она, стезя ваша? Вот она: четыре вида направленного внимания, Благородный Восьмеричный Путь, девять немирских дхарм. Идя этой стезёй, вы останетесь недоступны искушениям Мары! И если кто-нибудь, попав в клещи страстей, станет взирать на мир, стремясь лишь к внешнему блеску, как это делал шакал Путимамса, тот сойдёт со стези своей!» И, говоря так, он поведал монахам о прошлом.

«В стародавние времена, когда на троне в Варанаси восседал царь Брахмадатта, в одной пещере на склоне поросших лесом Гималайских гор обитали сотни коз и козлов. А неподалёку, в другой пещере, жил шакал Путимамса со своею женою, которую звали Вени. Однажды, когда

он вместе с женою рыскал по округе, ему на глаза попались те козы, и он решил: «Надо придумать какой-нибудь способ отведать козлятины!» И, придумав, стал убивать козу за козой. И оба шакала, оттого что питались козлятиной, сделались сильными и полнотелыми.

Шло время, и коз с каждым днём оставалось всё меньше и меньше. И была среди коз одна очень умная по имени Маламата. И как шакал, искусный в убийствах, ни исхитрялся, никак не мог он прикончить её. И вот однажды он так сказал жене: «Коз, милая, почти не осталось. Надо придумать, как съесть и эту козу. Есть способ: ты станешь бродить в одиночестве, подружишься с этой козой, войдёшь к ней в доверие. Я прикинусь мёртвым и улягусь вот тут. Ты же, почтительно склоняясь пред козою, станешь её умолять: «Козушка, муж мой скончался, никого у меня не осталось, одна надежда – на тебя! Пойдём же вместе поплачем, попричитаем над ним и предадим его тело огню!» Такими речами ты козу улестишь и приведёшь её ко мне, а я, лишь только она сюда явится, вскочу и прикончу её – перегрызу горло!»

Ответив на то: «Да будет так!» – шакалиха со временем подружилась с козою, вошла к ней в доверие и как-то сказала козе то, что велел ей шакал. Козу же взяло сомнение. «Подружка, – молвила она, – твой муж съел всех моих сородичей, и мне страшно идти с тобой!» – «Не бойся, подружка! Что может сделать мёртвый?!» – «Хитроумен был муж твой, боюсь я!» – твердила коза. Но шакалиха не унималась и всякий раз опять подступала к ней с той же просьбой. Наконец коза уступила, думая: «Должно быть, и в самом деле он мёртв!» – и отправилась вместе с шакалихой.

Но по пути она снова заколебалась: «Кто знает, что станется?» – и, мучимая сомнениями, она пропустила шакалиху вперёд, сама же шла сзади, внимательно наблюдая за шакалом. А шакал, услышав звук шагов, подумал: «Пришла всё же козушка!» – и, желая в том удостовериться, поднял голову и стал озираться. Заметив это, коза поняла: «Этот погрязший в скверне шакал хочет меня сожрать, потому и валяется тут, прикинувшись мёртвым!» И, повернувшись, она кинулась прочь, а когда шакалиха закричала: «Ты почему убегаешь?!» – коза, чтобы объяснить ей причину, пропела:

Не нравится, подружка, мне,
Что Путимамса так глядит!

От таких приятелей
Убраться лучше прочь скорей!

И, повернувшись к шакалам задом, коза побежала восвояси. Шакалиха же не могла остановить её, озлилась, потрусила к своему шакалу и, усевшись с ним рядом, принялась громко выть, сокрушаясь. И, желая выбрать её, шакал спел:

Совсем ты, Вени, спятила:
То про подругу мне плетёшь,
А то горюешь по козе,
Тобою же упущенной!

Шакалиха же на то ответила такой гатхой:

Зачем таращишься, дурак?!
Ты просто тронулся умом,
Коль, мертвецом прикинувшись,
Вскочил и озираешься!

А вот на то гатха всепробуждённого, исполненная высшей мудрости:

В урочный час лишь зрит мудрец,
Не в срок не открывает глаз!
До срока кто откроет их —
Страдает, как страдал шакал!

Но Вени же и успокоила Путимамсу, говоря ему: «Не тревожься, господин мой! Я сумею как-нибудь воротить сюда козу, ты же, когда она явится, не медли, хватай её!» И с тем она опять пошла к козе и сказала: «Ты, подружка, сослужила нам добрую службу: едва лишь явилась, муж мой ожил и жив до сих пор!» И, приглашая козу: «Пойдём, потолкуешь с ним!», она спела:

Да будет дружба промеж нас,
Мне чашу дружбы ты подай!
Супруг мой ожил, приходи
И дружески почти его!

Коза, услышав такое, рассудила: «Эта исполненная скверны шака-
лиха пытается меня обмануть! Но не следует действовать так, будто я в
ней вижу врага! Найду-ка способ перехитрить её!» И, подумав так, коза
в ответ спела:

Да будем мы дружить с тобой!
Я чашу дружбы подаю —
К тебе со свитою приду!
Ступай, подруга, пир готовь!

Услыхав про свиту, шакалиха спросила:

А что ж за свита у тебя?
Ей пир готовить я должна?
Как прозывается она?
Скажи, подруга, я прошу!

Коза ей отвечала:

Чатураккхо и Малия, и Пингия, и Джамбука —
Вот имена моих друзей. Скорее пир для нас готовь!

«И у каждого из них своя свита — в пятьсот псов, — продолжала коза. —
Так что пожалую я к вам в сопровождении двух тысяч псов. И если уго-
щения для них не найдётся, они разорвут и сожрут вас обоих!»

Услыхав такое, шакалиха подумала в страхе: «Нечего ей больше
сюда ходить! Найду способ избавиться от неё навеки!» И, порешив на
том, она пропела:

Коль к нам, оставив дом, пойдёшь,
Добро ты можешь потерять!
Так лучше оставайся тут,
Сама, что надо, я скажу!

Для покидающих дома
Объекты чувств незначимы,
Здоровый, скверны избежав,
Пусть не уходит, здесь живёт!

Сказав так, шакалиха в смертельном страхе кинулась к мужу. Они умчались прочь и с тех пор больше не возвращались».

И, завершая урок дхармы, Учитель истолковал рассказ, так связав перерождения: «В ту пору я был духом дерева, обитавшим в дупле в том лесу».

438. ДЖАТАКА О КУРОПАТКЕ

(Sutta pitaka. Khuddaka nikāya. Jātaka. Nava-Nipata. 438 Tittira-Jātaka) [1]

Перевод И. Ольгинской

«Твоего невинного отпрыска...» Эту историю о том, как Девадатта пытался убить его, Учитель рассказал, когда жил на Горе Стервятников. Это было в то время, когда монахи начали дискуссию в Зале Истины, говоря: «Увы! Господа, как бесстыден и низок был Девадатта! Объединившись с Аджатасаттой, он составил заговор, чтобы убить великолепного и высочайшего Будду, подкупив лучников, метнув камень и освободив Налагири». Учитель вошёл и спросил братьев, что они обсуждают в своём собрании, и когда ему рассказали, он ответил: «Не только теперь, но и раньше Девадатта пытался убить меня, но теперь он не может меня даже напугать». И он поведал им историю былых времён.

* * *

В давние времена, когда Брахмадатта правил в Бенаресе, всем известный учитель в этом городе давал наставления в науках пятистам молодым браминам. Однажды он подумал: «Пока я живу здесь, я встречаю помехи для святой жизни, и мои ученики не совершенны в своих занятиях. Я удалюсь в лесное жилище на склонах Гималаев и продолжу там обучать их». Он велел своим ученикам принести кунжут, очищенный рис, масло, одежду и тому подобное, а сам отправился в лес и, построив хижину из листьев, поселился неподалёку от дороги. Его ученики тоже построили себе каждый по хижине. Их родственники присылали им рис и другие необходимые вещи, а местные жители говорили: «Известный учитель, говорят, живёт в таком-то и таком-то месте в лесу и преподаёт веды», — и приносил в дар рис. И лесничие тоже предлагали свои дары, а один человек дал дойную корову и телёнка, чтобы снабжать их молоком.

Однажды в хижине учителя поселилась ящерица вместе с двумя своими детёнышами. Лев и тигр прислуживали ему. Куропатка тоже постоянно жила там, и, слушая, как учитель учит своих учеников священным текстам, она узнала три Веды. Молодые брамины очень подружились с птицей.

Вскоре после того, как юноши достигли совершенства в науках, их учитель умер. Ученики предали огню его тело, посыпали пепелище песком и, плача и причитая, украсили его цветами. Куропатка спросила, почему они плачут. «Наш учитель, — ответили они, — умер, но наше обучение ещё не закончено». «Если это так, не расстраивайтесь: я буду учить вас». «Но как ты сможешь делать это?» «Я слушала вашего учителя, когда он учил вас, и выучила наизусть три Веды». «Тогда передай нам то, что ты выучила наизусть». Куропатка сказала: «Что ж, слушайте», — и объяснила им запутанные моменты так же легко, как стекает ручей с горной вершины. Молодые брамины были в восторге и брали уроки у учёной куропатки. Птица сидела на месте знаменитого учителя и читала лекции. Юноши сделали ей золотую клетку и, соорудив над ней навес, подавали куропатке мёд и сушёное зерно на золотом блюде, а также оказывали великие почести, принося в дар цветы.

По всей Индии распространился слух, что куропатка в лесу обучает пятьсот молодых браминов священным текстам. В то время как раз должен был состояться большой праздник, когда люди собираются на вершине горы. Родители юношей послали сообщение своим сыновьям, чтобы они пришли посмотреть на праздник. Они рассказали об этом куропатке и, оставив учёную птицу и всю обитель на попечение ящерицы, отправились по своим городам.

Как раз тогда же в это место подошёл дурно воспитанный [2] злой отшельник, бродивший по окрестностям. Ящерица, увидев его, завела с ним в дружеский разговор, сказав: «В таком-то месте ты найдешь рис, масло и тому подобное; свари себе немного риса и поешь». И с этими словами она отправилась на поиски своего собственного пропитания.

Ранним утром негодяй сварил рис, убил и съел двух молодых ящериц, приготовив из них изысканное блюдо. В полдень он убил и съел учёную куропатку и телёнка, а вечером, когда корова вернулась домой, убил и её и съел мясо. Потом он улёгся, кряхтя, у подножия дерева и заснул. Вечером ящерица вернулась и, скучая по своим детёнышам, отправилась их искать. Древесная фея увидела ящерицу, которая вся тряслась от горя, потому что не могла найти своих детёнышей. Проявив

божественную силу, она вышла из ствола дерева и сказала: «Перестань дрожать, ящерица. Твои детёныши, куропатка, телёнок и корова были убиты этим негодяем. Укуси его в шею, и от этого он умрёт». И, разговаривая так с ящерицей, божество пропело первую гатху:

Твоего невинного отпрыска он съел,
Хотя ты дала ему вдоволь риса.
Вонзи же зубы свои в его плоть,
Не дай негодяю уйти живым!

Тогда ящерица пропела две гатхи:

Скверной запятнана его жадная душа,
Подобно одеянию сиделки.
Боюсь, как бы эта отрава
Не повредила моим зубам.
Повсюду заметны пороки
Неблагодарности низкой,
Её невозможно насытить
Никакими дарами.

Ящерица, сказав так, подумала: «Этот парень проснётся и съест меня!» – и, спасая свою жизнь, убежала.

Лев и тигр были очень дружны с куропаткой. Иногда они приходили навестить её, а иногда куропатка приходила к ним и наставляла их в дхарме. Однажды лев сказал тигру: «Мы давно не видели куропатку; прошло уже семь или восемь дней. Пойди и узнай, как она». Тигр охотно согласился. Он прибыл туда в тот самый момент, когда ящерица убежала, и нашёл мерзкого негодяя спящим. В его спутанных волосах торчали перья куропатки, а рядом были разбросаны кости коровы и телёнка. Царь тигров, увидев всё это и не найдя куропатки в её золотой клетке, подумал: «Этот злодей, должно быть, убил их всех», – и пинком разбудил его. При виде тигра человек страшно испугался. Тигр спросил: «Ты убил и съел этих созданий?» «Я не убивал и не ел их!» «Мерзкий негодяй, если ты не убивал их, скажи мне, кто тогда это сделал? А если не скажешь, то умрёшь!» Испугавшись за свою жизнь, он сказал: «Да, господин, я убил и съел молодых ящериц, корову и телёнка, но я не убивал куропатку!» Но тигр не поверил ему и спросил: «Откуда ты явился сюда?» «Мой

господин, я торговал вразнос разными товарами, чтобы заработать себе на жизнь, в Калинге, а после того, как попробовал заниматься то одним, то другим, пришёл сюда». Когда человек рассказал обо всём, чем он занимался, тигр сказал: «Негодяй, если не ты убил куропатку, то кто же ещё мог это сделать? Пойдём, я отведу тебя к льву, царю зверей». И тигр ушёл, подталкивая его перед собой. Когда лев увидел, что тигр привёл с собой человека, он, задавая ему вопрос, произнёс четвёртую гатху:

Почему ты так спешишь сюда, Субаху [3],
И для чего с тобой этот добрый юноша?
К чему такая срочность, ответь!
Скажи мне правду без промедления!

Услышав это, тигр произнёс пятую гатху:

Куропатка, господин, наш почтенный друг...
Подозреваю, сегодняшний день закончился плохо.
Прошное этого парня внушает мне опасения,
Мы можем услышать весьма плохие новости!

Тогда лев произнёс шестую гатху:

Что же скрывает прошлое этого человека
И в каких грехах он тебе исповедовался,
Что ты подозреваешь, что какое-то несчастье
Может постичь сегодня учёную птицу?

Тогда в ответ царь тигров произнёс оставшиеся гатхи:

Под видом торговца из Калинги
Он шагал путями окольными;
С лицедеями бродячими странствовал
С обезьянкой потешной на привязи.

Частенько играл он в кости,
И силки для птиц расставлял.
На потеху толпе дубинкою
Он дрался за меру зерна.

Будучи клятвопреступником,
Ранен был в схватке ночной.
Хватая пищу горячую,
Пальцы свои обжёг.

Как я понял, он вёл беспутную жизнь,
И грехов без меры успел накопить.
А поскольку мы видим, что корова мертва,
И перья застряли в его волосах,
Боюсь я за участь нашей любимой птицы!

Лев спросил человека: «Ты убил учёную куропатку?» «Да, господин, это сделал я». Лев, услышав, что он сказал правду, хотел было отпустить его, но царь тигров прорычал: «Злодей заслуживает смерти!» — и тотчас же разорвал его клыками. Затем он вырыл яму и бросил в неё тело. Молодые брамины вернулись в лес, но, не найдя куропатки, с плачем и причитаниями покинули это место.

* * *

Учитель закончил свой рассказ словами: «Так, братья, Девадатта в древности тоже пытался убить меня», — и связал перерождения: «В то время злым отшельником был Девадатта, ящерицей — Кишаготами, тигром — Моггаллана, львом — Шарипутта, известным учителем — Кашьяпа, а учёной куропаткой был я».

Комментарии

1 См. R. Morris, *Folk-Lore Journal*, III. 74.

2 Прочтение вызывает сомнения. В другом прочтении *nikkārṇiko* — «беспощадный»; Моррис вместо *niggatiko* предлагает *nigaṇṭho* — «нагой отшельник».

3 Субаху («сильнорукий») — это имя тигра. Сравните № 361 выше, стр. 127*.

* Это в английском издании. Здесь это стр. ... (прим. перев.).

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ.....	3
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ (САТУККА-NIPATA).....	5
301. Джатака о малой Калинге.....	5
302. Джатака о благородном рыцаре.....	11
303. Джатака о царе	14
304. Джатака о Даддаре	16
305. Джатака об испытании на благонравие	18
306. Джатака о Суджате	21
307. Джатака о дереве паласа	23
308. Джатака о быстрой птице	25
309. Джатака о мертвеце	27
310. Джатака о Заха	29
311. Джатака о дереве ним	31
312. Джатака о Кашьяпе и упрямстве.....	34
313. Джатака о бодхисаттве-великомученике.....	36
314. Джатака о железном котле	40
315. Джатака о мясе	44
316. Джатака о перевоплощении кроликом.....	47
317. Джатака об оплакивании умерших	51
318. Джатака о цветах канаверы	53
319. Джатака о куропатке	57
320. Джатака о легко приобретённом.....	59
321. Джатака о разрушителе хижины.....	63
322. Джатака о пугающем звуке.....	66
323. Джатака о Брахмадатте.....	69
324. Джатака о монахе, облачённом в кожу.....	72
325. Джатака о ящерице.....	74
326. Джатака о цветке каккару.....	76
327. Джатака о Какати.....	79
328. Джатака о тщетности печали.....	81
329. Джатака о Калабаху.....	85
330. Джатака о добронравии.....	87
331. Джатака о Кокалике.....	89
332. Джатака о колесничном кнуте.....	90
333. Джатака о большой ящерице.....	92
334. Джатака о царе, нуждавшемся в увещевании.....	94

335. Джатака о шакале.....	96
336. Джатака о великом Чатте.....	98
337. Джатака о месте для сидения.....	101
338. Джатака о шелухе.....	103
339. Джатака о Баверу.....	107
340. Джатака о Висайхе.....	109
341. Джатака о Кандари.....	112
342. Джатака об обезьяне.....	112
343. Джатака о цапле.....	114
344. Джатака о воровстве манго.....	116
345. Джатака о черепахе.....	118
346. Джатака о Кешаве.....	120
347. Джатака о железном кузнечном молоте.....	124
348. Джатака о лесе.....	126
349. Джатака о разрыве дружеских уз.....	127
350. Джатака о вопросе божества.....	129
КНИГА ПЯТАЯ (РАÑСА-NIPATA).....	130
351. Джатака о драгоценной серьге.....	130
352. Джатака о Суджате.....	131
353. Джатака о сплетённых ветках.....	133
354. Джатака о змеином укусе.....	136
355. Джатака о Гхате.....	141
356. Джатака о Карандии.....	143
357. Джатака о перепёлке.....	145
358. Малая джатака о Защитнике Учения.....	148
359. Джатака о золотом олене.....	152
360. Джатака о Суссонди.....	156
361. Джатака о красоте и высоком росте.....	159
362. Джатака об испытании добродетели.....	161
363. Джатака о стыде.....	163
364. Джатака о светлячке.....	165
365. Джатака о заклинателе змей.....	165
366. Джатака о Гумбии.....	167
367. Джатака о дикобразе.....	169
368. Джатака о бамбуковых оковах.....	170
369. Джатака о Миттавинде.....	172
370. Джатака о дереве паласа.....	173
371. Джатака о Царе Косалы Дигити.....	175

372. Джатака о молодом олене.....	177
373. Джатака о мыши.....	179
374. Джатака о женской неверности.....	182
375. Джатака о голубе.....	187
КНИГА ШЕСТАЯ (СНАККА-NIPATA).....	190
376. Джатака о глупом перевозчике.....	190
377. Джатака о Сетакету.....	194
378. Джатака о Даримукхе.....	197
379. Джатака о горе Неру.....	201
380. Джатака о сомнении.....	203
381. Джатака о непослушании.....	207
382. Джатака о Лакшми и Кали.....	209
383. Джатака о петухе.....	213
384. Джатака о знамени дхармы.....	215
385. Джатака о добродетельном олене.....	218
386. Джатака об осле.....	222
387. Джатака об игле.....	226
388. Джатака о Тундиле.....	229
389. Джатака о золотом крабе.....	233
390. Джатака о Майхаке.....	237
391. Джатака о почтении к шраманам.....	241
392. Джатака о цветке лотоса.....	244
393. Джатака об обедах.....	247
394. Джатака о перепеле.....	249
395. Джатака о вороне.....	250
396. Джатака о сажени.....	253
КНИГА СЕДЬМАЯ (SATTA-NIPATA).....	253
397. Джатака о Манодже.....	255
398. Джатака о Сутане.....	258
399. Джатака о стервятнике.....	262
400. Джатака о шакале.....	264
401. Джатака о Дасаннаке.....	269
402. Джатака о мешке с едой.....	273
403. Джатака об Аттхисене.....	280
404. Джатака об обезьяне.....	283
405. Джатака о Бакабрахме.....	285
406. Джатака о Гандхаре.....	288
407. Джатака о великой обезьяне.....	292

408. Джатака о горшечнике.....	296
409. Джатака о Далхадхарме.....	303
410. Джатака о Сомадатте.....	306
411. Джатака о Шушиме.....	308
412. Джатака о хлопковом дереве.....	312
413. Джатака о брамине [по имени] Дхумакари.....	314
414. Джатака о Джагаре.....	316
415. Джатака о пожертвовании.....	318
416. Джатака о рабе-цареубийце.....	324
417. Джатака о Каччани.....	329
КНИГА ВОСЬМАЯ (АТТНА-NIPATA).....	329
418. Джатака о восьми звуках.....	334
419. Джатака о разбойнике и гетере.....	340
420. Джатака о Сумангале.....	344
421. Джатака о Гангамале.....	347
422. Джатака о сотворении лжи.....	354
423. Джатака о чувствах.....	361
424. Джатака о пылающем.....	367
425. Джатака о невозможном.....	370
426. Джатака о леопарде.....	374
427. Джатака о грифе.....	377
КНИГА ДЕВЯТАЯ (NAVA-NIPATA).....	377
428. Джатака о Косамби.....	379
429. Большая джатака о попугае.....	383
430. Малая джатака о попугае.....	386
431. Джатака о Харите.....	388
432. Джатака о брахмане-следопыте и глупом царе.....	393
433. Джатака о Кашьяпе Мохнатом.....	404
434. Джатака о золотом гусе.....	408
435. Джатака о жадности.....	411
436. Джатака о жене в сундуке.....	413
437. Джатака о Путимамсе.....	417
438. Джатака о куропатке.....	421